

Цена 3 руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“ И „БЕДНОТА“
МОСКВА, 9, Тверская, 48.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1929 г.

на ежемесячный философский и общественно-эконом. журнал

„Под Знаменем Марксизма“

8-й год издания.

Журнал выходит под редакцией: А. М. ДЕБОРИНА, А. А. МАКСИМОВА,
М. Н. ПОКРОВСКОГО, Я. Э. СТЭНА, А. К. ТИМИРЯЗЕВА.

Отв. редактор А. М. ДЕБОРИН.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» имеет перед собою задачу: защитить
ортодоксального диалектического материализма Маркса и Ленина от
извращений идеализма и оппортунизма, откуда бы они ни исходили.

В своей статье, ставшей для журнала программной, В. И. ЛЕНИН подчеркивал боевое для дела революции значение поставленных перед журналом задач и его величайшую важность, как идейного проводника воинствующего материализма.

В наши дни, когда к этим намеченным В. И. Лениным задачам журнала прибавилась, как важнейшая задача—борьба с ревизией теоретических основ марксизма и ленинизма, значение журнала выросло еще более.

В журнале принимают участие видные марксисты, коммунисты и беспартийные ученые материалисты.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» имеет постоянные отделы: Ленинизм, ленинизм, актуальные проблемы философии диалектического материализма, история материализма, современные течения философской мысли, исторический материализм, статьи по вопросам теоретической экономики, статьи по теории советского хозяйства, история социализма, вопросы литературы и искусства в материалистическом освещении, психология и марксизм, диалектика и естествознание, дискуссионный отдел, критика и библиография, отдел переписки с читателями, сообщения и заметки.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 1 мес.	1 р. 50 к.
> 3 >	4 р. 25 к.
> 6 >	8 р. — к.
> 12 >	15 р. — к.

— Цена отдельн. номера—1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в Главной Конторе Издательства
«Правда» и «Беднота» (Москва, 9, Тверская, 48) и во всех провинциальных
отделениях и представительствах «Правды».

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

№ 9

СЕНТЯБРЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“
МОСКВА = 1-9-2-9

Содержание вышедших из печати номеров.

№ 1.

Ст. Кривцов. — Проблема стихийности и сознательности в ленинизме. В. Бруевич. — Женевские воспоминания. Ф. Шиллер. — Франц Меринг. Л. Вильямская. — Гоголь Эфраим Лессинг. В. Позников. — Марксовы схемы воспроизведения производства золота. В. Виттфельд. — ОБ одной неудачной вылазке (в понятии ленин и судного капитала у Маркса). С. Горловский. — Борьба течений в германской демократии в первые годы эпохи исключительных законов. Л. Дикин. — Финансовая политика Р. Майлзона. — Полезная энергия. КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ. Ф. Вигельс. — Изложение рабочего класса в Англии в 1844 г. Паркер Томас Мули. — Империализм и национальная политика. «Николай Гаврилович Чернышевский. 1828—1928 г. Несвиданные тексты, мемуары и статьи».

№ 2—3.

Н. К. Карель. — Л. Аксельрод на пути от материализма к позитивизму. Е. Виттфельд. — Геополитика, географический материализм и марксизм. Н. Гаголь. — Критико-математическая теория кризисов. В. Дубаевский. — Закон трудовой стоимости предполагает марксовскую теорию кризисов. И. Рубин. В. Погоянкин. — О пределах морального смысла в этике капиталистическом и в хозяйстве социалистическом. Ц. Фридланд. — О борьбе марксистской исторической науки в ССР. Я. Захар. — Конец Жака Ру. С. Гордовский. — Борьба течений в германской с.-х. в первые годы эпохи исключительных законов. В. Грав. — О признаках построения марксистской этиологии. В. Боровский. — Роль институтов в жизни человека. П. Вальден. — Значение ведовского синтеза мечтаний, с пророками А. Максимова. З. Пейзли. — Внутреннее строение аведа. КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ. И. А. Трахтенберг. — Современный кредит и его организация, ч. I. Теория кредита. Dr. Willy Hirsch. — Grenzenztheorie und Geldwerttheorie. Труды секции теории и методологии Института археологии и искусствознания. Вып. II. La Revue Magistrale, № 1, 1929. Ред.

№ 4.

Г. Виттфельд. — Ленин и проблема логики в марксизме. В. Асимус. — Формализм и диалектика. М. Фуршт. — К. Кауцкий и диалектический материализм. И. Бини. — Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса. Гр. Деборин. Предмет политической экономии в современных спорах. Е. Рилье. — Проблема реалии в германской социал-демократии в первые годы после падения исключительных законов. П. Серебровский. — Царинизм и «дарвинизм». КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ. К. Маркс. — Испытана философия. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Под редакцией Д. Гонца. В. Зомбарт. — Современный капитализм, т. III, ч. 1. Пугачевщина, т. II. Следственные материалы и официальная переписка. Фриц Кристман. — Биологическая причинность. Исследование по вопросу о преодолении противоположности идеализма и материализма.

№ 5.

Передовик. — Новый этап. Резюме II Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений. К. Шмидт. — Заметки по вопросу о рождении Регеля в Германии. Е. Кучеров. — Практика, как единство субъекта и объекта. Н. К. Карель. — К вопросу о предмете политической экономии. И. Рубин. — Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса. Е. Ланде. — Механистический метод и обоснование теории стоимости. Я. Захар. — Идеология «бешеных». II. Всесоюзное совещание общества воинствующих материалистов-диалектиков. Резюме совещания. КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ. Летопись марксизма, вып. I—VIII. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. II. П. О. Оранский. Основные вопросы марксистской социологии. Альберт Матьеус. Термидорианская реакция. Ц. Фридланд. История Западной Европы.

№ 6.

К. Виттфельд. — Геополитика, географический материализм и марксизм (статьи в Атласе). — К теории банковского кредита (Капиталоаккумуляция и кредитная система). П. Погиль. — Проблема рыночной стоимости у Маркса. А. Острогор. — К вопросу о диалектике художественного процесса. Н. Курманов. — Рефлексология или психология? А. Н. Вальден. — Географическая локализация генов цивилизации на земле по В. Рудину. — Проблема материи в новейшей естественно-научной в философской диалектике КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ: И. Петров и И. Степанов. — Предметный универсализм в первом томе «Капитала» Маркса. В. Рубин и В. Позников. — Задачи марксистского анализа истории этиологии. Л. Вильямская. — Опыт марксистского анализа истории этиологии. Проф. Г. Е. Шумков. — Основы эволюционной психо-рефлексологии, со схемой по изучению личности человека.

№ 7—8.

К. Виттфельд. — Геополитика, географический материализм и марксизм. А. Радзин. — «Социальное направление» политической экономии в наших современных спорах. Атлас. — Теория банковского кредита (Капиталоаккумуляция и кредитная система). В. Волгин. — Система Фурье. Я. Захар. — Теория ленин и марксизм. А. Максимов. — Методология измерения и диалектический материализм. В. Рейх. — Диалектический материализм и психология. И. Смирнов. — Редиан, социология, психология. (По поводу статьи В. Рейха). — Литературное наследие, т. II. Тадеуш Аделберг. — Золото в схеме простого производства. М. Адрианович. — Теория заработной платы германской социал-демократии. С. Вигельс. — Очерки по теории кредита К. Маркса. СООБЩЕНИЯ и ЗАМЕТКИ: Б. Бицель.

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

№ 9

1929

СОДЕРЖАНИЕ

Б. ГЕССЕН и И. ПОДВОЛОЦКИЙ. — Философские корни правого оппортунизма (1). А. АЛЬШТЕРГ. — К постановке проблемы классов у Каутского (30). Б. БОРНЛИН. — О национализации и новых формах смачки (61). А. ЛЕОНТЬЕВ. — К вопросу об организованном капитализме (83). И. ВАЙНШТЕЙН. — К вопросу о методологии политической экономии у Маркса и классиков (103). К. ШМИДТ. — Фашизм как новейшая форма буржуазной контревальоризации (140). Н. МИРОЛХИНА. — Непр. Grossman. Das Akkumulations-und Zensusproblem des kapitalistischen Systems (208). Н. СТЕФАНОВ. — Против механистических тенденций политической экономии. Сб. ст. под ред. Борицкина и Леонтьева (213). А. КАЗАРИН. П. В. Макаровский. Капиталистический цикл. Очерк марксистской теории цикла (219). С. ТОМСИЧНЫЙ. А. А. Новоселский. Вотчинник и его хищчество в XVII в (222). СООБЩЕНИЯ и ЗАМЕТКИ: А. МАКСИМОВ. — Письмо в редакцию (225). ПЕТРОВ и СТЕФАНОВ. — Письмо в редакцию (225). КОГАНович. — Письмо в редакцию (227). Л. ЗИВЕЛЬЧИŃСКАЯ. — Письмо в редакцию (229).

Философские корни правого оппортунизма.

Б. Гессен и И. Подволовский.

I. Политика и философия.

В философской борьбе против механистов подчеркивалось неоднократно, что механистическая ревизия диалектического материализма может стать методологической основой для неверных политических выводов.

Эта возможность обусловлена самим существом марксистской философии и той ролью, которую она играет в марксизме.

Марксистская философия не является ни в малейшей мере оторванными от революционной борьбы пустыми метафизическими умствованиями. Марксистская философия — диалектический материализм — является основой марксизма, научным методом и руководством для революционного действия.

В марксизме, как монолитном, чуждом всякого эклектизма мировоззрении, все его моменты неразрывно связаны, взаимно обусловлены и не могут существовать друг без друга. Лишь руководствуясь методом материалистической диалектики, Маркс смог дать глубокое научное исследование законов развития капитализма и создать теорию научного коммунизма, лишь с помощью этого метода Маркс и Ленин могли дать правильную стратегию и тактику революционной борьбы. «Только философский материализм Маркса, — говорит Ленин, — указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали доныне все угнетенные классы».

Революционная тактика марксизма неразрывно связана с его философскими основами. «Основную задачу тактики пролетариата, — пишет Ленин, — Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического мировоззрения». «Политическая линия марксизма... неразрывно связана с его философскими основами».

Поэтому ревизия философских основ марксизма в конце концов должна неизбежно вести к тем или иным политическим ошибкам, и, обратно, политическая ревизия марксизма вызывала, как свое неизбежное дополнение, философскую ревизию марксизма. Ревизионизм, с первых своих шагов, вел борьбу против марксистской философии. Бернштейн, а за ним и другие ревизионисты, выступил против диалектики и материализма. В настоящее время можно сказать официальной философией социал-демократии является неокантианство, махизм и др. виды буржуазной философии. Даже в лучшие времена II Интернационала его признанные теоретики, вроде К. Каутского, не понимали марксистской философии и ее значения в революционной борьбе. Каутский не рассматривал диалектический материализм как решающий момент как основной стержень марксизма, а рассматривал его как простой привесок, который не связан органически с экономическим и политическим учением Маркса и который можно отбросить или произвольно заменить любым другим философским привеском (напр., махизмом или неокантианством), не изменяя существу маркса учения в целом.

«Во всяком случае, — писал он, — я должен открыто признать, что неокантианство меня смущает меньше всего... Я думаю, что экономическая и историческая точка зрения Маркса и Энгельса в крайнем случае совместима с неокантианством... Если бы Бернштейн полнял только в этом направлении, меня бы это ни малейшим образом не беспокоило».

В противоположность этому обывательскому отношению к философии Ленин, выдвигавший неразрывную связь политики с философскими основами марксизма, писал: «Спор о том, что такое философский материализм, почему ошибочны, чем опасны и реакционны уклонения от него, всегда связывал «живой реальной связью» с «марксистским общественно-политическим учением» — иначе это последнее было бы не марксистским, не общественно-политическим и не течением. Отрицать «реальность» этой связи могут только ограниченные реальные политики реформизма или анархизма»¹⁾.

Поэтому Ленин требовал партийности, строгой ортодоксальности в области философии, необходимости решительной борьбы со всеми попытками ревизии марксистской философии.

С особенной силой Ленин подчеркивал методологическое значение марксистской философии. Метод марксизма — материалистическая диалектика, являющаяся руководством для революционного действия — он считал решющим моментом в марксизме.

«Если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки (Маркса и Энгельса), тот центральный пункт, к которому сходятся все сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово диалектика. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с оснований ее — к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса, — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот во что они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли».

Поэтому Ленин вел решительную борьбу против искажений материалистической диалектики, ибо искажение диалектики есть искажение методологических основ марксизма и должно логически вести к ревизии марксистской диалектики в целом.

Все ревизионисты или не понимали или сознательно вели борьбу против материалистической диалектики. «Они все, — писал Ленин, — называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени передисконструированного в марксизме они совершенно не поняли именно его революционной диалектики».

В обоснование своей борьбы против материалистической диалектики нередко сами ревизионисты приводили то обстоятельство, что диалектика ведет к революционным выводам и не может служить методом для обоснования «реальной», т.-е. ревизионистской, политики. Борьба против диалектики со стороны ревизионистов является, таким образом, совершенно естественной и закономерной. Но попытки ревизии, искажения материалистической диалектики, как это ни странно, мы имели и в наших собственных рядах. Из них наибольшее значение имеет механистическая ревизия диалектического материализма, против которой мы вели борьбу в последние годы.

Но механисты не были оригинальны. Они повторяли лишь то, что до них более ясно и последовательно было сказано тов. Бухарином. Последний в свою очередь заимствовал свои взгляды у Богданова. Сущность ревизии марксистской философии со стороны механистов и тов. Бухарина заключается в ведении диалектики к механике.

II. Теория равновесия и диалектика.

Диалектика выдвигает как один из основных своих принципов — принцип самодвижения, ибо она видит основу движения предмета в нем самом. Это не исключает, разумеется, а, напротив, преполагает многообразие внешних связей и отношений предмета со средой, но основа движения предмета лежит в нем самом, в его внутренней активности. Поэтому диалектика учит рассматривать каждый предмет в его развитии, самодвижении, изучать имманентные законы развития предмета. Но, чтобы понять предмет в развитии, самодвижении, необходимо найти источник движения в самом предмете. Единство противоположностей, противоречивость всех связей и отношений предмета является основой его самодвижения. Правильное понимание единства противоположностей является, таким образом, основой правильного понимания других законов развития и самого развития.

Напротив, механистическая концепция сводит движение к механическому движению и, не понимая самодвижения, переносит источник движения вовне, внутреннее единство противоположностей, противоречие предмета поддается в нем и в столкновением, воздействием, связью противоположно направленных сил.

Такова позиция механистов и т. Бухарина, которые не поняли сущности диалектики.

Как и механисты, тов. Бухарин сводит движение к механическому движению, диалектику — к механике. «Если механика не диалектична, т.-е. недиалектично и все движение, то что же остается от диалектики?»¹⁾. Движение отождествляется таким образом с механическим движением и наука о движении — с механикой. Точно то же самое и в тех же выражениях пишут механисты. Так, т. Тимирязев упрекал диалектиков за то, что они «утверждают, что в физике вовсе не обязательно все явления сводить к механике, т.-е. к движению материи, так как ведь механика и есть учение о движении материи».

Механика несомненно диалектична, ибо нет ни одной формы движения материи, которая не была бы диалектичной. Не о диалектичности или недиалектичности механики идет спор.

Энгельс в «Анти-Дюринге» достаточно ясно вскрыл, в чем состоит диалектика механического движения как простого перемещения тел в пространстве.

Соль проблемы состоит в том, что механическое движение отнюдь не исчерпывает собой всего богатства форм движения, так как само является наивысшей формой движения.

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XI, с. 207.

¹⁾ Н. Бухарин, Теория исторического материализма, изд. 3, с. 362.

«Всякое движение, — писал Энгельс, — заключает в себе механическое движение и перемещение больших или мельчайших частей материи: поэтому эти движения является первою задачей науки, однако лишь первой, сам же это механическое движение вовсе не исчерпывает движения вообще. Движение вовсе не есть простое перемещение, простое изменение места, в механических областях оно является также и изменением качества. Мышление тоже есть движение».

«Открытие, что теплота представляет собой молекулярное движение, составило эпоху в науке. Но, если я не имею ничего другого сказать о теплоте, кроме того, что она представляет известное перемещение молекул, лучше мне замолчать» (Ант., изд. И-та Маркса и Энгельса, с. 329).

Отождествление движения как основной категории диалектики с механическим движением, как перемещением тела в пространстве, приводит т. Бухарина к трактовке и всех основных категорий диалектики в духе механического материализма.

Статика и динамика являются основными формами проявления механического движения. Поэтому т. Бухарин во главу угла ставит изучение равновесия и его нарушения. Теория равновесия приобретает таким образом универсальный характер и становится на место основного закона диалектизма единства противоположностей!

Обратимся, поэтому, прежде всего, к разбору теории равновесия, представляющей душу философской концепции т. Бухарина.

«Два философа — один древний Гераклит, другой более новый Гегель — особенно выдвигали это положение об изменяемости и подвижности всего существующего. Но они не ограничились этим. Они ставили вопрос о том, именно идет процесс движения. И тут они вскрыли то обстоятельство, что перемены вызываются внутренними противоречиями, внутренней борьбой».

... Это положение несомненно правильно. В самом деле, представьте себе на минуточку, что в мире не было бы столкновения никаких сил, не было бы никакой их борьбы, что различные силы не направлялись одна против другой. Что это обозначало бы? Это обозначало бы, что мир находится в состоянии неизменного равновесия, т.е. в состоянии полной и абсолютной устойчивости, в состоянии «полного покоя», исключающего всякое движение. Где господствует покой? Покой господствует там, где все составные частицы, все силы находятся в таком отношении друг к другу, что не происходит никакого столкновения, где нет никакого взаимодействия... где, словом, нет никаких противоречий, никакой противоположности борющихся, сталкивающихся сил; где нет никакого нарушения равновесия, где господствует, наоборот, абсолютная устойчивость¹⁾.

Эту свою мысль т. Бухарин подтверждает примерами из биологии, химики и социологии.

Рыба приспособлена к воде и умирает, если ее вынести на сушу, потому что нарушается равновесие между организмом рыбы и окружающей средой. В этом суть биологического приспособления.

Земля не падает на солнце, а движется устойчиво вокруг него, потому что и здесь налицо равновесие этой механической системы.

Наконец, «общество» длительно существует потому, что «различные части его так приложены друг к другу, что возможно их одновременное существование: сколько лет существовал капитализм с капиталистами и рабочими».

«Из всех этих примеров видно, что, по сути дела, речь идет об одном и том же, а именно о равновесии».

Но это равновесие не абсолютное, а подвижное, и в этой подвижности равновесия т. Бухарин усматривает диалектический характер процесса. «Равновесие устанавливается и тотчас нарушается, вновь устанавливается на новой основе и снова нарушается и так далее» (с. 75).

Прежде всего следует отметить, что самое понятие равновесия т. Бухарина понимается очень узко: определения видов равновесия он заимствует, главным образом, из механики, откуда он и берет классификацию видов равновесия: устойчивое и неустойчивое.

Характерно, что в подтверждение своих взглядов на равновесие т. Бухарин ссылается на статью о химическом равновесии (*Chemisches Gleichgewicht*) в «Handwörterbuch der Naturwissenschaften».

Этим, заимствованным из механики, схемам равновесия придается универсальный характер, и вся остальная часть «Теории исторического материализма», представляет не что иное, как применение этих схем к человеческому обществу.

Такое безоговорочное распространение механических схем на органические и общественные явления отнюдь не случайно и имеет, как мы увидим ниже, глубокие основания.

Сейчас же следует отметить, что, даже оставаясь в пределах физико-химических схем, т. Бухарин и их не исчерпал до конца.

Те схемы устойчивого и неустойчивого равновесия, которые кладутся т. Бухарином во главу угла даже в пределах физики, представляют абстрактные схемы. Более общим типом равновесия является статистическое равновесие. Его основное отличие от абстрактного вида равновесия устойчивого и неустойчивого заключается в том, что подвижность статистического равновесия есть результат противоположно направленных процессов, так что статистическое равновесие системы не есть простое уравновешивание «противоположно направленных сил», не равновесное состояние между «системой и средой», а результат в внутренней противоречивости процессов, происходящих внутри системы.

Подвижность равновесия т. Бухарин видит только в том, что равновесие постоянно нарушается и снова восстанавливается. Такое понимание подвижности приложимо лишь к простейшим изолированным механическим системам, напр., груз, покоящийся на доске. Но уже в кинетической теории материи, такое абстрактное понятие равновесия становится недостаточным. Что же касается до биологии и социологии, то строить их безоговорочно по этой схеме равновесия можно, только выхолащивая все богатство их содержания.

Далее, основная ошибка т. Бухарина состоит не только в том, что в абстрактные механические схемы втискивается богатство высших форм, но и в том, что понятием «подвижного равновесия» подменяется концепция диалектического развития.

На место закона единства противоположностей ставится закон равновесия и его нарушения.

Свои взгляды на сущность диалектики т. Бухарин резюмирует следующим образом:

«В мире существуют различно действующие, направленные друг против друга силы. Только в исключительных случаях они уравновешиваются друг друга на некоторый момент. Тогда мы имеем состояние покоя, т.е. их действительная борьба остается скрытой. Но стоит только измениться одной из сил, как сейчас же «внутреннее противоречие» обнаружится, происходит нарушение равновесия, и, если на момент установится новое равновесие, оно установится на новой основе, т.е. при другом сочетании сил и т. д.».

¹⁾ Н. Бухарин, там же, с. 73.

«А отсюда и следует, что «борьба», «противоречия», т.-е. антагонизмы различно направленных сил, и обуславливают движение». (ib., с. 75).

Чрезвычайно характерно, что выражение «внутреннее противоречие», «противоречие», «борьба противоречий» т. Бухарин в сего берет в штыки — вероятно, для того, чтобы подчеркнуть «условность» этих понятий.

Итак, зерно диалектики т. Бухарин находит в «антагонизме противоположных сил».

Это отождествление антагонизма с противоречием чрезвычайно характерно для т. Бухарина. Антагонизм в образе двух противоположно направленных сил является для т. Бухарина образцом диалектического противоречия. Диалектическое противоречие низводится до плоской механической логики. Это неправильное и недопустимое отождествление антагонизма и противоречия было со всей резкостью отмечено Лениным.

На стр. 43 «Экономики переходного периода», характеризуя капиталистическое общество, т. Бухарин дает след. определение: «капитализм — антагонистическая, противоречивая система». К этому месту Ленин делает следующее замечание: «Архинеточно. Антагонизм и противоречие не одното же. Первое исчезнет, второе останется и при социализме».

Такая «концепция» диалектики отнюдь не нова. Приоритет подобной «интерпретации» диалектического противоречия бесспорно принадлежит гению Дюринга.

«Антагонизм сил, противоборствующих друг другу в противоположном направлении, есть даже основная форма всех действий в природе и ее проявлениях».

Так раскрывает Дюринг «истинную суть мирового процесса», вместе с ним (Тектология, с. 511—512). «Если тот или иной процесс — движение тела, жизнь организма, развитие общества — определяется борьбой двух противоположных сил, то пока преобладает количественно одна из них, хотя бы немного, процесс идет в ее сторону, подчиняется ее направлению.

Именно за этот подмена диалектики противоречий антагонизмом со всей силой обрушивается на него Энгельс.

«Более подробно разобрать «антагонизм сил» г. Дюринга и его «антагонистическую мировую схематику» совершенно невозможно, так как он дает для этого никаких материалов кроме простых фраз.

«Если гегелевское учение о сущности низведено до плоской мысли о силах, движущихся в противоположном направлении, но не противоречии, разумеется, лучше всего уклониться от какого-либо применения этого общего места»¹⁾.

Если мы примем во внимание, что гегелевское учение о сущности и в основном, учение о диалектическом противоречии, то станет ясным, что ревизию гегелевской диалектики, выхолащивание ее содержания Энгельс дел именно в подмене диалектического противоречия «антагонизмом противоположных сил».

Трактовка диалектики т. Бухарином, не только по содержанию, даже по форме, совпадает с трактовкой Дюринга.

Бухарин.

Дюринг.

Отсюда и следует, что борьба, «противоречия», т.-е. антагонизмы различно направленных сил, и обуславливают движение (Теор. ист. мат., стр. 75).

Но все же в трактовке т. Бухарина есть известное «превосходство» по сравнению с Дюрингом. В то время как у Дюринга, как замечает Энгельс, все дело ограничивается лишь голыми фразами об антагонизме противоположных сил.

¹⁾ Анти-Дюринг, изд. ИМЭ, с. 111.

должно направленных сил, т. Бухарин последовательно развивает эту трактовку и пытается ее применить к конкретному материалу, в первую очередь к обществу.

Теория равновесия есть ведь не что иное, как развитие все той же мысли об антагонизме сил.

В самом деле, если основой всех движений является антагонизм сил, то движение в определенном направлении есть не что иное, как следствие преобладания определенной силы, в направлении которой это движение совершаются, а состояние относительного покоя есть момент равновесия сил.

И в области развития теории равновесия приоритет принадлежит не Бухарину, который и здесь заимствует свою концепцию у Богданова.

Вот как формулирует сущность «диалектики» Богданов:

«Всякая реально развивающаяся форма заключает в себе противоположные направленные или борющиеся силы. Их соотношение, прежде всего, количественное непрерывно меняется в зависимости от всей суммы условий, внутренних и внешних. Пока преобладание остается на одной стороне, форма сохраняется. Но чем более оно уменьшается, тем слабее становится ее устойчивость. В тот момент, когда оно уничтожается, эта устойчивость исчезает также. Тогда количество переходит в «качество» и происходит резкое преобразование формы, переворот, революция. Форма отрицается, переходит в свою противоположность, «антитезис». В нем также возникает внутреннее противоречие, и оно, развиваясь аналогичным путем, приводит к «отрицанию отрицания» или синтезу, представляющему формальное сходство с тезисом, но обогащенном содержанием или усовершенствованному по сравнению с ним (Тектология, с. 511—512). «Если тот или иной процесс — движение тела, жизнь организма, развитие общества — определяется борьбой двух противоположных сил, то пока преобладает количественно одна из них, хотя бы немного, процесс идет в ее сторону, подчиняется ее направлению. Как только другая сила, возрастая, наконец, сравняется с ней, тотчас меняется весь характер процесса, его «качество»: либо он прекращается, либо с дальнейшим, хотя бы ничтожным увеличением второй силы принимает обратное прежнему направление. В обоих случаях наши чувства сообщают нам, что перед нами нечто «качественно» иное, чем прежде» (Философский опыт, Гиз, с. 243).

Диалектику Богданов определяет так: «диалектика есть не что иное, как организационный процесс, идущий путем противоречий, или — что то же — путем борьбы разных тенденций».

Борьба, взаимное проникновение диалектических противоположностей подменены у Богданова борьбой, различных тенденций.

Далее Богданов поясняет, как нужно понимать эти «разные тенденции». Они оказываются ничем иным, как изменениями, направленными в разные стороны и своим взаимодействием создающими равновесие.

«В каждой вещи, в каждом явлении можно найти, или, вернее, можно подставить, два подобных движения, два потока изменения, направленных во взаимно-противоположные стороны» (Ф. Ж. О., с. 171).

Богданов великолепно понимает, что его интерпретация основного закона диалектики — закона единства противоположностей — в корне отлична от взглядов Маркса и Энгельса, всегда предостерегавших от понимания единства противоположностей как борьбы противоположно направленных сил или активностей. И сам Богданов считает нужным это подчеркнуть.

«Под реальным противоречием можно понимать только одно: борьбу реальных сил, двух противоположно направленных активностей. Об этом ли говорит Энгельс? Очевидно, нет» (Ф. Ж. О., с. 190).

И здесь формулировки совпадают не только по существу, но и в форме:

Бухарин.

В мире существуют различно направленные друг против друга силы. Только в исключительных случаях они уравновешивают друг друга на некоторый момент. Тогда мы имеем состояние покоя, т.е. их действительная борьба остается скрытой. Но стоит только измениться одной из сил, как сейчас же внутренние противоречия обнаруживаются, проходит нарушение равновесия, и, если на момент установится новое равновесие, оно устанавливается на новой основе; т.е. при другом сочетании сил и т.д. Здесь же мы видим форму этого процесса: это есть, во-первых, состояние равновесия, во-вторых, нарушение этого равновесия, в-третьих, восстановление равновесия на новой основе» (Теория истории мат., с. 75).

Это, отнюдь, не случайное совпадение терминов. Это для соглашения концепций, при чем, совпадение взглядов в таком решительном вопросе, как сущность диалектического метода.

Теория равновесия есть основная методологическая установка «Теории исторического материализма», т. Бухарина. Это ясно даже из лого обзора оглашения книги: диалектическому материализму, трактуемому как теория равновесия и его нарушения, посвящена одна глава в 35 стр. следующие основные главы, составляющие почти все содержание книги, священы применению теории равновесия к обществу: гл. 5 трактует «Равновесие между обществом и природой», гл. 6 «Равновесие между элементами общества», гл. 7 «Нарушение и восстановление общественного равновесия».

Как мы видели выше, автор теории равновесия, Богданов, великолепно понимал, что его трактовка не имеет ничего общего с трактовкой диалектики Маркса и Энгельса. Сейчас, после появления конспекта Ленина, непреимлемость и непривильность Богдановско-Бухаринской трактовки выступает с предельной ясностью.

Как определяет сущность диалектики Ленин? «Вкратце диалектику можно определить как учение о единстве противоположностей. Этим будет охвачено ядро диалектики». Развивая это определение, Ленин подчеркивает, что противоположности есть диалектические противоположности, т.е. взаимно, отрицающие и взаимно, полагающие, переходящие одна в другую, противоположности. Именно это диалектическое единство, противоположностей, есть сущность всякого движения. Поэтому познать процессы, значит познать единство противоположностей».

Тожество противоположностей (единство их может быть, вернее сказать, есть) есть признание (открытие) противоречий, взаимоисключающих противоположных тенденций, во всех явлениях и

природы (и духа, и общества в том числе). Условие познания всех процессов мира в их «самодвижении», в их спонтанном развитии в их живой жизни, есть познание их, как единства противоположностей. Развитие есть борьба противоположностей».

«Не только единство противоположностей, но переходы каждого определения, качества, черты, стороны, свойства в каждое другое (в свою противоположность)» (т. XIII, стр. 301).

Этот переход противоположностей друг в друга как основа самодвижения Ленин считает особенно важным и поэтому к месту из логики Гегеля, трактующему одной противоположности в свое отрицательное как «внутренний источник всякой деятельности живого и духовного самодвижения, диалектическая душа, которая есть истинное внутри его самого», Ленин делает заметку «соль диалектики» (Лен. сб. IX, с. 289).

Ленинское «понимание диалектики в корне отлично от бухаринского. По Бухарину» движение возникает как результат нарушения равновесия путем превалирования какой-либо из противоположно направленных сил. Весь процесс движения есть непрерывная цепь нарушений и восстановлений равновесия и, следовательно, основное в изучении процесса есть «изучение той превалирующей силы, которая нарушает равновесие и определяет направление движения».

Далее причина нарушения равновесия является внешней предмету или процессу, лежит вне его, поэтому на место понимания предмета в его самодвижении становится проблема равновесия среди и системы.

Суть ленинского понимания диалектики не в нарушении и восстановлении равновесия (кстати, термин равновесия у Ленина почти не встречается), а пониманию явления и процесса как единства противоположностей, но не как застывшее единство, а как постоянный переход одной противоположности другой, создающее внутреннее движение (самодвижение). «Единство противоположностей не есть превалирование одной противоположности над другой» подобно «антагонистическим силам» Бухарина. Истинное понимание предмета состоит не в том, что мы устанавливаем направление его движения путем исследования направления силы, нарушающей равновесие, а в понимании единства его противоречивой структуры.

Диалектические противоречия не растворяются одно в другом, не нейтрализуют одно другое; подобно противоположно направленным силам, не преодолевают одно над другим; в переходе одно в другое, и этот переход каждого явления, каждого процесса в свою противоположность и составляет суть всех форм движения материи, всеобщий закон всего существующего.

По т. Бухарину природа диалектична потому, что равновесие в ней относительно и создается затем, чтобы снова быть нарушенным. Но совершенно непонятно, почему одна из сил непременно должна возобладать, ибо необходимым и достаточным условием нарушения равновесия является превалирование одной из сил.

Ставя во главу угла «антагонизм сил» и «нарушение равновесия», мы лишаемся возможности понять природу как совокупность различных форм движения материи, т. к. необходимость и всеобщность нарушения равновесия не может быть понята из антагонизма сил.

Исследуя явления и процессы диалектически, т.е. в их противоречивости и самодвижении, мы с самого начала исключаем понятие равновесия как основного принципа движения.

Предмет всегда и необходимо находится и должен находиться в движении, потому что реальные противоположности, единство которых он представляет по самому определению единства противоположностей, никогда не могут находиться в равновесии, да сам, понятие равновесия здесь не приме-

нимо. Предмет необходимо должен перейти в свою противоположность, движение его есть не движение в сторону превалирующей силы, а развитие, движение к своему противоположному.

Для т. Бухарина теория равновесия представляет собой дальнейшее развитие диалектического метода, освобождение его от всякой «мистической и идеалистической оболочки».

«Маркс и Энгельс освобождали диалектику от ее мистической шелухи в действии, т.е. материалистически применяя диалектический метод при исследовании различных областей природы и общества.

«Речь идет теперь о теоретико-систематическом изложении этого метода и его, такого же теоретико-систематического обоснования. Это дается теорией равновесия (подчеркнуто Бухарином)» (ib., с. 3).

Не будем останавливаться на совершенно неприемлемом утверждении, будто бы Маркс и Энгельс не дали теоретического изложения и обоснования диалектики. Очевидно, что Людвиг Фейербах, Анти-Дюринг, Ницше философии, Послесловие и предисловия к Капиталу, Введение к Критике политической экономии, по мнению тов. Бухарина, не дают теории диалектики ни в теоретическом изложении. Правда, Маркс и Энгельс не написали учебника или труда под заглавием «Теории диалектики», но ведь в таком случае придется сказать, что и Ленин только применял диалектику, но не дал дальнейшее развитие и обоснование.

Неужели тов. Бухарин согласится с такой постановкой вопроса, чтобы мы и приняли во внимание, что «Теория исторического материализма» появилась до опубликования «Конспекта» Ленина и его заметок «К вопросам диалектике».

Перейдем ко второй части утверждения тов. Бухарина, рассматривающей теорию равновесия не только как средство теоретически систематического изложения, но и как обоснование диалектики. Теория равновесия, по мнению тов. Бухарина, таким образом, стоит на диалектике, предполагает новый этап в развитии марксизма.

Равновесие, представляющее лишь момент бесконечного разнообразия форм движения материи, возводится во всеобщий принцип. Не диалектика в движении, частным случаем которого является равновесие, ставит во главу угла, а движение и его законы, согласно концепции тов. Бухарина должны быть выведены из теории равновесия. Проблема поставлена на голову.

И в подобной подмене универсальной категории движения частной категории равновесия (пусть даже подвижного) тов. Бухарин хочет видеть дальнейшее развитие и обоснование диалектики.

Странно только, почему категория равновесия в теоретических работах Маркса, Энгельса и Ленина играет более чем скромную роль (в работах Ленина, посвященных диалектике, этот термин даже почти не встречается). Неужели они все так далеко было от теоретического осмысливания и обоснования диалектики?

Кроме функции «обоснования диалектики» теория равновесия, по мнению тов. Бухарина, имеет «еще один немаловажный аргумент за себя: она освобождает мировоззрение от телеологического привкуса, неизбежно связанного с гегелевской формулировкой, которая поконится на саморазвитии и Духа. Вместо эволюции (развития) и только эволюции она позволяет видеть также случай разрушения материальных форм. Тем самым она (теория равновесия) является и более общей и очищенной от идеалистических элементов формулировкой законов движущихся материальных систем» (с. 362).

Здесь каждое слово вызывает недоумение.

В самом деле, если диалектическое понятие развития не дает ключа к пониманию разрушения систем, то как мог Маркс, не дожидалась обоснования диалектики посредством теории равновесия, дать теорию разрушения капиталистического общества!

Распад, разрушение системы представляет особую форму движения, вполне покрывающуюся общим понятием диалектического движения.

Совершенно чудовищным извращением диалектики была бы трактовка ее как эволюции. А ведь по тов. Бухарину недостаток диалектики в том именно состоит, что она дает эволюцию и только эволюцию, в то время как теория равновесия позволяет видеть и разрушения материальных систем. Такие образом, отличие диалектики от теории равновесия состоит в том, что диалектика дает только эволюцию, только создание новых форм, в то время как теория равновесия обясняет и создание, и разрушение.

Это отождествление эволюции как теории развития с диалектикой и противопоставление диалектике теории равновесия как теории не только созидания, но и разрушения, в корне противоречит ленинской трактовке диалектики, как теории развития.

Вот как Ленин характеризует диалектику, как теорию развития:

«Две основные (или две возможные, или две в истории наблюдавшиеся) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение и развитие, как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними).

«При первой концепции движения остается в тени само движение (характерно, что Ленин подчеркивает именно «само» (его двигательная сила, его источник, его мотив) или сей источник переносится вовне (ог, субъект)).

«При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание и источник «само» движения.

«Первая концепция мертва, бедна и суха. Вторая жизненна. Только вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего, только она дает ключ к «скаккам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового» (изд. 2, т. XIII, с. 301—302).

Теперь для нас совершенно ясно, что суть дела совсем не в том, что теория равновесия дает и разрушение систем, а диалектика—только их развитие. Линия раздела проходит совсем не здесь. Характеризуя первую концепцию развития, Ленин включает в нее и увеличение и уменьшение, т.е. разрушение, исчезновение, и все же называет ее сухой и мертвый, несмотря на то, что она заключает в себе момент распада, исчезновения. Не в этом очевидно суть дела, а в том, что все подобные концепции, включая, конечно, и теорию равновесия, не дают «ключа к самодвижению всего сущего... к превращению в противоположность».

Игнорирование этого основного, главнейшего различия в двух основных теориях развития приводит тов. Бухарина и к следующей ошибке.

Как мы уже видели выше, помимо разобранного «преимущества» теории развития перед диалектикой «превосходство» теории равновесия состоит также и в том, что она «освобождает мировоззрение от телеологического привкуса, связанного с гегелевской формулировкой, которая поконится на саморазвитии духа».

Слов нет, формулировка «саморазвитие духа» идеалистична.

Недаром поэтому Маркс писал: «Мой диалектический метод не только в корне отличен от гегелевского, но представляет его прямую противоположность. Для Гегеля процесс мысли, который он, под названием идеи превращает

щает даже в самостоятельный суб'ект, есть демиург (творец) действительности, представляющей лишь его внешнее проявление. Для меня, наоборот, идеальное есть не что иное, как переведенное и переработанное в человеческой голове материальное. Мистифицирующую сторону гегелевской диалектики я подверг критике почти 30 лет тому назад, в то время, когда она еще в моде» (Послесловие ко второму изданию «Капитала»).

Неужели тов. Бухарин считает, что Маркс не преодолел идеалистической формулировки Гегеля? Неужели для полного преодоления надо отождествляться теории равновесия? Острие критики направляется, очевидно, против того, что оттравной точкой движения у Гегеля является развитие Духа, Идеи, ведь поставил на ноги диалектику, заменив Дух Природы, движущейся материей еще Маркс, а против понятия «самодвижения», которым, очевидно, по мнению тов. Бухарина, Маркс не справился, сообщив тем самым и всей материалистической диалектике «телеологический привкус».

Выше мы уже видели, что именно механическую концепцию разработал Ленин упрекая в том, «остается в тени самодвижение» и источник движения переносится во вне. Но ведь именно это перенесение источника движения во вне и характерно для теории равновесия, видящей причину движения в источнике не во внутренней противоречивости системы, а в нарушении равновесия путем превалирования одной из сил.

В понятии «самодвижения» не только не заключается ничего мистического или телеологического, но самодвижение (конечно, самодвижение матери) есть один из основных принципов диалектики. Недаром Ленин придавал такое большое значение этому понятию. Выступая в споре о профсоюзах против методологической установки Бухарина, которую он характеризовал как эклектизм, Ленин как на один из существенных моментов диалектической логики, которую игнорировал Бухарин, указывал на то, что надо «брать предмет в его развитии, «самодвижении»» (как говорит иногда Гегель, «изменении») (т. XVIII, ч. 1, с. 60).

Как видим, и у Ленина был этот «телеологический душок».

Недиалектичность теории равновесия заключается именно в том, что вместо «внутреннего» движения системы, как основной и определяющей момент, выдвигается внешнее воздействие. Равновесие, трактуемое как равновесие между средой и системой, определяется именно внешней средой. Противоречие в трактовке тов. Бухарина есть противоречие между средой и системой («внутренних» противоречий теория равновесия не знает), при этом сохраняется за внешней средой.

«Мы видели, что противоречия бывают двух родов: между средой и системой и между элементами самой системы. Есть ли какая-либо связь между этими двумя явлениями?

Стоит только подумать, чтобы ответить утвердительно: да, такая связь существует.

Ибо, совершенно ясно, что внутреннее строение системы (внутреннее равновесие), должно изменяться в зависимости от того отношения, которое существует между системой и средой.

«Отношение между системой и средой есть решающая величина, все положения системы, основные формы ее движения (упадок, застой, витие) определяются именно этим отношением».

Разбирая затем вопрос о том, в каком взаимоотношении находится внешнее и внутреннее равновесие системы, тов. Бухарин приходит к выводу, что «внутреннее (структурное) равновесие есть величина, зависящая от равновесия внешнего (есть «функция» этого внешнего равновесия)».

Разве в этих строках не дано философское обоснование методологической установки «организованного капитализма»? Игнорирование «внутренних» противоречий, «внутренней» классовой борьбы и перенесение решающей роли на внешние противоречия капиталистических систем,—весь это логическое следствие теории равновесия с ее приматом внешней среды.

Следует отметить, что и в оценке взаимоотношения между средой и системой тов. Бухарин только повторяет Богданова.

Подобное понимание противоречия не имеет ничего общего с диалектическим противоречием, ибо диалектика рассматривает предметы в их самодвижении, видя источник самодвижения во внутренней противоречивости природы явления.

III. Теория равновесия и механический материализм.

Мы уже видели, что отрицание самодвижения и «сведение» внутренних противоречий к антагонизму противоположно направленных сил приводит Богданова, а вслед за ним и Бухарина, к теории равновесия. Выше мы показали, что теория равновесия является извращением диалектики, выхолаживанием всего богатства содержания диалектического метода.

С методологической точки зрения теория равновесия по существу тождественна с механическим материализмом.

Поэтому нет ничего удивительного, что наши механисты свои основные формулировки и свою аргументацию, как мы покажем, заимствуют у тов. Бухарина, с тою только разницей, что у них нет той последовательности в проведении теории равновесия, какую мы видим у тов. Бухарина.

Возьмем, прежде всего, один из основных пунктов расхождения: вопрос о сведении. Как известно, следуя Энгельсу, мы всегда подчеркивали, что вопрос о сведении закономерностей всех явлений к механике есть вопрос принципиальный, и не обусловлен только данным состоянием науки. Специфичность, различие механического и органического есть объективное различие. Оно не может быть устранено в процессе развития науки.

Энгельс дал четкую и недвусмысленную постановку вопроса о «соотношении механического движения к прочим формам движения материи».

«Механическое движение. У естествоиспытателей движение всегда понимается, как — механическое движение, перемещение. Это перешло по наследству из дохимического XVIII столетия и сильно затрудняет ясное понимание вещей. Движение, в применении к материи, это — изменение вообще. Из этого же недоразумения вытекает яростное стремление свести все к механическому движению, — уже Гроце «сильно склонен думать, что прочие свойства материи являются и, в конце концов, будут сведены к видам движения», чем слизывается специфический характер прочих форм движения. Этим не отрицаются вовсе, что каждая из высших форм движения связана всегда необходимым образом с реальным механическим (внешним или молекулярным) движением, подобно тому, как высшие формы движения производят одновременно и другие виды движения, химическое действие невозможно без изменения температуры и электричества; органическая жизнь невозможна без механических, молекулярных, химических, термических, электрических и т. д. изменений. Но наличие этих побочных форм не исчерпывает существа главной формы в каждом случае. Мы, несомненно, «сведем», когда-нибудь экспериментальным образом мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу; но исчертывается ли этим сущность мышления?»

Мы видим, что Энгельс вопрос о сведении ставит принципиально: дело все не в том, какой степени развития достигла механика или физика.

Совершенно иначе вопрос ставит тов. Бухарин. Вот как рассматривает он проблему соотношения механического и органического.

«Механическое и органическое. До последнего времени в нашей среде эти понятия противопоставлялись.

«В области общественных наук мы, марксисты, протестовали против «механического объяснения», предпочитая говорить об «органических связях» и т. д., хотя отнюдь не разделяли предрассудков так называемой органической школы в социологии.

«С тех пор появилось два решающих фактора: во первых, переворот в представлениях о строении материи, во-вторых, чрезвычайный рост идеализма в официальной буржуазной науке.

«Революция в учении о строении материи в корне изменила представление об атоме как абсолютно изолированной единице. Между тем именно это старое представление об атоме перенеслось на индивидуум (и атом, и индивид переводится по-русски одним и тем же словом неделимое). Робинзонады в общественных науках в точности соответствуют атомам в старой механике.

«Между тем в области общественных наук речь шла как раз о преодолении робинзонад. Нужно было выдвинуть со всей силой и решительностью общественную точку зрения, что и было гениально выполнено Марксом противовес индивидуалистическим теориям у буржуазии, включая сюда и бывших «классиков» политической экономии (Смит и Рикардо).

«Правильны ли были протесты против «механического» в области общественных наук? Конечно, да.

«Но нельзя напоминать одни термины, не понимая сути дела. Тогда правильное диалектически превращается в свою противоположность. И современное представление о материи опрокинуло старые взгляды. Изолированный и бескачественный атом скончался. Элемент связи, взаимозависимости, нарастания новых качеств и т. д. восстановлен во всех правах. Противопоставление «механического» и «органического» с этой точки зрения стало бессмысленным.

«С другой стороны, рост идеализма в буржуазной науке и философии привел к «органическому» мистицизму. Понятие жизни стало мистическим (Бергсон, Дриш). Что же следует отсюда?

«Отсюда следует изгнание из нашей идеологии старого противопоставления, если мы только хотим всерьез бороться за материалистическое мировоззрение вообще и за материалистическую общественную науку в частности» (ib, с. 360).

Различие механического и органического, с точки зрения тов. Бухарина, условно и имело своим основанием только ограниченность нашего знания о строении атома.

Несомненно, что новейшие теории строения материи, в частности электронная теория строения атома, разрушила взгляд на атом, как на нечто абсолютно простое и неделимое. Но суть вопроса совсем не в том, как мы рассматриваем атом: как сложную систему электронов или как простого индивида.

Суть дела заключается в том, есть ли различие между атомом, как совокупностью электронов, с одной стороны, и обществом, как совокупностью людей, с другой, о б'ективное различие или же с того момента, как мы начинаем рассматривать атом как совокупность электронов, исчезает принципиальное различие между этими двумя совокупностями, иными словами—различие между ними есть только субъективное различие, исчезающее вместе с прогрессом наших знаний.

Мы считаем, вместе с Энгельсом и Лениным, что различие между атомом, как совокупностью электронов, организмом, как совокупностью атомов,

обществом, как совокупностью людей, есть не различие в способе рассмотрения этих совокупностей, а различие в их существовании. Тов. Бухарин справедливо указывает на вульгарность «органической» школы, безоговорочно переносящей категории, действительные для организма, на общество. Но ведь сам тов. Бухарин, считающий, что новое представление об атоме упразднило различие категорий органического и неорганического, впадает в ту же самую ошибку, что и органическая школа.

В самом деле, что нового внесла электронная теория материи? Неразложимый и неизменный атом стал рассматриваться как нечто исторически возникшее и развивающееся, как сложная система движущихся электронов. Ленин поэтому подчеркивал, что именно новые воззрения на атом, хотя и создали кризис физики, но этот кризис был кризисом механического мировоззрения и вместе с новыми представлениями о строении материи в физику прочно вошли идеи диалектического материализма. В этом отношении анализ новой теории строения материи и ее значения для проникновения в неограниченные науки идей диалектического материализма с исчерпывающей полнотой дан Лениным еще в 1908—1909 годах.

Делал ли Ленин отсюда тот вывод, о котором говорит тов. Бухарин? Отнюдь нет. Ленин ни словом не обмолвился о том, что новая физика уничтожила различие между механическим и органическим, между атомом (в новом понимании) и обществом.

Новая физика стала смотреть на атом как на сложную систему, подобную солнечной системе: вокруг положительно заряженного ядра врачаются наподобие планет, отрицательно заряженные электроны.

Если оставить в стороне квантовый закон орбит (о котором и не упоминает тов. Бухарин), то между устройством атома и устройством солнечной системы почти нет принципиального различия.

В таком случае можно сказать, что начало уничтожения различия между механическим и органическим датирует с системы Лапласа, давшего в своей небесной механике теорию той системы, подобием которой является атом, как совокупность электронов.

Тов. Бухарин считает, что «элемент связи, взаимозависимости, нарастания новых качеств» новейшей теории материи «восстановлен во всех сферах». И так как это «восстановление» произошло, то «противопоставление механического и органического с этой точки зрения стало бессмысленным».

Рассмотрим прежде всего характер тех связей, которые современная наука устанавливает внутри атома.

Электроны связаны с ядром благодаря тому, что находятся в поле сил ядра. Поле кулоновых сил ядра атома в основном по своим закономерностям является полем центральных сил, действующих по закону обратных квадратов расстояния. Устойчивое состояние атома как системы электронов является результатом движения электронов в поле притягивающих сил ядра.

Проблема строения и устойчивости атома в основном (за исключением квантования орбит) эквивалентна проблеме небесной механики. Специфическое отличие солнечной системы от атома, как системы электронов, состоит в том, что в солнечной системе теоретически возможен непрерывный ряд орбит, в то время как в атоме ряд орбит составляет прерывный ряд, определяемый квантовыми законами.

Таким образом характер связей внутриатомной системы хотя и отличен от связей простой механической системы, но все же даже в отдаленной степени не может быть уподоблен связям индивидуумов в человеческом обществе.

Разве можно структуру скажем капиталистического общества обуздать из притяжения и отталкивания в поле кулоновых сил?

Но ведь электронная модель атома представляет довольно сложный вид электромагнитных и только электромагнитных связей.

Связи эти в атоме богаче содержанием, чем простые механические связи в системе гравитирующих тел, подобных солнечной системе.

Но в основном проблема строения атома есть электродинамическая проблема, опирающаяся в своих методах на методы небесной механики. Трудно сказать, что новейшие теории строения материи уничтожили противоположность механического и органического, значит утверждать, что проблема определения общности материи и общества по характеру своих связей есть только электродинамическая проблема. Но ведь это шаг назад даже по сравнению с физической школой.

Может быть, тов. Бухарин этим своим положением об уничтожении противоположности между механическим и органическим в связи с новым учением о строении материи хочет сказать, что с тех пор, как в механическую концепцию атомистики проникла диалектика, устроено различие между формами движения неорганической материи, миром атомов и внутренним миром явлений и между биологией и социологией.

Но и этой трактовке положение не становится более приемлемой. В самом деле, материалистическая диалектика проникает в естествознание не только с момента возникновения электронной теории.

Уже в 80-х годах прошлого столетия Энгельс находил так много различных моментов в современном ему естествознании, что считал возможным дать диалектическую систему современного ему естествознания. Однако никогда Энгельс неставил вопроса об устранении различий между механическим и органическим "только потому, что естествознание становится все более и более диалектическим".

«Механика,—писал Энгельс,—оказывается основой физики и химии. Но если один английский журнал придал... мысли Кекуле такой вид, что химика—это статика динамика масс, физика—статика и динамика тепла, химия—статика и динамика атомов, то, по моему мнению, такое безумное сведение даже химических процессов к чисто-механическим суждениям, подобающим образом поле хими...».

«Называя физику механикой молекул, химию—физикой атомов, биологию—биологией белков, я желаю этим выразить переход от одной из этих наук в другую, и, значит, связь, непрерывность, а также разрыв между обеими областями. Итти же дальше этого и называть химию своего рода механикой, по-моему, нерационально».

Проникновение диалектики в естествознание всегда знаменовало уничтожение метафизической обособленности между отдельными науками в природе. Так было и во время Энгельса. Но Энгельс, давая свое определение физики, химии и биологии, подчеркивает, что диалектический подход должен уметь с непрерывностью указать и различие, разрыв между этими науками, и единство, общность, единство природы. Итак, в понятиях, и обективному различию форм движения материи должно соответствовать различие между науками.

Предмет естествознания есть движущаяся материя. Поскольку материя единна, должна быть и единство наук. Поскольку формы движения материи возникают одна из другой, переходят одна в другую, должна существовать связь между науками.

Но развитие одной формы движения материи из другой не есть просто увеличение или уменьшение. Высшая форма представляет качественное

своевобразие и обективным наличием этого своеобразия обусловлено различие между науками.

Радиоактивность и электронная теория уничтожили метафизическую обособленность физики и химии. Но разве химические процессы поэтому не являются тождественны с физическими?

Но, если это положение тов. Бухарина в корне противоречит диалектическому материализму, оно зато находится в полном соответствии с теорией равновесия и с основными принципами механического материализма.

В самом деле, если брать характер связей только с точки зрения теории равновесия, если рассматривать развитие человеческого общества как равновесие между частями системы и внешней средой, то с этой точки зрения новое учение об атоме действительно отличается от классической атомистики тем, что рассматривает атом как систему электронов, находящихся в равновесии, а важнейшие внутриатомные процессы (распад атома, излучение) как нарушение равновесия.

С этой точки зрения можно подвести под абстрактную схему равновесия и его нарушения и атом, и организм, и человеческое общество. Все дело в том, что для такого подведения под универсальную схему надо сначала выделить все своеобразие, все богатство связей этих различных форм.

Такой способ изучения явлений ничего общего не имеет с диалектикой, изучающей предмет во всем богатстве и своеобразии его форм и связей. «Подведение множества случаев под один общий принцип Гегель никогда не называл диалектикой», писал Маркс.

Уничтожение различия между механическим и органическим стало возможным для тов. Бухарина только потому, что он сначала чисто-механическую категорию равновесия применил к органическим и общественным явлениям, а затем нашел, что в области явлений электромагнитных действует та же категория.

Не новейшие теории строения материи уничтожили противоположность механического и органического, а замена диалектики теорией равновесия привела тов. Бухарина к отождествлению механического и органического, атома как системы движущихся электронов и человеческого общества.

Замена диалектики теорией равновесия, как мы видели, имеет своим необходимым следствием решение проблемы «сведения» в духе отрицания специфичности за различными формами движения материи и возведение механики в универсальную форму движения. Перед нами ярко и выпукло выступают основные черты механического материализма. Немудрено поэтому, что основной арсенал своих аргументов наши механисты находят готовым у тов. Бухарина.

Им остается только пересказывать своими словами ту основную аргументацию механического материализма против диалектики, энциклопедия которой дана в «Теории исторического материализма».

Мы приведем из всего необозримого материала, накопившегося за шесть лет полемики, лишь пару образцов, из которых с достаточной ясностью видно, что в решавших проблемах наши механисты слепо следуют за тов. Бухарином в его ревизии диалектического материализма и подменой его механическим материализмом.

Посмотрим, прежде всего, как понимается механистами основной закон диалектики, закон единства противоположностей.

В своей статье «Диалектический метод и современное естествознание»¹⁾ тов. Тимирязев дает развернутую формулировку своего понимания этого закона. Приведем рассуждения тов. Тимирязева целиком:

¹⁾ Сб. «Естествознание и диалектический материализм». Под знаменем марксизма.

«Теперь переходим к самой сути дела. Можно ли показать на телениях, которые изучают в физике, механике, химии и биологии, что всякое развитие приводит к противоречию? Это так сказать самая основа диалектики.

... Я бы хотел остановиться на самом основном процессе, который изучаем в механике, и показать, что здесь как раз развитие природы приводит к противоречию.

Показать это можно на анализе третьей основной аксиомы Ньютона: действие равно противодействию, но не для тех случаев, когда мы имеем дело с равновесием, а в случае движения.

Представьте себе доску и на ней груз. Доска будет давить на груз той же силой, как он на нее давит; и если доска гибкая, она будет прогибаться, при этом разовьется сила упругости, которая уравновесит вес груза.

Теперь предположим, что мы взяли эту доску в руки и начинаем общать грузу через посредство доски ускоренное движение вверх.

Отчего доска начала двигаться наверх?

Я отрицаю равновесие, которое было раньше. Я увеличиваю силу, которой доска действует на данное тело, от этого получается ускоренное движение.

Но ускоренно движущееся наверх тело оказывает увеличенное противодействие и равенство (равновесие. Б. Г.) действия противодействию и восстанавливается — получается отрицание отрицания.

... «Нужно сказать, что в самых методах, с которыми мы подходим к изучению механики, можно видеть диалектику, переход к прямой противоположности.

Остановлюсь еще на примере из области учения о тепле. Тут мы встречаемся опять с борьбой противоположных течений. Положим, теперь все Солнце дает все больше тепла. Температура должна повыситься, а вследствие повышения температуры усиливается испарение и таяние — процесс противоположный, который понижает температуру.

Заметим, далее, что в термодинамике был установлен закон Ле Шателье Брауна, который носит чисто-диалектическую формулировку: всякое изменение величины, определяющей равновесие системы, вызывает такое изменение состояния, в этой системе, которое стремится препятствовать изменению данной величине.

Т.-е., напр., вы повышаете температуру, и это вызывает процесс, который стремится ее понизить. Это общий закон» (Естествознание и диалектика, стр. 147—148). Как понимает тов. Тимирязев закон единства противоположностей и отрицание отрицания?

Груз сначала находится в равновесии на доске. Затем, благодаря тому что одна сила перевешивает, происходит «отрицание равновесия». Ускоренное движение груза снова уравновешивает сопротивление и наступает «отрицание отрицания».

Та же схема и в случае термодинамических явлений: на улице становится теплее. Солнце светит ярче. Тепловое равновесие нарушается. Но испарение стремится понизить температуру. Это встречное течение приводит к установлению нового теплового равновесия и т. д.

Мы узнаем во всех подробностях теорию равновесия, которая выражена в диалектическом единстве противоположностей.

Если мы сравним формулировки тов. Тимирязева с формулировками Богданова, приведенными на стр. 8, то мы увидим полную идентичность понимания (вернее, извращения) основных законов диалектики.

История любит злые шутки. Тов. Тимирязев, так ожесточенно выступивший против максимума, в решающем вопросе о сущности диалектики оказался в идеином плена у эмпириониста Богданова.

Это злоключение тов. Тимирязева об'ясняется отнюдь не законом единства противоположностей, а простой арифметической аксиомой: две величины порознь равные третьей, равны между собой.

Заимствовав свое понимание диалектики у тов. Бухарина, тов. Тимирязев (вероятно, сам того не подозревая) солидаризировался с Богдановым.

Такое понимание закона единства противоположностей отнюдь не составляет особенности взглядов тов. Тимирязева. Это общая платформа всех механистов.

«Отношение между противоречащими друг другу силами,— пишет тов. Сарабьянов,— все время изменяется, а в результате господствующая сила или становится подчиненной, или превращается сама в какую-нибудь иную силу, или изменяет по существу противоречащую ей силу. В итоге получается то, что Гегель называл: количество переходит в качество» (В. Сарабьянов, Введение в диал. матер., с. 19).

Тов. Варяш полностью берет положения т. Бухарина и сводит единство противоположностей к внешней связи двух систем, или, по терминологии т. Бухарина, связи среды и системы. «Переход (количество в качестве),— пишет т. Варяш,— совершается потому, что каждая частичная система находится в непрерывном взаимодействии с другими системами мира, относительно «самостоятельных» моменты которых они представляют. Вот чем заключается связь» (Диалектика у Ленина, с. 103).

«Поскольку они (качества) действительно переходят друг в друга, их единство безотносительность исчезает. Они предстают перед нами, как источники реальных, борющихся между собой, т.-е. противоположных, сил, и потому необходимо характеризовать их именно как противоположные» (Там же, с. 102).

Сводя внутреннее единство противоположностей к внешней связи двух систем, тов. Варяш поступает совершенно последовательно, когда он устраивает из диалектики самое категорию противоречия. «Реальное противоречие есть, говоря точнее, противодействие. Каждое действие есть в то же самое время и противодействие потому, что вообще нет действия без противодействия, и обратно»¹⁾.

Подобные примеры можно множить без конца. Полное соответствие их по содержанию, так и по форме всех этих положений можно об'яснить тем, что все наши механисты пьют из одного и того же источника.

Остановимся в заключение еще на проблеме случайности и необходимости. Как известно, диалектики, защищавшие в этом вопросе взгляды Маркса, Энгельса на случайность, как на об'ективную категорию, подвергались особенно ожесточенным нападкам со стороны механистов. Концепция случайности механистов кратко и вразумительно изложена во втором сборнике «Диалектика в природе», изд. Тимирязевского Института. Вот она:

«Какую же роль в этом мире необходимости играет так называемая случайность? Эта «случайность» есть результат нашего поведения. Явления частую настолько сложны и перепутаны, что мы не в состоянии их полностью учесть. Это с одной стороны. С другой, эти «случайные» события являются настолько незначительны для нас, что мы не доискиваемся их причин. Таким образом, в обоих случаях мы этих причин не знаем. Из сказанного следует, что случайность есть непознанная необходимость» (Диал. в прир., 2, с. 272).

Идентичную формулировку мы находим и у тов. Варяша. Варяш случайность обозначает «просто наше частичное неведение», это «только не точное выражение, не "льше"» (Диалект. в природе, сб. 3, с. 17 и 122). Эта

¹⁾ Сборник «Диалектика в природе», с. 107.

трактовка случайности абсолютно ничем не отличается от трактовки Бухарина, заимствующего на этот раз свою концепцию у Милля.

«Причины, вызывающие следствия, не поддаются практическому учреждению. Они существуют, но мы их не можем учесть, а потому мы их и не знаем. Это наше незнание мы и называем... случайностью, это рассуждение для случая выпадения монеты» («Истмат», с. 41).

«Почему я называю нашу встречу случайной? По очень простой причине: потому, что я не знал причин, которые двигали моего приятеля, потому, что я не знал даже о том, живет ли он со мной в однодоме, а следовательно, не мог предвидеть нашей встречи» (Там же, с. 41—42).

«Таким образом, строго говоря, никаких случайных, т. е. беспричинных, явлений нет. Явления же могут представляться нам «случайными», сколько мы недостаточно знаем их причины» (с. 42).

В подтверждение своих взглядов т. Бухарин приводит цитату из Сократа и Милля.

Те же взгляды и по отношению к исторической случайности. Значение случайности в историческом процессе Бухарин видит только в том, что вкуплное их действие дает закономерное явление. Так возникает цена случайных столкновений различных оценок продавцов.

«Отдельный случай играет незаметную роль. Он не важен. Но попробуйте вы сгруппировать, соединить большое количество таких «случаев». И сразу вы увидите, что «случайность» (везде случайность в кавычках) начинает исчезать.

... «Таким образом мы видим, что, строго говоря, в историческом развитии общества нет никаких случайных явлений.

... Из предыдущего вытекает, что следует изгнать понятие случайности из общественных наук» (с. 44).

Согласно концепции тов. Бухарина, в историческом развитии общества нет случайностей. Понятие «случайности» должно быть изгнано из общественных наук.

Как это примирить с точкой зрения Маркса, писавшего в 1871 г. Гегельману: «история имела бы очень мистический вид, если бы случайности не играли никакой роли»?

Очевидно, что точка зрения Маркса в корне противоположна бухаринской, т. к. Маркс считал случайность об'ективной категорией. Эту диалектическую трактовку случайности подчеркивает Энгельс в противовес «бесодержательному механическому детерминизму» ... «Объявляют необходимостью единственно достойным научного интереса, а случайное безразлично для науки. Это означает следующее: то, что можно подвести под законы, следовательно, знаю т, то интересно, а то, чего нельзя подвести под законы, чего, следовательно, не знают, то безразлично, тем можно пренебречь» при такой точке зрения прекращается всякая наука, ибо задача ее ведет к тому, чтобы исследовать то, чего мы не знаем. Это означает следующее: что можно подвести под общие законы, то считается необходимым, что нельзя подвести, то случайным. Легко видеть, что это такого же характера, как и наука, которая выдает за естественное то, что она может об'яснить, а непонятное ей — к сверхестественным причинам. Противоположную позицию занимает детерминизм, перешедший в естествознание из французского материализма и рассчитывающий покончить со случайностью, тем что он вообще отрицает. Согласно этому вззрению, в природе господствует лишь одна, непосредственная необходимость. ... С необходимостью этого рода все еще не выходим из границ теологического взгляда на природу.

«Противовес этим взглядам выступает Гегель с неслыханными до сих пор утверждениями, что случайное имеет основание, ибо оно случайно, но тоже также не имеет никакого основания, ибо оно случайно, что случайное необходи-

димо, что необходимость сама определяет себя как случайность, и что, с другой стороны, эта случайность есть скорее абсолютная необходимость».

... «Естествознание предпочло игнорировать эти положения, как парадоксальную игру слов, как противоречащую себе самой бесмыслицу закостеневшей теоретически в бессодержательности вольфовской метафизики... или в столь же бессодержательном механическом детерминизме... Накопленный за это время материал, относящийся к случайности, устранил, уничтожил стартовое представление о необходимости».

Непонимание самодвижения единства противоположностей ведет к неверному пониманию соотношения внешних и внутренних, существенных и несущественных связей предмета. Тов. Бухарин совершенно не понял марксистскую постановку вопроса о случайности и необходимости и встал на почву абстрактного механического детерминизма. Взяв обывательское понимание случайности как беспричинности, тов. Бухарин утверждает, что никакой об'ективной случайности нет; случайность чисто-субъективна, «Явления могут представляться нам «случайными», поскольку мы недостаточно знаем их причины». И в этом вопросе механисты лишь слепо идут за т. Бухарином.

Таким образом, отрицание самодвижения ведет к отрицанию внутренней необходимой закономерности развития и сводит развитие к хаосу случайных изменений от воздействия внешних причин. Принципность, необходимость является внешней, не вытекающей из внутренней необходимости развития предмета, т. е. по существу случаюной для внутреннего развития предмета. Таким образом, абстрактный детерминизм, отрицая об'ективную случайность и разделение на необходимость и случайность, по существу сводит необходимость до уровня случайности.

Мы разобрали «теоретические» доводы тов. Бухарина в пользу уничтожения противоположности «механического и органического и установили полную идентичность аргументации тов. Бухарина с аргументацией наших механистов.

Но тов. Бухарин в защиту своего тезиса приводит не только теоретические соображения, но также и соображения тактического характера. Необходимо упразднить различие механического и органического потому, что подобное разграничение может дать козырь в руки подымающему голову идеализму в различных его проявлениях (витализм, маханизм и т. п.).

И здесь опять аргументация тов. Бухарина и механистов совпадает до конца.

Обвинение диалектиков в витализме, махизме и прочих идеалистических «измах» обосновывалось именно тем, что, выступая против механического материализма, мы указывали его недостаточность для преодоления идеалистических течений современного естествознания.

Тов. Бухарин считает возможным, в виду грозной опасности идеализма, отказаться от более тонкой и сложной аргументации диалектического материализма, в пользу более простой и «понятной» аргументации механического материализма.

Витализм утверждает, что жизненные процессы несводимы к механическим, что механическое и органическое специфически различные категории. Диалектики тоже утверждают специфичность и несводимость органических и общественных процессов к механике. Следовательно, они играют на руку виталистам.

Такова аргументация механистов, вполне совпадающая в мыслями тов. Бухарина, высказанными им еще в 1923 г.

Такая тактика борьбы не имеет ничего общего с той тактикой, которую применял Ленин.

Ленин никогда, ни при каких случаях не рекомендовал замены диалектического материализма механическим материализмом, только потому, что идеалистические течения усиливаются.

Идеализм нельзя просто отвергать a limite (с порога) его надо преодолеть. То же, что писал Ленин о плехановской критике Канта, должно служить руководством и для нашей критики идеализма.

Мы вели и будем вести беспощадное разоблачение и борьбу с идеализмом. Но не ценой компромисса между механическим и диалектическим материализмом, не ценой упразднения основных категорий, диалектики и растворения их в механическом мировоззрении.

Тов. Бухарин считает возможным перед лицом растущего врага подать идеологические уступки, заключить блок с механическим материализмом, отказаться от тех положений, которые всегда защищал марксизм, ибо Маркс, и Энгельс, и Ленин всегда боролись против вульгарного монизма, видящего всего богатства и своеобразия связей и форм движения.

Мы считаем, что механический материализм может быть нашим союзником в борьбе против идеализма, особенно на Западе.

Но для этого союза мы не пожертвуем ни одним из основных положений марксизма-ленинизма.

Мы не откажемся от критики механического материализма как низшего ступени материализма по сравнению с материализмом диалектическим.

Никаких компромиссов, никакого оппортунизма в вопросах методологии марксизма. И здесь они так же опасны и недопустимы, как и в полити-

IV. Эклектизм тов. Бухарина.

Внутренние существенные связи вещей, обуславливающие процесс развития, суть конкретные формы единства противоположностей. Поэтому верное понимание единства противоположностей ведет к неправильному пониманию всех конкретных существенных связей, их отношения и субординации. Диалектика, как неоднократно указывал на это Ленин, учит рассматривать предмет в многообразии их связей и опосредствований. Но диалектика не останавливается на простом перечислении этих связей, их эклектическом соединении. Она требует познания существенных связей, лежащих на основе других связей и отношений; она требует рассматривать все многообразные связи и отношения как моменты развития, самодвижения предмета, происходящего на основе определенных существенных связей. Поэтому диалектика учит, что при определении и исследовании нельзя просто соединять случайно взятые стороны и свойства предметов, или давать простое описание всех многообразных сторон и отношений, но давать конкретное исследование развития, конкретное исследование роли различных связей в этом развитии, конкретное определение существенных отношений и связей.

Тов. Бухарин не понял этого существенного положения диалектики благодаря этому скатывался к эклектике. Вместо конкретного исследования развития и его существенных связей тов. Бухарин просто берет различные стороны предмета и соединяет их произвольно и эклектически без конкретного учета всего развития и места и роли в нем соединяемых моментов. Поэтому вместо конкретного познания основы самодвижения у него получается простое, эклектическое соединение различных свойств предмета «с одной стороны и с другой стороны».

Если мы проследим основные этапы борьбы тов. Бухарина против Ленина, то мы увидим, что Ленин всегда с беспощадностью разоблачал методологическую подлость ошибок Бухарина.

Как основную ошибку, Ленин всегда подчеркивал замену диалектики эклектизмом, стремление рассматривать проблему абстрактно.

Еще в 1915 г., критикуя замечания тов. Бухарина на тезисы «С.-Д.» по вопросу о праве наций на самоопределение, Ленин писал:

«Из самоопределения вытекает защита отечества» упорно твердит автор. Его ошибка здесь в том, что он хочет отрицание защиты отечества превратить в шаблон, вывести не из конкретно-исторической обстановки данной войны, а «вообще». Это не марксизм» («Большевик» № 15 за 1929 г., стр. 84).

«Речи о «дуализме» показывают, что автор не понимает, что такое монизм и что такое дуализм» подчеркнуто Лениным.

«Если я об'единяю сапожную щетку и мlekопитающее, будет ли это монизм?

«Если я скажу, что к цели не надо в → (a) → b итти от пункта a налево, а от пункта в направо, будет ли это дуализм?

...Значит, к одной цели (слияние наций) из разных исходных пунктов одни пойдут так, другие иначе. Отрицание этого есть «монизм», об'единяющий сапожную щетку с мlekопитающим».

Непонимание своеобразия явлений, неучет всего богатства связей уже тогда приводили тов. Бухарина к политическим ошибкам.

Вместо рассмотрения явлений в их особенности у тов. Бухарина получалась голая схема, формальное об'единение.

Это основной порок, которым страдает вся концепция Бухарина, нашедший наиболее полное теоретическое выражение в «Теории исторического материализма» и в «Экономике переходного периода».

Интересно отметить, что к подзаголовку «Общая теория трансформационного процесса» Ленин делает замечание: «Что?? «Вобще» á la Спенсер?».

Об'единение атома, как системы электронов, организма и человеческого общества посредством теории равновесия, есть превращение марксистского исследования в шаблон, рассмотрение явлений «вообще».

Эклектизм тов. Бухарина был прекрасно вскрыт Лениным. В дискуссии о профсоюзах, следуя своему эклектическому методу, тов. Бухарин без конкретного исследования всей проблемы, пытался эклектически об'единить точки зрения ЦК и Троцкого. «Тов. Зиновьев, — писал Бухарин, — говорил, что профсоюзы — школа коммунизма, а Троцкий говорил, что это — административно-технический аппарат управления производством. Я не вижу никаких логических оснований, которые бы доказывали, что перво не первое и не второе; верны оба эти положения и соединение этих обоих положений»... «С одной стороны, они (профсоюзы) — школа коммунизма... с другой стороны, они — и притом в возрастающей степени — составная часть хозяйственного аппарата и аппарата государственной власти вообще...». Здесь мы имеем типично эклектическое соединение двух признаков «с одной стороны, с другой стороны» и полное отсутствие конкретно-диалектического исследования связей и субординации этих отношений в самой реальной действительности. Ленин, цитируя вышеприведенные положения тов. Бухарина, пишет: «Вот тут-то и заключается основная теоретическая ошибка тов. Бухарина, подмен диалектики марксизма эклектизмом»... «Логика формальная... берет формальные определения, руководясь тем, что наиболее обычно или что чаще всего бросается в глаза и ограничивается этим. Если при этом берутся два или более различных определения и соединяются вместе совершенно случайно... то мы получаем эклектическое определение, указывающее на разные стороны предмета — и только»⁴⁾. «Профсоюзы с одной стороны — школа, с другой — аппарат, с третьей — организация трудающихся, с четвертой — организация почти только промышленных ра-

⁴⁾ Ленин, Сбор. соч., т. XVIII, ч. 1, с. 54—55.

бочих, в пятых — организация по производствам и т. д., и т. п. Никакого обоснования, никакого самостоятельного анализа у Бухарина нет и нечего доказать, почему надо взять первые две «стороны» вопроса или предмета, а не третью, четвертую, пятую и т. д. Поэтому и тезисы бухаринской группы — сплошь эклектическая пустышка... «Он (Бухарин) подходит к малейшему конкретному изучению с голыми абстракциями и берет кусок у Зиновьева, кусочек у Троцкого. Это есть эклектизм».

Эклектизм тов. Бухарина идет от основной его ошибки: механической ревизии диалектики. Связи предмета берутся чисто-внешне. Вместо того чтобы исследовать самодвижение предмета, найти основные существенные противоречивые связи, определяющие другие стороны предмета, производится берутся какие-либо отношения предмета и чисто-внешне соединяются.

Эта эклектическая струя очень сильна у тов. Бухарина, и она оправдывает всю его теорию. На деле отбрасывая материалистическую диалектику он пытается в то же время в марксистские формулы вкладывать немарксистское содержание.

Замена диалектики теорией равновесия и эклектикой отражается не только на всех основных теоретических выступлениях тов. Бухарина. «Теория исторического материализма» является ярким тому примером. Развитие общества, проблема производительных сил, соотношения среды и системы и пр. являются образцами механистического понимания общественных явлений. Имманентный процесс общественного развития подменяется внешним связью системы и среды; внутренние связи и закономерности общественного развития, по мнению тов. Бухарина, определяются внешними связями. Конкретное понимание общества, как определенных общественно-экономических формаций подменяется абстрактным пониманием общества и т. д. Наиболее ярко и резко методологические ошибки т. Бухарина вскрыты в характеризованы Лениным в его отзыве на «Экономику переходного периода». Ленин отмечает, что в ней «автор рассматривает экономические процессы недостаточно конкретно *in actu* (в действии), часто впадая в то, что называется *«terminus technicus»* (технический термин) — *«Begriffsscholastik»* (схоластика понятий) и далее, что ошибки книги коренятся в правильной философской позиции: «Многие неудачные формулировки и термины вурцелируются (коренятся) в философии, попадая *sub specie* *«Grundgedanken»* под линию *idealismi philosophici sen agnosticismi*, отнюдь не *materialismi*».

Те же методологические ошибки повторяются у тов. Бухарина в области политической замены, как это показал Ленин, диалектики эклектизмом, механической методологией.

Притупление внутренних противоречий мы имеем и в понимании тов. Бухарина нашего переходного периода: притупление противоречий веры, крестьянства.

В концепции классовой борьбы теоретический оппортунизм и эклектизм т. Бухарина находят свое выражение как политический оппортунист.

V. Теория равновесия и концепция классовой борьбы в переходный период у т. Бухарина.

Как мы видели, теория равновесия дается т. Бухарином в марксистских терминах. В «Теории исторического материализма», как и вообще в большинстве произведений, у тов. Бухарина налицо весь арсенал марксистской терминологии. Но эта терминология является часто только внешней формой, прикрывающей отнюдь не марксистское содержание.

То же мы видим и в таком основном вопросе, как концепция классовой борьбы в переходный период. И здесь тов. Бухарин, говоря о классовой борьбе

вкладывает в это понятие совсем не то содержание, которое вкладывал Ленин.

Концепция классовой борьбы тов. Бухарина отнюдь не стоит в стороне от его философской концепции. Она целиком вытекает из замены диалектики теорией равновесия.

В суть теории равновесия в применении к развитию человеческого общества?

Противоречия — согласно классификации тов. Бухарина, — бывают двух родов: «между средой и системой и между элементами самой системы» (с. 80).

Но так как существуют два вида противоречий — внешние между средой и системой и внутренние между элементами системы, то естественно является вопрос: какое из этих двух противоречий является основным? Тов. Бухарин безоговорочно утверждает примат внешнего противоречия. «Внутреннее (структурное) равновесие есть величина, зависимая от равновесия внешнего (есть функция этого равновесия)» (с. 81). Для человеческого общества средой т. Бухарин называет природу. «Если рассматриваем общество как систему, то средой для нее будет «внешняя природа», т.е., в первую очередь, наша земная планета со всеми ее натуральными (естественными) свойствами» (с. 109).

Так как самодвижение системы, понимание ее развития из внутренней противоречивости самой системы по мнению тов. Бухарина, как мы видели выше, имеет мистический налет, то развитие системы может быть понято только как нарушение и восстановление равновесия между средой и системой.

«Если мы рассмотрим теперь весь его процесс в целом, то увидим, что процесс воспроизведения есть процесс постоянного нарушения и восстановления равновесия между обществом и природой» (с. 126).

Простое воспроизведение есть устойчивое равновесие между обществом и природой, при росте производительных сил мы имеем расширенное воспроизводство, являющееся подвижным равновесием с положительным знаком, а конец, при падении производительных сил мы имеем дело с отрицательным расширенным воспроизводством, или подвижное равновесие с отрицательным знаком (с. 127).

Исследование развития общественной формации вместо анализа внутренней противоречивости ее природы во всем конкретном богатстве и многообразии ее связей заменяется голой схемой равновесия и его нарушения.

Борьба классов есть выражение общественных противоречий. Следовательно классовые противоречия, суть структурные противоречия системы, которые должны являться, по мысли т. Бухарина, функцией внешних противоречий между природой и обществом.

«Борьба классов самое яркое выражение общественных противоречий, как мы знаем, что «борьба классов движет историю. Противоречие между классами, противоречие между группами... бесконечная цепь противоречий. Все это — противоречия внутри системы, вытекающие из противоречивого строения («структурные противоречия»)... «Противоречия бывают двух родов: между средой и системой, и между элементами самой системы. Есть ли какая-нибудь связь между этими двумя явлениями. Стоит только неминимо подумать над этим вопросом, чтобы ответить утвердительно: да, такая связь существует. Ибо совершенно ясно, что внутреннее строение системы (внутреннее равновесие) должно изменяться в зависимости от того отношения, которое существует между системой и средой. Отношение между системой и средой есть решающая величина (подчеркнуто). Ибо все положение системы, основные формы ее движения (упадок, развитие, застой) определяются именно этим отношением»: (Т. И. М., с. 80).

Таким образом, развитие классовой борьбы определяется внешним

соотношением общества и природы и также укладывается тов. Бухарин в универсальную схему равновесия и его нарушения.

Классовая борьба не отрицается, конечно, тов. Бухарином, но в понимании основных пружин развития ей отводится второстепенное место, то есть лишь структурное противоречие, в основном обусловленное характером равновесия, которое установилось как функция внешних по отношению к системе (обществу) условий.

Такое принижение, смазывание роли и характера классовых противоречий есть естественное следствие подмены диалектического развития, развития через противоречие, концепцией развития как борьбы антагонистических направленных сил.

В самом деле, универсальной схемой движения для тов. Бухарина является нарушение равновесия вследствие превалирования одной из (в основном внешней), новое установление равновесия и т. д. Таким образом движение всегда происходит в сторону превалирующей силы.

Общество, согласно схеме тов. Бухарина, есть структурное равновесие между двумя борющимися силами.

«Общество, худо ли, хорошо ли, живет в природе: оно более или менее к ней «приспособлено», так или иначе оно находится с ней в равновесии, различные части общества все же, поскольку общество живет, так прожены друг к другу, что возможно их одновременное существование: скажем, существовал капитализм с капиталистами и рабочими» (с. 74).

Таким образом выходит, что данная классовая структура общества поскольку всякое общество есть часть природы, приспособлена к данному состоянию равновесия. Изменение классовой структуры общества возможно лишь как следствие нарушения равновесия, при чем основной толчок исходит от внешней среды.

Поскольку равновесие установилось на новой основе, развитие общества в сторону превалирующей силы до тех пор, пока снова не наступит нарушение равновесия.

Вместо внутренней противоречивости общественной структуры основное противоречие в схеме тов. Бухарина отводится противоречию между обществом, как целым, и средой, как величиной, определяющей равновесие.

Посмотрим, какое приложение находит себе эта схема в применении к эпохе диктатуры пролетариата.

Равновесие между капиталистическим обществом и средой нарушается. Пролетариат и буржуазия, — по терминологии тов. Бухарина, — перестают быть «приспособлены» друг к другу. Нарушилось и внутреннее равновесие. Пролетариат захватил власть. Эпоха диктатуры пролетариата есть, следовательно, установление нового равновесия между обществом и средой. Внутренняя противоречивость общества отходит на второй план. Судьбы диктатуры пролетариата и общества переходного периода зависят от того, будет ли подвижное равновесие между обществом и средой развиваться с положительным знаком или с отрицательным знаком. В первом случае общество — независимо от его внутренней структуры — будет развиваться во втором случае оно идет к гибели. «Прочность всякого структурного равновесия,— пишет т. Бухарин в «Экономике переходного периода» (с. 87—88),— зависит между различными общественно-людскими группировками, людскими элементами общественной системы, опирается на определенное равновесие между обществом и внешней средой».

Таким образом схема, данная в «Теории исторического материализма», безоговорочно переносится на общество, в котором господствующим классом является пролетариат.

Если только сохраняется подвижное равновесие с положительным знаком между обществом и средой, то «структурное равновесие между различными общественно-людскими группировками» не будет нарушено. Они «приспособятся» друг к другу.

Перед нами идеальная картина врастания кулака, то бишь «одной общественно-людской группировкой» на фоне «подвижного равновесия с положительным знаком», в социализм.

В самом деле, если такое положительное равновесие, понимаемое т. Бухарином как постоянный рост производительных сил, достигнуто, то оно определяет все. Поэтому удержание этого равновесия какою-либо ценой — высший закон. Лишь бы сохранить этот тип равновесия и тогда любая «общественно-людская группировка» обективно будет работать на пользу общества диктатуры пролетариата.

Лозунг «обогащайтесь» не случайная ошибка. Это краткое суммирование идеи примата внешней среды в установлении равновесия.

Поскольку диктатура пролетариата установлена, остается только поддерживать положительное равновесие, развивать производительные силы, независимо от того, какие «общественно-людские группировки» их разывают.

Как мы видим, смазывание классовой борьбы в переходный период, идея дружно работающих и совместно «друг другу приспособляющихся» общественных людских группировок, включая сюда и кулака, и эпмана, есть строго логическое следствие теории общественного процесса тов. Бухарина, основанной на теории равновесия.

Любопытно, что в применении к обществу переходного периода т. Бухарин даже слово «классы» заменяет вычурным термином «общественно-людские группировки», «людские элементы общественной системы». Перед нами даже «терминологическое» смазывание классовой структуры общества переходного периода.

Немудрено поэтому, что к приведенному выше месту из «Экономики переходного периода» Ленин делает следующее замечание:

«Эта терминология, умышленная замена классов группировками и т. п., есть ли шаг назад к «социологии» в кавычках!»

Абстрактные формулировки и схемы «Теории исторического материализма» и «Экономики переходного периода» получают свою конкретизацию в более поздних работах тов. Бухарина, особенно в брошюре «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» и речи «Политическое завещание Ленина».

Противоречия между социалистическими и капиталистическими элементами хозяйства отходят у тов. Бухарина на задний план перед необходимостью «вести такую политику, которая дала бы простор наиболее полному развитию производительных сил», (Путь и соц. с. 45), независимо от того в чьих руках они находятся.

Как будут распределены развивающиеся производительные силы между отдельными «общественно-людскими группировками», это вопрос второстепенный, так как при наличии установленного равновесия с положительным знаком классовая расстановка производительных сил вопрос второстепенный.

«Кулацкие кооперативные гнезда будут точно так же через банки и т. д. врастать в эту же систему (систему социалистического хозяйства). Но они будут, до известной степени, чужеродным телом, подобно, например, концессионным предприятиям. Что же будет с этого рода кулацкими кропотиями в дальнейшем,— задается вопросом т. Бухарин. Ответ ясен:

«Кулачу и кулацким организациям все равно некуда будет податься, ибо общие рамки развития в нашей стране даны строем пролетарской диктатуры и уже в значительной степени выросшей мощью хозяйственных организаций этой диктатуры».

Итак, поскольку равновесие задано, кулак безоговорочно и мирно существует в социализм, во всю систему социалистических организаций. Правда он является «до известной степени чужеродным телом», но не враждебен а только «чужеродным», и то только для известной степени. Если кулак субъективно враждебен советской власти, то это в основном вина самой советской власти.

«Когда кулаки или наживающиеся за чужой счет и пролезшие в органы советской власти люди начинают стрелять по селькорам, это есть проявление классовой борьбы в самой острой форме. Однако такие случаи случаются там, где еще советский аппарат является слабым. По мере улучшения этого аппарата, по мере укрепления низовых ячеек советской власти, по мере улучшения и усиления местных деревенских партийных и комсомольских организаций такого рода явления будут, как это совершенно очевидно, становиться все более и более редкими, в конце концов бесследно исчезнут». (Там же, с. 54).

Хотя кулак и субъективно враждебен советской власти, но при условии хорошей работы советского и партийного аппарата, объективно он работает на пользу советской власти.

Так же обстоит дело и с нэпманом в городе. Мы допускаем торговца к работе. «А этот торговец является покупателем и у нашей государственной промышленности, и у нашей оптовой государственной торговли он, с другой стороны, продает — поскольку наша собственная государственная и кооперативная товаропроводящая сеть является очень слабой — наши товары в различные уголки нашей страны. При этом он, конечно, наживается, получая в свои руки торговую прибыль или часть этой торговой прибыли. И, тем не менее, независимо от своей воли, он способствует, благодаря общему оживлению товарооборота, и росту нашей государственной промышленности, и росту нашей государственной торговли, более быстрому обрачиванию общего капитала нашей государственной промышленности и нашей государственной торговли».

Быстрее поэтому вертится и машина самого производства, быстрее процесс накопления, и поэтому скорее увеличивается мощность нашей государственной промышленности» (Там же, с. 55).

Так теория равновесия с ее подменой диалектики механическим агностизмом противоположно направленных сил, с приматом внешней среды над величинами, задающей и определяющей «структурное равновесие» системы, ведет прямым путем к чисто-оппортунистической трактовке классовых противоречий в переходный период.

Теория врастания кулака в социализм есть не что иное, как конкретизация положения о «структурном равновесии».

Живое многообразие противоречивых отношений и связей особенно социального содержания эпохи переходного периода, ее сложные расстановки классовых сил растворяются т. Бухарином в абстрактных схемах.

«Задачи, стоящие перед пролетариатом, — пишет тов. Бухарин (в «Экономике переходного периода») — в общем и целом, формально, т.-е. независимо от социального содержания процесса, те же, что и для буржуазии, при расширенном отрицательном воспроизведении».

Вот именно в этом чисто-формально-схематическом решении проблемы в отвлечении от социально-классового строения общества переходного периода и замене его абстрактной схемой равновесия между средой и самой, в котором общество выступает, как нечто однородное, и заключаются основные ошибки тов. Бухарина, именно здесь заложены методологические формы правого уклона.

Недаром поэтому Ленин, к приведенному выше mestu, делает следующее уничтожающее замечание:

«Моя (т.-е. тов. Бухарина) бодановская Begriffsscholastik (схоластика понятий) есть главный враг мой».

Так завершается круг. От бодановской теории равновесия вместо диалектики, через бодановскую трактовку «теории трансформационного процесса» с точки зрения равновесия между «общественно-людскими группировками» и внешней средой к теории врастания кулака в социализм и правому оппортунизму на практике.

Таким образом в качестве элементов, образующих сущность понятия класса, даны:

1. Положение в системе общественного производства.
2. Отношение к средствам производства.
3. Роль в общественной организации труда.
4. Участие в доле общественного дохода.

Ленин как материалист-диалектик развертывает свое определение класса, исходя из того единства, которое заключает в себе разнообразные стороны социального бытия классов и которое таким образом образует специфическую характеристику их сущности. Таким единством социального бытия класса и является место (или положение), занимаемое им в системе общественного производства. Это единство дано отношением класса к средствам производства, вытекающей отсюда ролью в общественной организации труда и участием в доле общественного дохода. Если Ленин перечисляет в своем определении три момента в социальном бытии класса, — то это основные моменты; к ним можно присоединить и иные стороны: момент эксплуатации и вырастающей отсюда политической роли того или иного класса, момент классового сознания и т. д. В ленинском определении мы имеем указания отчасти и на эти моменты, но самое основное в нем — это указание на «различие места в определенном укладе общественного хозяйства», которое и является синтезом различных моментов (сторон) социального бытия класса. Таким образом В. И. Ленин при определении класса исходит из многообразия качественной характеристики класса, не выдвигая особо какого-либо признака класса, которым исчерпывается вся его характеристика: ему никаково чужда односторонность как распределительной теории классов, рассматривающая сущность класса в отношении к источникам дохода, так и организационной, сводящей сущность класса к его организационным функциям. Напротив, для него сущность класса выявляется во взаимодействии всех моментов социального бытия класса, в их единстве. Но в этом взаимодействии основное определяющее значение имеет отношение класса к средствам производства; в единстве различных сторон социального бытия класса определяет средство производства и является движущей силой, приводящей к развитию и изменению данного единства.

Необходимо отметить, что из определения В. И. Ленина логически выходит и связь классов с определенным историческим укладом общественного хозяйства, а следовательно, и со способом производства. Ведь отношение двух основных классов по их месту в системе общественного производства и образует способ производства как единство производственных отношений господствующего типа (как имущественных, так и технических). Наряду с господствующим типом производственных отношений имеются и статки отживающих общественные формации и вместе с тем элементы новых производственных отношений. Господствующий тип производственных отношений, данный способ производства подчиняет себе все производственные отношения, определяет их дальнейшее развитие, но до известной степени, когда новые производственные отношения как бы отрываются от всей системы, превращаются в самостоятельное целое, противопоставляют себя старому способу производства. Борьба различных типов производственных отношений находит свое отражение в борьбе классов. Борьба классов, следовательно, сводится к борьбе за способ производства: всякий революционный класс, олицетворяя в своем лице новый тип производственных отношений, старый способ производства, ставит своей основной целью не только политическое, но и экономическое переустройство общества, т.-е. изменения старого способа производства и замену его новым, а это означает, в конечном результате, и изменение положений классов в системе общественного произ-

К постановке проблемы классов у Каутского.

А. Айзенберг.

В своей последней работе, посвященной обоснованию материалистического понимания истории, Каутский выступил с собственной социологической концепцией классов и их происхождения. Эта концепция является исходным пунктом для разрешения ряда важнейших проблем социологии: государственно-классовой борьбы и революции, преодоления классов и пути к социализму. Повсем этим проблемам Каутский выступает с открытой ревизией марксизма, хотя и уверяет читателя в том, что положения марксизма выражены им в несколько иных словах, по сути же дела не отличаются якобы от трактовки этих проблем Марксом и Энгельсом.

Несмотря на ряд противоречий, возникающих у Каутского в изложении отдельных проблем, можно без особого труда отметить единую методологическую концепцию, связывающую собой все построения второго тома работы. Эта концепция, выражаясь в искусственном отрыве экономики от политики и последовательно проводимая и в учении о классах, и в учении о государстве, и в проблеме пролетарской революции, является одновременно проявлением сугубо-метафизического, антидиалектического метода мышления, наложившего свою печать на последнюю работу Каутского. В ней ярко обнаруживается, что Каутский никогда не был последовательным диалектиком-материалистом: механические построения старых работ развернуты здесь во всей своей полноте.

1. Маркс, Энгельс и Ленин о классах и метафизика Каутского

I.

1. Маркс, Энгельс и Ленин о классах и метафизика Каутского. Зывают с понятием способа производства. Класс рассматривается ими, как развивающееся реальное единство, включающее в себе многообразие сторон социального бытия. Наиболее полное и развернутое определение класса в марксистской литературе дает В. И. Ленин:

«Классами называются большие группы людей, различающиеся по месту в исторически определенной системе общественного производства, их отношению (большею частью закрепленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых один может себе присвоить труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»¹⁾.

¹⁾ В. И. Ленин, Соч., изд. 1-е, т. XVI, стр. 249.

водства. Изменение же положения классов означает не только новое распределение средств производства, но и изменение организационных функций классов, изменение их доли в общественном доходе, изменение политического строя и т. д. Во всяком классовом обществе коренное изменение способа производства невозможно без социальной революции; социальная революция в свою очередь и выражает самый процесс замены одного способа производства другим.

Вот эту-то связь между способом производства и положением классов в системе общественного производства неоднократно подчеркивали Маркс и Ленин¹⁾. Если для них характерен анализ классов в единстве различных сторон их социального бытия, если для них отношения классов связаны в единство способом производства, если борьба классов в данной экономической структуре превращается в борьбу за способ производства—словом, если во всех этих проблемах оказывается глубина диалектического анализа, то, впротив, у Каутского поражает поверхностная трактовка этих вопросов, неумение увязать в диалектическое единство реальные противоречия действительности. И по вопросу о сущности классов, и по вопросу о их связи с способом производства мы имеем у Каутского линию колебаний с уклоном в сторону механистической трактовки проблемы.

В своей старой статье «Классовые интересы,—интересы особые и интересы общие»—Каутский предпринял попытку продолжить анализ Маркса о классах, незаконченный им в 52-й главе III тома «Капитала». И тогда Каутский вместо того, чтобы увязать сказанное Маркса в разноместах по вопросу о классах в единство на основе специфической характеристики, утверждал, что невозможно сказать, как бы Маркс развил дальше свои мысли; он предложил тогда свою трактовку понятия класса, положив основу анализа понятие интереса, возникающего на основе общих источников дохода.

«Теперь мы уже видим, что образует отдельные классы, это не только общность источников дохода, но также и вытекающая отсюда общность интересов и общая противоположность их интересам других классов, из которых каждый стремится сократить источники доходов других, чтобы оставить богаче свой собственный»²⁾,—писал Каутский. И далее: «На этом же основе распределения продукта и основываются классовые противоречия, классовая борьба»³⁾. Иногда Каутский в тех или иных своих работах⁴⁾ лает ряд верных замечаний по вопросу о классах и классовой борьбе, нигде он не ставит проблему в целом—он везде берет то один, то другой элемент классообразования, нигде не указывая на роль классов в общественной системе производства. Опираясь на одно лишь владение или невладение средствами производства, Каутский весьма часто сбивается на распределительную теорию классов. Его выражение, что грань между буржуазией и рабочими нельзя нигде провести с точностью, она влечет за собой неизбежно ведет к различению классов по источникам доходов. Так, говоря о промышленном пролетариате эпохи Великой Французской революции, Каутский писал:

1) См. Маркс, Капитал, Ницца философии и др.; В. И. Ленин, Развитие капитализма в России и др.

2) Каутский, сб. «Очередные проблемы международного социализма», изд. 1918 г., указ. статья, стр. 24.

3) Там же, стр. 26.

4) Каутский, Развитие форм государства, изд. 1905 г., «Донская Речь», стр. 5.

5) Каутский, Терроризм, изд. 1919 г., Берлин, стр. 170.

«Эта нищета и неуверенность в завтрашнем дне приравняли их социальное положение к пролетарскому, но по своему классовому положению, т.-е. по источникам дохода, они представляли собой мелкую буржуазию, идеалом которой была уютная мещанская жизнь. Нет ничего ошибочнее, чем смешение социального положения с классовым, как это делал Лассаль, и как это делают теперь те из русских товарищей, которые полагают, что у бедного крестьянина другие классовые интересы, чем у состоятельного, и что, с другой стороны, у него те же классовые интересы, что у городского пролетариата»¹⁾.

Перед нами налицо самая вульгарная позиция распределительной теории. Если до появления послевоенных работ Каутского можно было говорить о колебаниях его между распределительной и производственной теорией классов²⁾, то в последних работах его взгляды приняли более определенные очертания. Особенно ярко они выявлены в полемике Каутского с большевизмом. В «Тerrorизме и коммунизме» Каутский забывает азбучные истины марксизма и выступает не в роли теоретика, а злобствующего обывателя. Чего стоит следующий «анализ» классов в Советской России! Указав, что у буржуазии «были отняты без большого вознаграждения их производительные и продовольственные средства», что она была превращена в бесправный класс, Каутский пишет: «В Советской России в категории рабочих и «буржуев» зачисляют не по этим функциям, какие выполняются в настоящее время, а по тем, какие исполнялись до революции. «Буржуи» в советской республике рассматриваются, «как особый сорт людей, отпечаток которых нельзя ничем смыть. Как негр остается негром, монгол монголом, где бы они ни появлялись, и как бы ни преодевались, так «буржуй» остается «буржаем», хотя бы он и стал нищим или живет работой. И как живет!»³⁾. Несмотря на обилие демагогии, приведенная цитата на ряду с другими качествами реформиста указывает на теоретическую беспомощность эмпирика, плавающего на поверхности явлений и не умеющего диалектически увязать противоречия социального положения и классовой сущности буржуазии. Изолированное рассмотрение отдельных сторон социального бытия классов, анализ классов на основе лишь формального признания их связи со способом производства неизбежно приводит Каутского к распределительной теории классов. Имеющиеся у Каутского указания, что способом «производства» («формой производства») определяются своеобразные общественные функции различных классов, функции же каждого класса определяют его роль в обществе⁴⁾ являются голой фразеологией, пока не показано, что борьба классов есть борьба за способ производства. Между тем у Каутского мы не встречаем отчетливой формулировки этого положения.

Так в «Аграрном вопросе» он пишет: «В современном обществе господствует капиталистический способ производства. Антагонизм между классом капиталистов и представителями наемного труда — вот движущий момент нашего века, и он кладет на него свою печать»⁵⁾.

Но в чем же проявляется этот антагонизм, где его корни? На это Каутский не дает ответа. Он указывает на существование рядом с двумя классами еще ряда других, частью передовых даже из докапиталистического способа производства и умозаключает:

«Эти разнородные, частью развивающиеся, частью вымирающие, классы с их столь разнородными, постоянно меняющимися интересами, которые

1) Там же, стр. 26.

2) С. Солнцев, Общественные классы, 1923 г., стр. 90.

3) Каутский, указ. соч., стр. 170.

4) Каутский, Развитие форм государства, стр. 42.

5) Каутский, Аграрный вопрос, ч. I, стр. 11, изд. 1906 г.

то многообразно перекрещиваются, то поглощаются интересами капиталистов и пролетариев, но никогда вполне не сливаются с ними, именно эти классы придают современной политической борьбе ее непосредственный характер, полный самых странных неожиданностей». Вопрос о классовой борьбе, как о борьбе за способ производства, здесь совершенно не поставлен. Такой же характер недоговоренности носит анализ классов и способа производства в «Этике и материалистическом понимании истории». «Когда же, — пишет Каутский, — в свою очередь являются продуктом экономической структуры общества, она же порождает антагонизм, следовательно, борьбу классов. Своеобразный классовый интерес есть то, что связывает каждый класс, отделяет его от других классов и определяет его антагонизм к ним»¹⁾. Но что лежит в основе интереса? К чему сводится борьба классовых интересов? Каутский не может дать на это исчерпывающего ответа. Опираясь на понятиями способа производства и классовой борьбы, он нигде не связывает воедино этих понятий и классовую борьбу не анализирует в связи со способом производства. Имеющиеся кое-где кое-где указания на эту связь носят чисто словесный характер и не вскрывают ее сущности в диалектическом движении ее моментов.

Мы имеем у него указания на стремления господствующего класса «к монополизации общественного излишка»²⁾, на то, что это стремление связано со стремлением «к монополизации средств производства и неравномерному владению ими»³⁾, но вместе с тем мы имеем у него указания, что «господствующие классы нередко сильно изъявлены борьбой между собой, общественный излишек и за средства производства, помостью которых производится»⁴⁾. Но борьба за господствующий способ производства не есть борьба внутри господствующих классов — и от борьбы за излишки Каутский естественно не может сделать перехода к борьбе за способ производства. Да и само понятие способа производства у Каутского либо выступает не совсем отчетливо, либо в суженном, по сравнению с Марковым определением способа производства, виде.

Так, связывая классы с экономической структурой общества, Каутский рассматривает способ производства как своеобразную форму выражения классовых отношений. Способ производства, напротив, связывается лишь профессиоナルными группами общества. «Чем больше прогрессирует деление на различные профессии, тем сложнее становится общественный организмы, органами которого они являются. Характер их сотрудничества в важнейшем общественном процессе (хозяйственном), другими словами — способ производства, не есть нечто случайное»⁵⁾. Способ производства определяется данными материальными условиями. «Среди последних важнейшим фактором является техника, развитием которой обуславливается развитие способа производства. Но это не единственный фактор»⁶⁾. И дальше идут указания в пользу географической среды в образовании различных форм общественных отношений в крестьянском хозяйстве с одинаковой техникой. «В зависимости от природы страны и характера окружающих ее соседей крестьянское хозяйство может при одной и той же технике стать базисом самых различных общественных форм»⁷⁾. Отсюда Каутский умозаключает о необходимости изучения и географических и исторических условий для

ниниции «особого способа производства какой-нибудь страны в определенное время», а не только техники.

Против последних из приведенных положений возражать не приходится. Понять способ производства «как сочетание общественных связей и технических приемов производства» без конкретно-исторического изучения какой-либо экономической формации действительно невозможно. Зато понятие способа производства у Каутского вызывает здесь ряд возражений, вследствие некоторой неясности, либо «общественные связи» в способе производства выступают только, как профессиональные связи, а не одновременно и как классовые. Иначе говоря, Каутский не выделяет особо антагонистического способа производства, где отношения классов играют решающую роль для характеристики способа производства. И самый способ производства характеризован как бы преимущественно с его технической стороны. Что у Каутского есть тенденция рассматривать способ производства, как способ технической организации труда, об этом свидетельствует его замечание о том, что последний не может быть подвергнут коренным изменениям.

Говоря об обстоятельствах, приводящих рабочий класс к власти, он пишет: «Но если ему уже приходится взять власть в свои руки, то он отнюдь не должен существующий способ производства выворачивать наизнанку»⁸⁾. Но тогда к чему сводится социальная революция? К захвату политической власти и только? Но ведь это и есть типично механистическая концепция революции, неизбежно вытекающая из своеобразной трактовки классовой борьбы как борьбы за излишки дохода и в свою очередь вытекающая из неправильной теории классов.

Отметим кстати, что подобные ошибки Каутского в трактовке классовой борьбы в его «Предшественниках новейшего социализма» были проанализированы и подвергнуты критике в интересной по своему замыслу и построению работе К. Виттфогеля «История буржуазного общества»⁹⁾. Виттфогель совершенно правильно критикует Каутского за неразборчивое применение термина «пролетарий» к угнетенным массам средних веков. Каутский находит пролетариев среди свободных ремесленников и наемных рабочих средних веков. Отсюда и классовая борьба этого времени изображена, как «часть общего процесса стремлений пролетариата»¹⁰⁾. Виттфогель правильно указывает, что Марксставил вопрос о том, что конкретным способом производства присущи определенные классы¹¹⁾. Каутский же помещает пролетариат в несоответственный способ производства; на деле «рабочие» Каутского были ремесленниками.

Если оставить в стороне замечания относительно употребления той или иной терминологии, то суть возражений Виттфогеля сводится к указанию на непонимание Каутским связи классов с соответственным способом производства, на невыявление сути классовой борьбы, как борьбы — за способ производства, а посему у него самым революционным классом средних веков оказались ремесленники и крестьяне, а не буржуазия, олицетворявшая в своем лице новый прогрессивный способ производства¹²⁾. Поэтому и отдельные моменты классовой борьбы между феодалами и населением городов изображены односторонне; борьба сводится исключительно к захвату полити-

¹⁾ Каутский, Терроризм и коммунизм, стр. 98.

²⁾ K. A. Wittfogel, Geschichte der bürgerlichen Gesellschaft, Wien 1924, S. 319.

³⁾ Ibid., S. 57.

⁴⁾ Ibid., S. 61.

⁵⁾ Мы не останавливаемся здесь на ряде весьма интересных моментов в критике Виттфогелем Каутского, напр., о характере классовой борьбы городской буржуазии и феодалов, и отсылаем интересующихся к указанной работе.

¹⁾ Каутский, указ. соч., изд. 1922 г., «Новая Москва», стр. 69.

²⁾ Там же, стр. 105.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Там же, стр. 106.

⁵⁾ Там же, стр. 100.

⁶⁾ Там же.

⁷⁾ Там же, стр. 104.

ческой власти, притом без особого кровопролития; новый способ производства мирным путем вытесняет старый.

Работа Виттфогеля была написана до издания двухтомной работы Каутского. Последняя же обнаруживает истину критических замечаний относительно более ранних его работ, и, недаром Виттфогель пытался в старых ошибках Каутского вскрыть тенденции, приведшие последнего к его современной политической позиции¹⁾.

Ошибки Каутского по вопросу о сущности класса обнаруживаются в последней работе Каутского. Так, говоря о функциях собственности в государственной форме общества, Каутский правильно отмечает, что в община, так и частная собственность служила как бы облегчением труда, щемящимся в его работе, обеспечивала ему плоды его трудов; собственность являлась не господином, а слугой человека. Из этого Каутский заключает, что при подобном положении не могло быть и речи о тиранической власти, которая стала бы в противоречие с процветанием (Gedeihens) труда масс²⁾. Если мы сопоставим это место в работе Каутского с другим, где говорит о первобытной демократии, как о таком состоянии общества, которое исключает возможность использования богатства одними членами общины «для эксплуатации других, более бедных граждан»³⁾, то мы имеем уже некоторое основание заподозрить Каутского в том, что он рассматривает первобытную демократию, как неподвижную, замкнутую в себе систему изнутри которой не может развиться эксплуатация одного класса другим.

Действительно Каутский так и говорит: «Эксплуатация не явилась следствием возникновения государства. Уже до него существовали рабский труд и разграбление чужих племен. Но во всяком случае образование внутренней общности (Gemeinwesens) (к которому рабы не принадлежат) эксплуатирующих и эксплуатируемых классов связано лишь с возникновением государства путем насилиственного соединения побежденных племен под господством победителей в одно большое общество. Только с тех пор мы имеем в последнем эксплуатируемые и эксплуатирующие классы»⁴⁾.

С другой стороны, для Каутского, который в качестве основного признака класса считает владение или невладение средствами производства, характерно признание имущественного неравенства внутри родовой общины. Но это неравенство есть «неравенство в себе», если так можно выразить, ибо остальные слои населения якобы не испытывают влияния богатых граждан. «Пока не существует,— пишет Каутский,— государственною власти, государство пользуется лишь той охраной, которую дает ему совокупность граждан общины, связанных между собой узами тесной солидарности. Они медленно лишили бы отдельного человека этой защиты, если бы он использовал свое богатство для угнетения и эксплуатации своих сородичей»⁵⁾. И Каутский, повторяя зады буржуазной юридической и экономической

¹⁾ В этом отношении было бы не безынтересно провести параллель между основными положениями Каутского в его считающихся наиболее ортодоксальными марксистскими работах, как, например, «Путь к власти», «Социальная революция» «На другой день после социальной революции», — с аналогичными положениями Ленина. В этом отношении уже в старых работах можно найти в зародившемся виде многие из современных реформистски заостренных положений современного каутсканства.

²⁾ Каутский, Терроризм и коммунизм, стр. 152.

³⁾ Там же, стр. 73, 81.

⁴⁾ Там же, стр. 151.

⁵⁾ Это положение Каутского является перепевом излюбленного лозунга буржуазной науки: «собственность обязывает», усиленно проповедуемого юристов и социологов вроде Дюги, Орну, Гедемана и др.

науки, приводят примеры щедрости и благотворительности богачей в древнем Риме, Афинах и т. д.

Отрывая момент владения средствами производства от роли класса в общественной организации труда, Каутский тем самым оставляет в стороне момент политической организации класса. Все сводится таким образом к резкому разрыву экономических и политических моментов в социальном бытии классов. Но без политических отношений не образуется еще классов; экономические же отношения не могут непосредственно перейти в политические. Иначе говоря, отношения собственности извнутри данного общества не могут перерасти в отношения эксплуатации; отношения первобытной демократии не могут перерасти в классовые отношения. Неподвижность системы неизбежно приводит к тому, что все изменения должны быть привлечены в нее извне; помимо внешнего принуждения, по отношению к данному обществу, Каутский не видит способов перехода к эксплуатации. Ибо и момент эксплуатации оторван у него от изменения в способе производства. Отсюда и курьезы, в роде того, что римский пролетариат эксплуатировал богачей. Он это осуществлял через «налоговое обложение богатых, эксплуатирующих в свою очередь несметное количество рабов»¹⁾.

Подобный результат «исследования» неизбежно должен был получиться при том жонглировании смыслом понятий, который свойственен всякого рода позитивистским путникам, в том числе и Каутскому. Но, несмотря на всяческие колебания и теоретическую путаницу, у Каутского имеется своеобразная философия и притом «философия» весьма скверного пошиба. В интересующем нас вопросе она сводится к удалению из понятия класса роли класса в общественной системе производства, к указанию на то, что эта роль не является классообразующим признаком, к подмене верховного руководства класса капиталистов понятием роли руководителей и управителей техническим процессом производства²⁾, а затем и указанию на то обстоятельство, что сама по себе функция администрирования и управления не играют никакой роли в качестве классообразующих признаков³⁾. Разрывая отдельные моменты социального бытия классов, Каутский не рассматривает их в их единстве, в связи со способом производства, а классовую борьбу фактически сводит к борьбе за источники доходов, а не за способ производства. Между тем все предпосылки для решения проблемы классов и классовой борьбы в иной плоскости были уже даны Марксом и Энгельсом.

II.

Определение Марксом способа производства вскрывает в нем единство двух сторон производственных отношений: технической и общественной. Под способом производства Маркс разумеет сочетание «общественных связей и технических приемов, которое мы называем особым капиталистическим видом производства, или специфически-капиталистическим способом производства»⁴⁾.

Очевидно, в способ производство входят моменты как технической организации труда, так и общественной (расстановка общественных групп в процессе производства, выделение функций администрирования, функций специалистов, выделение профессий и т. д.). Но если в данном понимании способа производства Маркс еще не вскрывает его внутренние противоречия, то в другом месте, определяя его, как специфическую характеристику любой социальной структуры, он дает переход к понятию антагонистического способа производства, т. е. связанного с существованием классов. «Каковы бы

¹⁾ K. Каутский, S. 343, 345.

²⁾ Ibidem, S. 8.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Маркс, Капитал, т. I, стр. 614, ГИЗ, изд. 1925 г.

ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но, находясь в состоянии *отделения* одних от других, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того, чтобы производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи социальной структуры¹⁾.

Уже здесь в способе производства выступает момент, наиболее важный для решения проблемы классов: соединение средств производства с трудом. Если любая форма соединения этих факторов производства характеризует способ производства вообще, то та форма соединения, где средства производства как условие труда противостоят непосредственным производителям, характеризует способ производства, основанный на антагонизме классов. Всё известные нам до сих пор исторически существовавшие способы производства были антагонистическими способами производства именно вследствие этого противопоставления условий труда непосредственным производителям. Но это противостояние средств производства, как условий труда, рабочей силе является в свою очередь историческим результатом процесса «отделения» рабочего от условий его труда», т.-е. процесса монополизации основных средств производства в руках немногих частных собственников и вытекающей отсюда неизбежно эксплоатации неимущими собственниками средств производства. Иначе говоря, данный способ производства, как способ соединения средств труда и рабочей силы, имеет свои предпосылки в предшествующем способе производства, создающем необходимые элементы новой экономической структуры. «Процесс, создающий отношение, именуемое капиталом, не может, следовательно, быть ничем иным, как процессом отделения рабочего от условий его труда, процессом, превращающим, с одной стороны, общественные средства существования и производства в капитал, с другой стороны — непосредственных производителей в наемных рабочих. Так называемое первоначальное накопление есть, следовательно, не что иное, как исторический процесс раз'единения производителя и средств производства. Он является, «первоначальным», так как составляет доисторический период существования капитала и соответствующего капиталу способа производства²⁾.

Таким образом, то, что выступает, с одной стороны, как исторический результат предшествующего развития, является одновременно исходным пунктом в развитии нового способа производства. Развитие антагонистического способа производства означает вместе с тем и развитие классов, элементы которых были даны предшествующей экономической структурой, и развитие и обострение классовых противоречий. Изменение в самом способе производства, вызываемое дальнейшим ростом производительных сил, вызывает соответственное изменение и классового строения общества, и появление новых классовых группировок³⁾. При рассмотрении какой-либо эпохи способа производства является исходным пунктом логического анализа классовой структуры. Это отнюдь не обозначает, что способ производства выступает в виде какого-то метафизического единства, выделяющего из себя самое разнообразие своих элементов. Напротив, способ производства рассматривается, как конкретное единство производственных отношений, растающее на основе определенной системы производительных сил, — но еще

¹⁾ Маркс, Капитал, т. II, изд. 1907 г., стр. 12; см. также письмо Энгельса к Штаркенбургу, «Письма», изд. «Моск. Раб.», 1923 г., стр. 342.

²⁾ Маркс, Капитал, т. I, изд. 1899 г., стр. 605.

³⁾ «Мы видим таким образом, что буржуазия является продуктом дальнейшего развития, целого ряда переворотов в способах производства и сообщения (Маркс и Энгельс, Коммунистический манифест, изд. под ред. Д. Ризенера, 1923 г., стр. 64).

способ противоречивое; в антагонистическом способе производства это противоречие выражается в несоответствии производительных сил той общественной форме, в которой выражена организация производства; производительные силы вступают в противоречие со способом производства¹⁾). Кроме того, противоречие производительных сил и способа производства выражается еще в противоречии владельцев средств производства и непосредственных производителей. Способ производства в целом определяет и направляет это противоречие, развивает разнообразные формы его: иначе говоря, развитие классов и классовых противоречий определяется способом производства. Особенностью капиталистического способа производства является сосредоточение средств производства в руках капиталистов и лишение таковых наемных рабочих: этот исходный момент развития капиталистического способа производства является вместе с тем и движущей пружиной развития классовых противоречий и классовой борьбы. Если исторически распределение средств производства обуславливает собой данный способ производства и соответствующие ему классы, то дальнейшее развитие данной экономической структуры как реального единства определено развитием данного способа производства. Т.-е. и распределение средств производства, а следовательно, и связанное с ним «расчленение общества на классы²⁾», являются здесь уже не предпосылкой, а результатом исторического развития.

При подобной постановке вопроса способ производства определяет социальное бытие класса в целом; элементы социального бытия класса получают свою характеристику лишь в связи с данным способом производства и с происходящими в нем изменениями. Т.-е. способ производства определяет место, занимаемое классами в общественной системе производства³⁾; положение же класса в этой системе есть единство моментов отношения к средствам производства, роли в общественной организации труда, отношения к источникам дохода и т. п.⁴⁾.

В «Введении к Критике политической экономии» Маркс указывает на способ производства как на исходный пункт в понимании распределения средств производства. «Во всяком случае способ производство, будь то победителей, будь то побежденных, будь то возникший от смешения обоих, определяет собою новое распределение, которое устанавливается. Хотя оно является предпосылкой для нового периода производства, само оно отнюдь не продукт производства и не только исторического вообще, но и определенного исторического способа производства. Например, монголы, опустошившие Россию, действовали сообразно их способу производства, для скотоводства большие необитаемые пространства являются главным условием. Германские варвары, для которых земледелие при помощи крепостных было традиционным способом производства, так же, как изолированная жизнь в деревне, тем легче могли подчинить этим условиям римские провинции, что произошедшая там концентрация земельной собственности совершенно опровернула прежние системы земледелия».

В том же «Введении» Маркс указывает на определяющую роль распределения орудий труда и членов общества («подведение индивидов под определенные производственные отношения», данные уже способом производства) в процессе производства и на вытекающее отсюда распределение продуктов.

Таким образом способ производства как единство производственных отношений содержит в себе все элементы, образующие сущность понятия

¹⁾ См. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, «Библиотека марксиста», вып. II, стр. 61.

²⁾ Энгельс, Развитие социализма..., стр. 60; см. там же, стр. 24.

³⁾ См. Маркс, Капитал, т. I, Историческая тенденция капиталистического накопления.

⁴⁾ См. определение классов, данное В. И. Лениным.

класса¹⁾. «Если капиталистический способ производства предполагает определенную общественную конструкцию условий производства, то он в тоже время непрерывно воспроизводит ее. Он не только производит материальные продукты, но и непрерывно воспроизводит и те производственные отношения, в которых эти продукты производятся, воспроизводит, следовательно, и соответственные отношения распределения»²⁾). Но если способ производства, как единство системы производственных отношений, содержит в себе и определяет собой формы отношений людей к средствам производства и друг к другу, то он тем самым и определяет положение людей в общественно-антагонистической структуре общества. Полярные противоположности определяются в силу существующего способа производства. Без понятия способа производства нет понятия классов, как полярных противоположностей. Определение класса как полярного понятия вне его связи с антагонистическим способом производства есть пустое понятие, ибо ряд промежуточных классов не суть стороны основного противоречия в общественной системе производства; напротив, в себе самих они могут содержать в зародышевом виде элементы этой полярности. (напр., крестьянство, мелкая городская буржуазия) и никакого противоречия здесь не имеется³⁾.

Каутский же, не видя основного в марксистской теории классов и придав понятию класса характер полярности на основе лишь владения или не владения средствами производства, вне его связи со способом производства, принужден признать отсутствие этой полярности у классов мелких товариществ производителей, самостоятельных свободных рабочих (ремесленников) и интеллигенции. Мало того, логика обязывает его отказаться на этом основании от характеристики всех указанных общественных групп, как классовых групп⁴⁾. Как это ни может не показаться невероятным, но остается факт, что Каутским все эти группы причисляются к профессиям⁵⁾. Диалектика мстит за себя Каутскому. Каутский по сути дела источник различия классов и классовых противоположностей видит только во владении или не владении средствами производства⁶⁾, т.-е. в отношениях собственности. Но его политическая сторона собственности выступает в качестве самостоятельного момента, существующего независимо от экономической стороны; отрывая их друг от друга, Каутский не замечает, как отношения собственности в своей определенной общественной форме одновременно являются отношениями эксплоатации, отношениями господства—подчинения. Если

¹⁾ Отношение людей к средствам производства зависит от способа производства. «Законы могут какое-либо средство производства, напр., землю, уединить в руках известных семей. Эти законы только тогда получают экономическое значение, когда крупная земельная собственность находится в гармонии с общественным способом производства, как, напр., в Англии» (Маркс, Введен в Критике полит. экономии).

²⁾ Маркс, Капитал, т. III, изд. 1907 г., гл. 51, стр. 408; см. также Энгельс, Анти-Дюринг, изд. 1928 г., стр. 251 («борьба между двумя классами, созданными существующим способом производства»).

³⁾ Удалец в своей статье «К теории общ. классов у Маркса и Энгельса» совершенно правильно отмечает у Солнцева поверхностную трактовку основы общ. классов в системе производственных отношений, ибо, не раскрыв элементы класса в единстве этой системы, Солнцев дал пустое понятие без реального содержания, а отсюда и его стремление доказать, что у Маркса в основе образования классов не лежит момент отношения к средствам производства (См. «Архив Маркса и Энгельса», книга первая).

⁴⁾ «Produzenten dieser Art, namentlich Bauern, gibt es lange, bevor es zur Scheidung eines Teils der Produzenten von der freien Verfügung über ihre Produktionsmittel kommt. In diesen Stadium bilden die Produzenten der einzelnen Gruppen soweit die nach schwache Arbeitsteilung solche Gruppierungen bereits hervorbringt nur verschiedene Berufe, nicht aber verschiedene Klassen» (K. Kautsky, S. 16).

⁵⁾ На вопрос о профессии мы остановимся ниже в связи с теорией происхождения классов.

⁶⁾ K. Kautsky, S. 11, 15.

Богданова в его теории классов и классообразования основным признаком является деление на организаторов и исполнителей (управители и управляемые)—то у Каутского основой является наличие или отсутствие собственности на средства производства. Несмотря на различие, обе точки зрения подтверждают механистическую концепцию в теории классов. Первая отрывает общественно-политические функции классов от экономических, вторая—экономические от политических: обе не видят способа производства, как единства, дающего развернутую формулировку понятия класса¹⁾. Между тем Маркс в третьем томе «Капитала» указывал на необходимость не останавливаться на отношениях собственности. «Те формы распределения, о которых мы только что говорили, являются базисом особых общественных функций, находящихся в пределах самого производственного отношения на долю определенных его деятелей в противоположность непосредственным производителям. Они придают самим условиям и их представителям специфическое общественное качество»²⁾.

Маркс дает анализ этого общественного качества в первом томе «Капитала» в главе «Производство абсолютной прибавочной ценности». Отношения эксплоатации, имеющие в своей основе выкачивание из угнетенных классов прибавочной стоимости, не могут не быть связаны с принудительными отношениями, с командным положением класса, владеющего средствами производства. Но это командное положение, эти отношения, покоящиеся в известной степени на принуждении, обуславливаются в свою очередь способом производства, самим процессом производства.

«В процессе производства капитал стал командовать над трудом, т.-е. над действующей рабочей силой или над самим рабочим. Оливеторенный капитал, капиталист, наблюдает за тем, чтобы рабочий исполнил свое дело старателльно и с должной степенью интенсивности. Далее капитал развился в принудительное отношение, заставляющее рабочий класс производить больше труда, чем это требует тесный круг его собственных жизненных потребностей. Как производитель чужого трудолюбия, как насос, высасывающий прибавочный труд и эксплуатирующий рабочую силу, капитал превосходит по энергии, безграничной силе и действию все прежние системы производства, покоящиеся на непосредственном принуждении к труду»³⁾.

Ясно, что здесь речь не просто о функции управления или руководства, здесь речь идет о командовании процессом производства, в которое, конечно, включаются, как момент, и функции управления и руководства. На это указывал и В. И. Ленин в своем определении, выделяя особо место класса в общественной системе производства и роль класса в общественной организации труда. Последняя легко может быть объяснена с точки зрения функции управления или руководства (и даже организатора). Необходимость различать двойственный характер общественных функций капиталиста была еще отмечена Марксом: с одной стороны, капиталист управляет производством, изготавливая продукты, с другой—управление ведет к «созиданию капиталом прибавочной ценности». Но если по «содержанию своему» капиталистическое управление двойственно, «то по форме это управление всегда является деспотическим». Этого как раз не понимают буржуазные экономисты, находящиеся в труде самостоятельных производителей, и в капиталистическом способе производства одну лишь функцию управления.

«Напротив того,—писал Маркс,—при исследовании капиталистического способа производства, они отождествляют эту функцию управления, по-

¹⁾ Что Каутский не учитывает роли всех моментов социального бытия класса, показывает его трактовка группы служащих и связанный с этим выпад против Бухарина (Kautsky, S. 7).

²⁾ Маркс, Капитал, т. III, гл. 51, стр. 409.

³⁾ Маркс, Капитал, т. I, изд. 1899 г., стр. 243.

скольку она вытекает из совместного процесса труда, с той же самой функцией, поскольку она обуславливается капиталистическим, а следовательно, антагонистическим способом производства. Капиталист не потому является капиталистом, что он руководитель промышленности, а, наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист. Главное начальство в промышленности становится атрибутом капитала, как в феодальную эпоху начальство на войне и на суде было атрибутом земельной собственности»²⁾.

Маркс считает необходимым выделить функцию непосредственного руководства и надзора от функции верхового руководства. Напротив того, где подчеркивает процесс выделения технической организации труда и передачи этой функции капиталистами классу наемных служащих. «Как капиталист прежде всего избавляется от ручного труда, лишь только его капитал достигает той минимальной величины, с которой и начинается настоящее капиталистическое производство,— так теперь он и эту функцию непосредственного надзора уступает наемным рабочим особого рода», офицерам-унтер-офицерам промышленности, «которые в продолжение процесса труда командают от имени капитала»³⁾.

Каутскому чуждо это различие функций капитала в общественной организации труда: функции верхового руководства и функции руководства и надзора; он постоянно их смешивает, сводит первую ко второй, а сам руководство преподносится в виде естественной функции всякой общественной структуры⁴⁾. Маркс же, напротив, считает, «что труд руководства и надзора не есть особая функция, обусловливаемая природой всякого комбинированного общественного труда»⁵⁾, ибо он «возникает из противоречия характера, из господства труда над капиталом и потому является общим для всех способов производства, основанных, как и капиталистическое, на классовом противоречии»⁶⁾. Маркс указывает и на тенденцию капиталистического развития, состоящую в том, что «само капиталистическое производство привело к тому, что труд надзора, совершенно отделенный от собственности на капитал, всегда имеется в наличии на мостовой. Поэтому сделалась бесполезным, чтобы труд надзора исполнялся капиталистом»⁷⁾. И даже Маркс приходит к выводу, что, если «лицо, являющееся только управляемым, но не владеющим капиталом на основе каких бы то ни было юридических титулов, ни заемообразно, ни как-либо иначе, использует все реальные функции, выпадающие на долю функционирующего капиталиста, как такового, тогда остается лишь служащий и капиталист, как лицо излишнее, исчезающее из процесса производства»⁸⁾.

Маркс, таким образом, прослеживает тенденцию потери классом капиталистов всех его производительных функций. Поскольку у класса капиталистов остается непосредственно одна лишь функция эксплуатации, а это особенно наглядно выражается в акционерных предприятиях капитала, па-

¹⁾ Подчеркнуто мною.

²⁾ Маркс, Капитал, т. I, изд. 1899 г., стр. 264.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Каутский ссылается на то обстоятельство, что среди животных существуют вожаки; тем более в организованном человеческом обществе будут всегда руководители.

⁵⁾ Маркс, Капитал, т. III, изд. 1907 г., стр. 363.

⁶⁾ Маркс, Капитал, т. III, изд. 1907 г., стр. 364.

⁷⁾ Ibid.; см. также «Теории прибавочной ценности», изд. «Прибой», т. III, стр. 380.

⁸⁾ Ibid., стр. 365.

столку мы имеем дело с «бандой купоновладельцев»¹⁾, поскольку вместе с так называемым предпринимательским доходом мы имеем «новую разновидность паразитов в образе проектировщиков, гриндеров и просто номинальных директоров, целую систему мошенничества и обмана в отношении учредительства, выпуска акций и торговли акциями»²⁾.

Но если мы ставим проблему развития класса капиталистов (и любого эксплуатирующего класса в подобную плоскость), то не следует ли отсюда вывод, что данный класс перестает играть роль в способе производства. Отнюдь нет — за этим классом остается функция верхового руководства

и распоряжение судьбами всего производственного процесса в целом. «Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд высасывается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и подчинения, каковым оно и вырастает непосредственно из самого производства, и в свою очередь оказывает на последнее определяющее обратное действие» — писал Маркс, указывая на политические функции класса, на политические формы отношений суверенитета и зависимости, вытекающие из отношений эксплуатации, связанных с данным способом производства³⁾. Концентрация средств собственности в немногих руках и создала свое время «власть азиатских и египетских царей, этрусских теократов»⁴⁾.

Также власть «в современном обществе принадлежит капиталисту — безразлично, выступает ли он в качестве отдельного капиталиста или, как в акционерном обществе, в качестве капиталиста коллективного»⁵⁾.

Таким образом, Маркс, связывая анализ социального бытия класса со способом производства, не разрывает отдельных моментов этого бытия, а, напротив, из отношений собственности выводит роль класса в общественной организации труда и роль его в качестве эксплоататора и даже роль политической организации общества, — т.-е. в государстве.

Каутский, разрывая отдельные моменты социального бытия класса все время повторяет очевидную истину, что основу классового различия надо видеть во владении или невладении средствами производства, а не в управлении производственным процессом⁶⁾. Он приводит ряд весьма неудачных примеров, том числе и из эпохи ростовщического капитала и торжествующего капитализма, — где же здесь руководство и управление⁷⁾? В то же время Каутский допускает ошибку, когда, указывая на право распоряжения собственниками средствами производства, говорит о любых формах этого использования.

Что остается от права распоряжения средствами производства, если не выполняется команная роль владеющего класса в процессе производства? Остается лишь возможность дать приложению средств производства любое управление⁸⁾. Но ведь это как раз и не верно. Господствующий способ производства определяет собой и формы использования средств производства,

¹⁾ Энгельс, От утопии..., стр. 72. «Наемные агенты, — писал Энгельс, — выполняют теперь все общественные функции капиталистов. Для самих капиталистов не осталось другой общественной деятельности, кроме загребания доходов, превращения купонов» и т. д.

²⁾ Маркс, Капитал, т. III, стр. 414.

³⁾ Маркс, Капитал, т. III, стр. 320; см. также Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, стр. 75.

⁴⁾ Маркс, Капитал, т. I, изд. 1899 г., стр. 266.

⁵⁾ Так же.

⁶⁾ Kautsky, S. 11.

⁷⁾ Заметим, что ростовщический капитал есть предпосылка к образованию капиталистического способа производства и таким образом не может служить показателем отсутствия функции руководства у класса капиталистов.

⁸⁾ Kautsky, S. 12.

а это значит, что место в общественной системе производства обуславливается распоряжение средствами производства. Точно так же, как «свободный» рабочий не свободен распоряжаться своей рабочей силой (эта свобода относительна, и делает ее относительной господствующий способ производства), точно так же свобода промышленной деятельности капиталиста зависит от места, занимаемого им в общественном процессе производства.

В капиталистическом способе производства, как в основной законности, сняты и подчинены отдельные виды частной собственности, существовавшие еще до промышленного капитализма, и последний определяет формальные способы и пределы их использования¹⁾.

Воюя с функцией верховного руководства, отрицая ее тесную связь с владением средствами производства, Каутский неизбежно должен скатиться к распределительной теории классов. В самом деле, если у капиталиста, дающего акциями, отнять функцию верховного руководства процессом производства, то что у него остается, кроме права на доход? В руках капиталиста источник его доходов — и мы опять имеем пресловутое деление классов по источникам дохода, т. е. распределительную теорию классов, которой Каутского «влечет неведомая сила».

Каутскому чуждо диалектическое рассмотрение класса в его развитии, рассмотрение отдельных моментов социального бытия класса в их взаимосвязи. Поэтому Каутский останавливается на отношениях собственности, сводя роль класса в общественной организации труда к техническому моменту и элиминируя из бытия класса место его в общественной системе производства. Каутский не замечает, что только через соответственную форму в общественном процессе производства владельцы средств производства оформляют до конца свое классовое бытие.

Такова диалектическая постановка вопроса. Но Каутскому из соображений надо элиминировать командную роль из признаков класса, заменяет ее «командой над средствами производства»²⁾. Оставшись с функцией управления и организации общественного процесса производства Каутский беззубко запутывает вопрос. С целью замазывания проблемы принимает на себя роль защитника марксизма от положения, будто бы быть есть результат направления капиталистом в процессе производственных функций руководства, намекая при этом на Бухарина³⁾. Этот выпад получило свое освещение тогда, когда Каутский, указывая на хороших управителей капиталистов, говорит о неотделимости этих функций от процесса производства, а следовательно, и капиталистов (!), и, наконец, умозаключение: «Участвующие в процессе производства капиталисты (но не бездельники капиталисты) не могут при всех обстоятельствах и сразу подвергнуться экспроприации, а лишь при известных условиях и не все в одно и то же время»⁴⁾.

¹⁾ См. диалектику развития купеческого капитала у Маркса: «Капитал», ч. 1, стр. 303 и сл.: «При капиталистическом способе производства, т. е. когда капитал овладевает самим производством и придает ему совершенно измененную и специфическую форму — купеческий капитал является лишь капиталом с определенными функциями. При всех прежних способах производства — и тем в большей мере чем более производство есть непосредственно производство средств существования для самого производителя, — купеческий капитал представляется фикцией, пар excellence капитала».

²⁾ Каутский, С. 11.

³⁾ Ibidem, S. 12.

⁴⁾ Ibidem, S. 13.

Кто же, спрашивается, склоняется к тому, что капиталисты отчасти получают прибыль вследствие своих управленческих и организаторских функций? Кто еще верит в способность капиталистов к выполнению этих функций? Кто не видит, что эту функцию в капиталистическом способе производства выполняет армия наемных служащих и технической интеллигенции?⁵⁾.

Подведем некоторые итоги.

Каутский не останавливается на самом основном в марксистской трактовке проблемы классов, — на связи классов со способом производства; он не понимает, что в способе производства оказываются включенными, как в диалектическое единство, все те элементы, которые и дают полную, развернутую формулировку понятия класс. Социальное бытие класса определяется способом производства в целом: процесс производства и распределения, равно как моменты имущественных и технических производственных отношений оказываются включеными в единство самого процесса производства, а не разорванными и разъединенными друг от друга элементами социального бытия. Способ производства определяет все моменты социального бытия класса, ибо с данным способом производства определено и место классов в экономической структуре общества. Поэтому прав был Ленин, когда в своей критике распределительной теории классов писал: «Основной признак различия между классами — их место в общественном производстве, а, следовательно, их отношение к средствам производства»⁶⁾. Но если «вульгарный социализм» (а от него в свою очередь часть демократии) перенял от буржуазных экономистов манеру рассматривать распределение, как нечто независимое от способа производства⁷⁾, то вульгарный марксизм в лице Каутского перенял от буржуазных социологов манеру рассматривать экономический момент в социальном бытии класса изолированно от политического момента этого бытия: иначе говоря, Каутский, став на точку зрения Дюринга, отрывает политический и юридический момент собственности от производственных отношений⁸⁾. Каутский не умеет вывести из отношений собственности отношений государства-подчинения, Каутский отказывается признать в качестве одного из основных признаков класса то обстоятельство, что одни общественные группы выступают в качестве «верховных распорядителей судеб производственного процесса», а другие в качестве простых исполнителей. В результате подобной постановки вопроса Каутский вынужден ввести политические моменты извне, ибо для их закономерного развития внутри данного способа производства, исходя из его концепции, нет никаких реальных предпосылок. Анализ классов и различных моментов их социального бытия, вне связи со способом производства, неизбежно привел Каутского к разрыву отдельных сторон социального бытия класса, к гипостазированию отдельной стороны этого бытия, и в конечном счете к распределительной теории классов.

¹⁾ Не можем не привести следующую тираду Каутского: «Классовые противоречия смогут быть преодолены вместе с преодолением отношений собственности, на которых они покоятся. К этому направлены стремления социалистических партий (включая и коммунистическую). И все же они должны, если прав Бухарин, корень зла искать не в формах собственности на средства производства, но в том, что большие предприятия имеют руководство, которое они должны преодолеть. Это случилось в России в начале советского режима, пока не было познано, какую неправильную ошибку сделали. Тогда ударились в другую крайность, дать каждому предприятию не только руководство, но и усилив таковую большой диктаторской силой, чем которой обладал промышленный капиталист, изгнанный ими» (У. с., стр. 17). Комментарии излишни!

²⁾ В. И. Ленин; — т. V, изд. 3-е, стр. 201.

³⁾ К. Маркс, Замечания на программу герм. раб. партии, изд. 1923 г., стр. 57.

⁴⁾ Е. Пашуканис и И. Разумовский, Новейшие откровения Карла Каутского, изд. 1929 г., стр. 43.

2. Маркс и Энгельс о происхождении классов и новая теория Каутского.

I.

Свою основную мысль по вопросу о происхождении классов Каутский сформулировал с достаточной ясностью. «Так как первые классы и государства образуются из племен, которых спаивает и ставит одних над другими акт завоевания,— то поэтому на первых порах племена и классы являются разъединенными друг от друга организациями, каждая со своей собственной общественной жизнью». И далее Каутский указывает на появление классов «в форме сословий» легко различимых в силу их полной отгороженности. Раньше, чем люди дошли до познания существования классов в обществе, последние в реальной действительности существовали в качестве сословий, продукты войны¹⁾.

Приведенное положение методологически определяет всю установку Каутского. Она заключается в отрицании внутренней закономерности развития общества бесклассового в классовое на этапе появления внутри него явлений такого порядка, которые с неизбежностью влекут к разделению первоначальной формы общества.

«Кредитор и должник принадлежат в начале к различным племенам. Только господствующее племя распоряжается огромными излишками средств существования, которые оно и может ссужать. В свою очередь только члены подчиненного и эксплуатируемого племени попадают в положение нужды, которая их и заставляет принимать ссуду»²⁾.

Таким образом, факт расчленения общества изображается не как результат имманентного развития противоречий внутри общества, а как результат механического соединения уже заранее данных неравными его частями. Механическая соположенность различных племен не может привести к единству системы. Но Каутский менее всего исходит в анализе своих социологических построений из категории единства. Как и у всякого механиста, первом плане у него категория различия или тождества вне связи с категорией единства.

Комментируя только что приведенное положение, Каутский указывает, что именно различие племен лежит в основе социальных различий общества, лишь этот факт приводит к известной солидарности внутри отдельных племен, к взгляду на представителей других племен, как на врагов, которых заслуживают уважения и у которых надо брать столько, сколько возможно.

Ведь поэтому-то римские патриции превратили плеbeев в своих долговых-рабов. С другой стороны, не может быть и речи о подобном обращении со стороны патрициев с патрициями,— аргументирует Каутский.

Здесь все действительные отношения перевернуты на голову. Первые классы, выступившие в форме сословий, выступают не как результат длительного исторического развития, приводящего к расчленению лишенного социальных различий общества на классы, а, наоборот,— как исходный пункт для объяснения этих различий.

В своей «Науке Логики»—Гегель писал, что «необходимость связана с самим бытием», и что «имманентное возникновение различий должны быть присущи самому изложению дела, так как они составляют собственное развитие понятия»³⁾. И дальше: «То, чем производится дальнейшее самодвижение понятия, есть уже

имятое выше заключающееся в нем самом отрицательное; оно составляет истинно-диалектическое»⁴⁾.

Как диалектик-материалист, В. И. Ленин видит в этих положениях Гегеля основное звено диалектического метода. Переведя идеалистические категории на материалистический язык, Ленин пишет: «Необходима связь, обективная связь всех сторон, сил, тенденций etc. данной области явления». Имманентное возникновение различий Гегеля и есть «внутренне обективная логика эволюции и борьбы различий полярности»⁵⁾.

Так ставят вопрос диалектик-идеалист и диалектик-материалист.

Каутский же, выступающий в своем двухтомнике в обличии самого защищенного позитивиста и механиста, Каутский, ревизующий философию марксизма и подменяющий ее кантизмом⁶⁾, становится на путь не внутренней логики развития общества, а на путь привлечения извне тех сил, кои и должны одну форму существования общества заменить другой.

Здесь дело обстоит не только в пренебрежении диалектической логикой Гегеля. Нет, здесь налицо полнейшее игнорирование Маркса и Энгельса. Достаточно привести ряд их положений по вопросу о происхождении классов, чтобы увидеть пропасть, отделяющую «ученика» от его учителей. Для Маркса, как и для Энгельса, развитие общества в своем самодвижении и приводит к различным формам своего существования, к имманентному возникновению и исчезновению различий внутри этого единого целого. Источник этого самодвижения Маркс и Энгельс видят в общественном процессе производства. Оно свою очередь и обуславливает при известных условиях появление тех или иных явлений, присущих лишь определенным способам производства.

«Материалистическое понимание истории зиждется на том положении, что производство, а вслед за производством и обменом продуктов, служит основанием всякого общественного строя; что в каждом историческом обществе определение продуктов, а с ним и расчленение на классы или сословия, зависит от того, как и что производится этим обществом и каким способом меняются произведенные продукты»⁷⁾.

Если здесь перед нами выступает способ производства, как всеобщее слово разнообразных сторон общественного бытия, то в ряде других мест Маркс и Энгельс не считают возможным ограничиваться только этой всеобщей связью и выдвигают на ряду с ней определяющий момент, характерный для всех этапов общественного развития, выступающий в качестве специфической характеристики этого развития. Так, происхождение классов связывается с определенным уровнем развития производительности труда, как с символом, предпосылкой социального расчленения общества.

«Прибавим кстати, что и все до сих пор существовавшие исторические противоположности эксплуатирующих, эксплуатируемых, господствующих и заслуживающих классов, обясняются той же, относительно неразвитой производительностью человеческого труда»⁸⁾.

Об этой же связи экономического развития и социального расчленения общества писал и Маркс, приводя в пример древне-азиатские, античные системы производства. «Древние общественные производственные организации гораздо проще и прозрачнее буржуазной... Существование таких организаций определяется низшей ступенью развития производительных сил труда и

¹⁾ Там же, стр. 11.

²⁾ Ленинский Сборник IX, Конспект книги Гегеля «Наука логики», стр. 49.

³⁾ См. по этому поводу ст. Фурштака в «Под Знаменем Марксизма» № 9—10, 1928 г.

⁴⁾ Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, «Библ. марксиста», II, стр. 60.

⁵⁾ Энгельс, Анти-Дюринг, изд. 1928 г., стр. 168.

¹⁾ Kaутский, S. 82.

²⁾ Ibidem, S. 166.

³⁾ Гегель, стр. 10.

соответственной ограниченностью и узостью отношений людей в сфере материальной жизни¹⁾.

Таким образом, низкое экономическое развитие и соответствующая производительность труда являются не только всеобщими предпосылками развития общества на всех его прошлых этапах, но специфическими условиями, приводящими к его социальному расчленению.

Но здесь необходимо оговориться, что уровень производительности труда выступает у Маркса и Энгельса и как отрицательный момент, приводящий к образованию классов, и как положительный момент, обусловливающий их появление. С одной стороны, указывая на относительную неразвитость производительности труда, Энгельс писал: «Пока трудящееся население такой степени поглощено необходимой работой, что не имеет свободного времени для дел общественных, для заведования производством, для государственных дел, правосудия, наук, искусств и т. д.— до тех пор должен существовать особый класс людей, освобожденный от настоящего труда и занятых этими делами; при чем такой класс, конечно, не упускал случая из личных выгод отягощать рабочие массы все большим и большим трудом²⁾».

С другой стороны, только соответственная степень развития производительности труда обуславливает возможность и необходимость классового расчленения общества. Ибо только при соответственном развитии производительности «труд семьи стал создавать больше продуктов, чем было необходимо для ее поддержания», только тогда появился «избыток труда над изжками содержания труда³⁾», а это и стало основным необходимым условием существования всякой формы эксплоатации.

«Если рабочему,— писал Маркс,— нужно все его время для производства средств существования, необходимых для его самого и его семейства, у него не остается времени, чтобы работать даром для третьих лиц. Безвестной ступени производительности труда, у рабочего нет такого свободного времени, без избыточного времени не существует прибавочного труда, давательно, нет и капиталистов, но нет также ни рабовладельцев, ни феодальных баронов, словом, нет класса крупных собственников⁴⁾. И обратите внимание, какая эксплоатация владельцами средств производства неимущих слоев общества невозможна без наличия известной высоты производительности труда и появления прибавочного труда⁵⁾.

Нет ли противоречия между всеми этими высказываниями Маркса и Энгельса? Как увязать, с одной стороны, относительно неразвитую производительность труда с необходимостью соответственной высоты ее для появления класса? Не имеем ли мы здесь взаимоисключающие друг друга положения? Ближайший анализ опровергает такое допущение. В самом деле, мы имеем здесь диалектическое взаимопроникновение противоположностей. Действительно, соответственная высота производительности труда выступает в необходимое условие осуществления всяческой эксплоатации, ибо, с одной стороны, она стимулирует накопление средств производства в руках состоятельных семей, использующих их, как средства эксплоатации других, более бедных.

¹⁾ Маркс, Капитал, т. I, стр. 41.

²⁾ Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 168.

³⁾ Там же, стр. 180.

⁴⁾ Маркс, Капитал, т. I, стр. 423.

⁵⁾ «Капитал не изобрел прибавочного труда. Везде, где одна часть общества имеет монополию на средства производства, рабочий, свободный или несвободный, должен к рабочему времени, необходимому для поддержания его собственного существования, привлечь излишнее рабочее время, идущее на производство средств существования для владельца средств производства. будет ли этот владелец афинский *χαλεπός χρατήρος*, этрусский теократ, римский гражданин (*civis romani*), норманский барон, американский рабовладелец, валашский боярин, современный лендладор или капиталист (Маркс, Капитал, т. I, стр. 176).

с другой стороны, та же высота производительности труда у эксплуатируемых и делает возможным самый процесс создания прибавочного продукта. Т.е. то, что является положительным на одной стороне отношения, выступает как отрицательное на другой его стороне. Точно так же обстоит дело и с относительно неразвитой, низкой производительностью труда. С одной стороны, низкая производительность труда выступает, как отрицательный фактор, не допускающий развития эксплуатации, с другой же стороны, как положительный фактор, обуславливающий наличие этой эксплуатации. С одной стороны, низкая производительность рабского труда препятствует дальнейшему развитию рабовладельческого хозяйства и ставит под вопрос целесообразность его существования, с другой стороны, эта форма рабовладельческой эксплуатации возможна лишь при данной производительности труда.

Но и само отношение между высотой производительности труда и относительно неразвитой производительностью труда выступает как диалектическое. С одной стороны, низкая производительность труда, доставляя «небольшой излишек сверх безусловно необходимых человеческих средств существования», вела неизбежно к разделению труда «между массами, поглощенными чрезмерной физической работой, и не многими привилегированными, управлявшими трудом, занимавшимися торговлей, государственными делами, а также искусствами и науками¹⁾», т.е. в конечном счете и к образованию классов. С другой стороны, как это мы указали выше, только соответственная высота производительности труда является экономической базой существования рабочего общества. На первый взгляд мы здесь имеем дело с неразрешимым противоречием. Как будто взаимоисключающие друг друга виды производительности труда ведут к одним и тем же последствиям. Но взаимоисключающие друг друга противоположности оказываются «мнимыми», если мы обратим внимание на то обстоятельство, что относительно неразвитая производительность труда отличает в действительности каждую из предыдущих общественных формаций от последующей, и достигнутая высота производительности труда может оказаться недостаточной для дальнейшего развития производительных сил. В основу диалектики общественного развития Маркс и Энгельс ставят развитие производительных сил. И самодвижение общества на основе внутренних противоречий поконится на базе этого развития.

Так, указывая на относительную неразвитость производительности труда, преодолеваемую разделением труда в целях увеличения количества продуктов для удовлетворения всех потребностей общества, Энгельс писал: «Пока нельзя производить товары в таком количестве, чтобы не только хватало на всех, но чтобы еще оставался избыток продуктов для увеличения общественного капитала и дальнейшего развития производительных сил, до тех пор должен всегда оставаться класс господствующий,— распоряжающийся производительными силами общества, и другой класс — бедный и угнетенный...». Вполне очевидно, что до сих пор производительные силы не были развиты еще в такой степени, чтобы размеры производства давали всем достаточно количество продуктов²⁾. Т.е. относительно неразвитая производительность труда, именно в силу недостаточного развития производительных сил, получает в конечном счете свое выражение в существовании классов. Но как только производительные силы достигнут соответственной высоты будет создан резервный фонд излишков для дальнейшего развития общества, тем самым будет создана предпосылка для уничтожения привилегирован-

¹⁾ Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 168.

²⁾ Энгельс, Принципы коммунизма (прилож. к «Комм. Манифесту», под ред. Д. Рязанова), стр. 318; см. также Анти-Дюринг, стр. 180.

ванного класса, распоряжающегося этим фондом, к передаче этого фонда руки всего общества, к уничтожению всякого неравенства.

Если, таким образом, противоречие между производительностью и потребностями общества на базе недостаточного развития производительных сил отражало существование классовых антагонизмов, то в общественном классовом противоречии, оно будет являться выражением нового ведущего противоречия между обществом в целом и природой.

Мы видим, насколько глубока постановка Марксом и Энгельсом вопроса о предпосылках образования классов и их уничтожения, по сравнению с верхностной трактовкой Каутского, который совсем не разбирает проблему в подобной плоскости¹⁾.

II.

Необходимо остановиться еще на одном моменте, соотносительном с проблемой классов, на проблеме разделения труда.

Характерным для Каутского в постановке проблемы разделения труда является то обстоятельство, что его позиция в основном совпадает с трактовкой этой проблемы у Адама Смита и не возвышается до уровня посттеси ее Марксом и Энгельсом. Различие между Каутским и первым теоретиком обоснованием проблемы разделения труда в «Богатстве народов» сводится к тому, что Смит указывает, что в его задачи не входит обяснить спрямление к разделению труда «из врожденных, неуловимых свойств человека и природы», либо из «рассудочной деятельности и дара слова»²⁾, а Каутский выводит его определенно из развития производительных сил. Но существует разделение труда оба видят в одном и том же. Смит «первый доказал значение разделения труда и влияние этого разделения на развитие производства»³⁾; сущность разделения труда сводится к увеличению ловкости в работе, к выработке особых навыков и приемов в процессе труда, к изменению времени, словом, разделение труда, в конечном счете, обуславливает «общее благосостояние, развивающееся до самых последних классов рода»⁴⁾, т.-е. разделение труда трактуется, как одна из форм технической организации труда в обществе. Каутский же указывает на разделение труда как на следствие того, что на ряду с естественными органами у людей появляются искусственные органы в виде орудий труда; разные человеческие группы использовали различные орудия труда; это обстоятельство со временем вело к образованию профессий⁵⁾. Точно так же, как и в некоторых старых работах⁶⁾, Каутский рассматривает проблему разделения труда исключительно в плоскости ее значения в так называемой технической организации труда, в дроблении функций и появлении новых специальностей. Двойственный характер разделения труда и покоящиеся на его основе общественные противоречия не приведены им в соотносительную связь. Эмпирическая трактовка проблемы приводит к тому, что он не пытается теоретически уточнить и обосновать связь между профессией и классом, вращаясь все время в скосы внешних аналогий. Обосновать же эту связь он не может уже потому

¹⁾ В данной статье мы не касаемся критики теории происхождения классов у Каутского на основе конкретно-исторического анализа, а касаемся данной проблемы лишь с ее методологической стороны.

²⁾ А. Смит, Исследования о природе и причинах богатства народов, 1866 г., т. I, стр. 112.

³⁾ Там же, стр. 97 (примеч. Бланки).

⁴⁾ Там же, стр. 107.

⁵⁾ К. Каутский, С. 20.

⁶⁾ См. «Эрфуртская программа», изд. 1907 г., стр. 62 и след.; в «Этих положениях имеем более правильную, но несколько заостренную формулировку связи разделения труда и классов («образование классов тоже является результатом разделения труда»), см. стр. 98.

что механистическое положение о наличии связи между разделением труда и профессией и отсутствии таковой в отношении класса неизбежно приводит к разрыву классов и профессий: первые изображаются как социально-экономическая категория, а вторые как техническая. Если Смит в основном стоит на той же позиции, то все же у него имеются указания на те социальные противоречия, к которым приводит разделение труда¹⁾. Каутский же, говоря об интеллигенции, нигде не ставит проблемы противоречия физического и общественного труда, не вскрывает природу этого противоречия, не увязывает его с разделением труда.

Признав за классы только те общественные группы, которые связаны отношениями эксплуатации,— Каутский все прочие промежуточные группы относит к профессиям. Все эти общественные группы в отличие от основных классов общества, являются продуктами, связанными с техническим процессом разделения труда, и могут лишь принимать оболочку класса. К числу общественных групп, которые не могут иметь даже внешне видимость класса, Каутский причисляет и интеллигенцию²⁾. Каутский и здесь сходит к той позиции, которую в данном вопросе занимали Маркс и Энгельс. Разделение труда принимается им как основа деления общества на профессии, но не на классы. Профессии суть естественное следствие разделения труда в противоположность классам³⁾. Родбертус в письмах к Кирхману (3-е письмо), связанные эксплуатацию именно с разделением труда, приводил в качестве примера патриархальную семью, в которой отмечал соответствие эксплуатации разделению труда, отказываясь вообще признавать наличие первой и последней⁴⁾. Каутский, возражая Родбертусу, замечает, что он не согласен с подобной трактовкой разделения труда, ибо Родбертус считает возможным появление эксплуатации на основе разделения труда внутри общества (Gemeinwesens). Каутский указывает, что разделение труда внутри общества приводит лишь к профессиям. К классам приводят лишь другие формы разделения труда, но отнюдь не те, что развиваются внутри общества.

«На ряду с указанными формами разделения труда имеются другие, или не принимать во внимание разделение труда между двумя полами, появляющиеся в обществе раньше, чем разделение труда по профессиям: это разделение труда между различными племенами, которые живут в различных условиях»⁵⁾.

У Каутского, как у представителя механического мировоззрения, существует прежде всего диалектическое понятие закономерности, которое выражается единством внутренней необходимости и внешних условий, опосредованных в этой последней. Отсюда отсутствие у Каутского внутренних предпосылок образования классов в связи с основной закономерностью развития, привлечением внешних факторов силы, механически соединяемых с «экономической обусловленностью» появления классов. У Маркса и Энгельса эта экономическая обусловленность соединена с внутренним расчленением общества на классы и с признанием возможности образования классов из насилия, как случайности. У них вся проблема происхождения классов ставится в плоскость изучения внутренней закономерности процесса, роль насилия выступает как

¹⁾ «Различие между людьми, посвятившими себя самым противоположным занятиям, между мыслителем, например, и носильщиком, повидимому, менее вытекает из их природы, чем из привычек и воспитания...». «Если бы не существовало любых стремления к обмену... не было бы тогда того различия в занятиях, которое только и вызывает огромное различие в дарованиях» (А. Смит, стр. 114).

²⁾ Каутский, С. 16; см. первый раздел третьей главы: «Профессия».

³⁾ Ibidem, S. 19.

⁴⁾ Ibidem, S. 90.

⁵⁾ Каутский, С. 91.

подчиненный момент, как побочная линия внутренней закономерности. У Каутского происхождение классов через завоевание, через насилие предсказано, как основная линия закономерности. Маркс и Энгельс вместо вульгарной абстракции теории насилия¹⁾ дают конкретные примеры воспроизведения в антагонистических способах производства противоречий общественного разделения труда (рабство, крепостное хозяйство, мануфактура и т. д.). У Каутского разрешение проблемы дано теорией завоевания. Классы возникают из завоевания, профессии из потребностей производства вообще. Опаздывая возникновение профессии с техническим прогрессом общества, Каутский возражает против положения Маркса и Энгельса об исчезновении профессии в будущем бесклассовом обществе. «Преодолеть движение общества на профессии, это значит погасить все те знания и навыки, которыми общество достигло в своем развитии. Исключительное и лишенное смысла начинание. Само по себе желание уменьшить число профессий было настолько реакционным, насколько и безрезультатным»²⁾.

В противовес Каутскому, подчеркивающему в профессии исключительный момент специализации³⁾, Маркс и Энгельс иначе подходят к трактовке проблемы. В «Капитале» Маркс высказывает следующее положение: «...но как разделение труда внутри целого общества,— все равно, обуславливали оно обменом или нет,— оказывается свойственным самым различными общественно-экономическим формациям, мануфактурное разделение труда совершенно специфическое создание капиталистического способа производства»⁴⁾. Маркс различает разделение труда внутри общества и разделение труда внутри мануфактур. Если разделение труда в мануфактуре может рассматриваться со стороны «обоснения специальностей» как у Смита и Дона, то для понимания истинной сущности его, как и любой формы разделения труда, необходим анализ двойственной природы его. Уже у Маркса отмечает указания на противоречия, порождаемые разделением труда в мануфактуре. За непонимание этих противоречий Маркс критикует Смита⁵⁾, А. Фергюсона⁶⁾ и Энгельса Дюринга⁷⁾. Маркс ссылается на Адама Фергюсона, который до Смита указал на социальные противоречия, вызываемые ростом разделения труда. В одном из примечаний в «Капитале» Маркс ясно указывает на необходимость трактовать разделение труда, как источник общественного неравенства⁸⁾. В «Ницете философии» он также ясно говорит о формировании общества, дана была Марксом и Энгельсом в их работе о «Немецкой социологии»:

«Вместе с разделением труда, в котором даны все эти противоречия, которые в свою очередь опираются на естественное разделение труда в семье и на распадение общества на отдельные противостоящие друг другу семьи,— вместе с этим дано и распределение продуктов, при том как количественно, так и качественно неравное, разделение труда и его продуктов, т. е. собственность, первоначальная форма которой имеется уже в семье, где жена и дети являются рабами мужчин... Прочем, разделение труда и частная собственность представляют собой тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности, что в другом случае говорится по отношению к продукту деятельности. Далее вместе с разделением труда дано в то же время противоречие между интересами отдельного индивида и отдельной семьи и совокупным интересом всех индивидов, находящихся в сношениях друг с другом...»

¹⁾ В подготовительных работах к «Анти-Дюрингу» Энгельс писал: «...насилие является причиной социальных и политических состояний, то что является причиной насилия? Присвоение продуктов чужого труда и чужой рабочей силы. Насилие могло изменить потребление продуктов, но не самый способ производства, оно не могло превратить барщину в наемный труд, если не находилось налицо условий для этого и если форма крепостного труда не стала основой для производства» («Анти-Дюринг», стр. 350).

²⁾ Каутский, С. 32.

³⁾ Позиция Каутского по вопросу о профессиях родственна позиции Соловьева. «Неравенство предполагает, — пишет он, — общественное отношение, профессия же категория техническая; в понятии профессии содержится идея специализации, а не неравенства отношений» (С. Соловьев, «Общественные классы, специализация, а не неравенства отношений»).

⁴⁾ Маркс, Капитал, т. I, изд. 1899 г., стр. 269.

⁵⁾ Маркс, Ницете философии, «Библ. марксиста», вып. 12—13, стр. 122.

⁶⁾ По поводу односторонней формулировки Дюрингом разделения труда Энгельс писал: «Эта формулировка ошибочна, так как она верна лишь для буржуазного производства, и (даже для него не всегда) разделение специальностей не является стеснительным для производства вследствие урожайности и окостенения индивидуумов, но в будущем оно совершенно исчезнет. Уже мы видим, что это разделение специальности на нынешний лад представляет Дюрингу чем-то неизменным, следовательно неустранимым и для социального общества» («Анти-Дюринг», стр. 365).

⁷⁾ Маркс, Капитал, т. I, стр. 292 (прим. 70).

разделения труда, как основе различных общественных организаций¹⁾). Ставясь на почву конкретного изучения форм разделения труда, Маркс и Энгельс указывают, что одной из таких первоначальных форм является разделение труда внутри семьи. Разделение труда между мужчиной и женщиной в целях рождения детей они называют естественным разделением труда, оно возникает «из различий пола и возраста, следовательно, на физиологической основе». Тем не менее, это естественное разделение труда превращается весьма скоро в общественное разделение труда, т. е. происходит общественное разделение труда между мужчиной и женщиной в первобытном обществе, приведя к появлению общественного неравенства в его первичной, неразвитой форме.

Весьма интересна трактовка этого вопроса Марксом и Энгельсом. Семья, как форма общественного разделения труда, рассматривается ими как форма, содержащая в себе в зародыше весь комплекс будущих противоречий общества. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» приводит замечание Маркса о семье. «Современная семья содержит в зародыше не только рабство (servitus), но и крепостное право, так как с самого начала приспособлена к нуждам земледелия. Она заключает в себе в миниатюре все противоречия, которые позднее широко развиваются в обществе и государстве»²⁾. Энгельс дополняет эту мысль Маркса, указывая, что «первое классовое противоречие, появляющееся в истории, и обнаруживается в развитии противоположностей интересов мужа и жены в индивидуальном браке, а первое классовое угнетение — в порабощении женского пола мужским»³⁾.

Таким образом, семья выступает как продукт не только естественного, но и общественного разделения труда. Трактовка разделения труда не только как форма технической организации труда, но и как внутренне-противоречий общественной формы, в которой выявлены все противоречия развивающегося общества, дана была Марксом и Энгельсом в их работе о «Немецкой социологии»:

«Вместе с разделением труда, в котором даны все эти противоречия, которые в свою очередь опираются на естественное разделение труда в семье и на распадение общества на отдельные противостоящие друг другу семьи,— вместе с этим дано и распределение продуктов, при том как количественно, так и качественно неравное, разделение труда и его продуктов, т. е. собственность, первоначальная форма которой имеется уже в семье, где жена и дети являются рабами мужчин... Прочем, разделение труда и частная собственность представляют собой тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности, что в другом случае говорится по отношению к продукту деятельности. Далее вместе с разделением труда дано в то же время противоречие между интересами отдельного индивида и отдельной семьи и совокупным интересом всех индивидов, находящихся в сношениях друг с другом...»

¹⁾ «В патриархальный период, при существовании каст, при феодальном корпоративном строе, разделение труда в целом обществе совершается по определенным правилам. Были ли эти правила установлены волею законодателя? Нет. Их первоначально установлена материального производства, они были введены в закон гораздо позже. Именно таким образом эти различные формы разделения труда и легли в основу различных общественных организаций» (Маркс, Ницете философии, стр. 130).

²⁾ Энгельс, изд. 1923 г., «Моск. Раб.», стр. 53.

³⁾ Энгельс, «Происхождение семьи и т. д.», стр. 59.

Наконец, разделение труда представляет нам первый пример того, пока люди находятся в естественно-развившемся обществе, следовательно, пока существует раскол между частным и совокупным интересом, собственно, пока деятельность распределяется не добровольным образом, а естественным стихийным образом, собственное дело человека становится какой-то чужой, противостоящей ему силой, которая чинит его себе, вместо того, чтобы он господствовал над нею. Согласно исходящему разделению труда, каждый имеет определенный исключительный круг действий, который ему навязан, из которого он не может выйти, оказывается охотником, рыбаком или пастухом (рукой Маркса: или критическим критиком) и должен оставаться им, если он не хочет потерять способ существованию; в коммунистическом же обществе, где каждому не отведен исключительный круг деятельности и каждый может развиваться в любой отрасли труда, общество регулирует все производство и потому создает для меня возможность сегодня делать одно, а завтра другое утром охотиться, после обеда ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством или же критиковать еду, — как моей душе угодно, — при чем становится из этого охотником, пастухом или критиком¹⁾.

Мы привели эту длинную цитату, во-первых, потому, что в ней основные взгляды Маркса и Энгельса на разделение труда и его формы, которые были развиты ими в ряде позднейших работ; во-вторых, потому, что здесь дана диалектическая трактовка вопроса, способствующая опровержению механистических концепций Каутского по вопросу о разделении труда.

В самом деле, чего не понимает Каутский, или, правильнее, что он отрицает? Он отрицает за разделением труда роль общественной формы²⁾, которой даны противоречия общественного развития, наряду с той ролью, которую играет разделение труда в технической организации труда. Но того, он не замечает связи между последней и теми общественными формами разделения труда, в которых она выражена, и которые в себе самих выражают общественное противоречие. В «Капитале» Маркс указал на разделение труда, как на «особый вид кооперации»³⁾ и тем самым на необходимость лиза его не только со стороны технической организации труда. «Мантура действительно создает виртуозных частичных рабочих, воспроизводящих внутри мастерской и систематически доводя до самого крайнего выражения разделение труда, которое она находит в обществе. С другой стороны, превращение частичного труда в жизненную профессию человека соответствует стремлению прежних обществ делать промышленные занятия наследственными, облекать их в неподвижные кастовые или цеховые формы, покоряясь тем историческим условиям, которые порождали изменчивость и нестабильность, не мирившуюся с кастовым строем. Касты и цеха порождены самим законом природы, который управляет дифференциацией различных животных с той только разницей, что на известной ступени развития наследственность каст или монополия цехов декретируется, как общественность

1) Маркс, Капитал, т. I, стр. 271. См. также о первобытной индийской общности с ее планомерным разделением труда, в котором даны в зародыше классовые противоречия (стр. 277).
2) Так же, стр. 291.
3) W. Thompson, An inquiry into the principles of the distribution of Wealth, опубликовано по «Капиталу», т. I, стр. 291.
4) См. Маркс, Ницета философии, стр. 134.
5) «Разделение труда есть убийство народа» — приводит Маркс выражение Urtuhrart'a.

6) См. примечание Бланки в т. I «Богатства народов», стр. 99.
7) Энгельс, Происхождение семьи, стр. 148.
8) Там же, стр. 149—150.
9) Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 165. См. также его выражение, что «в основе деления общества на классы лежит закон разделения труда».

¹⁾ Архив Маркса и Энгельса, кн. 1, стр. 222—223. Курсив мой.

²⁾ Маркс в «Капитале» указывает на такую общественную форму типичного хозяйства. «Основой всякого развитого, обуславливаемого обменом варов разделения труда, является отделение города от деревни. Можно сказать, что вся экономическая история общества сводится к движению этого противоречия...» (т. I, стр. 283). Исходя из этого, Виттфогель в своей работе и рассказывает города, как продукты разделения труда внутри общества, указывая, что у Маркса суть проблемы города состоит в том, что город явился выражением внутренних противоречий феодального общества. Разделение труда выражается как источник развития противоречий. Вся эта проблема у Каутского отсутствует в последней работе, но и в его ранних произведениях (см. K. Wile, zweites Kapitel).

³⁾ Маркс, Капитал, т. I, стр. 270.

определенными формами общественного разделения труда¹⁾). Но тогда определенная профессия выступает не только как олицетворение функции технической организации труда, но и как общественная категория, полная противоречий, как индивидуальная сила, противостоящая таким же профессиям в других отраслях труда, как особая сила (частный интерес) в противовес общему интересу общества. Беда Каутского в том, что профессия изображается им исключительно как неизбежный результат технической организации труда и не анализируется с той стороны, которая так метко обрисована в приведенном отрывке Маркса и Энгельса из «Немецкой идеологии».

Так, интеллигенция рассматривается им лишь, как совокупность профессий²⁾. Он выступает против трактовки интеллигенции, как класса категории³⁾, приводя в обоснование своего положения следующую аргументацию. «В действительности интеллигенция образует особую профессию, не класс. Можно быть интеллигентом и с пролетарским классовым сознанием и фабричный рабочий или ремесленник, который перенимает интеллигентские функции, меняет профессию, но не класс»⁴⁾. Вполне естественно, Каутскому, что рабочий, став, допустим, администратором на капиталистической фабрике, остается тем же рабочим, точно так же как интеллигент, вышедший из среды рабочего класса; отсутствие диалектической связи между профессией и классом и приводит Каутского к утверждению, что доля истины перемешивается с рядом заблуждений.

Каутский не замечает, что если разделение труда в форме технической организации труда преодолевает противоречие между обществом и природой, то оно на известной ступени развития общества не может не выражаться иначе, как в противоречивых общественных формах (классы, государство)⁵⁾. Каутский берет только одну сторону разделения труда — техническую организацию труда, которая в своем развитии приводит к образованию профессий, а вместе с ними и к одностороннему развитию человека. Ту сторону противоречия, которая сводится к противопоставлению друг другу как обособленных сил — мужа и жены внутри индивидуальных хозяйств внутри общин, родов внутри племени, каст и славян внутри государства, профессий внутри общества, умственного и физического труда и т. д., которая, следовательно, выражается в общественных противоречивых формах, развивающихся от семьи до классового общества, эту сторону он исключает из своего рассмотрения⁶⁾. Вполне естественно, что и проблема разрешения этих противоречий бесклассовым обществом, у него выявлена не четко, или совсем отсутствует. Не понимая диалектики процесса разделения труда на основе внутриобщественных противоречий, Каутский трактует профессию, как категорию технической организации труда, отмечая, что она остается и за пределами классового общества. Каутский доказывает неизбежность увеличения профессий в связи с ростом технического прогресса и, приведя выдержку из «Немецкой идеологии», где Маркс и Энгельс говорят об исчезновении профессий, критикует их непонимание разделения труда. Каутский обвиняет Маркса и Энгельса в том, что они в данном вопросе находились под сильным влиянием утопистов.

¹⁾ Энгельс, стр. 255.

²⁾ Kautsky, S. 283.

³⁾ Ibid., S. 494.

⁴⁾ Ibid., S. 498.

⁵⁾ См. об этом Энгельс, Анти-Дюринг; также письмо Маркса к Адольфу Прудону, где дается критика Прудона за непонимание им исторического характера разделения труда, а следовательно, и того, что на известных ступенях развития общества разделение выступает как общественно-противоречивая экономическая категория.

⁶⁾ См. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 166; также в письме Энгельса к Карлу Шмидту, «Письма», изд. 1923 г., стр. 306 и сл.

⁷⁾ K. Kautsky, S. 32.

Каутский не понял глубины постановки проблемы у Маркса и Энгельса. Ведь последние вовсе не отрицают необходимости специализации для повышения производительности труда. Отделение ремесла от земледелия, дифференциация внутри этих отраслей производства, выделение мануфактуры и разделение труда внутри мануфактуры, — все это безусловно является прогрессом в развитии человеческого общества. Но это развитие есть противоречивое развитие: при мануфактурном разделении труда оно достигает своего высшего выражения в физическом (относительно) уродовании рабочего и в отставании его умственного развития¹⁾. Преодоление противоречия дается как бы в машине, но и здесь процесс развития машин, разбивая производство продукта на мельчайшие детали на ряду с положительной стороной — необходимостью в более интеллектуально развитом рабочем, имеет и отрицательную — возможность приставить к машине простого исполнителя, неквалифицированного рабочего. Противоречие будет снято только в том процессе производства, где преобладание автоматических машин вызовет простого исполнителя до роли руководителя машинами²⁾. Но тогда что остается от профессии, которая характеризуется своим отношением к предмету труда и методам трудового процесса? Если вся работа перенесена на машину, если вместе с тем исчезает деление труда на физический и умственный, то исчезает основа деления людей в процессе производства на профессии.

Как механист, Каутский отрывает форму профессии от ее социальной сущности, не прослеживает вопроса об изменении этой последней и потому не видит пути к преодолению раздробленности совокупного человеческого знания между различными профессиями умственного труда³⁾. Категория умственного труда выступает, как изменяющаяся не в своей сущности, а лишь по форме. Отсюда и остающийся, по Каутскому, отрыв умственного труда от физического, ибо только при диалектической трактовке связи профессии и класса можно дать теоретическое разрешение проблемы преодоления этого отрыва⁴⁾.

Когда Маркс и Энгельс, указывая на возможность в будущем обществе заниматься различными видами деятельности, замечают: «при чем я не становлюсь от этого охотником, рыболовом» и т. д., то они по сути дела имеют в виду преодоление той стороны деятельности, которая как бы уродует человека, не дает свободы развитию присущих ему способностей; общественное разделение труда в классовом обществе, навязывая индивиду определенные отрасли труда, менее всего заботится об их взаимном соответствии. Только плановая организация хозяйства в бесклассовом обществе впервые обеспечивает полную свободу человеческой деятельности.

Своей постановкой проблемы Маркс и Энгельс менее всего хотели сказать, что все люди способны все делать; они прежде всего хотели указать на те реальные тенденции, которые неизбежно приводят и приведут к уничтожению разрыва между физическим и умственным трудом. Разрыв этот приводит не только к образованию особых профессий; этот разрыв есть вместе с тем и основа для образования различных классов в обществе, управляющих и управляемых, руководителей производственного процесса и простых исполнителей. А этого как раз и не понимает Каутский, ибо он утверждает интеллигенцию как необходимую профессию любого общества.

¹⁾ Ср. В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., т. III, изд. 1-е, стр. 361.

²⁾ Ср. Маркс, Ницца философии, «Автоматическая фабрика стирает специальности и свойственный им профессиональный идиотизм», ук. ст., стр. 137.

³⁾ Kautsky, S. 27.

⁴⁾ Энгельс, Жилищный вопрос, ГИЗ, 1920 г., стр. 23—24; ср. с положениями Каутского в «Пролетарская революция и ее программа».

ства, функции которой — техническая организация производства. По Марксу и Энгельсу функция эта принадлежит всему обществу. Видя в общественном разделении труда двойственный характер (образование различных противостоящих друг другу общественных групп, техническая организация труда), Маркс и Энгельс полагают, что в классовом обществе обе стороны разделения труда взаимно связаны друг с другом и что техническая организация труда ведет неизбежно к противопоставлению друг другу профессий и даже отдельных индивидов. В бесклассовом обществе, где техническая организация труда дело всего общества, подобное противопоставление людей друг другу не будет иметь места, но именно поэтому там и не будет профессий¹⁾.

В этом смысле можно говорить об уничтожении разделения труда, т.е. в смысле исчезновения его двойственного противоречивого характера. Об этом писали Маркс и Энгельс: «Превращение, благодаря разделению труда, личных сил (отношений) в силы вещественные не может быть уничтожено тем, что выбивают себе из головы общее представление об этом, лишь тем, что индивиды снова подчиняют себе эти вещественные силы и уничтожают разделение труда. Но это не возможно без коллектиности (Gemeinschaft). Только в коллектиности получает индивид средства, давшие ему возможность всестороннего развития своих задатков, следовательно, только в коллектиности возможна личная свобода»²⁾.

В бесклассовом обществе разделение труда остается как разделение производства, обусловленное внешними условиями, совокупной географической средой. Техническая организация труда определяется отношениями общества к природе, а не внутриобщественными отношениями. В этом суть всей проблемы о профессиях в будущем обществе, ибо для Маркса и Энгельса не только классы, но и профессии являются выражением внутрь общественных противоречий. Каутский же трактует Маркса и Энгельса том направлении, что они высказываются за уничтожение старых профессий и появление новых. Преодоление одностороннего развития человека, по Каутскому, достигается тем, что общество делит положенное рабочее время на части, и отдельный человек в продолжение этого времени может исполнять различные работы. Маркс и Энгельс не могли высказаться за преодоление профессий, — полагает Каутский, — ибо это привело бы к дилетантизму³⁾.

Как ни высоко вздымаются полет мысли Каутского, он весьма осторожен⁴⁾. Ни слова об автоматизме, ни слова об общем повышении культурного уровня человечества, о слиянии умственного и физического труда, ни слова о лозунге «с каждого по способностям, каждому по потребностям». Душа немецкого филистера всех выравнивает в одну линию, всем разделяет.

¹⁾ Бюхер правильно отмечает недостаточность трактовки профессий как естественно-технической категории, а подчеркивает ее социально-экономическое значение, приводя развитие профессий в связь с развитием классов (См. «Возникновение народного хозяйства», изд. 1918 г., стр. 226 и сл.).

²⁾ Архив Маркса и Энгельса, кн. I, стр. 243. Ср. с высказыванием Маркса «Разделение труда внутри современного общества характеризуется тем, что оно порождает специальности, специалистов, а вместе с тем и свойственный им идеализм» («Ницшета философии»).

³⁾ K. Kautsky, S. 32. Ср. с этим замечанием Маркса: «Гегель имел чрезвычайно еретические взгляды на разделение труда. Под образованными людьми следует, прежде всего, понимать людей, которые умеют делать все то, что делают другие», говорит он в своей философии права» («Капитал», т. I, стр. 293).

⁴⁾ См. замечательные места о пределе сокращения рабочего дня, так как с ростом техники в интересах продуктивности труда необходимо максимально использовать новые производительные силы и ограничить время их застоя (Standes) (Kautsky, у. с., S. 36).

одинаковые порции. Филистер не может понять, что в коммунистическом обществе можно быть занятым и одной деятельностью в силу способностей и свободы выбора, но деятельность еще не образует профессии. Ибо профессия не естественно-техническая, а социальная категория.

* * *

Подведем некоторые итоги:

1. В постановке проблемы происхождения классов Маркс и Энгельс придают огромное значение анализу условий и предпосылок, ведущих к образованию классов и выявляющих себя в ходе саморазвития человеческого общества. Из этого анализа Маркс и Энгельс выводят неизбежность появления классового общества. В качестве одной из предпосылок образования классов они указывают на разделение труда, принимающее в силу особых условий двойственный характер общественного и технического разделения труда. Но это две стороны одного и того же процесса, отсюда и та связь между классами и профессиями, которую отмечают Маркс и Энгельс, отсюда и разрешение проблемы классов и профессий. Таким образом все указанные категории выводятся ими из саморазвития человеческого общества, движение которого на определенных ступенях развития могло происходить не иначе, как в общественно-противоречивых формах. Не только классы, но и профессии являются выражением подобных противоречий внутри общества.

2. Государство для Маркса и Энгельса тоже является формой выражения внутриобщественных противоречий. Выступая по вопросу о государстве с открытой ревизией марксизма, Каутский подвел под него своеобразный социологический фундамент в виде своей теории классов. Вся «философия» Каутского становится еще более ясной, когда обращаясь к содержанию первой главы второго тома, где описывается эволюция взглядов Маркса и Энгельса на историю человеческого общества. Хотя Маркс и Энгельс и пришли в конечном результате к представлению, что классовая борьба присуща только определенным этапам развития человеческого общества, но на этом, по мнению Каутского, марксистская мысль не может остановиться, ибо некоторые авторы придают слишком мало значения доклассовой форме существования общества, считая ее как бы мимолетным эпизодом¹⁾. И Каутский с усердием, достойным лучшего применения, весьма своеобразным способом доказывает, что в то время, как на эру первобытного коммунизма падает не менее 800 тысяч лет, на эру классового общества приходится до 10—15 тысяч лет²⁾. Таким образом, умозаключает Каутский, классовая форма существования общества является незначительным эпизодом в истории человеческого общества. Следовательно, надо осудить тенденции некоторых авторов, пытающихся путем введения иного понятия класса, расширить период классового общества и классовой борьбы³⁾.

В свете этих вопросов «философия» Каутского приобретает особый смысл. Государство, как форма существования классового общества представляется в качестве случайности. Естественно для механистического метода

¹⁾ До чего может довести сколастический метод мышления, видно из следующего. Приведя выражение Бухарина, что общество, исключая ранние этапы развития, было классовым обществом, Каутский умозаключает: у Бухарина получается, что доклассовое общество было случайным исключением, а классовая форма существования общества суть нечто необходимое, правило!!! Ту же передер живку Каутский продлевает и с М. Адлером (у. с., стр. 5).

²⁾ Kautsky, у. с., S. 7.

³⁾ Кстати сказать, Каутский в своих стремлениях сократить период классовой борьбы и в своих указаниях, что Маркс не все интересы и их противоречия сводил к классовым интересам и противоречиям, здесь совсем не оригинал, ибо повторяет в данных положениях Кунова, точно так же, как последний в этом вопросе повторяет избитые «истинны» буржуазной критики.

мышления, что если сотни тысяч лет существовало бесклассовое общество то только внешняя причина, а не имманентно возникшие противоречия общества могли вызвать к жизни классы. На такой путь отрицания внутренней закономерности развития и становится Каутский по вопросу прохождения классов и государства. Исходным пунктом для Каутского по вопросу о государстве будет служить «доказанная» им невозможность образования классов изнутри общества путем его расчленения. Тем самым образование классов у Каутского путем завоевания сливается во времена с образованием государства.

Исходя из этого, мы ограничились здесь критикой проблемы о прохождении классов у Каутского с ее метологической стороны, оставив анализ исторического происхождения классов в связи с происхождением государства для особого рассмотрения.

О нэпе, индустриализации и новых формах смычки.

Б. Борилин.

Если в отношении каждого предмета диалектика учит нас тому, что познать природу предмета — это значит познать прежде всего закон в нутренне присущего ему движения, то в отношении изучения закономерностей развития нашего советского хозяйства это положение диалектической логики требует к себе особого, совершенно исключительного внимания. Что например представляет собой систему хозяйства и соответствующей экономической политики пролетарского государства, построенную на соглашении между рабочим классом и крестьянством, и что эта система предполагает сохранение на продолжительное время рынка и рыночной формы связи, как преобладающей формы связи с крестьянским производством, это вряд ли может быть оспорено в наше время даже пионером. Гораздо труднее понять закономерности движения нашей хозяйственной системы и нашей экономической политики, взять нэп не как некую застывшую систему общественных отношений, а выяснить внутреннюю логику изменений и переходов, противоречий и развития, заключенную в нэпе. А ведь весь смысл нэпа сводится к системе мероприятий по переходу к социализму, мероприятий, обеспечивающих развитие, движение от капитализма к социализму. Поэтому можно оценить «мудрость» оппортунистических теоретиков в наших рядах, которые главной своей миссией считают в настоящий момент, когда мы совершаем один из важнейших переходов на этом пути к социализму, твердить на всех закоулках только одну пару единствено заученных ими и вообще правильных мыслей о том, что нэп это есть смычка с крестьянством и что нэп не мыслим без рынка. Если тов. Бухарин весь смысл нэпа видит в том, что «нужна величайшая осторожность в тех пунктах политики, которые касаются отношения рабочей власти к крестьянству» (Н. И. Бухарин, Политическое завещание Ленина, с. 14), что «главная задача всей нашей партии, всех ее органов состоит в том, чтобы смотреть, из чего может проистечь раскол (между рабочим классом и крестьянством), и, во-время заметив опасность, ликвидировать ее» (там же, с. 23), и что «главная директива (Ленина) рабочему классу (заключается в том, чтобы) удержать власть над мелким и мельчайшим крестьянством» (там же, с. 29), — то при всей правильности этих мыслей разве этими общими положениями исчерпывается все богатейшее историческое содержание сложнейшего пути, который должен быть пройден пролетариатом на рельсах нэпа?

В настоящее время отнюдь не лишним является вспомнить об уроках диалектики, которые Ленин не уставал давать на всех важнейших этапах нашей революции, в связи со спорами внутри наших рядов. Во всех этих спорах речь шла всегда, в конечном счете, об определении основных линий

нашего экономического развития на определенный отрезок времени, о повышении закономерностей перехода к социализму. В профсоюзной дискуссии 1921 года в полемике с Бухарином Ленин, например, прямо обращается для уразумения вопроса к элементарным правилам диалектики, в отсутствии которой он видел, как известно, основной грех такого ценного образованного экономиста, как тов. Бухарин. «В этой дискуссии Ленин побеждает» Бухарина основным диалектическим положениям, которые, к сожалению, забыты Бухарином и его сторонниками и в современных спорах. «Диалектическая логика требует, — говорил Ленин, — чтобы брать предтечу в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменяющуюся «Диалектическая логика, — продолжает Ленин, — учит, что «абстрактные истины нет, истина всегда конкретна», как любил говорить вслед за Гегелем покойный Плеханов». И далее уже непосредственно по адресу Бухарина: «у Бухарина нет и тени попытки самостоятельно, с своей точки зрения проанализировать... весь подход к вопросу, всю постановку — или, если хотите, все направление постановки — вопроса в данное время, при данных конкретных обстоятельствах. Ни тени попытки у Бухарина сделать это! Он походит без малейшего конкретного изучения с голыми абстракциями... Это есть эклектизм». «Это будет мертвый и бессодержательный эклектизм, и нет конкретного изучения... данного вопроса, данного подхода к нему и т. д.». «Чтобы поставить этот вопрос правильно, надо от пустых абстракций перейти к конкретному...» (Ленин, Еще раз о профсоюзах, опубликованном моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина, т. XVIII, ч. 60, 61, 62).

Как много схожего с этим можно найти в современных ошибках Бухарина в вопросе о теоретическом и политическом понимании нэпа. И сейчас как и раньше, т. Бухарин ограничивается абстрактными, хотя и правильными общими определениями, не делая часто действительно и тени попытки поставить вопрос о закономерностях движения, свойственных нашей системе экономики и политики, об изменениях, происшедших в общей обстановке данной стадии развития, перейти к познанию конкретного этапа и в его особенностях. Само собой разумеется, что механическое повторение абстрактной формулы «нэп есть смычка с крестьянством» или «нэп требует свободы торговли» не только не подвигает в познанию особенностей данного конкретного этапа развития нэпа, но приводит к прямому игнорированию этих особенностей, что практически означает глубокую оппортунистическую ошибку, хотя и прикрытою «правильными вообще» абстрактными выражениями об экономической политике, ссылками на Ленина и т. д. Однако ссылки на Ленина здесь явно неуместны, ибо ничего не было предложено Ленину, как антидиалектический, мертвый, общий подход к изучению сложнейших явлений переходной экономики. Ленин всегда находил специфическое, характерное именно для данного периода, и из этих конкретных условий выводил задачи данного момента.

Опять-таки в той же профсоюзной дискуссии с Троцким и Бухарином Ленин говорил, возражая им: «Анализируя текущий политический момент мы могли бы сказать, что переживаем первый период в первом переходном периоде. Вся диктатура пролетариата есть переходный период, но теперь мы имеем, так сказать, целую кучу новых переходных периодов. Демобилизация армии, конец войны, возможность гораздо более длительной, мирной передышки, чем прежде, более прочного перехода с военного фронта на трудовой фронт. От одного этого, только этого уже изменяется отношение класса пролетариата к классу крестьянства. Как изменяется? К этому надо внимательно присмотреться, а из ваших тезисов этого

не выходит... Я должен сказать, что это важнейшее сообщение Троцкий и Бухарин абсолютно не учили» (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 19. Курсив наш. Б. Б.).

Каковы особенности нового переходного периода и как в зависимости от них изменяется отношение пролетариата к крестьянству, — вот, что прежде всего интересует здесь Ленина. И именно этого не понимали тогда ни Троцкий, ни тов. Бухарин.

А когда совершился решающий переход к новой экономической политике и Ленин приходилось разъяснять смысл нэпа, как особой системы переходных мер, применяемых пролетариатом для перевода крестьянства на социалистическое производство, Ленин со всей силой подчеркивал, что речь идет о целой системе переходных мер, о целом ряде звеньев, следующих в закономерной, хотя отнюдь не простой последовательности друг за другом в общей цепи мероприятий новой экономической политики, о соглашении рабочего класса с крестьянством, содержание и формы которого не могут не изменяться и которые охватывают целый ряд переходов.

«Нет сомнения, — говорит Ленин, — что социалистическая революция в стране, где громадное большинство населения принадлежит к мелким землевладельцам — производителям, возможна лишь путем целого ряда переходных мер...». Говоря о союзе с крестьянством, Ленин подчеркивает: «Это соглашение между осуществляющим свою диктатуру или держащим в своих руках государственную власть пролетариатом и большинством крестьянского населения. Соглашение это — понятие очень широкое, которое включает в себя целый ряд мер и переходов» (т. XVIII, ч. 1, стр. 137).

Объясняя важность оживления торговли и необходимость овладения ею, Ленин снова с полной ясностью устанавливает, что речь идет об очередном звене, в общей цепи, которым (звеном) нужно овладеть для того, чтобы в дальнейшем перейти к другим звеньям этой цепи, чтобы в дальнейшем овладеть всей цепью. Таким образом, и здесь подчеркивается необходимость тщательного изучения особенностей очередных задач, которые каждый раз становятся перед пролетариатом. «Трудность тут в форме перехода». «Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунизма вообще, — писал я в апреле 1918 г. в «Очередных задачах советской власти». — Надо уметь найти каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звунику, при чем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так прости и не так глуши, как в обыкновенной, кузнецом сделанной, цепи» (т. XVIII, ч. 1, с. 412).

Когда теперь сбывающиеся на оппортунизм товарищи весь период нэпа пытаются изобразить в одноцветную, одинаковую, безразличную краску, то это есть безусловное отступление от диалектики и от ленинизма. Смазывание различий между отдельными этапами нэпа, игнорирование изменений, переходов, проделываемых нами на этом общем пути нэпа — не есть диалектика. Если же обратиться к конкретной истории нашего развития со временем перехода к нэпу, мы не можем не различать целого ряда стадий. Мы начали с объявления свободы местного оборота, потом вынуждены были перейти к продуктообмену с крестьянством через Центросоюз. Далее мы отступили к государственному регулированию торговли. Только после этого Ленин заявил: «отступление закончено». Вслед за этим мы имели продвижение вперед, выразившееся в первую голову в мощном восстановительном процессе нашего хозяйства, за которым мы вступили в важнейший период социалистической реконструкции хозяйства. Этот простой поверхностный

перечень этапов новой экономической политики показывает убедительно, сколько ошибочно было бы, так сказать, одной судальской мазней мазнуть весь пройденный и предстоящий путь нашего развития на основах изпа.

Ленин с поразительной прозорливостью в самом начале нэпа указал на неизбежность вслед за рядом действий, означавших с нашей стороны экономическое отступление, широкого наступательного движения в будущем. Когда, некоторые «пророки» от ленинизма сейчас об'являют о том, что евангелием ленинской экономической политики является теория перманентных уступок крестьянству и «осторожность, осторожность и осторожность» во имя «удержания власти» над крестьянством, то это решительно расходится с действительным пониманием Лениным новой экономической политики. Ленин отнюдь не «оводил» новую экономическую политику к беспрерывным уступкам крестьянству, к беспрерывному отступлению. Действительно, мы получали новую экономическую политику с ряда существеннейших уступок крестьянству, с отступления. И Ленин не скрывал этого, но одновременно подчеркивал необходимость перехода в дальнейшем в наступление. Кто не понимает этого, тот абсолютно ничего не понял в диалектике нэпа, как политики пролетарского государства.

«Наша точка зрения такова,—говорил Ленин в 1921 г.,—что ка-бышие уступки, величайшая осторожность, и именно потому, что налицо некоторое равновесие, именно потому, что мы слабее наших обиженных противников, потому что наша экономическая база слишком слаба и мы нуждаемся в более сильной хозяйственной основе» (т. XVIII, ч. 1, с. 35) (Курсив наш. Б. Б.). «Отступить хотя бы и далеко назад, но в меру, отступить так, чтобы во-время приостановить отступление и перейти опять в наступление. Мы отступили к государственному капитализму. Но мы отступили в меру. Мы отступаем теперь к государственному регулированию торговли. Но мы отступили в меру. Есть уже признаки, что виднеется конец этого отступления, виднеется не в слишком отдаленном будущем возможность приостановить это отступление. Чем сознательнее, чем дружнее, чем с меньшими предрассудками произведем мы это необходимое отступление, тем скорее можно будет его приостановить, тем прочнее, быстрее и шире будет затем наше победоносное движение вперед» (Там же, с. 416).

И на XI съезде партии в конце 1922 г. Ленин чрезвычайно ярко изображает смысл нэпа, как системы, обеспечивающей вслед за отступлением прерывное и быстрое движение вперед в дальнейшем. «Новая экономическая политика. Странное название. Эта политика названа новой экономической политикой потому, что она поворачивает назад. Мы сейчас отступаем назад, мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед. Только под одним этим условием мы отступили назад в проведении нашей новой экономической политики». ...«Из России нэловской будет Россия социалистическая» (т. XVIII, ч. 2, с. 103 и др.).

Не может быть никакого сомнения в том, что глубочайший смысл нэпа в том именно и состоит, чтобы, начав с уступок, с отступления, затем более решительно и успешно перейти в наступление на капитализм. Тогда под этим углом зрения, когда мы берем нэп, не как неизменную застывшую систему, а как систему, обеспечивающую беспрерывное продвижение вперед и может быть понят нэп. Новые этапы новой экономической политики могут не приносить с собой ряд существенных отличий по сравнению с прошлыми. Не могут не изменяться формы и содержание тех общественных отношений, которые обнимаются общей формулой нэпа. И нашей задачей является не только не игнорировать того нового, что привносится новым периодом, но с полной ясностью это новое осознавать.

Конечно, речь здесь не идет о таком «историческом» понимании каждого этапа, когда порывается понимание связи, существующей между различными этапами нэпа. И речь не идет просто о констатировании конкретной исторической последовательности этих различных этапов. Это было бы чистейшим эмпиризмом. Речь идет о конкретно-исторической и внутренне-имманентной логике развития одновременно. Речь идет о таком понимании нэпа, которое позволяет осмысливать конкретный исторический путь развития и выразить его в системе закономерно вытекающих из сущности нэпа и усложняющихся общественных отношений и проблем. Ибо также точно, как в прошлом отношении товарно-капиталистическом обществе, товаре, заключены в зародыше все сложнейшие общественные отношения, характеризующие капитализм и в неразвитом виде дан закон движения капиталистического хозяйства,—так точно и в основном простейшем отношении между рабочим классом и крестьянством в советском хозяйстве в неразвитом виде заложены все основные отношения и противоречия нашего хозяйства и на анализе его может быть понят и закон движения нашего хозяйства к социализму. Новые формы общественных отношений, вырастающие в нашей системе поэтому должны каждый раз не просто быть зарегистрированными в порядке их исторической очереди и не просто механически прибавлены к уже существующим, но должны быть введены из основного отношения, характеризующего нэп, и их специфичность должна вытекать из этого имманентного развития и усложнения этого отношения. Это предполагает в свою очередь, что наше понимание нэпа должно отображать богатейший исторический опыт развития экономики переходного периода.

* * *

Смысл нэпа заключается в том, что он дает возможность рабочему классу на основе соглашения с крестьянством строить, укреплять и развивать социалистические производственные отношения. Экономика нэпа означает наличие такой социально-классовой структуры, из существа которой вытекает возможность и необходимость для рабочего класса вести борьбу со своим классовым противником за социалистические формы хозяйства. Возможность эта обеспечивается руководящим пролетариата (социалистического сектора), в переходной экономике. Необходимость эта диктуется тем, что наряду с социалистическим сектором в обществе имеются и другие формы хозяйства, процесс превращения которых социалистические и должен занять весь исторический период перехода от капитализма к социализму.

Конечно, эта борьба рабочего класса за социалистические производственные отношения предполагает революционную переделку пролетариатом всего производственно-технического аппарата страны, мощного развития производства, производительных сил. Однако последняя (переделка) является средством в наших руках для социалистического строительства, но не сама по себе. Это положение достаточно красочно подчеркивалось всеми марксистами, рассуждавшими и писавшими о социализме. Оно же ярко отражено в следующих словах Ленина, написанных им еще до революции: «Для буржуазии производство ради производства. Для трудящихся и эксплуатируемого населения важнее всего свержение эксплоататоров и обеспечение условий, позволяющих труженикам работать на себя, а не на капиталистов» (т. XXV, с. 274—275). Люди, примитивно понимающие примат производительных сил в историческом развитии и воспевающие технический прогресс вообще, пожалуй, могли бы Ленина, на основании приведенной цитаты, обвинить в реакционности и во враждебном отношении к столь важному делу, как развитие техники и производительных сил. Однако нет надобности доказывать, что между стремлением трудящихся к установлению такого общественного порядка, при котором они бы «работали на себя», а не на капиталистов

листов», и об'ективно исторически данной необходимостью развития производительных сил нет никакого противоречия. История устроила дело так чисто, что именно стремление трудящихся к социализму в конечном счете и обеспечивает в наивысшей мере свободное развитие производительных сил. Но пролетариат борется за социализм, а не за «производство» и «производительные силы вообще». Он ставит перед собой задачу «вырвать корни капитализма», «подорвать основу внутреннего врага», который «держится в мелком хозяйстве». А «чтобы подорвать его, есть одно средство—вести хозяйство страны, в том числе земледелие, на новую технику скую базу, на техническую базу современного крупного производства». Такой базой является только электричество» (Т. XVII, с. 428). Таким образом, электрификация страны, строительство новой технической базы выходит, как могучее средство для осуществления поставленной целью построения законченной системы социалистических производственных отношений.

Все это настолько элементарно, что может показаться совершенно лишним разжевыванием общеизвестных для каждого марксиста истин, чтобы... некоторые «марксисты» не начинали странным образом отказываться от этого социально-классового подхода к анализу новой экономической политики и советского хозяйства. Если эти «марксисты» при этом кричат всем по-марксистски, кстати и некстати, о необходимости уважения «зеленых законов» «материального производства», то, тем не менее, отходя от обычного для нас социально-классового подхода к экономическим явлениям налицо.

Когда начинают утверждать, что основная задача нэпа сводится к тому, чтобы «развязать производительные силы» нашего хозяйства (прежде всего сельского хозяйства), что «центральной идеей» наших хозяйственных планов является «рост производительности народного труда» (Бухарин), то кими бы «марксистскими» ни казались подобные положения, совершенно ясно, что они игнорируют самое существенное в нэпе, это социально-классовые задачи этой политики. Ясно, как уже возражали т. Бухарину, что социалистического государства нужен не вообще «рост производительности народного труда», а такой рост производительных сил, который укрепит социалистические позиции пролетариата. Когда говорят, что «центральной идеей» наших хозяйственных планов является рост производительных сил, конечно, это не марксистская, а «беспартийная» установка. Главное в нашей экономической политике это развертывание социалистического строительства и вытеснение капиталистических элементов социалистическими, исходящими, конечно, на основе развития производительных сил.

Тов. Бухарин отказывается от социально-исторического и социально-классового подхода и тогда, когда он проповедует мысль о том, что сам главный в нашем регулировании хозяйственной жизни является понятие себя «железному» «закону трудовых затрат», действующему во всех обществах в человеческой истории, или «идеи хозяйственного равновесия». Пролетариат, преобразующий капиталистическое хозяйство в хозяйство социалистическое, ставит перед собой отнюдь не эту задачу подчинения этим вечным законам «материального производства», а в том, чтобы изменить самую общественную форму этого материального производства, изменить свою форму регулирования этого производства, изменить самый исторический тип и способ установления равновесия общественного производства. Вместо стихийного закона стоимости на сцену выступает план социалистического государства, а не просто «закон трудовых затрат». Вместо капиталистического типа и способа установления равновесия в общественном производстве социалистическое государство выдвигает иной исторический тип равновесия, метод его установления. И в этом именно и заключается самое главное

Увлечение законами «материального производства», сосредоточение внимания на развитии производительных сил и материально-технической стороне производства, вообще говоря, вполне естественно в условиях той огромной исторической преобразовательной работы, которая совершается в нашем хозяйстве. Однако это не дает никакого права на то, чтобы забывать основной марксистский угол зрения—всегда за движением производительных сил вскрывать производственные, классовые отношения. Ибо тем именно и отличается марксистская теория, что она во всех экономических явлениях видит именно выражение общественных отношений между людьми. Вместе с тем, нужно со всей решительностью отметить тот факт, что тенденция игнорирования социально-классовой формы питается всей мелкобуржуазной и капиталистической стихией, которая окружает пролетариат и которая чрезвычайно заинтересована в ее распространении. Нашей задачей, поэтому, является не просто изучать и уважать движение и рост производительных сил. Нашей задачей является взять это движение в определенной общественной форме, как закон движения этой самой общественной формы. Очень мало можно понять в колоссальных технико-производственных сдвигах нашего хозяйства, если их взять вне социальной формы, им присущей если их не вывести из самих потребностей и законов движения этой формы.

Вообще говоря, попытка «бежать» от анализа социально-классовых отношений в сферу «чистого» «материального производства» не представляет новести в нашей советской экономической мысли. В этом отношении скатаивающиеся от оппортунизма товарищи в настоящее время отражают только ту струю теоретической мысли в экономике, которая давно характеризовалась боязнью прикоснуться к социально-исторической природе экономической действительности и «сводила» ее к законам «материально-технического производства», господствовавшим и при капитализме и в других обществах. Вспомним А. Богданова с его энергетической трактовкой общественных явлений и антиисторическими взглядами на закономерности советского хозяйства. Вспомним Базарова, который, исходя из стремления применить к изучению экономических явлений «ту же самую систему основных категорий и единиц измерения, какая применяется точной наукой ко всем вообще материальным процессам», приходит к отрицанию особенностей советского хозяйства, особенного характера хозяйственной конъюнктуры в нашей стране и т. д. (см. его книгу «Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР»). Сюда же нужно отнести и Кожанова с его стремлением свести вопрос о сложных специфических формах регулирования хозяйства при капитализме и у нас к вопросу о материально-натуральной стороне закона стоимости (см. его статью «Материальный показатель трудовой стоимости у Маркса» в «Проблемах Марксизма», кн. I, 1928). Финн-Енотаевского, с механистически-материалистической точки зрения открыто критикующего Маркса (см. «Социалистическое Хозяйство», кн. III, 1929 г.) и др. Таким образом, когда из уст марксистов-коммунистов в последнее время, как последний крик моды, вылетает лозунг отказа от социально-классового анализа и выличивание чисто-технического момента, то это не может иначе рассматриваться, как сдача марксистских позиций под давлением враждебной марксизму идеологии.

Именно из такого неправильного, немарксистского подхода вытекает «теория» безмятежного «гражданского мира» для переходной экономики, отрицание неизбежности обострения классовой борьбы в переходный период, отрицание неизбежности частичного роста капиталистических элементов в нашем хозяйстве.

«Теория» «гражданского мира» для нашей страны вообще говоря чрезвычайно проста и на первый взгляд кажется даже троизмом. Она опирается

на положение о принципиальных изменениях в нашем социальном укладе по сравнению с капитализмом. Там, при капитализме, пролетариат побородил и ведет непримиримую борьбу с буржуазией, стремясь взорвать капиталистический строй. Здесь, в советском хозяйстве, пролетариат уже экспроприровал капиталистическую буржуазию и в союзе с крестьянством строит новое общество, имея таким образом совершенно иные задачи строительного порядка, а не разрушения. «При капитализме пролетариат стоит за гражданскою войною внутри общества. При своей собственной циклатуре при ее укреплении он — за гражданский мир». Отсюда и вывод о классовой борьбе при капитализме и в переходный период. «При капитализме она (классовая борьба) обостряется, пока все общество не раокается и не распадется, при успешном продвижении к социализму с известного пункта она начинает «отмратить»» (Бухарин).

Конечно, абсолютно правильно положение, согласно которому развитие переходной экономики должно привести в конечном счете к смягчению и ликвидации классовых противоречий, а не повторять тип развития классовых отношений путем их бесконечного обострения по аналогии с капитализмом. Если бы основы нашего социального строя не обеспечивали этого исхода, то невозможно было бы успешное строительство социализма в нашей стране. Троцкизм, отрицающий это положение, закономерно приходит к отрицанию возможности победоносного строительства социализма в нашей стране, изолированно взятой. Но если это положение является правильным, все же в этой «теории» целый ряд моментов вызывает, мягко выражаясь, большое сомнение. Прежде всего, самое перенесение вопроса в плоскость противопоставления «гражданского мира» «гражданской войне» замазывает суть вопроса, заключающуюся не в том, должна ли разгореться в перспективе гражданская война, егро «третья революция», в нашей стране, а в том, сохраняется ли классовая борьба (гражданская война есть только один из видов форм, наивысших форм, классовой борьбы) в нашем строе, вытекает ли она органически из нашего строя, или от нее можно «отвлечься». Это во-первых. И во-вторых, должны ли являться закономерными периоды обострения классовой борьбы для нашего развития, или здесь фаталистически предначертан путь автоматического потухания классовых противоречий.

Ошибка т. Бухарина заключается в том, что он, схематизируя недопустимым образом нашу генеральную линию экономического и политического развития в отличие от капитализма, приходит к «тощему» в теории и на практике весьма оппортунистическому выводу, что из закономерностей развития эпохи вытекает только «затухание», «умирание» классовых противоречий. Правда, т. Бухарин не может отрицать фактов, данных жизнью говорящих наиболее убедительным языком о том, что мы имеем и период обострения классовой борьбы в переходный период, прежде всего в реструктуривный период. Но это признание фактов не вкладывается в теоретическую схему «гражданского мира». Сно есть нарушение хода вещей, предусмотренное этой схемой, больше того, ей прямо противоречащее. Но «теория» признает, «что направление развития не идет по линии размежевания пропасти между классами» (Н. Бухарин, Политическое завещание Ленина, с. 10). Поэтому т. Бухарин заключает естественно о том, что практика здесь отклоняется от теории, противоречит ей, или что здесь мы имеем простую случайность, что это обострение классовой борьбы есть продукт настактики и т. д. «Разумеется, действительный ход жизни, согласно мифу Фельзаку изречению: «Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни», в действительности сложнее: сложнее могут оказаться и объективные условия, и не совсем идеальной может окаться наша тактика. Поэтому реально могут быть не

риоды обострения классовой борьбы и ее форм, связанные с перегруппировками общественных классов» (Бухарин, Политическое завещание, с. 10).

В другом месте т. Бухарин прямо обясняет обострение классовой борьбы случайными обстоятельствами и временными недостатками аппарата пролетарской диктатуры. «То тут, то там классовая борьба в деревне вспыхивает в прежних своих проявлениях, при чем это обострение вызывается обычно кулаками элементами. Когда, например, кулаки или наезжающиеся за чужой счет и пролезшие в органы советской власти люди начинают стрелять по селькорам, это есть проявление классовой борьбы в самой острой форме. Однако такие случаи бывают обычно там, где еще советский местный аппарат является слабым. По мере улучшения этого аппарата, по мере укрепления всех низовых ячеек советской власти... такого рода явления будут, как это совершенно очевидно, становиться все более редким и в конце концов бесследно исчезнут» (Бухарин, Путь к социализму и рабоче-крестьянский блок).

Ясно, что «теория» «гражданского мира» оказывается не в состоянии объяснить явления обострения классовой борьбы при диктатуре пролетариата. Но это означает, что она представляет собой скат к оппортунизму. Теория, не видящая классовые отношения и их развитие в переходный период, бесконечно далека от ленинизма. Здесь из теории переходного хозяйства выброшено самое существенное — это наличие мучительного труда и его перехода от капитализма к социализму, характеризующегося борьбой между разными формами хозяйства. Теория движения к социализму превращена в теорию мирного врастания в социализм без всяких неприятностей, связанных с борьбой с кулаками и нэпманами. Недаром т. Бухарин роняет совсем «невинное» замечание (и притом помещенное в скобках), что «Вл. Ильич о кулаке вообще не упоминает в этих (последних) статьях» (Н. Бухарин, Политическое завещание Ленина, с. 22).

Между тем, ни в «чистой теории», ни в практической политике Ленин, конечно, не забывал ни о капиталистических элементах, ни о классовой борьбе с ними. Это можно проследить буквально на всех высказываниях Ленина. В своей теоретической статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», написанной в 1919 г., Ленин пишет об основных хозяйственных формах в нашей системе: «Эти основные формы общественного хозяйства: капитализм, мелкое товарное производство, коммунизм. Эти основные силы: буржуазия, мелкая буржуазия (особенно крестьянство), пролетариат». Крестьянское хозяйство продолжает оставаться мелким товарным хозяйством. Здесь мы имеем чрезвычайно широкую и имеющую очень глубокие, очень прочные корни базу капитализма. На этой базе капитализм сохраняется и возрождается вновь в самой ожесточенной борьбе с коммунизмом» (Т. XVI, стр. 348, 349). О классовой борьбе эксплуататорских классов в переходную эпоху против социализма Ленин пишет в этой же работе с исчерпывающей ясностью. «Класс эксплуататоров, помещиков и капиталистов не исчез и не может сразу исчезнуть при диктатуре пролетариата. Эксплуататоры разбиты, но не уничтожены. У них осталась международная база, международный капитал, отделением коего они являются. У них остались частью некоторые средства производства, остались деньги, остались громадные общественные связи... классовая борьба свергнутых эксплуататоров против победившего авангарда эксплуатируемых, т. е. против пролетариата, стала неизмеримо более ожесточенной. И это не может быть иначе, если говорить о революции, если не подменять этого понятия (как делают все герои II Интернационала) реформистскими иллюзиями» (Т. XVI, стр. 354).

И в период новой экономической политики, переход к которой немалое количество людей расценивали неправильно, как смягчение классовых

противоречий и классовой борьбы с буржуазией, Ленин говорил об остройшей классовой борьбе «не на живот, а на смерть».

«Я говорил о соревновании. Прямого натиска на нас нет, нас не хва-тают за горло. Что будет завтра, это мы еще посмотрим, но сегодня на нас не наступают с оружием в руках, и тем не менее борьба с капиталистиче-ским обществом стала во сто раз более ожесточенной и опасной, потому что мы не всегда ясно видим, где против нас враг и кто наш друг. Я говорил о ком-мунистическом соревновании с точки зрения развития форм хозяйства и форм общественного уклада. Это не есть соревнование, это есть отчаянная, бешеная, если не последняя, то близкая к тому, борьба не на живот, а на смерть между капитализмом и коммунизмом» (с. 42). «Это — еще одна фор-ма борьбы буржуазии с пролетариатом...» (Т. XVIII, ч. 2, с. 44).

Таким образом, явно враждебной ленинизму является теория, по которой обострение классовой борьбы нельзя теоретически понять, вывести из самой сущности нэпа или экономики переходного периода, и что его следует объяснять случайными привходящими только в «сложной» «реальной» дей-ствительности моментами. Теория, абстрагирующаяся от «реальной» дейст-вительности, есть мертвая, безжизненная, уходящая в сторону от марксизма теория. Обострение классовых противоречий, так же точно как их конеч-ная ликвидация, должно быть понято именно из существа нэпа, из существа пе-реходной экономики, должно быть т_е о р е т и ч е с к и введено из анализа основных классовых отношений, составляющих основу нэпа, а не механически прибавлено, как «усложняющий» «побочный» момент «грешной» практики.

Почему наступление реконструктивного периода закономерно связано в нашей стране с обострением классовой борьбы с капиталистическими эле-ментами города и деревни?

Потому, что период реконструкции знаменует переход в решительные наступление социалистических элементов, социалистических форм нашего хозяйства, означает переход к коренному преобразованию самых глубоких основ народного хозяйства. Конечно, развитие социалистических форм на-шего хозяйства имело место и в течение всего восстановительного периода. Однако нужно было известное накопление сил в социалистическом секторе хозяйства, прежде всего в промышленности, как необходимая предпосылка для того, чтобы этот сектор мог перейти в решительное наступление на глубокие корни капитализма в нашей стране. Это накопление сил и происхо-дило в основном в восстановительный период нэпа. Только по окончании этого периода пролетариат мог поставить перед собой как непосредственную задачу — социалистическую переделку огромного моря мелкобуржуазного производства, окружающего нашу социалистическую промышленность. Есте-ственно, что переход социалистического сектора в решительное наступление не мог не вызвать решительного сопротивления капиталистических элементов и обострения классовой борьбы с ними.

В том же направлении обострения классовой борьбы влиял и другой фактор, также закономерно вытекающий из условий развития хозяйства в истекший период нэпа,— это некоторый абсолютный рост капиталистиче-ских элементов деревни и города. Странное забвение или игнорирование последнего факта происходит у оппортунистически настроенных товари-щих из следующих абсолютно немарксистских положений.

Кое-кто из них пытается восхвалить немарксистское, народническое, вульгарно-материалистическое представление о сущности капитала. До сих пор у марксистов как будто не было сомнений в том, что для определен-¹²ия понятия капитала или капиталистического хозяйства мы должны брать не уровень материального развития, развития техники, а исторический тип от-ношений между людьми, наличие или отсутствие эксплуатации наемного

труда. Капитал исторически возникает на базе чрезвычайно низкой техники и уж затем преобразует эту техническую базу соответственно своим потреб-ностям. Этого не понимали народники, с которыми вели по этому вопросу ожесточенную полемику марксисты, в первую голову Ленин. И вот это элементарное марксистское положение оспаривается ныне некоторыми това-рищами. Механистически «сводя» понятие капитала к определенному уровню техники, они не находят капитала и богатства там, где нет этого уровня техники¹⁾. Механистическая концепция здесь смыкается с вреднейшим полити-ческим выводом, отрицающим некоторый абсолютный рост капиталистиче-ских элементов в нашем хозяйстве и рост их сопротивления социалистиче-скому наступлению.

Поистине приходится поражаться такому, например, «доказательству» тезиса о том, что капиталистические элементы в нашей деревне не суще-ствуют. У многих есть совершенно ложное троцкистское представление, будто если вы говорите о под'еме индивидуального хозяйства, з на ч и т тем самым вы стоите за развитие капиталистического хозяйства. Почему так? Ведь нужно видеть ту реальность, которая в нашей стране есть. Наша дере-вня, вопреки всем оппозиционным басням, не есть какая-то богатая дере-вня, варварская нищета еще у нас царит. По некоторым районам у нас цифра безлошадных доходит до 40 проц. и больше» (Бухарин). Если совер-шенно верно, что политика пролетарского государства, поддерживающая раз-витие индивидуального бедняцкого и середняцкого хозяйства, на ряду с раз-витием колхозов и совхозов, не может быть квалифицирована, как капи-алистическая, как это утверждают троцкисты, то разве можно отрицать, что развитие индивидуального хозяйства вообще, взятое вне мер пролетар-ского государства по социалистическому переустройству деревни, действи-тельно ведет к развитию капитализма?! И разве не издавательством над марксизмом является ссылка на «нищую деревню», которая дескать вслед-ствие своей «варварской бедности» не может породить капиталистических элементов?! С каких пор марксисты стали брать в основу различия капи-алистического и некапиталистического хозяйства уровень богатства, нищету или благосостояние, а не тип отношений между людьми, наличие эксплоата-ции наемной рабочей силы?! Подобная точка зрения, при последовательном ее проведении и теоретическом обосновании (о каком, как мы видели, уже беспокоились сторонники механистических взглядов на экономические категории), неизбежно должна привести к полному разрыву с марксизмом.

Но здесь есть и другая сторона вопроса. Это—непонимание того, что простое товарное хозяйство, предоставленное самому себе, необходимо поро-жает капитализм, что из свободы торговли, из свободы оборота неизбежно вытекает развитие капиталистического хозяйства. Ленин говорил об этом с абсолютной ясностью. «Пока мы живем в мелкой крестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма». Капитализм «держится на мелком хозяйстве». Специально для людей, этого не понимавших и предполагавших, что индивидуальному товар-ному хозяйству просто «сам бог велел» мирно и без противоречий врастать в социализм, Ленин при переходе к новой экономической политике неодно-кратно напоминал марксистскую азбуку о простом товарном хозяйстве и сво-боде торговли. «Что такое свобода оборота? Свобода оборота это есть свобо-да торговли, а свобода торговли значит назад к капитализму. Свобода оборота и свобода торговли—это значит товарный обмен между отдельными

¹⁾ В области теории политической экономии на такую позицию открыто стал, напр., Т. Бессонов. См. его статью «Против выхолащивания марксизма» в «Проблемах Экономики» № 1, стр. 141, 142 и др. Более подробно об этом в нашей статье «К вопросу о теоретическом изучении советской экономики», помещенной в «Большевике» № 11 за 1929 г.

мелкими хозяевами. Мы все, кто учились хотя бы азбуке марксизма, знаем, что из этого оборота и свободы торговли неизбежно вытекает деление товаропроизводителя на владельца капитала и на владельца рук, разделение капиталиста и на наемного рабочего, т.е. воссоздание снова капиталистического наемного рабочего, которое не с неба сваливается, а вырастает во всем мире именно из товарного земледелия» (Ленин, т. XVIII, ч. 1, с. 140). «Свобода обмена обозначает свободу капитализма. Мы говорим это открыто и подчеркиваем это. Мы этого отнюдь не скрываем. Дело бы обстояло с нашим очень печально, если бы мы вздумали скрывать это» (т. XVIII, ч. 1, стр. 332).

Что же сказать о людях, которые думают, что свобода торговли автоматически подводит индивидуальное крестьянское хозяйство к социалистическому? потому, что промышленность находится в руках пролетариата, или что общество в наших условиях есть только «внешняя форма проявления», «внешняя оболочка, «крышка», по которой мы можем себя чувствовать «как у Христа в пазухе»?

Обмен, торговля не есть просто безразличная для нас внешняя форма проявления производственных отношений. В отношении нашего социалистического сектора (государственной промышленности) это неверно потому, что производственные отношения в нем находят свое обязательное выражение и в иных формах, нежели обмен, торговля. В отношении мелкобуржуазного крестьянского сектора нашего хозяйства это сугубо неверно по обратной причине. Здесь обмен не просто «внешняя форма проявления», но и форма самого производства, связанная с капитализмом и его порождающими. Действительно, печально обстоит дело с теми «марксистами»¹, которые этого не понимают.

Итак, из самой структуры нэпа должна быть понята и выведена динамика классовых отношений, неизбежность обострения классовых противоречий на определенных этапах и их ликвидация в конечном счете. В структуре нэпа заложено и объяснение процессов социалистической реконструкции нашего хозяйства, и неизбежность частичного роста капиталистических элементов и их острого сопротивления пролетарскому государству, и возможность победоносного социалистического строительства рабочего класса в союзе с трудящимся крестьянством. Всякие попытки смазать этот основной социально-классовый смысл нашего развития на рельсах нэпа должны быть решительно отвергнуты.

* * *

Мы начали проведение новой экономической политики с объявления свободы торговли. Именно с этого конца начался переход от военного коммунизма к нэпу. Почему? Потому, что в стране с огромной массой мелкого крестьянского производства нельзя строить социализм, не заключив союза с трудовой армией крестьянства, не заинтересовав экономически в этом крестьянства, не обеспечив экономически возможностей для развития крестьянского производства. А экономические интересы мелкого производителя требуют прежде всего некоторой свободы обращения, свободы торговли. «Пока мы еще не переделали (крестьянства), пока его крупная машина не переделана, надо обеспечить ему возможность свободы хозяйствовать», говорил Ленин. «Мы вынуждены искать чрезвычайно сложных форм взаимоотношений» (т. XVIII, ч. 1, с. 121). Мы вынуждены искать рыночных

¹) И в этом вопросе экономисты, склонные к механистическим концепциям, дают теоретическую пищу для оппортунистического толкования проблемы Тов. А. Кон обеими ногами становится на эту позицию безразличного отношения к обмену, как «внешней» и вместе с тем «единственной» (sic!) форме проявления производственных отношений в нашем хозяйстве. См., его книгу «О новой экономике Преображенского», с. 29, 32 и др., а также нашу вышеупомянутую статью

форм связи с крестьянством до тех пор, пока существует мелкое раздробленное производство в сельском хозяйстве. Вот почему Ленин так настойчиво требовал в начале нэпа тщательного изучения элементарных экономических условий, которые нужны для развития хозяйства мелкого производителя. «Мы должны постараться удовлетворить требования крестьян, которые не удовлетворены, которые недовольны и законно недовольны и не могут быть довольны. Мы должны сказать: «Да, такое положение не может держаться дальше». Как его удовлетворить и что значит удовлетворить его? Конечно, куда мы можем взять ответ на вопрос о том, как его удовлетворить? Конечно, из тех же самых требований. Мы эти требования знаем. Но мы должны проверить их, совести в экономическую науку все то, что мы знаем об экономических требованиях земледельца. Внимая в этот вопрос, мы скажем себе сразу: удовлетворить мелкого земледельца, по сути дела, можно двумя вещами: в опервых — нужна извесная свобода обращения, свобода для частного мелкого хозяина...» (т. XVIII, ч. 1, с. 139—140). Из понимания этой задачи уцелеть за экономический частный интерес мелкого производителя вытекло требование Ленина «научиться торговаться». На ином пути, чем торговля, рыночная связь, нельзя было найти контакта с многомиллионным крестьянством нашей страны. «Как ни кажется нам далекое от коммунизма область торговли, а именно в этой области перед нами стоит своеобразная задача. Только решив эту задачу, мы сможем подойти к решению экономических потребностей, абсолютно неотложных, и только так мы можем обеспечить возможность восстановления крупной промышленности путем более долгим, но более прочным, а теперь и единственно для нас возможным» (Там же, с. 402).

Этот путь строительства крупной промышленности и социализма — через торговлю, — через свободу обращения для мелкого производителя — в условиях перехода к нэпу диктовался нам, однако, не только абстрактными политическими и теоретическими соображениями о единственно возможной экономической политике пролетариата в мелкокрестьянской стране. Он диктовался повсельально, кроме того, тягчайшим экономическим положением, в котором мы тогда находились, состоянием крайней нищеты, разоренности и голода. Этот момент не следует также упускать из виду. Не только экономическая целесообразность, но и глубокий хозяйствственный кризис неумолимо требовали решительно «начать» с удовлетворения интересов крестьянского хозяйства, отсюда дав толчок экономическому оживлению во всей стране и на таком обходном пути создав возможности для восстановления крупной государственной промышленности. Этот второй мотив давал себя знать также чрезвычайно сильно в период перехода к нэпу. Именно он прежде всего окрасил этот переход в цвет большого продуманного плана экономического отступления пролетариата, ибо и в самом деле размеры отступления определялись в тех условиях не только тем, как далеко вперед мы шагнули в предыдущий «героический период нашей революции», но и глубиной народно-хозяйственного кризиса, который дал себя знать уже в выстрелах Кронштадтского восстания. Нужно еще вспомнить при этом и о тяжелом неурожае 1920 г.

Это были годы, когда Ленин со всей силой подчеркивал, что «нам нужно увеличение производства прежде всего и во что бы то ни стало» (т. XVIII, ч. 1, с. 370), что «не того надо бояться, что мелкая буржуазия и мелкий капитал вырастут. Надо бояться того, что слишком долго продолжается состояние нужды, недостатка продуктов, из которого вытекает уже обессиление пролетариата, его невозможность противостоять стихии мелкобуржуазных колебаний. При увеличении количества продуктов никакое развитие мел-

кой буржуазии не будет большим минусом, поскольку это дает развитие крупной промышленности, и мы должны поощрять мелкое сельское хозяйство. Все, что мы можем сделать для его поощрения, мы обязаны сделать» (Там же, с. 155).

И промышленность, и сельское хозяйство были чрезвычайно ослаблены. «Промышленность восстановить после IX съезда не удалось, потому что обрушился год войны, и недостаток топливного снабжения, и недостаток транспорта, и крестьянское хозяйство ослаблено до последних пределов» (Т. XVIII, ч. 1, с. 193). «Если бы 1920 год дал нам очень хороший урожай, или по крайней мере только хороший, если бы мы из 420 м. разверстки собрали 400 миллионов, мы могли бы нашу промышленную программу выполнить большей частью, тогда у нас был бы известный фонд для обмена городских промышленных продуктов на земледельческие. У нас получилось обратное. Получился еще более острый в некоторых местах, чем продовольственный, кризис, кризис топливный, полная невозможность удовлетворить крестьянское хозяйство городскими продуктами. Получился невероятно острый кризис крестьянского хозяйства. Вот из каких обстоятельств вытекло то, что мы ни в коем случае при старой продовольственной политике оставаться не могли. Мы должны были поставить на очередь вопрос о том, какие нам нужны экономические основы союза между рабочим классом и крестьянством неизменно, как переход к дальнейшим мерам» (Там же, с. 258). Вследствие разоренности нашей промышленности, мы должны были «дать возможность крестьянскому хозяйству улучшиться не только за счет промышленности — это было бы правильнее всего, это было бы самым рациональным, но на этом все хватит сил» (Там же, с. 193).

Таково было положение вещей. Естественно поэтому, что объявление свободы торговли имело своим расчетом не только установление наиболее правильных взаимоотношений между промышленностью и сельским хозяйством, но предоставление крестьянскому хозяйству, мелкой промышленности, собственными силами поднять производство, чтобы этим экономическим оживлением тем временем могла воспользоваться ослабленная крупная промышленность и таким образом восстановить свою производительные силы. В это и заключался стратегический план об'явления свободы торговли и новой экономической политики. Задача заключалась в том, чтобы «уцепиться за наличную, мелкую, отсталую промышленность, или за крупную, но ослабленную, разоренную, оживить на данной экономической основе торговлю, да почувствовать среднему рядовому крестьянству экономическое оживление, воспользоваться этим для более систематической и упорной, более широкой и более успешной работы по восстановлению крупной промышленности». «Всеми и всякими экономически переходными формами позволительно пользоваться и надо уметь пользоваться, раз является в том надобность для укрепления связи крестьянства с пролетариатом, для немедленного оживления народного хозяйства в разоренной и измученной стране, для под'ема промышленности, для облегчения дальнейших, более широких и глубоких мер, как-то: электрификации» (Там же, с. 414).

И Ленин обрушивался всей тяжестью прежде всего на тех, кто этого экономического плана, начинаящегося с мероприятий по оживлению торговли и помощи крестьянству, не понимали и выдвигали «интересы промышленности», «диктатуры пролетариата». «Политическая обстановка к весне 1921 г. сложилась так, что немедленные, самые решительные, самые экстренные меры для улучшения положения крестьянства и под'ема его производительных сил стали неотложно необходимы. Почему именно крестьянства, а не рабочих? Потому, что для улучшения положения рабочих нужны хлеб и топливо. Сейчас «задержка» самая большая — с точки зрения всего государственного хо-

зяйства — именно из-за этого. А увеличить производство и сбор хлеба, заготовку и доставку топлива нельзя иначе, как улучшив положение крестьянства, подняв его производительные силы. Начать надо с крестьянства, «Только через это можно добиться и улучшения положения рабочих, и укрепления союза рабочих с крестьянством, укрепления диктатуры пролетариата. Тот пролетарий или представитель пролетариата, который захотел бы не через это пойти к улучшению положения рабочих, окажется бы на деле пособником белогвардейцев и капиталистов» (Там же, с. 213).

И из всего этого снова тот же вывод о необходимости развития торговли, торгового оборота. «Торговля — вот то «звено» в исторической цепи событий в переходных формах нашего социалистического строительства 1921—1922 годов, «за которое надо всеми силами ухватиться» за пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы теперь за это звено достаточно крепко «ухватимся», мы всей цепью в ближайшее время овладеем наверняка. А иначе нам всей цепью не овладеть, фундамента социалистических общественно-экономических отношений не создать» (Там же, с. 412).

Если из всего этого ясно, что догущение и развитие рынка, известной свободы торговли, с одной стороны, и обеспечение условий для развития малого крестьянского производства, с другой, характеризуют логически нэп, как определенную систему экономической политики и исторически являются важнейшим звеном в цепи событий по переходу от военного коммунизма к излу, то было бы, однако, величайшей теоретической и политической ошибкой считать, что существование нэпа только и сводится к этому. Теоретическая характеристика и изображение хода исторического развития нэпа справедливо начинается с изображения рыночных форм связи и экономических форм сотрудничества рабочего класса с крестьянством, но на этом ни теоретическая, ни историческая характеристика нэпа ведь не заканчивается. Нужно далее покждать, как на основе экономического сотрудничества с сельским хозяйством укрепляется и растет мощь государственной социалистической промышленности, на основе союза с крестьянством упрочивается диктатура пролетариата, на основе рыночных связей с крестьянством крестьянское хозяйство переделывается, создаются реальные возможности превращения его в коллективно-социалистическое хозяйство и, следовательно, образуется основа для принципиально иных форм взаимоотношений с сельским хозяйством, нежели рыночные. Именно в этом заключается самое главное.

Прежде всего нэп не есть просто политика союза рабочего класса с крестьянством. Это есть политика, направленная на руководство крестьянством в деле социалистического строительства и укрепления диктатуры пролетариата. Забыть эту основную истину значит скатиться полностью в болото оппортунизма. «Мы заключили союз с крестьянством», — говорит Ленин. — Мы понимаем этот союз так: пролетариат освобождает крестьянство от эксплуатации со стороны буржуазии, освобождая его от руководства и влияния буржуазии. Он привлекает его к себе, чтобы совместно победить эксплуататоров. Меньшевики говорят так: крестьянство составляет большинство, мы — чистые демократы, большинство должно решать. Но так как крестьянство не может быть самостоятельным, то практически это означает ничего иное, как восстановление капитализма. Лозунг тот же самый: союз с крестьянами. Когда мы об этом говорим, то мы понимаем под этим усиление и укрепление пролетариата» (Т. XVIII, ч. 1, с. 326).

Если взять вопрос также экономически, то даже с точки зрения экономических интересов крестьянства политика, предоставляющая крестьян-

скому хозяйству одну только свободу оборота, вряд ли может представить разумной политикой. Ведь крестьянству нужна не только «свобода оборота». Это только одна сторона дела. Крестьянин должен не только иметь возможность обернуться, продать свой товар, но и приобрести необходимые для его хозяйства предметы потребления и средства производства. Без этой второй возможности «свобода оборота» не удовлетворит крестьянства. «Удовлетворить мелкого землемельца, по сути дела, можно двумя вещами: во-первых, нужна известная свобода оборота, свобода для частного мелкого хозяйства (Ленин, т. XVIII, ч. 1, с. 140). Но этого мало. «А в о-вторых нужно достать товары и продукты. Что за свобода оборота, ежесуточно нечего обменивать, и свобода торговли, ежели нечем торговать! Это оставляется бумажкой, а классы удовлетворяются не бумажками, а материальными вещами. Эти два условия надо хорошо понять» (Там же, с. 140). Как видим, Ленин «хорошенько понял» еще в самом начале нэпа, что изначально не просто обявление свободы торговли для крестьянского хозяйства, но и определенную систему мер по производству и доставлению необходимых продуктов крестьянству со стороны промышленности, руководимой пролетариатом. Эту другую сторону нэпа Ленин никогда не упускал из виду. Если в первый период нэпа крестьянское хозяйство могло быть удовлетворено предоставлением возможности свободного оборота для него и для мелкой промышленности, то в дальнейшем удовлетворение экономических интересов сельского хозяйства невозможно без мощного развития крупной промышленности нашей страны (конечно, если мы не хотим отказаться от экономической самостоятельности нашей страны и пойти в подчинение к иностранному капиталу). Таким образом, даже с точки зрения узко понятых интересов крестьянства экономическая политика, сводящаяся только к политике «свободы оборота» для мелкого производителя, была бы бессмыслицей.

Но, конечно, пролетариат основной задачей нэпа считает не просто «свободное» развитие индивидуального производства в деревне, но укрепление и развитие социалистических форм хозяйства, которое возможно прежде всего путем укрепления крупной государственной промышленности. Задача при переходе к нэпу сводилась именно к тому, чтобы, начав со свободы оборота для крестьянского хозяйства и мелкой промышленности, создать предпосылки для быстрого развития крупной социалистической промышленности. Расчет заключался в том, что «рабочий класс, имея в своих руках важнейшие отрасли крупной промышленности, если он сосредоточит внимание на наиболее важных из них, выиграет больше, чем выиграет мелкая промышленность» (Т. XVIII, ч. 1, с. 154).

Тот, кто не понял этого, тот не понял ничего в нэпе, «тот не коммунист», как говорил Ленин, как раз обясняя смысл новой экономической политики. «Нельзя забывать, что единственной возможной экономической основой является крупная машинная индустрия. Тот, кто забывает это, тот не коммунист» (Т. XVIII, ч. 1, с. 323). «Мы говорим: крупная промышленность — единственное средство спаси крестьянство от нужды и голода» (Там же, с. 334). «Так называемая «тяжелая индустрия» есть основная база социализма» (Ленин, т. XVIII, ч. 2, с. 76).

Если бы мы свели нэп к развитию хозяйства мелкого производителя, к обеспечению «свободы оборота», как это некоторые по наивности думают, это не имело бы ничего общего с политикой социалистического пролетарского государства. Экономика нашей страны представляла бы собой «царство крестьянской ограниченности», а не хозяйство строящегося социализма. В одной из своих последних статей («Лучше меньше, да лучше») Ленин с полной определенностью говорит о том, как нэп должен привести к мо-

ному развитию крупной промышленности, а не создать «царство крестьянской ограниченности». «Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы в с ясное малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной индустрии, для развития электрификации, гидротехники, для достройки Волховстроя и т. д. В этом и только в этом будет наша надежда. Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую: именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, на лошадь, которую ищет и не может неискать для себя пролетариата, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.» (Т. XVIII, ч. 2, с. 138).

Лозунг индустриализации нашей страны, проводимый нами уже в течение ряда лет и характерный для периода реконструкции хозяйства, является поэтому продуктом не каких-нибудь случайных, побочных, дополнительных обстоятельств нашего развития, но коренных определяющих условий развития нэпа. Так же закономерно, как лозунг «свободы торговли» для своего времени, лозунг индустриализации для нашего времени является основным очередным «звеном», за которое нужно ухватиться всеми силами. Больше того, крепнувшая развивающаяся индустриализация нашей страны служит основным средством нашего движения к социализму. Индустриализация страны, вытекая из коренных условий развития нэпа, вместе с тем является основным законом движения нашей социальной формы, нашего общественного строя, в тех пор пока мы строим социализм в одной стране, находящейся в капиталистическом окружении. Именно из потребностей и законов, зараженных в самом нашем общественном строе, вытекает необходимость разворачивающейся индустриализации. Так же, как развитие производственных отношений капиталистического общества приводит ко все большему развитию производительности общественного труда, росту концентрации производства и т. д., т. е. к моментам, которые становятся в противоречие с самой капиталистической формой производства и вырываются изнутри, так развитие производственных отношений, составляющих экономику нэпа, должно, при правильной политике пролетарского государства, привести к такому мощному росту крупной социалистической промышленности, индустриализации сельского хозяйства и т. д., который постепенно преобразует самые основы нашего народного хозяйства и создаст возможность к постепенному переходу к полному социалистическому обществу.

Следует особенно подчеркнуть, что этот вывод об индустриализации как законе нашего движения к социализму может быть сделан только на основе анализа существа, особенностей социальных, производственных, классовых отношений, составляющих экономику нашей страны. Попытки вывести этот процесс нашей индустриализации из особенного развития материально-технического остова нашего производства, из развития производительных сил нашего хозяйства, взятых вне данной социальной формы, обяснить его на путях механистического «сведения» движения экономической формы к движению материальных производительных сил, обречены на полное банкротство. Не случайно поэтому все буржуазные экономисты, которые борются за «чистый» материально-производственный подход к изучению явлений нашего хозяйственного строя, не только не приходят к выводу о необходимости политики индустриализации страны, но даже, наоборот, сплошь да рядом считают такую политику противоречащей потребностям развития производительных сил народного хозяйства.

Индустриализация страны означает выход на дорогу быстрого социалистической реконструкции хозяйства, приобретение крепущим социалистическим сектором хозяйства собственной базы, переход на гораздо более высокую ступень по сравнению с начальным этапом развития. Этого не видят те товарищи, которые свои теоретические построения создают на основе учета опыта только начального периода нэпа. Но эти теоретические построения оказываются неприложимыми к новым задачам нового этапа в развитии нэпа, так же точно, как они оказываются слишком «однобокими», односторонними для того, чтобы помочь теоретически ослабить всю систему нэпа.

Если для начального периода нэпа под'ем крупной промышленности, восстановление и под'ем находящегося в катастрофически тяжелом положении крестьянского хозяйства был единственным возможным путем развития промышленности, то возведение этого обходного пути в правило всего исторического развития нэпа не может не являться уже теоретически верным, а политически вредным. А именно эта установка характеризует идеологию оппортунизма правых товарищес. «Накопление в социалистической промышленности при большом удельном весе крестьянских хозяйств есть функция накопления в крестьянском хозяйстве», говорит тов. Бурин (Об экономической платформе оппозиции, Сборник статей, с. 20). Но почему не наоборот? Разве накопление в крестьянском хозяйстве в первую очередь не является функцией накопления в социалистической промышленности? Разве и на практике развитие крестьянского хозяйства не упирается в недостаток средств производства и других продуктов, производимых промышленностью? Разве индустриализация не является мощным рычагом разгона процессов накопления в сельском хозяйстве? Безусловно. Ясное дело, что брать приведенное положение тов. Бухарина как руководство к пониманию отношений между промышленностью и сельским хозяйством в реконструктивный период и для всего периода нэпа было бы в высшей степени ошибочным, хотя для времени перехода от военного коммунизма это оно являлось правильным.

Если для начального периода нэпа мы не могли взять такого темпа развития промышленности, который был бы возможен при наличии более развитой промышленности, и считали положительным фактом такой темпа крупной промышленности, который пропорционально даже меньше, чем темпа мелкой промышленности и мелкого производства, ибо, как выражался Ленин, «нам нужно увеличение производства прежде всего и во что бы то ни стало», хотя бы временно, большей своей частью за счет мелкого производства в деревне и городе, то, само собой разумеется, было бы чрезвычайно опасным превращение подобной «нужды» в «добродетель», вытекающую из особенностей нэпа вообще и обязательную для всех периодов нэпа. Это свидетельствовало бы о непонимании специфических черт реконструктивного периода, который должен дать огромное ускорение роста сил социалистического сектора, крупной промышленности в первую очередь, то «ускорение», которое предсказывал Ленин. Понятно, насколько далеко от понимания особенностей развития в реконструктивный период находится теория построения социализма «черепашим шагом», которую кое-кто проповедует. Нет построение социализма предполагает быстрый и напряженный темп развития промышленности и социалистического сектора хозяйства вообще, который диктуется всей обстановкой нэпа.

Наконец, сугубо неверной является «теория», сводящая сущность нэпа к рынку, к свободе торговли и механически переносящая лозунги первого периода нэпа в отношении оживления торговли, снятия стеснений свободной торговли и т. д. на периоды дальнейшего развития нэпа.

Когда некоторые товарищи с усердием, достойным лучшего применения, твердят, как об основной задаче в настоящее время, о необходимости «раз-

ввязывания товарооборота», «нормализации торговли», «ликвидации зажима товарооборота», то здесь мы имеем пример непонимания того, что наше отношение к торговле отнюдь не сводится для всех периодов нэпа к простой формуле развития свободы торговли. Ведь это только одна сторона дела. Другая сторона заключается в нашей линии на организацию торговли, ее регулирование, ее подчинение. Но и этого недостаточно. Задача нэпа заключается в том, чтобы, начав с торговли, обращения, развить производство, создав возможности его социалистического переустройства, что, в свою очередь, означает с определенного пункта и дополнение рыночных отношений какими-то другими, принципиально иными формами связи, и, наконец, постепенную трансформацию самих рыночных отношений. Конечно, рыночные связи будут преобладающей формой взаимоотношений на продолжительное время. Однако делать отсюда вывод, что нужно всегда и везде только и твердить «о свободе торговли» и что в этом именно «зерно» проблемы торговли при нэпе, было бы в высшей степени ошибочным.

Какими неверными выводами чревата подобная точка зрения, гипертрофирующая роль рынка и торговли в системе нэпа, показывает оппортунистическое представление о том, что крестьянское хозяйство автоматически через рынок, через обращение без особых противоречий врастает в социализм. Согласно этому представлению нужно только позаботиться о нормальному рыночном обороте с крестьянством, о развитии обращения, и тогда, при наличии командных экономических высот в руках пролетариата, врастание индивидуальных хозяйств в социализм обеспечено. Сфера обращения обладает в этой теории такими чудесными качествами, что даже кулак через сферу обращения прямо врастает в социалистическую систему. «К социалистическому производству на земле... мы придем через процесс обращения, а не непосредственно через процесс производства,— пишет тов. Бухарин. — По мере того, как через процесс обращения крестьянское хозяйство будет все более и более втягиваться в социалистическую орбиту, будут стираться классовые грани, которые потонут в бесклассовом обществе» (Об экономической платформе оппозиции, с. 10, 15).

Здесь мы имеем доподлинное мелкобуржуазное воспевание прелестей рынка (хотя бы и советского), прелестей свободы торговли. Социализм в сельском хозяйстве здесь прямо растет из процесса обращения, лишенного всех противоречий, превращенного только в «гладкий» и «ровный» путь движения для мелкого производителя. Но марксизм имеет иное представление о рынке, о свободе торговли. Свобода торговли не только дает возможность развития мелкого производителя и подчинения его крупной промышленности. Свобода торговли порождает капитализм, создавая деление товаропроизводителей на капиталистов и наемных рабочих. Вот почему один только рынок, процесс обращения не может обеспечить возможность мирного врастания мелкого производства в социализм. Социалистический путь развития крестьянского производства может быть обеспечен только тогда, когда будет происходить переделка самих производственных основ мелкого хозяйства. А это означает, что от процессов обращения, от рынка мы должны ити дальше к производству, колLECTIVИЗИРУЯ самый процесс производства.

Эта фетишизация рыночных форм свободы торговли и приписывание им одних благодетельных свойств, которые характеризуют вышеозначенное представление, тем более непонятно, что здесь совершенно упускается из виду и то, что нашей конечной задачей является переделка самих рыночных связей в связи планово-организованного порядка, и то, что в настоящем виде рыночные формы, существующие в советском хозяйстве, отнюдь не являются просто слепком с товарных форм капиталистического хозяйства. Еще Ленин в 1921 г. указывал на то, что даже рыночные связи государствен-

ной промышленности с крестьянским сектором не повторяют просто товарные связи капиталистического хозяйства, ибо «государственный продукт—продукт социалистической фабрики, обмениваемый на крестьянское продовольствие, не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае, не только товар» (Ленин, т. XVIII, ч. 1, с. 241—242). Рынок в советском хозяйстве в этом отношении сугубо «двулик». Он порождает, с одной стороны, капитализм с абсолютной неизбежностью, а, с другой стороны, он переделывается нами по-нашему «образу и подобию». «Нэп вовсе не означает полной свободы торговли, с свободной игры цен на рынке. Нэп есть свобода торговли в известных пределах, в известных рамках при обеспечении регулирующей роли государства и его роли на рынке» (Сталин). При этом совсем неправильно сказать, что в отношении регулирования торговли мы делаем только то же самое, что делает современное государство монополистического капитализма, как это считают т. Бухарина и др.¹⁾. «У нас нет на рынке свободной игры цен, как это бывает обычно в капиталистических странах. Мы определяем цены на хлеб в основном. Мы определяем цены на промтовары. Мы стараемся проводить политику снижения себестоимости и снижения цен на промтовары, стремясь сохранить стабильность цен на продукты сельского хозяйства. Разъясняется, что таких особых и специфических порядков на рынке не бывает вообще в капиталистических странах?» (Сталин).

Обе стороны рынка, торговли в советском хозяйстве, и то, что рынок порождает капитализм и у нас, и то, что рынок переделывается нами, регулируется в такой степени, как ни в одной стране — выпадают из поля зрения оппортунистических защитников, певцов «свободы торговли». Мы не относим ни безразлично к рынку, ни фетишизируем его. Мы его регулируем, подчиняем, переделываем. Поэтому нэп есть не только система экономической политики, создающей связь с крестьянским хозяйством через рынок, но и система, развивающая через посредство установления такой связи социалистическое строительство, создающая базу для принципиального изменения самой формы связи, и в конечном счете к такому изменению приводящая.

В связи с этим находится и вопрос о новых формах экономической смычки. Нэп в своем развитии создает условия, возможность и необходимость перехода к новым формам экономической смычки. Чем дальше развивается нэп, тем все больше на ряду с продовольственной на первый план выступает производственная смычка города с деревней. При овладении пролетарским государством основных позиций в области торговли, это означает постановку перед ним задачи производственного переустройства мелкого крестьянского хозяйства. Эта же задача остро встает еще и потому, что одна только торговая смычка с крестьянством неминуемо связана с некоторым развитием деревни в сторону капитализма. Но производственное переустройство деревни, которое становится под силу окрепнувшей и развивающейся социалистической промышленности, означает создание крупных с.-х. коллективов и советских хозяйств, развитие системы контрактации и т. д. Этот путь переустройства сельского хозяйства становится, чем дальше

¹⁾ Между прочим, очевидно, к этой же точке зрения склоняется и т. А. Коньков, говоря об отличии нашей экономики от экономики монополистического капитализма, подчеркивает только то, что понять полностью это различие можно только при учете разницы в классовой структуре. «Игнорирование классовых различий не позволяет полностью отмежевывать нашу экономику, как переходную от капитализма к социализму, от экономики монополистического капитализма» (см. его статью против нас, помещенную в «Проблемах Экономики», № 6 за 1929 г.). Ну, а разве можно понять это различие полностью, игнорируя разницу в иной роли плановых и стихийных начал в нашем хозяйстве и в хозяйстве монополистического капитализма? Не значит ли это впадать в иллюзии идеологов «организованного капитализма»?

развиваются, наиболее важным путем развития социализма в сельском хозяйстве. Вместе с тем изменяется, однако, и сам тип и формы связи пролетарского государства с сельским хозяйством. Если еще на продолжительное время преобладает рыночная форма связи, то на ряду с этим создаются и крепнут связи организованного типа между социалистической промышленностью и социализирующими сектором сельского хозяйства. Товарно-денежная форма все более превращается в этих отношениях во внешнюю оболочку, и кроме того, на ряду с ней, создаются связи такого же вида, как и между разными предприятиями и отраслями внутри государственной промышленности. Конечно, это длительный сложнейший процесс, развивающийся на ряду с обязательным развитием товарно-денежных связей с крестьянством, но процесс, игнорирование которого и сопротивление которому было бы в лучшем случае «организационным оппортунизмом»¹⁾, а в худшем — сползанием на чуждые нам классовые позиции.

Нет нужды доказывать, что изображенная выше фетишизация некоторыми товарищами рынка в советском хозяйстве как раз и ведет «прямой дороженькой» к отрицанию всяких новых форм смычки с крестьянством. Это отрижение очень часто внешне опирается на ссылки из Ленина, на ленинское понимание энха. Разоблачение его истинного смысла становится тем более важной политической и теоретической задачей.

«Когда начинают пугать «новой» смычкой, самой новой, хотят сказать какое-то не ленинское, а свое последнее, самое «новое» теоретическое слово, — меня берет тревога, — говорит тов. Томский.—Какая это новая форма смычки?.. Вы грозите нам новыми формами и методами нэпа — ничего здесь нового нет, а есть чрезвычайные меры и заборная книжка». Бряд ли можно шанть более красочную формулировку отрицательного отношения к новым формам смычки, чем выше приведенную. Другие выражают это отношение более «тонко», но по существу без особых отличий. «Сейчас мелкий товаропроизводитель превратился из продавца хлеба в сдатчика хлеба. Поэтому прущена была основная форма смычки, которая еще долгое время должна быть у нас главной формой, определяющей формой, а именно форма рыночных связей», говорит тов. Бухарин. Таким образом новые формы связи крестьянина с промышленностью, например, через контрактацию и т. д. выглядят здесь только, как грубое нарушение «законных» рыночных форм связи, диктуемых энхом. И только. С этой точки зрения, конечно, и строительство колхозов, совхозов и т. д. тоже должно считаться какой-то аномалией, не вытекающей из законов развития нэпа. И действительно, тов. Бухарин пишет: «Коллективное хозяйство — это не главная магистраль, не столовая дорога, не главный путь, по которому крестьянство приведет к социализму».

Итак, рынок, свобода торговли, рыночная связь превращены в самое главное, в сердцевину, в «святая святых» переходного хозяйства. Нэп — это рынок. Дальше этой теоретической «премудрости» и политической истины пролетариату итии недозволено. Однако жизнь идет дальше идей буржуазной защиты свободного рынка. Нэп есть не только система, рассчитанная на использование свободного рынка, но и система, предполагающая его регулирование, организацию, а в конечном историческом счете и его преодоление.

* * *

Идеология экономического строительства социализма в переходный период оформлялась и укреплялась в свое время в борьбе с троцкизмом. Эта идеология развивается и обогащается сейчас опытом борьбы с откровенно правым оппортунизмом. В большой исторической перспективе, однако, и

¹⁾ См. статью т. Кактыя «Организационные проблемы обращения», «Правда» от 11/VII-29 г.

троцкизм и откровенно правый оппортунизм выступают как две стороны одной и той же «ограниченности». Коренной порок обоих течений заключается в непонимании особенностей того исторического перехода от капитализма к социализму, который составляет существо нэпа.

Троцкизм перескакивал через неизбежную в начале нэпа фазу медленного движения вперед, фазу государственного капитализма и т. д., не понимая, что именно это обходное, замедленное движение в начале должно дать небывалое ускорение нашего экономического развития по тому, не понимая, что через эту неизбежную фазу нельзя так же перескочить одним прыжкой, как нельзя просто перескочить через весь переходный от капитализма к социализму период. Откровенно-правый оппортунизм отвергает попытку троцкизма, но он сам безнадежно застывает в этой начальной стадии развития нэпа, не будучи в состоянии приспособить своей идеологии к условиям реконструктивного периода хозяйства, не понимая, что экономика переходного периода есть беспрерывно развивающаяся, трансформирующаяся экономика, выдвигающая каждый раз новые задачи, не покрывающиеся просто задачами предшествующей фазы.

Троцкизм не видел возможности и необходимости экономического союза рабочего класса с крестьянством, вытекающих из самых особенностей переходного хозяйства, в котором существует огромное количество мелких товаропроизводителей. Правый оппортунизм видит этот союз с крестьянством, но берет этот союз как застывшую неизменную систему взаимоотношений пролетариата с крестьянством, скатываясь к мелкобуржуазной точке зрения, не замечая, что соглашение с крестьянством — это, как говорил Ленин, «понятие широкое, которое включает в себя целый ряд мер и переходов».

Троцкизм относил все социально-экономическое окружение социалистической промышленности к капитализму, видел в нем «сплошного» классового врага. Отсюда «революционная» идея перманентного обострения классовых противоречий в нашей стране, вплоть до «третьей революции», начальный закон первоначального социалистического накопления и пр. Правый оппортунизм признает подобную идеологию ошибочной. Он отвергает подобные идеи, но только для того, чтобы создать оппортунистическую теорию «сплошного» фронта друзей вокруг социалистической промышленности «Кругом социализм» и «гражданский мир». Классовая борьба и ее обострения, важнейшая особенность переходного строя, исчезли.

Троцкизм перескакивал через фазу обращения, недооценивая роль торговли, как пути к социализму, становясь на сугубо «производственную» точку зрения, не понимая того, что мы идем к производству через обращение. Отсюда отрижение кооперативного плана Ленина, идея «диктатуры промышленности» и т. д. Правый оппортунизм усвоил твердо то положение, что мы идем через процесс обращения к социалистическому переустройству сельского хозяйства. Но он застрял в фазе обращения, не уяснив простой истины, что овладение процессом обращения нам нужно для того, чтобы ити дальше к коренной реорганизации самого сельскохозяйственного производства, очутившись во власти буржуазных иллюзий о благе свободы торговли.

Правильное теоретическое понимание нэпа предполагает в одинаковой мере преодоление и троцкистских и правооппортунистических представлений. Основное в изучении экономики нэпа — это видеть исторический переход от капитализма к социализму, который составляет основу этой экономики, мучительный, сложный, противоречивый, выдвигающий каждый раз новые своеобразные черты и задачи, но реально совершающийся нами переход к социалистическому обществу.

К вопросу об организованном капитализме.

А. Леонтьев.

В настоящее время правые оппортунистические группы в различных партиях Коминтерна обнаруживают колебания в вопросе об отношении к реформистской теории организованного капитализма. Правые уклонисты, как в ВКП(б), так и в братских коммунистических партиях ряда стран обнаруживают тенденцию к идейной капитуляции перед этой реформистской теорией. Опасность этой тенденции заключается в том, что она может разорвать коммунистический авангард пролетариата перед лицом его худшего зияющего врага — международного реформизма.

Чтобы разобраться в этом вопросе, следует прежде всего воспроизвести общие черты реформистского учения об организованном капитализме, которое до сих пор, к сожалению, мало освещалось в нашей печати.

Реформисты об „организованном капитализме“.

Ревизионистская теория организованного капитализма служит в наше время важнейшей идейной основой предательской политики современной социал-демократии. Эта теория представляет собою прямое продолжение старых ревизионистских брендов насчет притупления свойственных капитализму противоречий и мирного врастания капитализма в социализм. Во время мировой войны реформисты восхваляли в качестве «военного социализма» те мероприятия, к которым было вынуждено прибегать капиталистическое государство в области организации хозяйства. Закрывая глаза на глубокие в нутренние противоречия, неизбежно свойственные государственному-монополистическому капитализму, ревизионисты пытались изобразить военное регулирование хозяйственной жизни, как осуществление своих надежд на мирный переход к организованному социалистическому хозяйству. В послевоенный период учение об организованном капитализме стало краеугольным камнем реформистской теории и практики.

Ввиду важности вопроса считаем целесообразным привести основные положения этой теории в формулировке виднейшего теоретика германской социал-демократии и II Интернационала Р. Гильфердинга. Этот бывший марксист, ставший главным теоретиком современного ревизионизма, впервые заметил вехи теории организованного капитализма в своей программной статье «Современные проблемы», помещенной в первом номере основанного им в 1924 г. теоретического журнала «Gesellschaft». Вот что писал Гильфердинг в этой статье:

«В экономической области война и послевоенный период знаменуются чрезвычайным усилением тенденций к концентрации капитала. Рост картелей и трестов получает мощный толчок. Период свободной

конкуренции подходит к концу. Крупные монополии становятся настоящими господами хозяйства... Это означает переход от капитализма свободной конкуренции к капитализму организованному. Обобществление рабочего процесса в крупном производстве развилось в обобществление рабочего процесса целых отраслей промышленности и в соединение обобществленных отраслей промышленности. Благодаря этому растут вместе с тем сознательный порядок и руководство в хозяйстве. Они стремятся преодолеть на капиталистической основе анархию, имманентную капитализму свободной конкуренции. Если бы эта тенденция могла беспрепятственно проложить себе дорогу, мы имели бы в результате хотя и организованное хозяйство, но организованное иерархически, в антагонистической форме».

Как видит читатель, Гильфердинг здесь выражается еще довольно осторожно. Во-первых, согласительное наклонение: «если бы... мы имели бы организованное хозяйство». Во-вторых, оговорка насчет антагонистической (т.-е. противоречивой) формы этого иерархически организованного хозяйства.

Значительно определенее и ярче теория организованного капитализма была Гильфердингом изложена в его докладе на Кильском парлайтаге германской социал-демократии в 1927 г. В этом выступлении, посвященном «задачам социал-демократии в Германской республике», Гильфердинг утверждал следующее:

«Мы находимся в настоящее время в периоде капитализма, в самом преодолевшем эру свободной конкуренции и владычество слепых законов рынка; мы приходим теперь к капиталистической организации хозяйства, другими словами, приходим от свободной игры экономических сил к организованному хозяйству».

И Гильфердинг приходит к выводу, что «организованный капитализм означает в действительности принципиальную замену капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планомерного производства».

Эти убогие идеи, составляющие основное содержание пресловутой теории организованного капитализма, повторяются на тысячу ладов реформистами.

Забавно, что некоторые из них пытаются при этом ссылаться на Маркса. Так поступает, например, нынешний присяжный передовик «Gesellschaft»—Георг Деккер (под этим звучным именем скрывается не кто иной, как белый русский меньшевик Ю. Денике, еще не так давно подвизавшийся в советских изданиях). В своей статье «Капитализм сегодняшнего дня», помещенной в августовской книжке «Gesellschaft» за 1928 г., вышедшей к Брюссельскому конгрессу II Интернационала, этот автор уверяет, что именно Маркс во втором и в некоторых местах третьего тома «Капитала» обосновал «необходимость организации капитализма внутри национальных границ и далеко идущей интернационализации его в организованной форме».

Справедливости ради необходимо, однако, заметить, что многие реформисты (в первую очередь наиболее хитрые из них, выступающие под «левым» обличием) обильно приправляют эти плоские рассуждения целым рядом оговорок. В виде общего правила эти оговорки идут по двум линиям. Прежде всего у «левых» реформистов часто встречаются упоминания насчет классовых противоречий между буржуазией и пролетариатом; далее — нередко «левые» реформисты говорят также о межгосударственных антагонизмах, омрачающих идиллическую картину «организованного капитализма».

В качестве примера упомянем статью «левого» австро-марксиста О. Лайхтера, помещенную в органе австрийской социал-демократии «Kämpf»,

в номере, посвященном прошлогоднему Брюссельскому конгрессу II Интернационала. В этой статье, носящей характерный заголовок «Организованный капитализм и его диалектика», автор прямо заявляет: «Таким образом организованный капитализм повсюду стоит под знаком обострения классовых противоречий». Тот же автор утверждает, что «методы организованного капитализма ближе к олигархии, нежели к демократии», и с нетерпением говорит о «фашизме банков», которые нередко подчиняют свою власть государственную власть.

У отдельных реформистов мы встречаем также оговорки насчет возможности усиления международных антагонизмов в эпоху организованного капитализма. Так, один из австро-марксистов пишет:

«Еще не ясно, означает ли международная концентрация капитала преодоление эпохи конкуренции или она приведет к возобновлению конкурентной борьбы на высшей ступени в невиданных доселе ужасающих размерах. Пока что обе возможности—война или мир, договор или борьба на уничтожение—угрожающе и загадочно покоятся в глубине портфелей акций». (О. Поллак, статья в том же номере журнала «Kämpf»).

Тов. Бухарин о современном мировом хозяйстве.

В резолюции X пленума Исполкома Коминтерна об ошибках тов. Бухарина указывается, что занятая им позиция по существу является капитуляцией перед реформистской идеологией, перед гильфердинговской теорией «оздоровления капитализма».

Свои взгляды на современную проблему организованного капитализма тов. Бухарин изложил в двух статьях, помещенных истекшим летом в «Правде»: «Некоторые проблемы современного капитализма у теоретиков буржуазии» и «Теория организованной бесхозяйственности». То новое по сравнению с общеустановленной партийной точкой зрения, что в этих статьях имеется, может быть сформулировано следующим образом:

В настоящее время в капиталистическом мире усилились тенденции к государственному капитализму. Но этот государственный капитализм растет на новом базисе. Условно, со всякими оговорками об относительности аналогий, можно сказать, что этот госкапитализм так относится к госкапитализму военной эпохи (1914—1918 гг.), как современный строй планового хозяйства СССР к военному коммунизму. Военные системы ориентированы на потребление, интересы которого удовлетворяются хотя бы за счет производства. Поэтому важно подчеркнуть разницу между военными системами хозяйства и «мирными» хозяйственными системами. Отсюда вытекает, что «второй тур» государственно-капиталистической волны отличается от первого «военного тура». В капиталистических странах речь идет теперь вовсе не о плановом хозяйстве осажденной капиталистической крепости, а о тенденциях к государственному капитализму, растущему как «нормальная» капиталистическая система.

Уже это рассуждение тов. Бухарина не может не вызвать живейшего недоумения. С каких это пор мы стали рассматривать современный этап послевоенного кризиса капитализма как возврат к «нормальному» (хотя бы в кавычках) капитализму? Далее, если аналогия при всей своей относительности должна иметь хоть какой-либо смысл, то что означает аналогия между «двумя турами» капиталистического и советского хозяйства? Ведь в советском хозяйстве «второй тур», наступивший после «первого тура» хозяйственной разрухи, знаменуется чрезвычайно быстрым развитием производительных сил, ростом и укреплением существующей системы хозяйства, крупнейшими успехами социалистического строительства. Означает ли

эта аналогия при всей ее «относительности», что и в современном «нормальном» капитализме мы имеем дело с явлениями принципиально того же порядка, т.е. с ростом и укреплением капиталистической системы хозяйства на базе успешно развивающихся производительных сил?

Та или иная оценка современной фазы капиталистической стабилизации служит в настоящее время в одоразделом между Коминтерном и реформизмом. Социал-демократы расценивают нынешнюю стадию в развитии мирового хозяйства именно как возврат к «нормальным» капиталистическим порядкам, нарушенным было войной¹⁾. Основные отличия современного периода они усматривают в техническом прогрессе, в росте производства, в развитии производительных сил. Международный реформизм сознательно закрывает глаза на всю ту массу признаков, которая дает нам основание рассматривать нынешнюю эпоху как период гнилой, неустойчивой, частичной и относительной стабилизации, раздираемой глубочайшими противоречиями. Вторя реформистам, правые и примиренческие элементы в Коминтерне также скатываются к характеристике современного состояния мирового хозяйства, как «прочной и крепкой стабилизации капитализма²⁾. Отличия третьего периода правые и примиренцы усматривают попросту в том, что капитализм перешел от восстановления к реконструкции, что объем производства в главнейших странах превзошел дооцененный уровень. При характеристике третьего периода ударение ставится ими именно на этом моменте реконструкции, при чем совершенно «забываются» и оставляются в стороне действительно важнейшие отличия этого реконструктивного периода, а именно глубочайшие противоречия, обострение которых неминуемо вызывается переходом от восстановления к реконструкции. Совершенно ясно, что такая характеристика третьего периода, в которой выхолощено революционное содержание,ближе всего подходит к социал-демократической оценке современной эпохи.

При этих условиях ясна необходимость максимальной точности в характеристиках, выражениях и аналогиях, когда речь идет об общей оценке современного капитализма. То освещение, которое дает этому вопросу тов. Бухарин, к сожалению неминуемо дает повод к серьезнейшим дискуссиям. Нет сомнений, что правые и примиренческие элементы, идущие к социал-демократии, с величайшей радостью ухватятся за приводимую тов. Бухарином аналогию. Нет сомнения, что эта неясность в разрешении основной проблемы современного капитализма отнюдь не случайна. Тем более необходимо решительно отвергнуть столь неясные формулировки, дающие повод к абсолютно неверным выводам.

Далее, экономическое своеобразие современного капитализма рисуется тов. Бухарином в следующих чертах:

«Что является пределом отмечаемой теперь решительно в сем централизационной тенденции? Государственный капитализм в его завершенной форме. Что означает государственный капитализм с точки зрения конкуренции? Он означает замирание конкуренции внутри страны и величайшее обострение конкуренции между капиталистическими странами».

Обективное развитие современного капиталистического хозяйства приводит к тому, что—

«Его анархическая природа переползает на основные линии международно-хозяйственных отношений. Проблемы рынка, цен, конкуренции,

¹⁾ См. об этом подробнее в нашей статье: «Организованный капитализм и хозяйственная демократия» в журнале «Проблемы Экономики», № 4—5 за 1929 г., стр. 3—6.

²⁾ См. стенограммы VI конгресса Коминтерна, вып. 1, стр. 382, речь А. Эверта

кризисов становятся все более проблемами мирового хозяйства, заменяясь внутри «страны» проблемой организации. Самые больные, самые кровоточащие раны капитализма, самые кричащие его противоречия развязываются именно здесь, на мировом поле боя. Даже проблема всех проблем, так называемый «социальный вопрос», проблема соотношения классов и классовой борьбы является проблемой, в величайшей степени связанный с положением одной или другой капиталистической страны на мировом рынке».

В другой статье тот же круг идей формулирован в следующем виде:

«В известной мере исчезает проблематика рынка, хотя погоня за рынками и стоит как жгучий практический вопрос... Организационная проблема, проблема наилучшей, при данных условиях, «оптимальной» организации и притом в масштабах, выходящих далеко за пределы частного хозяйства, все больше и больше становится на первый план. Эта проблема включает в себя прежде всего вопрос о хозяйственной рациональности того или другого типа организации... Изменяется весь «логический стиль» теоретической экономики буржуазии. «Способ производства», оставаясь в основном и решающем пункте, где речь идет о классовом соотношении между пролетариатом и буржуазией, принципиально тем же самым капиталистическим способом производства, тем не менее внутренне перестраивается: поскольку речь идет не о мировом хозяйстве, а о «национальных» капиталистических организациях, все ярче и отчетливее пробивается тенденция к рационализации хозяйственного процесса... Проблема иррациональной стихии сменяется проблемой рациональной организации».

Достаточно сопоставить эти рассуждения тов. Бухарина с основными положениями реформистского учения об организованном капитализме, чтобы понять, почему Х плenum ИККИ квалифицировал выступления тов. Бухарина, как капитуляцию перед реформистской идеологией. Разумеется, тов. Бухарин в своих статьях подчеркивает, что лишь пролетарская революция разрешит противоречия современного капитализма, говорит о неизбежной гибели капитализма, возражает соц.-демократам, называющим современный капиталнизм доподлинным социализмом (при условии торжества хозяйственной демократии). Дело, однако, не в этом. Идейная капитуляция перед реформистским учением об организованном капитализме заключается в некритическом повторении, в важнейших и решавших теоретических пунктах, того анализа, который дается современной экономике реформизмом.

В самом деле. Выше мы уже видели, что основной стержневой идеей теории организованного капитализма в изложении Гильфердинга является представление о том, что современный капиталнизм несет с собой «преодоление эры свободной конкуренции и впадающей в спячку законов рынка». Именно отсюда делается вывод, что «мы приходим к организованному хозяйству». При этом многие реформисты (в особенности «левые» фракции) не склоняются на оговорки на счет того, что область международно-хозяйственных конкуренций остается неорганизованной и нерегулированной. Совершенно ясно, что подозрительную близость к этим рассуждениям обнаруживают нынешние откровения тов. Бухарина о «замирании конкуренции внутри страны», об исчезновении «проблематики рынка», о «переползании» анархической природы капитализма в область международно-хозяйственных отношений. Ведь если анархическая природа капитализма «переползает» в область международно-хозяйственных связей, то это означает уничтожение капиталистической анархии внутри «страны». Впрочем, тов. Бухарин заявляет об этом довольно ясно, когда он провозглашает: «Проблемы рынка, цен, конкуренции, кризисов становятся все более проблемами мирового хозяйства, заменяясь внутри «страны» проблемой организации». Как тут не вспомнить уже цитированного нами Деккера-Денике, который пытается ссылкой на Маркса обосновать «необходимость

организации капитализма внутри капитальных границ и далеко идущей интернационализации его в организованной форме».

Десятки лет революционные марксисты боролись против ревизионистской сказки об уничтожении кризисов при капитализме¹⁾). Теперь тов. Бухарин возвещает миру, что «проблемы... кризисы становятся все более проблемами мирового хозяйства, заменяясь внутри «страны» проблемой организации» (Подчеркнуто нами. А. Л.). Итак, конкуренция, рынок, цены и, наконец, кризисы — все это переползает в область мирового хозяйства. Лишь в этой области находит себе последнее убежище «анархическая природа» капиталистического хозяйства. Внутри стран все эти проблемы исчезают, заменяясь проблемой организации. Оказывается, даже проблему кризисов постигает та же печальная участь: и она, бедная, заменяется проблемой организации. Ибо, как компетентно разъясняет тов. Бухарин, «проблема иррациональной стихии сменяется проблемой рациональной организации». Таким образом, мы имеем полнейшее торжество «организации» и притом еще «рациональной».

Совершенно ясно, что дела не спасают те оговорки, которыми тов. Бухарин снабжает свои рассуждения, представляющие идеиную капитуляцию перед гильфердинговской теорией организованного капитализма. Тов. Бухарин говорит, разумеется, об обострении классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией. Однако, выше мы уже видели, что даже поэтические «левые» реформистские болтуны типа О. Лайхтера вынуждены признать, что «организованный капитализм повсюду стоит под знаком обострения классовых противоречий». Другая оговорка касается роста международные хозяйственных противоречий. «Самые больные, самые кровоточащие раны капитализма, самые кричащие его противоречия развязываются именно здесь, на мировом поле брани». Однако и эта оговорка не спасает положения. Прежде всего, замечания насчет зияющих противоречий между капиталистическими державами встречаются и у «левых» реформистов. Помимо того, заявление насчет кровоточащих ран, обнаруживающихся на мировом поле брани, ни в какой степени не оправдывает прикрашивания «внутрикрайственной» природы современного капитализма под гильфердинговской цвет организованного капитализма.

В данной связи тов. Бухарин задевает чрезвычайно важный и сложный вопрос о взаимосвязи между внутренними и внешними противоречиями современного капитализма.

Этот вопрос ставится здесь тов. Бухарином не впервые. Примерно, год тому назад он пытался осветить эту же проблему в своем заключительном слове на VI конгрессе Коминтерна. Он совершенно справедливо возражал против того, чтобы рассматривать внутренние и внешние противоречия совершенно изолированно. Он указывал, что нельзя себе представить дело таким образом, будто внутренние противоречия умещаются в одном кармане, а внешние — в другом. Пытаясь осветить вопрос о взаимодействии этих противоречий, тов. Бухарин говорил:

«Каково взаимоотношение между этими двумя категориями фактов, где здесь узловый пункт, из которого необходимо исходить, и какой вывод наращивается при этом анализе? Что должно лежать в основу всей нашей тактической ориентировки? На мой взгляд, первостепенное значение имеют мировые экономические противоречия, крупные мировые конфликты. Взять хотя бы Англию. Обостряются ли там внутренние противоречия? Разумеется. Но рост этих противоречий в Англии связан с процессом упадка мировой Бри-

¹⁾ «Устранение кризисов картелями,—писал по этому поводу Ленин,—есть сказка буржуазных экономистов, оправдывающих капитализм во что бы то ни стало» (т. XIII, стр. 256).

танской империи. Но разве процесс упадка Британской империи не уходит в большинстве случаев своими корнями в международное положение? Разве он не обусловлен конкуренцией Соед. Штатов, наличием центробежных сил в английских колониях, а отчасти в колониях, и целым рядом других международных факторов? Представьте себе другую международную среду для английского капитализма, и результаты будут иными. Возьмем теперь в качестве другого примера внутренние противоречия в Германии. Кому не известно, что стабилизации в Германии содействовал американский капитал? Можно ли резко отделить в этой стране внутренние отношения от факторов международных? Предположите на минуту отказ Америки кредитовать Германию (перспектива, которую рисовал Paish)—и внутренний крах неизбежен»¹⁾.

Таким образом, уже здесь тов. Бухарин довольно явственно склоняется к тому, чтобы, подчеркивая приоритет внешних противоречий над внутренними, сводить последние лишь к довольно пассивной роли простого следствия внешней обстановки. Еще отчетливее, однако, этот подход обнаруживается в цитированной нами выше статье, в которой тов. Бухарин прямо заявляет: «Даже проблема всех проблем, так называемый социальный вопрос: проблема соотношения классов и классовой борьбы, является проблемой в величайшей степени связанной с положением той или другой капиталистической страны на мировом рынке».

То обстоятельство, что положение отдельной капиталистической страны в мировом хозяйстве оказывает серьезное влияние на ход ее внутренней жизни, в том числе и классовой борьбы, совершенно бесспорно. Когда мы пишем, однако, заявление о том, что «проблема всех проблем» «в величайшей степени» связана с положением страны на мировом рынке—очевидно ясно, что здесь имеется в виду отнюдь не это само по себе бесспорное и не вызывающее сомнений положение. В этом нас убеждает также контекст, из которого взята процитированная нами фраза. Как читатель помнит, в этом контексте речь идет в основном насчет «переползания» кричащих противоречий капитализма в область мирового рынка, мирового поля брани.

То разрешение вопроса о взаимоотношении между внутренними и внешними противоречиями современного капитализма, которое дает тов. Бухарин, заключается, в сущности говоря, в том, что внутренние противоречия сводятся им к роли пассивных и бездеятельных функций противоречий внешних. С таким разрешением этой сложной и чрезвычайно важной проблемы никак нельзя согласиться. Уже на конгрессе Коминтерна многие товарищи указывали, что такая постановка вопроса при последовательном ее проведении должна неминуемо вести к заключению, что новая революционная ситуация может возникнуть лишь в результате новой войны, что без войны нечего ожидать и революционного подъема. Против этого вывода тов. Бухарин считал необходимым, разумеется, энергично протестовать. Он формулировал свою точку зрения таким образом: «Я спрашиваю прежде всего: возможна ли революционная ситуация без войны. Это вопрос вполне законный. Ответ: разумеется, возможна. Было бы нелепо утверждать, что непосредственно революционная ситуация может создаться только в связи с войной... Но степень вероятности революции — поскольку мы говорим вообще — в том и в другом случае неодинакова. Я бы сформулировал это так: непосредственно революционные ситуации, скажем, в Европе, возможны и, пожалуй, даже вероятны и без войны. Но при наличии войны они абсолютно незбежны».

¹⁾ Стенографич. отчет, стр. 599.

Не вдаваясь в подробный разбор, насколько удачно здесь применены понятия возможности, вероятности и неизбежности, вернемся к вопросу о соотношении между внутренними и внешними противоречиями капитализма... Мы полагаем, что эта проблема разрешается тов. Бухарином чрезвычайно односторонне. Как мы видели, он склонен попросту свести внутренние противоречия к функциям внешним. В такой постановке вопроса внутренние противоречия целиком и полностью («в величайшей степени», употребляя выражение тов. Бухарина) обуславливаются противоречиями внешними. Самостоятельная роль и значение внутренних противоречий затушевывается до последней степени.

Слабая сторона подобного одностороннего разрешения вопроса заключается прежде всего в том, что совершенно непонятным становится происхождение внешних противоречий. В самом деле, если внутренние раны капиталистических стран представляют собою не что иное, как пассивное следствие их положения на мировом рынке, то чем вызываются в таком случае противоречия между отдельными странами на этом самом рынке? Всем известно, что именно зияющие внутренние раны, воплощие внутренние противоречия, неразрешимые внутренние антагонизмы толкают капиталистические господствующие группы на всякие внешние авантюры, на внешнюю борьбу.

Между теми и другими противоречиями современного капитализма существует взаимозависимость и взаимообусловленность, о которой нельзя забывать, которую не следует ни с какой стороны затушевывать. Если положение данной страны на мировом рынке «в величайшей степени» кладет отпечаток на ход классовой борьбы внутри страны, то не следует забывать и обратной стороны медали, которая заключается в том, что ход и перипетии классовой борьбы внутри страны, равно как внутрихозяйственные процессы вообще оказывают огромнейшее влияние на положение данной страны в мировой системе капитализма. Мы бы напомнили в данной связи слова Гегеля, который говорит: «То, что внутренне, налично также внешне, и наоборот». Проблема разрешается не механическим сведением внутреннего к внешнему, а лишь нахождением высшего единства обоих моментов. С этой целью необходимо прежде всего осветить вопрос об анархии и монополии. Совершенно очевидно, что эта проблема является центральной при анализе внутренних противоречий современного капитализма. Мы полагаем, что именно неумение удовлетворительно разрешить эту проблему приводит тов. Бухарина к неправильному освещению вопроса о внутренних и внешних противоречиях современной мировой экономики.

Монополия и конкуренция.

Когда речь идет о ревизионистской теории организованного капитализма, коренным вопросом является проблема анархии и организаций. Продолжая традиции довоенного ревизионизма, современные теоретики организованного капитализма выставляют тезис о «замене капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планомерного производства», о «преодолении анархии», о «преодолении слепых законов рынка». Эта идея, унаследованная еще от довоенного ревизионизма, составляет краеугольный камень всей реформистской теории организованного капитализма.

Еще в довоенный период Ленин, возражая ревизионистам, писал: «Картели и тресты, обединяя производство, в то же время усиливали на глазах у всех анархию производства» (Собр. соч., т. XI, ч. 1, стр. 57) (Разрядка наша. А. А.). Уже в этой краткой и чеканной

фразе дана классическая диалектика постановки вопроса об анархии и организации в отличие от вульгарно-механистического подхода тогдашних и современных ревизионистов. Во всех своих последующих произведениях, посвященных анализу империалистической экономики и, в частности, госкапитализма эпохи мировой войны, Ленин дает множество блестящих образцов своего диалектического метода. В рамках данной статьи мы не можем привести и малой доли относящихся сюда ясных и недвусмысленных высказываний Ленина, имеющих актуальнейший интерес в связи с выпавшим в настоящее время вопросом об отношении к реформистской теории организованного капитализма. Ограничимся лишь несколькими примерами.

В своем исследовании об империализме Ленин с первых же страниц подчеркивает всячески и всемерно те отличия империалистической экономики, которые дают основание расценивать империализм в качестве последнего этапа капитализма, непосредственно подготовляющего революционный переход к социализму. Но так как речь идет у Ленина именно о революционном переходе, а не о реформистском «врастании», то Ленин постоянно подчеркивает глубочайшую противоречивость, характеризующую империалистическую эпоху. Ленин пишет: «Капитализм его империалистической стадии вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства, он стаскивает, так сказать, капиталистов, вопреки их воле и сознанию, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению. Производство становится общественным, но присвоение остается частным, общественные средства производства остаются частной собственностью небольшого числа лиц. Общие рамки формально признаются свободной конкуренции остаются ся, и гнет немногих монополистов над остальным населением становится во сто раз тяжелее, ощущительнее, невыносимее»¹⁾.

Таким образом, по совершенно ясному заявлению Ленина даже та подготовка социализма, которая протекает в империалистическую эпоху, носит глубоко-противоречивый характер. Основное противоречие капитализма, противоречие между общественным характером производства и частным присвоением остается в силе и при империализме. Остаются общие рамки рыночной конкуренции, и это еще более подчеркивает гнет монополистических воротил. Как эта картина непохожа на гильфердинговскую идецию замены капиталистической анархии социалистическим принципом планомерной организации производства!

Характеризуя эволюцию роли биржи в современном капитализме, Ленин заявляет: «Смена старого капитализма с господством свободной конкуренции новым капитализмом с господством монополии выражается между прочим в падении значения биржи»²⁾, однако, глубочайшую ошибку сделал бы тот, кто поспешил бы истолковать это заявление в том смысле, что «господство монополии» означает в данном случае господство организаций, заменяющей прежнюю хаотичность, создававшуюся свободной конкуренцией. Уже на следующей странице мы встречаем чрезвычайно определенную формулировку той же мысли, не оставляющую места ни для каких «кривоголовков». Вот эта формулировка: «Другими словами, старый капитализм свободной конкуренции с безусловно необходимым для него регулятором, биржей, отходит в прошлое. Ему на смену пришел новый капитализм, носящий на себе черты чего-то переходного, какой-то смеси с свободной конкуренцией и монополией»³⁾. Здесь, таким образом, совершенно ясно говорится о том, что для империализма характерна как раз какая-то смесь

¹⁾ Собр. соч., т. XIII, стр. 253—254; разрядка наша. А. А.

²⁾ Там же, стр. 264.

³⁾ Там же, стр. 265; разрядка наша. А. А.

свободной конкуренции с монополией. В другом месте в своих замечаниях по вопросу о пересмотре партийной программы, написанных в апреле 1917 года, Ленин выражается еще резче и определеннее: «Империализм есть отживающий, но не отживший капитализм, умирающий, но не умерший. Не чистые монополии, а монополии рядом с обменом, рынком, конкуренцией, кризисами — вот существенная особенность империализма вообще»¹⁾.

Может невольно показаться, что эта фраза написана в 1929 году, в ответ на статью тов. Бухарина. Трудно поверить, что это писалось 12 лет тому назад, до того злободневны эти мысли Ленина сейчас. В самом деле, тов. Бухарин утверждает, что проблемы рынка, цен, конкуренции, кризисов становятся все более проблемами мирового хозяйства, заменяясь внутри «страны» проблемой организации. Ленин как бы в прямой ответ ему говорит: «это неверно, не чистые монополии характерны для империализма вообще, а монополия рядом с конкуренцией, рынком, кризисами».

Здесь следует подчеркнуть еще чрезвычайно важное обстоятельство. Империализм, — подчеркивает Ленин, — есть отживающий, умирающий капитализм, но не отживший, не умерший. Именно отсюда следует вывод о невозможности ликвидации рынка, кризисов, обмена, конкуренции. Таким образом. Ленин с чрезвычайной отчетливостью заявляет, что пока капитализм не умер, пока он окончательно не отжил, категории рынка, конкуренции, обмена сохраняются рядом с монополией; пока капитализм не умер, эти категории не могут исчезнуть, не могут быть преодолены. И это, — подчеркивает Ленин, — характерно не для какого-либо отдельного момента в развитии империализма, а для империализма вообще.

Приведем еще несколько замечаний Ленина по тому же вопросу о монополии и конкуренции.

«Монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраниют ее, существуют над нею и рядом с нею, порождая этим ряд особенно острых крупных противоречий, трений, конфликтов», — писал Ленин в своем «Империализме» (Собр. соч., т. XIII, стр. 305).

«Именно это соединение противоречащих друг другу «начал» — конкуренции и монополии — и существенно для империализма», — писал Ленин в 1917 г. (Т. XIV, ч. 1, стр. 121).

«Монополия, создающаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом» (Т. XIII, стр. 256).

Как это непохоже на постановку вопроса у тов. Бухарина! В одной из своих статей тов. Бухарин замечает: «что монополия и конкуренция сосуществуют, это верно». Однако это сосуществование он представляет себе совершенно механически: монополия заполняет собою пространство внутри страны, конкуренция остается существовать в отношениях между государственных.

Иначе подходил к этому вопросу великий диалектик Ленин. «Уничтожение» свободной конкуренции монополией он понимал диалектически, как переход на высшую ступень, который включает в себя и момент «сохранения» оставшейся позади низшей ступени сохранения в «снятом» виде. Поэтому он говорит о «согдени и противоречащих друг другу начал — конкуренции и монополии». Более того — это соединение он об'являет «существенным для империализма». Именно поэтому Ленин замечает, что монополии не устранили конкуренции, существуют «надней и рядом с нею». Совершенно ясно, что Ленин имел здесь в виду вовсе не пространственное сосуществование, а взаимопроникающее соединение этих двух противоречивых яв-

чий. Не о механическом сосуществовании масла и воды идет речь у Ленина, а о диалектическом противоречии. Именно это противоречие существенно для развития монополистического капитализма. Но само развитие империализма, выражаясь словами Маркса, не устраивает этого противоречия, а создает форму для его движения, ибо «таков вообще тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия» (Капитал, т. I, стр. 57). Выражаясь в терминах марксистско-ленинской диалектики, можно было бы сказать, что если в домонополистическую эпоху категории конкуренции и монополии являются противоположными, то противоречивыми они становятся именно в период монополистического капитализма.

Теория „чистого империализма“.

В данной связи чрезвычайно целесообразно напомнить, как ставился вопрос о монополии и конкуренции Марксом. Еще до написания «Капитала» в своей полемике против Прудона Маркс дал классический образец диалектической постановки этой проблемы. В своем письме к Анненкову, посвященном, как известно, критике экономической теории Прудона и представляющем собою до известной степени конспективный набросок ряда идей, которые были через некоторое время подробнее развиты в «Ницете философии», Маркс следующим образом освещает вопрос о монополии и конкуренции: «В современной экономической жизни вы находитите не только конкуренцию и монополию, но и их синтез, который представляет собою не формулу, а движение. Монополия порождает конкуренцию, конкуренция порождает монополию. Однако, это не только не устраивает трудности современного положения, как воображают буржуазные экономисты, но создает положение более трудное и более запутанное. Так, изменяя базис, на котором строятся современные экономические отношения, уничтожая современный способ производства, вы уничтожаете не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также и их единство, их синтез, движение, которое действительно уравновешивает конкуренцию и монополию»¹⁾. В тексте «Ницеты философии» это положение сформулировано отчасти теми же словами, но, пожалуй, еще ярче: «В практической жизни мы находим не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также и их синтез, который есть не формула, а движение. Монополия производит конкуренцию, конкуренция производит монополию. Монополисты конкурируют между собою, конкурирующими становятся монополистами. ... Синтез заключается в том, что монополия может держаться лишь благодаря тому, что она ведет постоянную конкурентную борьбу...»²⁾.

Мы видим, таким образом, что при разрешении вопроса о монополии и конкуренции в эпоху империализма Ленин целиком и полностью применяет тот же метод, которым Маркс пользовался применительно к анализу капитализма вообще. Ленин в сущности применяет к изменившимся условиям империалистической эпохи ту же постановку вопроса, которую Маркс дал еще в 1847 году. Монополия производит конкуренцию, конкуренция производит монополию — этот образец диалектической постановки вопроса Ленин вслед за Марксом применяет в полемике против тех, кто не способен за внешней «организованностью» увидеть растущую хаотичность. Ленин, как и Маркс, интересуется не формулой, а движением. Безжизненная формула всегда носит книжный, надуманный характер; понять процесс можно лишь в его движении. Наконец, синтез, создающийся в процессе движения, состоит в том, что монополия существует лишь

¹⁾ Ницета философии, М. 1929 г., стр. 177.

²⁾ Там же, стр. 144.

постольку, поскольку она ведет постоянную конкурентную борьбу. Это последнее положение представляет собою блестящий образец диалектического мышления.

В самом деле. Вульгарный механист ставит вопрос по всем правилам формальной логики: либо конкуренция, либо монополия, растет монополия—значит, ослабевает конкуренция. Экзектик пытается беспринципно примирить оба начала. Диалектика находит синтез в том, что сама монополия, возникшая из конкуренции, ведет к дальнейшему обострению последней. Там, где соворешенно нет конкуренции, нет, пожалуй, и монополии. Такое положение немыслимо, логика капитализма не умер, не отжил окончательно. Когда же капитализм окончательно исчезнет с лица земли, то исчезнет не только конкуренция, но и монополия.

В своих прежних теоретических работах и выступлениях тов. Бухарин не раз обнаруживал подход к этой проблеме, значительно отличающейся от ленинского. В дискуссиях эпохи империалистической войны и позднее, при обсуждении партийной программы, эта же проблема стояла в виде вопроса о так называемом «чистом империализме». Совершенно очевидно, что в дискуссиях по национальному вопросу, в дискуссии с «левыми коммунистами» в 1918 г. и далее при обсуждении партийной программы в 1919 г. идеи «чистого империализма» играли роль теоретической основы для целой системы взглядов, которую группа товарищей во главе с тов. Бухарином противопоставляла партийной политике, направляемой Лениным.

Идеи «чистого империализма» носили на себе печать той же механической односторонности, того же неумения пользоваться диалектическим методом. «Левые» теоретики односторонне преувеличивали значение тех элементов организованности, которые несет с собой империалистическое перерождение капитализма; они закрывали глаза на все те многочисленные «остатки» прежней эпохи свободной конкуренции, которые в тысяче случаев продолжают существовать и играть чрезвычайно важную роль и в новую эпоху. В своих выступлениях против теории «чистого империализма» Ленин ставил вопрос с большой теоретической четкостью и резкостью.

Оставляя в стороне дискуссию по национальному вопросу эпохи мировой войны—ее анализ потребовал бы слишком много места,—мы хотим лишь напомнить суть споров по вопросу о чистом империализме при выработке проекта новой партийной программы. Когда после Февральской революции встал вопрос о пересмотре партийной программы 1903 г., было абсолютно ясно, что основным нововведением должен явиться анализ империалистической эпохи, вызванных ею войн и следующих за войной пролетарских революций. Мнения расходились, однако, в вопросе о том, каким образом осуществить это кардинальнейшее дополнение. Часть товарищества (главным образом москвичей) с самого начала стояла на той точке зрения, что при переложке партийной программы необходимо целиком переработать общую характеристику капитализма. В старой программе был дан анализ монополистической экономики, а в настоящее время необходим анализ империалистической экономики—на этом соображении базировались подобные предложения. Чрезвычайно интересны те возражения, которые были сделаны Лениным против этой точки зрения.

Еще в первой брошюре, посвященной пересмотру партийной программы (сборник статей разных авторов) и выпущенной в мае 1917 года, Ленин по этому поводу замечает: «Переработка всей общей части программы, по моему мнению, не вызывается необходимостью. План такой переработки, намечаемый секцией (т.-е. сторонниками этой переработки. А. Л.), мне кажется теоретически неправильным»¹⁾.

¹⁾ Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 120.

И в чрезвычайно скатой форме Ленин дает здесь основные аргументы против своеобразной теории чистого империализма, лежавшей в основе предложенного московских товарищами.

«В теперешней своей редакции,—писал Ленин,—общая часть программы содержит описание и анализ главнейших и наиболее существенных особенностей капитализма, как общественно-экономического строя. Эти особенности не изменены в корне империализмом, эпохой финансового капитала. Империализм является продолжением развития капитализма, его высшей стадии, переходной—в известном смысле—к социализму. Добавление к анализу основных особенностей капитализма, вообще анализа империализма, я не могу поэтому признать «механическим». Империализм на самом деле не перестраивает и не может перестроить капитализм снизу доверху. Империализм усложняет и обостряет противоречия капитализма, спутывает» со свободой конкуренции монополии, но устранить обмена, рынка, конкуренции, кризисов и т. д. империализм не может»¹⁾.

Здесь, таким образом, повторяются те же мысли, которые мы уже встречали выше. Империализм не может устранить обмена, рынка, кризисов, конкуренции—подчеркивает Ленин в прямой противовес нынешним высказываниям тов. Бухарина насчет «переползания» всех этих «категорий» в область мирохозяйственных отношений организованных внутри себя капиталистических «стран». Империализм отнюдь не приводит к смене внутренних противоречий капитализма внешними, наоборот, он обостряет и усложняет все противоречия капиталистического строя.

По совершенно ясному заявлению Ленина, основные особенности капитализма, как общественно-экономического строя, не изменяются в корне империализмом. Именно поэтому естественно, что анализ империализма забавляется к анализу основных особенностей капитализма. Ничего механического в таком добавлении нет. Об этом следует напомнить тем экономистам, которые еще не так давно протестовали против того, что в общественных программах политической экономии анализ империализма добавляется к анализу основных особенностей капитализма вообще. Эти экономисты предлагали построить курс таким образом, чтобы в се проблемы с начала до конца освещали не капитализм вообще, а именно современный империалистический строй. Совершенно ясно, что в основе подобных предложений лежат отрыжки теории чистого империализма.

Как бы специально применительно к этому вопросу Ленин в своих записях далее указывает: «Программа восходит—и должна восходить—от простейших проявлений капитализма к более сложным и «высшим», от обмена к товарному производству, к вытеснению мелких предприятий крупными, к кризисам и т. д., вплоть до империализма, как вырастающей и выросшей только теперь в передовых странах наиболее высокой стадии. Именно так обстоит дело в жизни. Начать сопоставление рядом «обмена» вообще и экспортата капитала—неправильно исторически, неправильно теоретически».

Осенью 1917 года, когда сторонники полной переделки общей части программы представили проект, разработанный тов. Сокольниковым, Ленин подверг этот проект чрезвычайно тщательному критическому разбору в своей брошюре «К пересмотру партийной программы», написанной в сентябре. Ленин находит проект тов. Сокольникова неудовлетворительным. Он критикует тов. Сокольникова за то, что тот вставляет «кусочки определения империализма»... «явно не к месту», когда вслед за характеристикой обмена вообще он пытается завести речь о переходе от вывоза товаров к вывозу капиталов в эпоху империализма.

«Получается сразу нелогичность,—говорит Ленин по этому поводу,—

¹⁾ Там же, стр. 120—121; разрядка Ленина.

смешение тем...»¹⁾. Ибо если начинать с характеристики империализма в целом — тогда нельзя вырывать один лишь вывоз капиталов и рассматривать его изолированно. Беда, однако, в том, что невозможно характеризовать империализм в целом, не давая предварительно анализа основных особенностей капиталистического строя вообще.

В своем докладе о партийной программе на VIII съезде партии в 1919 г. Ленин, говоря о своих разногласиях с тов. Бухариным, указывал: «Чистый империализм, без основной базы капитализма, никогда не существовал, никогда не существует и никогда существовать не будет. Это есть неверное обобщение всего того, что говорилось о синдикатах, картелях, трестах, финансовом капитализме, когда изображали финансовый капитализм так, как будто никаких основ старого капитализма под ним нет». Таким образом, суть спора о «чистом империализме» заключалась в вопросе о судьбе «основ старого капитализма» в эпоху финансового капитализма. А разве не ясно, что и капиталистическая анархия производства, общая неорганизованность хозяйства, кризисы и конкуренция, — что все эти явления как раз принадлежат к «основам старого капитализма», которые, по мнению Ленина, продолжают существовать и в эпоху империализма, в то время как, по мнению его тогдашних оппонентов, они безвозвратно исчезают в эпоху монополистического капитализма? Читатель видит, до чего злободневны эти старые полузабытые страницы идейной борьбы в нашей партии как раз теперь, когда мы имеем попытки капитуляции перед идеологией организованного капитализма.

В той же своей речи Ленин далее говорил: «Конкретность Бухарина — это книжное изложение финансового капитализма... Нигде в мире монополистический капитализм без свободной конкуренции в целом ряде отраслей не существовал и не будет существовать. Описать такую систему — это значит написать систему, оторванную от жизни и неверную. Если Маркс говорил о мануфактуре, что она явилась надстройкой над массовым мелким производством, то империализм и финансовый капитализм есть надстройка над старым капитализмом... Стоять на той точке зрения, что будто бы есть цельный империализм без старого капитализма — это значит принять желаемое за действительность» (Собр. соч. XVI, стр. 114; подчеркнуто нами).

И Ленин продолжал: «Если бы перед нами был цельный империализм, который насквозь переделал капитализм, наша задача была бы во столько раз легче. Это давало бы такую систему, когда все подчинялось бы одному финансовому капиталу. Тогда оставалось бы только снять верхушку и передать остальное в руки пролетариата. Это было бы чрезвычайно приятно, но этого нет в действительности. Развитие в действительности таково, что приходится поступать совершенно иначе. Империализм есть надстройка над капитализмом... Есть старый капитализм, который в целом ряде областей гордо до империализма». (Там же, стр. 115).

Идеология большевизма выковывалась в борьбе с оппортунизмом на два фронта, в борьбе как с открытым соглашательством скатывающихся к реформизму правых элементов рабочего движения, так и с оппортунизмом, прикрываемым «левой» фразой. Это положение целиком справедливо и по отношению к важнейшей составной части ленинизма, по отношению к ленинской теории империализма. Однако, как раз в этой области позиции правых и «левых» противников ленинизма обнаруживают гораздо более различительное сходство, чем в ряде других областей. И те, и другие противники ленинизма отличаются чисто-механистическим подходом к проблеме империализма. И те, и другие недооценивали заложенные в империалистической

системе внутренние противоречия. И те, и другие были склонны переоценивать элементы организованности, гармоничности, рациональности. С убийственными выводами сторонников реформизма, с одной стороны, и «левых» критиков Ленина, с другой — различались, как небо от земли. Но обе критики вред теоретических ошибок и тех, и других уже в период войны был чрезвычайно схож...

Следует, впрочем, отметить, что среди реформистских идеологов, в период войны, можно было различать два направления в оценке империалистической экономики. Свой одинаковый немарксистский подход к анализу финансового капитализма представители обоих направлений маскировали различными и словесными покровами. Одни из них (прежние ревизионисты, в первую очередь: Шиппель, Э. Фишер, Калицкий и вся группа «Социалистических Ежемесячников», далее ренегат марксизма в роде Парвуса и Ленча), некоторые с.-д. центристы (как Густав Экштейн) превозносили до небес ту «организацию» и «рационализацию хозяйственной жизни», которую несет с собой господство монополистического капитализма, в особенности в его государственно-монополистической форме. Другие (прежде всего центристы типа Каутского) были не прочь проливать крокодиловы слезы по поводу ухода в прошлое эры свободной конкуренции, были склонны подчас к послеобеденным мечтам насчет возвращения этой прекрасной эпохи.

В своей работе об империализме Ленин писал: «Вопросы о том, возможно ли реформистское изменение основ империализма, вперед ли ити в дальнейшем обострению и углублению противоречий, порождаемых им, или назад, к притуплению их, являются коренными вопросами критики империализма. Так как политическими особенностями империализма являются реакция по всей линии и усиление национального гнета в связи с гнетом финансовой олигархии и устранением свободной конкуренции, то мелкобуржуазно-демократическая оппозиция империализму выступает едва ли не во всех империалистических странах начала XX века. И разрыв с марксизмом со стороны Каутского и широкого интернационального течения каутскианства состоит именно в том, что Каутский не только не позаботился, не сумел противопоставить себя этой мелкобуржуазной, реформистской, экономически в основе своей реакционной оппозиции, а, напротив, слился с ней практически» (Собр. соч., т. XIII, стр. 323).

И далее Ленин подчеркивает: «Каутский порвал с марксизмом, защищая для эпохи финансового капитала «реакционный идеал», «мирную демократию», «простой вес экономических факторов», — ибо этот идеал обективно тащил назад, от монополистического капитализма к не-монополистическому, является реформистским обманом» (Там же, стр. 325).

Но одновременно с этим Каутского роднит с ревизионистами, видящими в монополистическом капитализме мирное врастание в социализм, общая почва: затушевывание внутренне присущих империалистической системе противоречий. Этую сторону дела Ленин формулирует следующим образом:

«Теоретическая критика империализма у Каутского потому и не имеет ничего общего с марксизмом, потому и годится только как подход к проповеди мира и единства с оппортунистами и социал-шовинистами, что эта критика обходит и затушевывает как раз самые глубокие и коренные противоречия империализма: противоречие между монополями и существующей рядом с ними свободной конкуренцией, между гигантскими «операциями» (и гигантскими прибылями) финансового капитала и «честной» торговлей на вольном рынке, между картелями и трестами — с одной стороны, и некартелеванной промышленностью — с другой, и т. д.» (Там же, стр. 328; подчеркнуто нами).

¹⁾ Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 150 и след.

Но, ведь, как раз забвением этих противоречий отличались и «левые» критики Ленина в вопросах теории империализма. Ведь и пресловутая теория чистого империализма вела к затушевыванию противоречия между империалистической «надстройкой» (употребляя выражение Ленина) и той основой, которая осталась от старого капитализма. Поэтому понятия та чрезвычайно-суровая характеристика, которую дал Ленин своим «левым» оппонентам в недавно опубликованной статье «О рождающемся направлении «империалистического экономизма», написанной в 1916 г. и направленной против Бухарина и его единомышленников. Вот как Ленин характеризовал позицию своих противников в вопросе об империализме:

«Отсюда упорное свойство «сбиваться» с признаком империализма на алогию империализма (как «экономисты» блаженной памяти сбивались с признания капитализма на апологию капитализма»)¹⁾.

Несмотря на свои «левые» устремления, сторонники зарождавшейся тогда теории чистого империализма скатывались к апологии империализма. В этом отношении они приближались к противникам ленинизма справа. И тем и других родил недиалектический подход к империалистической экономике, односторонний анализ финансового капитализма, приводивший к забвению наиболее глубоких противоречий этой системы.

Этот пример лишний раз показывает, насколько условно подчас бывает различие между «левизной» и правизной, когда речь идет об отклонении от правильной революционной линии. Этот же пример показывает, как одни и те же неправильные предпосылки могут служить исходным пунктом для ошибок как «левого», так и правого характера. Наконец, с точки зрения диалектической методологии мы имеем здесь образец того, как Ленин боролся против «чрезмерности». В самом деле, подчеркивание глубочайших особенностей империалистической эпохи — один из краеугольных камней ленинизма; однако «чрезмерная» односторонность, приводящая к полному забвению «основы старого капитализма», продолжающей жить в эту эпоху, означает переход от признания империализма к алогии последнего.

Весьма существенные отзвуки своеобразной теории чистого империализма мы находим в последующих работах тов. Бухарина и, прежде всего, в «Экономике переходного периода», появившейся в 1920 г. На ряду с блистательными страницами, остающимися прекрасным свидетельством исключительного теоретического таланта ее автора, в этой работе встречается ряд положений, показывающих, что глубокие критические замечания Ленина по вопросу о чистом империализме не были усвоены или не были приняты тов. Бухарином. На этот счет мы отчасти имеем недвусмысленное свидетельство самого Ленина. В своей «Экономике» тов. Бухарин на стр. 10 писал: «Финансовый капитал уничтожил анархию производства внутри крупных капиталистических стран». Ленин в своем экземпляре подчеркнул слово «уничтожил» и написал сбоку: «не уничтожил» (см. БСЭ, т. VIII).

Ясно, что это разногласие между тов. Бухариным и Лениным является непосредственным продолжением прежних споров о чистом империализме. Если рассматривать тенденции хозяйственного развития эпохи империализма абстрактно-односторонне, если отрывать империалистическую экономику от базы «старого капитализма», то легко притти к выводу об уничтожении анархии финансовым капиталом. Ленин, однако, замечает: не уничтожил. Он здесь еще раз подчеркивает недопустимость одностороннего преувеличения одной из тенденций при забвении противоположных сил и факторов. Он еще раз обращает внимание на глубокое внутреннее противоречие эко-

номики империализма, которое заключается в постоянной борьбе между анархией и организацией.

К сожалению, до сих пор опубликована лишь незначительная часть замечаний Ленина по поводу «Экономики переходного периода», которые должны представлять, повидимому, совершенно исключительный теоретический интерес. Ряд положений, изложенных в «Экономике», совершенно явно отступают от ленинской точки зрения. «Капиталистическое народное хозяйство, — писал там тов. Бухарин, — превратилось из иррациональной системы в рациональную организацию, из бессубъективного хозяйства в хозяйствующий субъект. Это превращение даёт ростом финансового капитализма и спайкой между экономической и политической организацией буржуазии» (стр. 14).

Итак, прежняя иррациональная бессубъективная система капиталистического народного хозяйства сменяется рациональной организацией. Исчезают ли, однако, бесследно такие вещи, как анархия и конкуренция? «Эти явления, — отвечает тов. Бухарин, — не только остались, но и углубились» (Там же). Обрадованный читатель ждет, что за этим последует анализ того «соединения двух противоречивых начал анархии и монополии», о котором говорил Ленин. Однако, его ждет серьезное разочарование. Уже тогда тов. Бухарин ссылал анархию производства в область мирохозяйственных связей. В самом деле, процитированная нами выше фраза заканчивается словами: «воспроизводясь в рамках мирового хозяйства». Далее тов. Бухарин продолжает: «Мир о р о в а я хозяйственная система так же слепа, иррациональна и бессубъектна, как прежняя система народного хозяйства. Товарное хозяйство здесь вовсе не отмирает окончательно, хотя внутри страны оно либо отмирает, либо значительно сокращается, заменяясь организованным распределением... Организованно распределяемый внутри страны продукт является товаром, поскольку его бытие связано с существованием мирового рынка» (Там же, стр. 14—15).

В этой схеме даны определенные зачатки той картины, которую тов. Бухарин рисует в своих нынешних статьях. На ряду с рациональной монополистической организацией остается существовать анархия товарного производства; однако эти два начала представляют собой не движущееся диалектическое противоречие, а мертвое механическое. Внутри страны — рациональная организация; анархия товарного производства, здесь отмершая, механически перемещается в область мирохозяйственных отношений.

Общественное и техническое разделение труда.

В основе этой своеобразной теории об «уничтожении» анархии производства внутри национально-хозяйственных организмов лежит неправильное представление о том, будто «меновая связь, выражающая общество иное разделение труда... заменяется техническим разделением труда внутри организованного «народного хозяйства»» (Там же, стр. 11).

Это в корне неправильное представление распространено значительно шире, чем может показаться на первый взгляд. Поэтому совершенно необходимо остановиться на этом вопросе несколько подробнее.

Техническое разделение труда внутри предприятия служит базой для планомерной, сознательной организации производства. Техническое разделение труда обединяет огромные массы наемных рабочих под командой капитала. Напротив, общественное разделение труда между отдельными сознательно-управляемыми хозяйственными единицами служит естественной основой для господства стихийных анархических сил рынка. Короче говоря, если техническое разделение труда олицетворяет тенденцию к организации, то общественное разделение труда обуславливает противоположную тенденцию к стихийности, к анархии. Отсюда совершенно ясно, что утверждение

¹⁾ См. «Большевик» № 15 за 1929 г., стр. 83; разрядка Ленина.

о механической замене и вытеснении общественного разделения труда техническим в эпоху империализма по сути дела равносильно утверждению о превращении хозяйственных организмов капиталистических стран в «организованные народные хозяйства» или в «огромные комбинированные предприятия» («Экономика переходного периода», стр. 15).

Поэтому необходимо решительно отвергнуть это чисто-механическое представление о тенденциях капиталистического развития, представление, которое заменяет мертвой схемой многоцветную и противоречивую живую действительность.

Мы полагаем, что это положение составляет один из краеугольных камней теории чистого империализма.

Между тем это положение насквозь механистично и явно противоречит прямым указаниям Маркса, повторявшего не раз, что «чем менее подчинено авторитету разделение труда внутри общества, тем сильнее развивается разделение труда внутри мастерской» (т.-е. техническое разделение труда). В другом месте Маркс писал: «Анархия общественного и деспотия мануфактурного (т.-е. технического. А. Л.) разделения труда взаимно обуславливают друг друга в обществе с капиталистическим способом производства». Маркс исходил, таким образом, из положения, что развитие капитализма приводит к одновременному гигантскому росту как технического, так и общественного разделения труда, а отнюдь не к механическому вытеснению второго первым.

Совершенно недвусмысленно высказывался по этому вопросу Ленин. Вот что он писал в первой же главе своего: «Развития капитализма в России»:

«Основой товарного хозяйства является общественное разделение труда. Промышленность обрабатывающая отделяется от добывающей, и каждая из них подразделяется на мелкие виды и подвиды, производящие в форме товара особые продукты и обменивающие их со всеми другими производствами. Развитие товарного хозяйства ведет, таким образом, к увеличению числа отдельных и самостоятельных отраслей промышленности; тенденция этого развития состоит в том, чтобы превратить в особую отрасль промышленности производство не только каждого отдельного продукта, но даже каждой отдельной части продукта,—и не только производство продукта, но даже отдельные операции по приготовлению продукта к потреблению. При натуральном хозяйстве общество состояло из массы однородных хозяйственных единиц (патриархальных крестьянских семей, примитивных сельских общин, феодальных поместий), и каждая такая единица производила все виды хозяйственных работ, начиная от добывания разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой их к потреблению. При товарном хозяйстве создаются разнородные хозяйствственные единицы, увеличивается число отдельных отраслей хозяйства, уменьшается число хозяйств, производящих одну и ту же хозяйственную функцию. Этот прогрессивный рост общественного разделения труда и является основным моментом в процессе создания внутреннего рынка для капитализма» (Ленин, Собр. соч. т. III, стр. 13; разрядка наша. А. Л.).

Как видим, с методологической точки зрения, это—тот же вопрос о применении диалектики к анализу экономического развития. Диалектическое противоречие между общественным и техническим разделением труда не разрешается путем постепенного механического вытеснения (или «сужения») одного из полюсов противоречия. Напротив, форма движения этого противоречия создается одновременным гигантским усиливением обоих его полюсов. Лишь пролетарская революция открывает условия для разрешения этого противоречия, имманентного капиталистическому строю.

К вопросу о госкапиталистических тенденциях.

Мы лишены возможности разобрать подробнее вопрос о различии в подходе Ленина и Бухарина к разрешению основной теоретической проблемы империализма—проблемы анархии и организации¹⁾). Отметим лишь, что это различие сказывалось и в анализе государственного капитализма военной эпохи. Ленин подчеркивал, что «государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет» (Т. XIV, ч. 2, стр. 209). Как далек, однако, Ленин от того, чтобы рассматривать государственно-монополистический капитализм как организованное, сознательно иrationально построенное хозяйство. В той же своей брошюре Ленин говорит: «Реакционное капиталистическое государство, которое боится подорвать устои капитализма, устои наемного рабства, устои экономического господства богатых,... такое государство ничего не нужно, кроме хлебной карточки. Такое государство ни на минуту, ни при одном своем шаге не упускает из виду реальной цели: укрепить капитализм, не дать подорвать его, ограничить регулирование экономической жизни вообще, регулирование потребления, в частности, только такими мерами, которые безусловно необходимы, что прокормить народ...» (Т. XIV, ч. 2, стр. 198; подчеркнуто нами. А. Л.).

В отличие от захлебывавшихся от восторга ревизионистов, видевших в государственно-монополистическом капитализме прямое врастание в планомерно-организованное рационально-управляемое хозяйство, Ленин своим острым взором диалектика видит в сесторони процесса. Госкапитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма. Но в то же время госкапитализм сохраняет в себе все противоречия, свойственные капиталистической системе, в том числе и такое противоречие, которое на поверхности взгляда экономиста, склонного к вульгаризации, как будто исчезает: анархию производства. При госкапитализме капиталистическая анархия проявляется прежде всего в том, что реакционное буржуазное государство стремится ограничить регулирование хозяйственной жизни, охраняя устои капиталистического строя.

Совершенно ясно, что отсюда чрезвычайно далеко до превращения капиталистического народного хозяйства «из иррациональной системы в рациональную организацию», до устранения конкуренции и анархии внутри страны, до «коллективно-капиталистического строя», которое представляет собою «организованное, но в то же время антагонистическое, с точки зрения классов, хозяйство» (см. Н. Бухарин, Империализм и накопление капитала, стр. 83—84).

* * *

Мы видим таким образом, что нынешняя ошибка тов. Бухарина в вопросе об организованном капитализме не является случайной. Логически она примыкает к целой серии ошибочных положений, выставлявшихся тов. Бухарином в разное время; часть этих положений была отвергнута Лениным, другая часть явно противоречит ленинским высказываниям.

Отдельные теоретические ошибки тов. Бухарина, пока они касались вопросов чисто-научных и общеметодологических, привлекали к себе, быть мо-

¹⁾ Интересующихся этим вопросом отсылаем к статье тов. Б. Борилина: «Ленин и проблема империализма», помещенной в журн. «Под Знаменем Маркса» № 5 за 1925 г.

жет, меньшее внимание в партийной среде, чем следовало бы. Дело, однако существенно меняется, когда на базе этих методологических и общетеоретических погрешностей создается теория, способная сгруппировать вокруг себя оппортунистические элементы во всех партиях Коминтерна. Эта теория приобретает огромное актуально-политическое значение. Она способна разоружить коммунистический авангард пролетариата перед лицом его противников и прежде всего перед лицом злейшего врага мировой пролетарской революции—международного реформизма. Поэтому не приходится сомневаться, что как в нашей партии, так и в братских коммунистических партиях всего мира нынешняя оппортунистическая теория тов. Бухарина встретит самый решительный отпор.

К вопросу о методологии политической экономии у Маркса и классиков.

И. Вайнштейн.

В «Капитале» применена к отдельной науке логика, диалектика и теория познания материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед.

Ленин.

I.

Теоретическая экономия Маркса в ее методологическом разрезе есть применение материалистической диалектики к исследованию производственных отношений капитализма. Сущность Марковой экономии останется непонятой, если обойти лежащие в ее основе философские и методологические предпосылки. Непонимание этого положения характеризует экономический ревизионизм и все виды экономической эклектики, начиная от классического ревизионизма и кончая новейшим.

Ревизионизм ориентируется на притупление противоречий в теории практике, имеет своим методологическим стержнем формальное единство, единство без противоположностей. Напротив, основным законом диалектики является единство противоположностей, которое разделяется Гегелем, Марксом, Энгельсом и Лениным. Единство противоположностей модифицируется в единстве качества и количества, которое представляет меру данного бытия. Но количество есть снятое качество, снятая определенность, почему оно в своем отрыве от качества не только не способно уяснить меры действительности, но скорее ликвидирует ее существенные моменты.

Теоретическую экономию Маркс ограничивает рамками капитализма. Где методологические корни такого ограничения, которое некоторыми теоретиками так упорно оспаривается. Можно ли понять это ограничение, оставляя в тени его методологические корни? Конечно, нет. Подобное оспаривание опирается на отрицание диалектики и ее важнейших категорий, одной из которых является категория качества, представляющая логическое обозначение для всего специфического и своеобразного в действительности.

Вещественная маска трудовых связей, характерная для капиталистической организации, представляет ее особое качество, придающее ей иррациональный характер, обес民族文化ющий все попытки ее непосредственного познания. Иррациональный характер общественного труда, представляющий специфическое качество капитализма, образует исходную предпосылку теоретической экономии, направленной на теоретическое и логическое осознание этого качества. Но категория качества не находит признания в механическом мышлении, которое отождествляет об'ективность только с ее количественным выражением. Естественно, что именно на основе механического мышления оспаривается указанное ограничение теоретической экономии рамками капитализма и об'является ее применение ко всем общественным формациям. Маркс чрезвычайно образно и выразительно подчеркивал

особое качество капитализма, как генетический источник теоретической экономии, когда отмечал различие товара и продукта: «Товар на первый взгляд кажется всем понятною, тривиальной вещью. Анализ его показывает, что эта вещь очень странная, полная метафизических тонкостей и теологических капризов. Рассматриваемый только как потребительская стоимость, товар есть вещь осозаемая, в которой не видно ничего таинственного, все равно рассматривать ли ее, как обладающее свойствами, способными удовлетворять человеческим потребностям, или как получающую эти свойства в качестве продукта человеческого труда. Нет решительно ничего загадочного в том, что человек в своей деятельности изменяет формы естественных материалов полезным для него образом. Форма дерева, например, изменяется, когда делают из него стол, тем не менее стол остается деревом, обыкновенной чувственной вещью, но лишь только является в виде товара, как тотчас же превращается в чувственно-сверхчувственную вещь. Он не только стоит своими ногами на полу, но и становится перед всеми другими товарами на голову и производит из своей деревянной башки капризы, которые гораздо чудеснее чуда, когда он начинает по своему произволу плясать»¹⁾.

Труд в качестве рабочего времени, необходимого на производство средств существования, интересовал и будет интересовать человека, ибо представляет естественный закон природы, закон пропорционального распределения труда, общий всем общественным формациям. Но в товарно-капиталистическом обществе связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда, что овеществляет эту связь и придает ей загадочный характер. Овеществление труда, приобретающего через это овеществление общественный характер, выражает собой тип общественной организации, которая становится предметом теоретической экономии в этой ее особенности. Теоретическая экономия, предполагая не описание данного явления, а вскрытие его обманчивой внешности, совершенно излишне при такой социальной организации, которой является, например, союз свободных людей, работающих общественными средствами производства и сознательно расходующих свои индивидуальные рабочие силы, как однажды общественную рабочую силу.

Решающая роль диалектики, представляющей методологическую сущность Марксовой экономики, настраивает буржуазных экономистов вообще против всякого методологического и философского подхода к проблемам экономии. Буржуазный экономист Лифман и оппортунист Реннер вполне сходятся в этом пункте. Реннер, например, заявляет, что у Маркса все благополучно, исключая губительную философию, отправляющую ядом его экономические исследования. Лифман же предлагает вообще отбросить всякую методологию, которая представляется ему бедной и бесплодной. «Я не могу», — говорит Лифман, — самым грубым философским рассуждениям о сущности методах политической экономии придавать какое-либо значение в развитии нашей науки. В действительности практический результат от этих современных знаний политико-экономов философией для экономической теории равны нулю. Я опасаюсь, что ожидать чего-нибудь благоприятного для развития экономических теорий от всех этих методологов и философов в будущем не приходится»²⁾. Конечно, психологический эмпиризм Лифмана имеет также свою методологическую установку, которая, являясь сквернейшей философией, отвечает вполне классовым интересам буржуазии, санкционирующей такую именно философию.

Бем-Баверк точно так же начал свою «атаку» против экономии Маркса с атаки на его философскую установку, так как основной грех Маркса Бем видел в «путях чисто-логического доказательства, диалектической логики из сущности обмена». «Шаткость» Марксового принципа стоимости Бем связывал с его философским обоснованием и отсутствием его психологического и эмпирического обоснования. Положение, однако, осложняется, когда скверная философия становится уделом не только буржуазных экономистов и закоренелых ревизионистов, но проникает также в ряды пролетариата в виде сомнения в философских основах Маркса мировоззрения, представляющих также основы его экономического учения. Крупнейшее произведение Маркса есть не только экономическое, но не в меньшей мере философское. Стоило бы лишить Марксову экономию проникающей ее философии, чтобы одновременно лишить ее глубочайшей методологической основы.

Существует ряд критиков Маркса, полагающих, что Маркс с презрением относился ко всякой теории познания, не придавал никакого значения теоретико-познавательным проблемам. Одним из таких «критиков» является Б. Кроче. Последний находит в «игнорировании» Марксом проблемы познания продукт его отвращения к схоластике. «Он,—говорит Кроче,—жаждал познания вещей (я говорю о вещах конкретных и индивидуальных) и придавал мало значения исследованию о понятиях и формах понятий; результатом этого часто являлись неопределенность и преувеличение самых понятий. Таким образом, мы видим странный факт, что его утверждения, взятые в строгом смысле слова, бывают ошибочны, но вместе с тем кажутся содержательными и близкими к истине, и не только кажутся, а действительно таковы... В общем Маркс склонялся к своего рода конкретной логике»¹⁾. Оказывается, что Маркс не придавал никакого значения учению о формах понятий, имел полное безразличие к теории познания, наконец, что его «ошибочные» утверждения кажутся и даже бывают истинными. Говоря, что логика Маркса конкретна, Кроче совершенно не подозревает, что это конкретное неотделимо у Маркса от абстрактного, что оно даже является в мышлении его продуктом, ибо посредством абстрактного Маркс воспроизводил действительность в ее конкретном многообразии, «которое, заключая в себе множество определений, является единством в многообразии». Последнее же выступает в мышлении, «как процесс соединения, как результат», — словом, является продуктом абстракции. Абстракция же в марксовом понимании служит именно орудием мысленного усвоения конкретного, «так как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно, как конкретное». «Конкретная логика» в представлении Кроче означает по существу грубый эмпиризм, враждебный подлинной логике Маркса, которая в качестве диалектической логики обединяет абстрактное с конкретным, проявляет насквозь его теоретические абстракции. Но Кроче придерживается определенного мнения относительно диалектической логики, считает, что для прогресса науки необходимо исследовать, «не есть ли допущение ритма в форме отрицания обломок старой метафизики, от которого нужно избавиться»²⁾. Подобное толкование диалектики, логики отрицания, служившей Марксу методологической основой познания, является достаточным свидетельством, что «конкретная логика» Кроче есть грубый эмпиризм и ничего общего не имеет с подлинной логикой Маркса, которая была выражением его глубокого внимания к проблемам познания.

¹⁾ К. Маркс, Капитал, т. I, изд. 1-е, стр. 29.

²⁾ R. Liefmann, Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, 1 B., S. 59.

¹⁾ Кроче, Исторический материализм и марксистская экономия, стр. 134.

²⁾ Там же, стр. 140.

Кроче признает, что Маркс допускал ритм в форме отрицания, но неходит такое допущение обломком метафизики. Кроче вынужден признать, что Маркс не безразличен к проблемам познания. Подобное безразличие существует только в воображении критиков Маркса. Положительное творчество Маркса и его теоретическая критика постоянно выявляют его *т е о р и я п о з н а н и я, и м е т о д о л о г и ю*. Марксова критика различных экономических направлений обращена в первую очередь к методологической и теоретико-познавательной стороне последних. Вскрывая мелкобуржуазный поверхностный эклектизм Прудона, который превращал учение о противоречиях действительности и морализование ее доброй и хорошей сторонах, Маркс характеризует его прежде всего с его методологической стороны: «Прудон является по необходимости доктринером. Историческое движение, поргающее современный мир, разрешается у него в проблеме открытия справедливого равновесия, синтеза двух буржуазных идей. Путем тонких и деликатных розысков ловкий малый вскрывает скрытую мысль бога, единство двух обособленных идей, явившихся обособленными только потому, что г. Прудон обоснует их от практической жизни, от современного производства, которое представляет собою комбинацию реальностей, выражаемых этими идеями. На место великого исторического движения, выражающегося на почве конфликта между уже завоеванными производительными силами людей и общественными отношениями, переставшими соответствовать этим производительным силам; на место ужасающих битв, которые подготавливаются между различными классами каждой нации и между различными нациями; на место практического и насильтственного действия масс, которое одно в состоянии будет разрешить эти коллизии; на место этого обширного длительного и сложного движения г. Прудон ставит ребяческое движение своей собственной головы»¹⁾). Метод Прудона заключается в открытии справедливого равновесия двух идей, благодаря которому они теряют свой разрушающий и гибельный характер. Отвлечение от противоречий капиталистической действительности, которые характеризуют каждую ее категорию, создает идеализованную действительность, которая, однако, имеет мало общего с подлинной противоречивой действительностью. «Само собой разумеется, — говорит Маркс, — что не трудно отвлечься в теории от противоречий, встречающихся в действительности на каждом шагу. Подобная теория представляет собою идеализированную действительность». Идеализированная действительность получает в результате электического познания, которое хочет сохранять категории, «выражающие собой буржуазное отношение, и устраниТЬ антагонизм, который неотделим от этих категорий». Марксова критика Прудона вскрывает методологическую беспочвенность его рассуждений, которая обрекает последние на полное научное бесплодие. Определенный способ познания, посредством которого данный мыслитель подходит к раскрытию действительности, сущность и видимость которой не совпадают, характерен для Маркса в первую очередь. Утверждение Кроче о безразличии Маркса к проблемам познания является продуктом его критического недомыслия, характерного для критиков Маркса. Марксова критика Прудона и метафизической экономии вообще является именно критикой метафизики политической экономии, электики противоречий, жалкой «смеси противоречий и противодействий от противоречий».

II.

Категория качества характеризует специфическое в действительности. Механическое мышление, игнорирующее специфические формы и законы действительности, переносит центр тяжести на категорию количества, обе-

личивающую в качестве основной познавательной категории действительность и превращающую ее в безразличный агрегат.

Гегель, начертавший впервые основные контуры диалектики, высшей формы теоретического мышления, благодаря которой только возможно охватить существенное в действительности и познать ее в ее историческом своеобразии, находил, что чисто-количественное познание оставляет совершенно непознанными специфические формы действительности, совершенно пропадающие в ее количественно обезличенной массе. «Абсолютное, — говорит Гегель, — есть чистое количество. С этой точки зрения смотрят на абсолютное вообще, когда принимают его за материю, обладающую формой, но в то же время равнодушную к этой определенности. Количество есть также одно из основных определений абсолютного, когда его рассматривают, как абсолютную индифферентность, имеющую одни количественные различия»¹⁾. Количественное изучение действительности получает значение лишь при условии ее познанности со стороны ее качественной определенности или особенной формы, что узаконяет применение категории количества на фоне уже качественно-познанной закономерности.

Диалектическая связь качества и количества представляет камень преткновения на пути метафизического и механического мышления, которое также выдает себя в интерпретации Маркса. Пример такой интерпретации, например, Франц Петри.

Оригинальность Маркса состоит прежде всего в выяснении качественной стороны стоимости, ибо ее количественную сторону осветил в значительной степени Рикардо. Отсюда, однако, не следует, что количественная сторона стоимости непримиримо противостоит у Маркса качественной. Напротив, первая познается из последней, которой она определяется. Единство качества и количества означает меру в действительности, понимание которой включает знание этих обоих ее аспектов. Петри же в своей кантинской интерпретации Маркса ограничивает методологическую структуру понятия ценности только ее качественной стороной. «Совокупность вопросов, — говорит Петри, — относящихся к методологической структуре понятия ценности, можно в виде качественной проблемы ценности противопоставить количественной проблеме ценности, которая вращается в круге вопросов, касающихся величины меновой ценности»²⁾. Между тем, непримиримого противопоставления качественной и количественной сторон стоимости не существует у Маркса. Возьмем, например, категорию денег. Последние в своем качественном выражении являются всеобщим представителем труда в его овеществленном выражении, который одновременно выступает в своем количественно-ограниченном выражении, представляя в этом отношении одно из вскрытых Марксом диалектических противоречий, совершенно непонятных для Петри. «Качественно, — говорит Маркс, — или по своей форме, деньги неограничены, т.е. они служат общим представителем вещественного богатства, потому что могут превращаться непосредственно во всякий товар. Но в то же время каждая действительная сумма денег количественно ограничена, и потому представляет покупательное средство ограниченного действия»³⁾. Деньги, представляя качественное выражение всеобщего труда в феодалистской форме, одновременно являются количественным мерилом для масс овеществленного рабочего времени. Пренебрежение к одной из этих сторон ведет к непониманию категории денег. Рикардо ограничивался лишь количественной стороной в трактовке этой категории. Маркс резко подчеркивал эту односторонность. «Деньги представляют не только «орудие», с помощью которого совершается об-

¹⁾ Энц., I, § 99.

²⁾ Ф. Петри, Социальное содержание теории ценности Маркса, стр. 36.

³⁾ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 77.

¹⁾ К. Маркс, Ницшета философии, стр. 179—180.

мен», но также орудие, благодаря которому обмен продукта на продукт распадается на два акта, которые друг от друга не зависят и разделены пространством времени. Но это ошибочное понимание денег основано у Рекардо на том, что он вообще имеет в виду лишь количественное определение меновой ценности, именно, что она равна определенному количеству рабочего времени. Но он забывает, что в качестве определения индивидуальный труд должен путем своего отчуждения быть представлен в виде абстрактно-всеобщего и общественного труда¹). Философская установка Петри—продукт философии Канта—разрывает между количеством и качеством, чтобы в результате такого разрыва оказаться насовсмь элективской.

Общественные отношения труда в товарно-капиталистической системе представляют определенное социальное качество, которое проявляется в вещественной форме этих отношений. Однако вещественная форма проявления рабочего времени, вещественная форма производственных отношений исключает, но необходимо обуславливает определенное количественное выражение труда, соответствующее данной форме. Гильфердинг это правило высказывает в следующем положении, где указывает, что количественные взаимоотношения трудовых масс в капиталистическом обществе представляют результат ее качественно определенного строения. «Таким образом, правильно говорит Гильфердинг,—результат качественно определенного общественного процесса производства количественно выражается в общей массе затраченного общественного труда. Как некоторая часть общественного продукта труда,—а только в этом качестве он и фигурирует в меновом обороте, отдельный товар определяется количественно содержащейся в нем долей со купного рабочего времени»²). Извращенная оценка Маркса вполне естественна со стороны Петри, ибо на фоне философии Канта, являющейся классическим типом дуалистического мировоззрения, можно в лучшем случае притк к таким извращениям.

Любопытно отметить, что Петри видит в учении Маркса о товарном фетишизме возрождение принципов практической философии Канта, которым он противопоставляет человека всей остальной природе в качестве примиримых антагонистов. «Однако, и учение Маркса о фетишизме экономических категорий, и вытекающее из него возрождение теории трудовой ценности имеют в конечном счете своим крестным отцом Канта, ибо предпосылкой этого учения Маркса является учение Канта о примате практического разума, согласно которому человек и человеческие отношения противопоставляются всей остальной природе в силу особого, совершенно отличного акцента ценности. В своем экономическом применении учение Канта, опровергнутое долгим историческим процессом, в особенности же Гегелем, снова появляется на свет в том постулате Маркса, что за вещественным фетишизмом товарного обращения должны быть вскрыты идеальные социальные отношения»³). Попытка истолковать экономическую систему Маркса в духе философии Канта является лучшим способом выхолащивания проникающей ее материалистической диалектики, которая представляет ее глубочайшую методологическую сердцевину.

Не философия Канта с ее субъективизмом и дуализмом способна осуществить и раскрыть глубину Марковой экономии, а материалистическая диалектика одна способна ориентировать в противоречивости ее категорий, которая в философском мышлении Петри неизбежно преломляется в дуализм⁴.

¹⁾ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 2, стр. 175.

²⁾ Гильфердинг, Бем-Баверк, стр. 10.

³⁾ Ф. Петри, стр. 42.

и метафизическую двойственность. Именно логика Гегеля оказывает огромную помощь в деле выяснения методологической структуры Марковой экономии. Но Петри видит между диалектическим методом Маркса и его материализмом основное противоречие, которое делает вообще невозможным целостное понимание его теории,—словом, навязывает этой системе дуализм в таком пункте, который в действительности является единопроницаемым для всего мировоззрения Маркса.

Существуют, однако, «сторонники» Маркса, которые, разрывая между качеством и количеством, полагают, что Маркс при решении проблемы теоретической экономики ориентировался только на количество, как основную изначальную категорию, что, конечно, не выдерживает критики, ибо проблема теоретической экономики неразрывно связана у Маркса с качественной формой труда, ставшей исходной точкой его экономической концепции.

История общества есть история развития труда, которая далеко не предстает в виде прямой линии, лишенной противоречий, качественных переходов и превращений. Механический способ мышления представляет развитие таким именно бескачественным и непрерывным. Развитие труда, напротив, демонстрирует истинность диалектического тождества, выключающего различие и противоположность. Труд в организованной общине существует без всяких таинственных одежд, проявляется в непосредственно общественной форме, которая характеризует производство и распределение общественного продукта. «Сумма же произведений общины есть общественный продукт. Часть его служит средством производства; она остается общественной. Другая же часть потребляется членами общины, как средства существования. Следовательно, она должна быть распределена между ними. Способ этого распределения меняется сообразно видам самого общественного производственного организма и соответственно высоте исторического континта производителей. Только для параллелизма с товарным производством мы предлагаем, что доля каждого производителя в средствах существования определяется его рабочим временем. Рабочее время, следовательно, играло бы тогда двоякую роль. Распределение его по общественному плану устанавливает надлежащие отношения между различными видами труда, сообразно различным потребностям. С другой стороны, рабочее время служит мерою индивидуального участия производителя в общей работе, а потому, также, в мерою индивидуально потребляемой части общего продукта. Общественные отношения людей к их труду и к произведению их труда остаются здесь ясными, простыми как в производстве, так и в распределении»⁵).

Производство и распределение общественного продукта в такой общине происходит планомерно и организованно, лишено загадочности и мистификации, которые выступают на сцену с превращением продукта труда в товар с овеществлением производственных отношений, появляются на основе качественного превращения труда. «То обстоятельство, что общественные отношения по производству представляются в форме вещи, находящейся вне лиц, определенные отношения, в которые эти лица вступают в процессе отпразднения своей общественной жизни, являются, как специфические свойства вещи,—это такое превращение, которое представляет не воображаемую, но проявляющую реальную мистификацию, характеризующую все общественные формы труда, создающую меновую стоимость»⁶). Стоит продукту сделаться товаром, чтобы естественная простота производственных отношений была безнадежно утрачена и уступила место «метафизическим тонкостям» и «теологическим капризам». Продукты труда становятся товарами, когда ста-

⁴⁾ К. Маркс, Капитал, т. I, изд. 1, стр. 30—31.

⁵⁾ К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 24.

новятся продуктами самостоятельных и друг от друга независимых частных производителей, работы которых являются при наличии такой независимости непосредственно частными работами отдельных работников. Но индивидуальный труд, находящийся в зависимости от всего общества, нуждается в социальной значимости, которую он приобретает через товарную стоимость. Общественный характер труда независимых производителей, непосредственно не выступающий во взаимных отношениях людей, передает свою функцию вещи, которая принимает на себя роль связывания разобщенных производителей, роль связующего звена в общественном процессе производства. Частные производители, не состоя в непосредственной общественной связи, вступают в эту связь посредством продуктов труда, выражаяющих эту социальную функцию в форме стоимости, специфической формы труда в обществе разобщенных производителей. «Частные производители входят в общественное соприкосновение впервые посредством частных продуктов—вещей. Поэтому общественные отношения их работ не суть и не являются как непосредственно общественные отношения лиц в их работах, но как вещественные отношения лиц или общественные отношения вещей. Первое же и самое общее выражение вещи, как общественные вещи, есть превращение продукта труда в товар»¹⁾. Труд, принимающий общественный характер лишь через вещную форму, которая выражает его специфическую форму на данной стадии развития производительных сил, резко отличается от непосредственной общественной формы труда. Вещный характер труда в товарно-капиталистическом обществе представляет его социальное качество, которое выделяет его от всех прошлых видов труда и определяет его особые закономерности, недоступные эмпирическому познанию. Особый характер труда, который, употребляя выражение Гильфердинга, выступает в виде вещественного миража, делает экономические проблемы загадочными, побуждая агентов производственного процесса «путем науки проникнуть в тайну своего собственного общественного продукта, потому что определение вещи, как стоимости, есть также их продукт, как язык»²⁾.

Общество есть трудовая организация. Труд, как полезная работа, придает Маркс, образует условие существования человека независимо ни от каких социальных форм, вечную и естественную необходимость, посредством которой совершается человеческая жизнь. Но в товарно-капиталистическом обществе эта трудовая деятельность людей далеко не находит своего прямого выражения в своей внешней видимости или товарной форме, которая в первую голову стала предметом Маркса анализа.

Правильное понимание Марковой экономики упирается в правильное понимание единства формы и содержания, которое коренным образом исключается механическим и метафизическим мышлением. Единство противоположностей, основной закон диалектики, модифицируется в единстве формы и содержания. Содержание, оторванное от формы, выражается в бессодержательность, которая оставляет для теоретического рассмотрения общие места. Производство есть тождественная основа всякого общества, имеющая свои общие условия. Мышление, которое фиксирует только эти условия, занимается пустыми абстракциями, которые вследствие своего безразличия оказываются совершенно бесплодными. «Имеются определения», говорит К. Маркс, — общие всем ступеням производства, которые, как обещают, фиксируются мышлением. Однако все т. н. общие условия всякого производства суть не что иное, как эти абстрактные моменты, с помощью которых нельзя понять ни одной действительной исторической ступени произ-

¹⁾ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 32.
²⁾ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 31.

водства»¹⁾). Проблема теоретической экономии стала для Маркса проблемой определенной социальной формы труда. Категории качества и формы, как определенные логические категории, играли для Маркса выдающуюся роль, как орудие познания капитализма, который в своих особенностях и качественной определенности ускользает от механического познания, опирающегося исключительно на количества.

Маркс говорил, что вся мудрость экономистов-апологетов заключается в игнорировании специфического в действительности, которое превращает исполненные антагонизма категории в гармонические, лишенные всяких противоречий. Капитал в таком механическом понимании оказывается «только средством производства», «всеобщим, вечным, естественным отношением». Капитал — категория специфическая — превращается в всеобщее, вечное и естественное отношение, когда откладывается его специфическая определенность, которая одна превращает «средства производства», «накопленный труд» в капитал. Категория качества служила Марксу для осмысливания специфических закономерностей бытия, которые при игнорировании этой категории откладывались в своем историческом характере, чтобы уступить гармонии и увековечиванию переходящих форм.

Поняв проблему теоретической экономии, как проблему специфической формы труда, ибо «обмен продуктов, как товаров, есть определенный способ обмена труда, определенная форма зависимости труда одного от труда другого, определенный вид общественного труда или общественного производства», Маркс увязал трудовую сущность с ее определенной формой, преодолев односторонность прежней экономики. Маркс, следуя Гегелю, вскрывал особые формы действительности, которые не существуют для механического мышления. «Сущности свойственна форма, и ее определения. Лишь, как основание, сущность обладает прочной непосредственностью или есть субстрат... Сущность, как относящийся субстрат, есть определенная сущность; и в силу этого положения она по существу имеет форму. Напротив, определения формы суть определения в сущности; она лежит в их основании, как неопределенное, которое в своем определении безразлично к ним»²⁾. Сущность и форма, следовательно, различны в своем единстве. Рассудочное мышление, которое не понимает единства противоположностей, пытается утвердиться на таком различии, впадая в односторонность. Гегель, признавая необходимость такого различия, предупреждает, что оно еще недостаточно. «На этом различии сущности и формы пытается утвердиться внешняя рефлексия; оно необходимо, но самое это различие есть их единство, так же как это основное единство есть отталкивающаяся от себя и образующая положение сущность»³⁾. Отрыв труда от его особой формы имеет своей методологической предпосылкой непонимание диалектического единства этих категорий, которое в механическом мышлении уступает односторонней ориентации на сущность, оторванную от формы, что неизбежно приводит к извращенному и упрощенному пониманию экономических категорий. Чтобы понять методологическую важность категории формы или качества в марковском анализе капиталистической экономии, чрезвычайно интересно обратить внимание на проводимую Энгельсом параллель между французскими материалистами и философией Гегеля, бросающую яркий теоретический свет на трактуемую проблему. Мышление стремится познать бытие. Познание может быть плодотворным лишь при условии такого соответствия бытия, ибо истина есть такое соответствие познания действитель-

¹⁾ К. Маркс, Введение к Критике политической экономии, стр. 10.

²⁾ Гегель, Наука логики, ч. 1, кн. 2, стр. 49.

³⁾ Там же, стр. 50.

ности. Энгельс говорит, что предположение такого соответствия составляет бессознательную предпосылку в *сякого* мышления. Однако соответствие мышления бытию может иметь отвлеченный характер, который умаляет эту истинность, лишает ее содержания. Энгельс останавливается на этой проблеме, чтобы оттенить и выявить логическую революцию, проделанную Гегелем и упирающуюся в понимание формы. «Над всем нашим теоретическим мышлением господствует с абсолютной силой тот факт, что наше субъективное мышление и об'ективный мир подчинены одним и тем же законам, и что, поэтому, оба они не могут противоречить друг другу в своих конечных результатах, а должны согласоваться между собой. Факт этот является безусловной предпосылкой каждого теоретического мышления. Материализм XVIII столетия, будучи по существу метафизического характера, исследовал эту предпосылку только с точки зрения ее содержания. Оно ограничивается доказательством того, что содержание всякого мышления и знания должно происходить из чувственного опыта, и восстановил старые положения: *Non est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu*. Только современная идеалистическая, но вместе с тем и диалектическая философия, и в особенности Гегель, исследовали эту предпосылку с точки зрения *формы*»¹⁾. Французский материализм и его основные представители исходили из положения, что мышление есть продукт бытия, что оно отражает это бытие, что без такого соответствия мышление бесплодно и пусто. Но это истинное положение недвигает познания вперед, ибо оно совершенно оставляет в тени вопрос о форме такого соответствия, которая должна именно выявить, каким образом формы мышления соответствуют формам бытия, каким образом осуществляется это соответствие. Гегель в идеалистической форме исследовал эту предпосылку с точки зрения *формы*, совершив переворот в области мышления.

Отношение между Рикардо и Марксом в значительной степени сходно с указанным отношением Гегеля к французскому материализму. Можно сказать, что Маркс и Рикардо выражают два методологических полюса в *нимании капиталистической экономики*. Рикардо, крупнейший представитель классической экономики, выступил с положением, что стоимость определяется трудом, заложив фундамент для науки о построении теоретической экономии. Правильное положение Рикардо в состоянии, однако, было неизменно экономическую науку вперед только в ограниченной степени, ибо превращение труда в стоимость, причина, превращающая труд в такую специфическую форму, положением Рикардо не задавалась. Экономическое мышление Рикардо дает законченное выражение механического способа мышления. Высказав правильное положение, ставшее краеугольным камнем его экономической системы, Рикардо остановился на сущности стоимости, формой которой он совершенно не касался, в то время, когда только высвеченная эта форма пролило исторический свет на структуру капитализма и явило все ее своеобразие. Сущность без формы представляет одностороннее выражение только тождественной основы капитализма, склоняющее ее исторический и переходящий характер, что превращает ее закономерности в вечные и естественные. Непонимание формы имело у классиков не только социально-классовую причину, но и обуславливалось определенной методологической установкой, которая являлась об'ектом пристальной критики со стороны Маркса. «Рикардо,—говорил Маркс,—исходит из определения относительных ценностей или меновых ценностей товаров, при посредстве количества труда, требующегося для их производства. Характер этого «труда» дальше не исследовался. Если два товара суть эквиваленты или эквиваленты в определенной пропорции, или, что то же самое, если они

не равны по величине, смотря по количеству «труда», который они заключают в себе, то ясно, все же, что они одинаковы по субстанции, поскольку они — меновые ценности. Их субстанция — труд. Поэтому они и являются «ценностями», и их величина различна смотря по тому, заключает ли она в себе больше или меньше этой субстанции. Вида же, особенного назначения труда, как создающего меновую ценность, или выражающегося в меновых ценностях — характера этого труда Рикардо не исследует. Он поэтому не понимает связи этого труда с деньгами, т.-е. того, что он должен проявляться в виде денег. Он, поэтому, совершенно не понимает связи между определением меновой ценности товара рабочим временем и необходимости для товаров в своем развитии дойти до образования денег. Отсюда его неверная теория денег. У него априори идет дело только о величине ценности, т.-е. о том, что величины товарных ценностей относятся, как количества труда, требующегося для их производства»¹⁾. Товары являются ценностями, потому что они одинаковы по субстанции, одинаковы по своей сущности, являются продуктами труда. Характера, формы, качества труда, как образователя стоимости, Рикардо не исследует. Не исследуя характера этого труда в его исторической форме, которая делает его образователем стоимости, Рикардо, естественно, перемещает центр тяжести на количественное выражение этой субстанции. Маркс в такой исключительно количественной трактовке субстанции стоимости, отрывающей от ее формы, видит исходный методологический пункт всех коренных погрешностей рикардианской экономии. Таким образом, Маркс именно в философии и методологии Рикардо, лежащей в основе его экономической системы, видит основной теоретический корень ее недостаточности, которая вела к ошибочной трактовке всех основных категорий капиталистической экономики. Указывая на историческую обусловленность метода Рикардо, Маркс отмечает одновременно его недостаточность, «которая проявляется не только в способеложения формально, но и приводит к ошибочным результатам, потому что этот метод перепрыгивает через необходимые промежуточные звенья и стремится показать непосредственным образом совпадение экономических категорий между собою». Маркс указывает на исключительное внимание Рикардо к субстанции стоимости, которая только и является об'ектом его теоретического внимания со стороны количественного бытия. Что характерно для механического способа мышления и представляет модификацию его основной предпосылки о единстве без противоположностей, Рикардо, который может быть не всегда отдавал себе отчет в методологических предпосылках своей экономической системы, имел определенную методологическую установку, которая решающим образом влияла на его толкование всех экономических категорий. Основное положение Рикардо страдает механической односторонностью, которая поражает его экономическую систему. Действительно, установив свое центральное теоретическое положение, Рикардо потерпел полное крушение на исследовании основных категорий капиталистической экономии, например, категории прибавочной стоимости, не сумевши объяснить, почему живой труд при обмене на капитал имеет меньшую стоимость, нежели овеществленный труд, который представляет его эквивалент.

Взаимный обмен капитала и труда оказался в противоречии к исходному положению Рикардо, согласно которому рабочему надлежало получить полный эквивалент своего труда. Но Рикардо не видел внутренней противоречивости экономических категорий капитализма, которая в отношении прибавочной стоимости выражается в исторической форме — эксплуатации труда рабочего. Энгельс поэтому говорит, что Маркс, приступая к критике

¹⁾ Энгельс, Диалектика природы, стр. 135.

¹⁾ К. Маркс, Теория прибавочной стоимости, I, ч. 2, стр. 9.
Под эгидой Марксизма.

учения о прибавочной стоимости Рикардо, подверг предварительной критике его теорию стоимости. «Для того,— говорит Энгельс,— чтобы знать, что такая прибавочная стоимость, он (Маркс. И. В.) должен был знать, что такое стоимость. Прежде всего, необходимо было подвергнуть критике саму теорию стоимости Рикардо. Итак, Маркс исследовал труд со стороны его свойства создавать стоимость и в первый раз установил, какой труд, почему и как образует стоимость¹⁾). Специфическую форму труда, благодаря которой он становится образователем стоимости, Маркс сделал исходной точкой экономического познания, представив ее во всей ее внутренней противоречивости, познание которой осветило ярким факелом все туманности капитализма и преодолело все трудности, оказавшиеся роковыми для всей предшествующей экономической науки.

III.

Диалектика Гегеля, как логика противоречий, переработанная на материалистический лад, явилась в руках Маркса сильнейшим орудием преодоления всей прежней экономии, и вскрытия ее недостаточности. Превратив понимание этого орудия и его роли в мышлении Маркса представляет неотъемлемое достояние всякого рода эклектиков. Любопытен в этом отношении Гильфердинг. Признавая, что Маркс сознательно перенес метод Гегеля в политическую экономию, Гильфердинг обнаруживает в этом признании эклектическую беспомощность в понимании диалектики. Плеханов называл диалектику Гегеля логикой противоречий, ибо Гегель с толкованием противоречий связывал, главным образом, логическую революцию, сокрушившую оконченность старой формальной логики. Гильфердинг же, говоря о роли диалектики в экономическом познании Маркса, полагает, что эту диалектику можно в первую голову найти не там, где ее обычно ищут: «Не в изображении реальных классовых противоречий и в открытии противоречий между социально-исторической ограниченностью капиталистического способа производства и общественной потребностью, носителем которой является пролетариат и которая направлена к овладению производительными силами, возникшими из капиталистической организации, но все более перерастающими ее. Это приложение метода скорее выполняет свою специфическую логическую роль в способе образования и изложения логических понятий²⁾.

Утверждение Гильфердинга насквозь пропитано эклектизмом и обнаруживает полнейшее непонимание диалектики, которую он отрывает от действительности и превращает в самодовлеющую логическую абстракцию. Диалектика, согласно Гильфердингу, равнодушна к противоречиям действительности, которых она не касается, представляя лишь способ образования и изложения логических понятий. Гильфердинг, говоря о принятии Маркса гегелевской диалектики, толкует последнюю в духе критической философии, ибо не только Маркс, но и Гегель видел критерий истинности логики в соответствии действительности, которая в своей основе противоречива. Гегель видел большую заслугу Канта в его попытке преодолеть формальную логику, которая выразилась у Канта в идеи «объективной видимости и необходимости противоречия». «Кант понимает антиномии так, что они суть не искусственные софистические ухищрения, но противоречия, на которые разум должен необходи́мо наталкиваться³⁾). Однако Кант ограничивал такую необходимость рамками мышления и оторвал ее от объективного бытия. Гегель резко клеймил этот разрыв мышления от бытия, клеймил трансцендентальную,

т.-е. субъективное разрешение встающих перед познающим противоречий, которые остаются неразрешенными. Гегель смеялся над критическим «разрешением» этих противоречий, которые выразились у Канта в отстранении последних от действительности, насквозь противоречивой в ее объективной основе. «И именно критическое их разрешение при помощи т. н. трансцендентальной идеальности воспринимаемого мира дает лишь тот результат, что это противоречие становится чем-то субъективным, при чем оно остается такой же видимостью, т.-е. неразрешенным⁴⁾). Гегель вообще издевался над субъективизацией мышления, ибо поскольку говорится, «что рассуждение присущ предметному миру, что дух и природа имеют общие законы, по коим совершают свою жизнь и изменения, то тем самым признается, что мысленные определения также имеют объективную ценность и существование».

Гильфердинг, однако, полагает, что диалектическая логика как способ образования и изложения понятий, равнодушна к противоречиям действительности, извращая подобной интерпретацией ее подлинную природу. Принимая материалистическую диалектику к экономике капитализма, Маркс преодолевал односторонности классической экономии, выявляя в нутре неизменную противоречивость категорий капитализма, которые в классической экономии представлялись гармоническими и тождественными. Выдвинув положение, что в основе стоимости товара лежит труд, классическая экономия дальше этого положения не двигалась, а старалась непосредственно из последнего освещать все другие категории, которые лишались своей подлинной физиономии. Отрезав себе механическим мышлением путь к пониманию противоречивой природы экономических категорий, классики оказались не в состоянии понять экономику капитализма, важнейшие категории которой настоятельно требовали еще своего диалектического краяния.

Исходя из взгляда на общество, как на производственную организацию, находящуюся в процессе развития, Маркс подошел к капиталистической экономике под углом зрения имманентных ей специфических антагонизмов. Положение, что труд лежит в основе стоимости, не выражает ни его специфического характера, ни его антагонистической природы, ибо труд лежит в основе всякой общественной организации. Начав анализ капитализма с анализа товара и присущей ему двойственности, Маркс вскрыл основу этой двойственности в двойственном характере труда, открытие которого стало краеугольным камнем всей его экономической концепции. «Сначала мы видели,— говорит Маркс,— что товар есть нечто двойственное—потребительная стоимость и меновая стоимость. При более близком рассмотрении оказывается, что заключающийся в товаре труд имеет двойственный характер. Этот пункт, впервые исследованный критически мною, есть основной пункт, на котором зиждется все понимание политической экономии⁵⁾). Пункт о двойственном характере труда называется Марксом центральным пунктом всей его системы, необходимой предпосылкой понимания капиталистической экономики. Механическое мышление Рикардо мешало ему эту двойственность познать, почему он видел в труде только простой средний труд, который он исследовал с количественной стороны. Величина стоимости стала единственным предметом исследования Рикардо, которого качественная сторона труда, обусловленная его особым характером в товарно-капиталистической системе, совершенно не интересовала. Маркс усматривал ограниченность Рикардо в отсутствии качественного понимания экономических категорий капитализма. «Ошибка Рикардо заключается в том, что он исследует только величину

¹⁾ К. Маркс, Капитал, т. II, стр. XV, предисловие Энгельса.

²⁾ «Основные проблемы политической экономии», стр. 176.

³⁾ Гегель, Наука логики, ч. I, стр. 116.

⁴⁾ Там же, стр. 117.

⁵⁾ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 6.

стоимости; поэтому он интересуется только относительным количеством труда, который представляют различные товары, которые они содержат в себе, как ценности в воплощенном виде. Но заключенный в них труд должен быть представлен, как общественный труд, как отчужденный индивидуальный труд. В цене это представлено идеально. Реализуется это лишь в про-даже. Это превращение всех видов заключенного в товарах труда отдельных индивидуумов в одинаковый общественный труд, который поэто-му может быть представлен во всех потребительных ценностях, может быть обменен на любую из них; эта качественная сторона дела, которая содержится в выражении меновой ценности в деньгах, у Рикардо не развита. Это обстоятельство — необходимость представить заключенный в них труд одинаковым общественным трудом, т.-е. в деньгах — Рикардо упускает из виду¹⁾. Маркс называет качественной стороной дела в товарной капиталистической системе необходимость для индивидуального труда превращаться в собственную противоположность — общественный труд, которым он непосредственно не является. Указанную сторону дела, понимание которой было совершенно не доступно метафизической экономии, Маркс открыл посредством материалистической диалектики, которая не отворачивается от противоречия, а считает его корнем движения и деятельности, видит в единстве противоположностей закон объективного мира и познания.

Товарное общество покоятся на разобщенности труда, ибо продукты труда не делались бы товарами, если бы они не были произведениями самостоятельных, частных работ, производимых независимо друг от друга. Индивидуум не может жить в абсолютной изолированности, ибо индивидуумы, производящие вне общества, представляют фикцию и выдумку. «Единичный и обособленный охотник и рыболов, с которых начинает Смит и Рикардо, принадлежат к лишенным фантазии химерам XVIII века»²⁾. Частный труд, чтобы преодолеть такую изолированность и приобрести общественную земельность, необходимо должен превратиться в собственную противоположность — абстрактно-всеобщий труд, который в лице стоимости и прежде всего в определенном продукте. Как стоимость, однако, продукт должен быть воплощением общественного труда, и как таковой он может посредственно превращаться из одной потребительной ценности в любую другую. Частный труд, следовательно, должен быть представлен непосредственно, как его противоположность — общественный труд; определенным образом примененный труд, как его непосредственная противоположность — абстрактно-всеобщий труд, который выражается также в общем эквиваленте. Лишь благодаря его отчуждению индивидуальный труд представлен как его противоположность. Но товар должен иметь это общее выражение, прежде чем он отчужден. Эта необходимость выражения индивидуального труда, как всеобщего труда, есть необходимость выражения товара в виде денег³⁾. Рикардо, которому чужда была диалектика, видел в количественном понимании стоимости ее и с ее руки в ающе е понимание, которое в действительности страдает крайней односторонностью. Необходимость для товара превращаться в деньги, обусловленная его внутренней противоречивостью, оказалась непонятной для буржуазного экономиста, скованного рамками механического мышления. Тайна критического понимания, употребленное выражение Маркса, оставалась скрытой для Рикардо. Механический способ мышления, мало благоприятный для правильного понимания действительности, сказался для Рикардо, в первую голову, в непонимании двойственности, сказавшейся для Рикардо, в первую голову, в непонимании двойственности,

характера труда, лежащего в основе двойственности товара. «Что все без исключения экономисты не замечали простой вещи, а именно, что если у товара двойственный характер, если он, с одной стороны, потребительная стоимость, а с другой стороны, — стоимость меновая, то и труд, воплощенный в товаре, должен иметь двойственный характер. Простой же анализ труда, без дальнейших различий, как, например, у Адама Смита, Рикардо, постоянно должен наталкиваться на необъяснимые вещи. В сущности тут и заключается вся тайна критического понимания»⁴⁾. Тайна критического понимания есть тайна диалектики, которая в единстве противоположностей находит свою основную разгадку. Рикардо, невзирая на его огромную историческую заслугу перед экономической наукой, которая в его лице призывалась оставить свою прежнюю рутину и тщательно исследовать противоречия между ка-жущимся и действительным миром, явился жертвой неверного мышления, мешавшего ему охватить закон стоимости во всех его связях и опосредствованиях. Внимание к количественной стороне явления в ущерб его качественной стороне необходимо ведет к его внешнему познанию, оставляющему непознанными его существенные черты. Маркс именно в особой форме труда, выражющей его исторический и преходящий характер в данной общественной системе видел основной объект теоретической экономии. Преодоление Рикардо со стороны Маркса, выражавшееся прежде всего в его философском преодолении, означало торжество материалистической диалектики, как определенной теории мышления, представляющей аналог действительных законов природы и общества.

Естественно, что оппортунизм более склонен к механическому мышлению, нежели к революционной и критической диалектике, которая со стороны его представителей подвергается ужасающей фальсификации. Оппортунизм под маской интерпретации диалектики занимается в действительности опошлением и притуплением ее революционной стороны. Отто Бауэр, например, предлагающий «своё» толкование гегелевской диалектики и ее роли в мышлении Маркса, представляет интересный пример такого извращения, которое сводится к ее механизации. Размышления Бауэра по этому поводу поистине изумительны. Оказывается, что диалектика в руках Маркса сводилась к чисто-количественному пониманию в вещей. Маркс следовал методу Гегеля. И он ищет за видимостью конкуренции истинное и действительное. И он хочет найти за непосредственно данным истина бытия, устранив качественную определенность бытия в ее эмпирическом существовании, считая ее безразлично и переходя к бытию, как к чистому количеству⁵⁾. Что по этому поводу сказать? Маркс действительно искал за внешностью явления его внутреннюю сущность, искал закон явления, ибо он не был эмпириком и враждебно относился к эмпиризму. Грубый эмпиризм Маркс просто отождествлял с метафизикой. «Грубый эмпиризм превращается в ложную метафизику, в схоластику, которая с мучительным усилием старается непосредственно вывести из общего закона или объяснить согласно с ним посредством простой формальной абстракции неопровергнутые явления эмпирической действительности»⁶⁾. Однако преодоление грубого эмпиризма не выразилось у Маркса в сведении бытия к чистому количеству, которое, согласно Бауэру, выражает сущность вещей. Бауэр просто извращает Маркса и Гегеля, извращает вопреки всякой очевидности. Относительно Гегеля такое извращение выступает наглядно. «Велика заслуга, — говорил Гегель, — познать эмпирические числа природы, например, взаимные расстояния планет; но еще неизмеримо большая заслуга —

¹⁾ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 111.

²⁾ К. Маркс, Введение к Критике политической экономии, стр. 43.

³⁾ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. I, стр. 108.

⁴⁾ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 111.
⁵⁾ К. Маркс, Введение к Критике политической экономии.
⁶⁾ Там же, стр. 115.

заставить исчезнуть эмпирически определенные количества, возвысив их до общей формы количественных определений, так, чтобы они стали моментами закона и меры. Бессмертны заслуги, оказанные, например, Галлилеем относительно падения тела и Кеплером относительно движения небесных тел. Они доказали найденные ими законы, показав, что им соответствует весь общий воспринимаемых частностей. Но должно потребовать еще высшего доказательства этих законов, состоявшего ни в чем ином, как в том, чтобы количественные определения были познаны из качеств и из определенных соотносящихся понятий (каковы время и пространство)»¹⁾. Приведенные слова Гегеля, освобожденные от своей идеалистической формы, бесспорно правильны, указывают, что познание должно сообразоваться с определенными закономерностями действительности, которые выражаются в ее качественной стороне и ее особенной форме. Высшим доказательством Гегель считал не сведение бытия к чистому количеству, а познание количественной стороны бытия на основании его определенного качества, представляющего это бытие в его специфических закономерностях. Маркс в этом пункте солидаризировался с Гегелем, применив это положение в другой области явления. Маркс постоянно подчеркивал недостаточность одного количественного масштаба для изучения бытия в любой его области, ибо мера бытия, согласно Марксу, может и должна быть постигнута из его особенной структуры, которая выражает его качественную определенность. «Мера общественности должна быть заимствована из природы условий, свойственных каждому способу производства, а не из представлений ему чуждых»²⁾. Рикардо не знал этой меры, так как, ограниченный буржуазным кругозором, не знал способа ее познания.

История мышления знает случаи, когда мера общественности ограничивает познавательные искания, находящие в этой мере непреодолимое притяжение к своемуциальному разрешению. Аристотель, например, анализировавший впервые форму стойности, не мог ее познать, ибо товарная форма продукта еще не была мерой общественности, т.-е. античного общества, основывающегося на труде рабов, не знавшего равного труда. Формы стойности есть вещественное выражение общественных отношений труда, равного по своей субстанции. Но равный труд не составлял меры греческого общества, почему Аристотель в смущении останавливался перед напрашивющей единицей соизмерения, лежащей в основе обмена. Мера общественности для себя знать, поставив исследование Аристотеля непреодолимые границы. Выдвинув положение, что мена не может происходить без равенства, а равенство не может быть без соизмеримости, Аристотель, однако, констатирует невозможность такой соизмеримости в действительности, где невозможно качественное равенство глубоко разнородных вещей, где привычное может представлять только нечто постороннее истинной природе вещей, только «удовлетворение практической потребности». «Следовательно, сам Аристотель высказывает нам, почему не удается его дальнейший анализ, вследствие отсутствия понятия стойности. В чем заключается равное, т.-е. общая субстанция, которая позволяет дому представлять матрац в выражении стойности матраца. Ничего подобного этому «в действительности существовать не может», — говорил Аристотель. Почему? Дом представляет относительно матраца нечто равное, если в обоих, доме и матраце, заключается действительно нечто равное; и это нечто есть — человеческий труд. Но Аристотель не мог усмотреть в форме стойности товаров того обстоятельства, что в них все виды труда считаются одним и тем же человеческим тру-

дом и потому выражены как равнозначение, потому что греческое общество основывалось на труде рабов и, следовательно, имело своим естественным базисом неравенство людей и их труда. Можно проникнуть в тайну выражения стойности — равенство и равное значение всех видов труда настолько, насколько они представляют человеческий труд вообще — только тогда, когда идея равенства людей обладает прочностью народного обычая. Но это возможно только в таком обществе, в котором товарная форма есть общая форма продукта труда и, следовательно, отношения людей друг к другу, как товаровладельцев, есть господствующее социальное отношение. Гений Аристотеля в том и виден, что он выражает и стойность товаров открывает отношение равенства. Только исторические рамки общества, в котором он жил, мешают ему найти, в чем состоит «в действительности» это отношение равенства»³⁾.

Рикардо по сравнению с Аристотелем находился в значительно более благоприятных условиях для нахождения формы стойности, так как в буржуазном обществе, идеологом которого он являлся, «товарная форма есть общая форма продукта труда и, следовательно, отношения людей друг к другу, как товаровладельцев, есть господствующее социальное отношение». Рикардо для Рикардо оказалась классовая буржуазного бытия, ограничившая его познавательный кругозор, отвлекавшая его от формы стойности, которой буржуазный способ производства характеризуется, «как особенный вид общественного способа производства, а тем самым характеризуется исторически». Форма стойности выражает историческую ограниченность буржуазной организации труда, познание которой становится возможным при наличии исторического способа познания, рассматривающего действительность в ее возникновении и исчезновении, становится возможной при наличии диалектической философии. Но Рикардо, которому диалектика, как высшая форма исторического познания, осталась чуждой, и своим способом познания распознать только содержание стойности, оставив в стороне ее форму, которой это содержание характеризуется исторически.

Гегель в своем понимании формы выявил свою глубокую проницательность, которую отметил Плеханов. Гегель под формой понимал определенное строение содержания, формирующую его закономерность. «Материя, — говорит Гегель, — как по своему определению безразличное, есть пассивная, в противоположность форме, как деятельности. Последняя, как относящаяся к себе отрицательное, есть противоречие внутри себя самого, разлагающееся, отталкивающее себя от себя и определяющее»⁴⁾. Форма не безразлична к содержанию, ибо в таком понимании она есть «несущественное, неудержимо исчезающее определение рефлексии», но представляет в отношении к этому содержанию его определяющее начало, начало деятельности, определения, инициативы. «Что форма определяет сущность — это значит, стало быть, что форма в своем различии сама снимает это различие и есть тождество с собой, которое есть сущность, как устойчивость определения; форма есть противоречие, состоящее в том, что она снимается в своем положении и сохраняет устойчивость в этом снятии и потому есть основание, как тождественное себе в своем определении и отрицании сущности»⁵⁾. Форма для Гегеля представляет наполненную историческим содержанием сущность, начало ее конкретизации и исторического своеобразия, отрицательное тождество, тождество противоположностей. «Взятое отвлеченно, это тождество

¹⁾ Гегель, Наука логики, ч. 1, стр. 237.

²⁾ Капитал, т. I, стр. 36.

³⁾ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 667—668.

⁴⁾ Гегель, Наука логики, ч. 1, кн. 2, стр. 51—52.

⁵⁾ Там же, стр. 50.

есть сущность в противоположность форме, так же, как взятая отвлеченно отрицательность есть положение, отдельное определение формы¹⁾.

История интерпретации стоимости дает примеры непонимания единства формы и содержания, уклонений в одну или другую сторону, дающих в результате одностороннее решение проблемы. Некоторые представляли дело таким образом, что содержание стоимости — труд — рождается ее формой, в то время как в действительности трудовое содержание принимает на определенной ступени своего исторического развития определенную вещественную форму, приобретает выражение стоимости, которая и есть определенный способ выражения труда. Маркс поэтому говорил о реставрированной меркантильной системе, «которая видит в стоимости только общественную форму или, вернее, ее призрак, лишенный субстанции»²⁾. Маркс настаивает на единстве формы и содержания, подчеркивает нераздельность формы стоимости от ее трудовой субстанции. Последняя представляется в последнем счете закон, пропорционального распределения труда, закон природы, и необходимость такого распределения диктуется человеку естественной же необходимостью, независящей от какой-либо общественной формы. Но труд людей, необходимый и естественный, принимает в различных формах различные формы, которые не только не лишаются своего трудового содержания, но представляют его различные выражения, ибо, говорит Маркс, «когда люди работают каким-либо образом один для другого, их труд приобретает также общественную форму»³⁾. Маркс указывал на органическое единство между субстанцией, величиной и формой стоимости, указывал на нераздельность этих трех моментов в категории стоимости. Иначе быть не может, если исходить из положения, что трудовая сущность меняет свою форму сообразно высоте исторического развития производителей. Сущность без формы представляет одностороннюю абстракцию, характерную для механического способа познания, приводившего классиков-экономистов к ограничению категории стоимости ее трудовой субстанцией, оторванной от формы, которая делает ее меновой стоимостью. Односторонность классической экономии не оправдывает другой односторонности, которая выражается в бессодержательной форме, так как в действительности форма вытекает из содержания, выражает его историческое начало. «Самое важное состоит, сднако,—говорит Маркс,—в открытии внутренней необходимой связи между формою, субстанцией и величиной стоимости или, выражая идеалистическим языком, в доказательстве того, что форма стоимости вытекает из понятия стоимости»⁴⁾. Обмен, как единственная форма трудовой связи людей в товарно-капиталистическом обществе, выражает определенную двойственность труда, определенную противоречивость его на данной исторической стадии, отличающую его от труда организованных общественных формаций. Действительно, безразличный человеческий труд, человеческий труд вообще, в организованных обществах существует, как свойство конкретного труда, выступающего в непосредственно общественной форме. Совершенно иначе обстоит дело в капиталистическом обществе, где конкретный труд становится общественным только в результате определенного противоречивого превращения, именно, превращения в свою собственную противоположность — абстрактно-всеобщий труд. Своебразная двойственность труда в товарно-капиталистическом обществе, присущая ему своеобразная противоречивость, затрудняет его понимание, делает его недоступным для непосредственного познания. Представляя в организованных обще-

ствах свойство или форму проявления конкретного труда, безразличный человеческий труд, напротив, представляет в капиталистическом обществе сущность конкретного труда, социальную сущность конкретно трудовых актов, становясь в этом виде абстрактно-всеобщим трудом, что совершенно переворачивает взаимоотношение между безразличным трудом, трудом вообще, и конкретным трудом, выражает его в совершенно противоположной форме. «В пределах отношения стоимостей и заключенного в нем выражения стоимости,—говорит Маркс,—абстрактно-всеобщее не имеет значения свойства, принадлежащего конкретному, чувственно-действительному, из, наоборот, чувственно-конкретное имеет значение только формы проявления или определенной формы осуществления абстрактно-всеобщего. Труд портного, овеществленный, например, в эквиваленте сортук, не обладает в выражении стоимости холста общим свойством быть также человеческим трудом самим по себе. Напротив того: быть человеческим трудом составляет его сущность, а быть трудом портного составляет только форму проявления или определенную форму осуществления этой ее сущности. Это quid pro quo неизбежно, потому что труд, представленный в его продукте, только тогда образует стоимость, когда он есть безразличный человеческий труд, так что труд, овеществленный в стоимости одного продукта, вовсе не отличается от труда, овеществленного в стоимости продукта другого рода. Эта перетасовка, вследствие которой чувственно-конкретное получает значение только формы проявления абстрактно-всеобщего вместо того, чтобы абстрактно-всеобщему быть свойством конкретного, характеризует выражение стоимости. Она делает в то же время понимание затруднительным»⁵⁾. Странная перетасовка, претерпеваемая во взаимоотношении между человеческим трудом вообще и конкретным трудом в товарно-капиталистическом обществе, выражается в обратном перемещении их противоположностей в качестве нового единства. Единство противоположностей есть самодвижущееся единство, диалектически развивающийся процесс, который также имманентен развитию труда, протекающему в противоречиях. Единство труда вообще и конкретного труда есть единство противоположностей, претерпевающее в своем историческом развитии своеобразные превращения, выражением которых является также существование абстрактного труда в качестве сущности конкретного в капиталистическом обществе.

Диалектическое понимание единства формы и сущности в развитии труда, как единства противоположностей, правильное философское осмысление этой проблемы ведет к преодолению ее односторонних решений, неизбежных на почве механического миропонимания.

Конкретный труд, являющийся в организованных обществах социальной сущностью своего проявления—безразличного человеческого труда, не встречает необходимости со стороны своих субъективных агентов в практической фиксации своего проявления или свойства. Перетасовка, происходящая в товарно-капиталистической системе, выражается в переходе этого свойства конкретного труда в его сущность, который оказывается в приобретаемом безразличным человеческим трудом значении реализатора социальной значимости конкретного труда, получающего такую значимость только с превращением в собственную противоположность. Подобное перемещение имманентных полюсов труда связано с атомизированием общественно-производственного процесса, характерным для капитализма.

Абстрактный труд в связи с такой ролью сущности конкретного труда имеет роль экономического гегемона и практического регулятора

¹⁾ Там же, стр. 50.

²⁾ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 29.

³⁾ Там же, стр. 29.

⁴⁾ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 28.

⁵⁾ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 667, изд. 1-е.

стихийного производственного процесса. Маркс поэтому говорил, что человеческий труд вообще, который всегда существовал в качестве древнейшего для всех общественных форм значимого отношения, становится практической истиной только в товарно-капиталистическом обществе, где именно абстрактно-всеобщий труд в форме выражющего его отношения стоимости является социально связующим звеном в конкретном многообразии труда. «Труд,—говорит Маркс,—это совсем простая категория, столь же древним является представление о нем в этой всеобщности, как труда вообще. Однако экономически «труд», взятый в этой простейшей форме, есть столь же современная категория, как и отношение, которое порождает эту простую абстракцию... Безразличное отношение к какому-нибудь определенному отношению труда соответствует общественной форме, при которой индивиды с легкостью переходят от одного вида труда к другому и при которой какой-либо определенный труд является случайным и потому безразличным. Здесь труд вообще, не только в категории, но и в действительности, стал средством создания богатства вообще и утратил свою связь с определенным индивидом. Такое состояние достигло наибольшего развития в совремнейшей из форм буржуазного общества в Соед. Штатах. Здесь, таким образом, абстрактная категория «труд», труда вообще, труда sans phrase, этот исходный пункт современной экономической науки становится впервые практической истиной. Следовательно, простейшая абстракция, которую современная экономия ставит во главу угла и которая выражает древнейшее, для всех общественных форм, значимое отношение, становится в этой абстракции практически истинным только как категория современного общества... Этот пример труда убедительно доказывает, что даже самые простейшие категории, несмотря на то, что благодаря их отвлеченности они применимы ко всем эпохам, в самой определенности этой абстракции является не в меньшей мере продуктом исторических условий и обладает формой значимости только для этих условий и внутри их»¹⁾. Человеческий труд вообще, следовательно, является исторической категорией, благодаря особой форме абстрактного труда, которую он приносит в товарно-капиталистической системе, как социальная сущность конкретно-трудовых актов, преодолевающих по мере своего приобщения к этой сущности свой атомизм и «отчужденность» от общественного процесса.

Исходя из указанных положений, нужно признать правильною точку зрения Рубина на абстрактный труд, как социально-историческую категорию, связанную с особенностями товарно-капиталистического хозяйства. «Понятие абстрактного труда выражает особенности социальной организации труда в товарно-капиталистическом обществе»²⁾. Всякие попытки свести понятие абстрактного труда при капитализме к физиологической работе без учета его социальной формы³⁾ составляют в лучшем случае возврат к точке зрения классической экономии, которая исследовала в лице Рикардо «физиологию буржуазной системы», и означает отход от Маркса, который исследовал диалектику буржуазного общества. Маркс, придававший огромное значение форме, понимаемой в Гегелевском смысле, подошел к содержанию капитализма под углом зрения его специфической формы, которая бросила яркий свет на своеобразие его категорий. Но диалектическое понимание формы совершенно недоступно эклектическому мышлению: «Как раз то,—говорит Гильфердинг,—что нашей теперешней теории познания кажется шагом назад, представляло с исторической точки зрения огромный прогресс: если Кант сосредоточил постановку вопроса на формах познания и тем самым отвлек свое исследование от всякого содержания познания, то Гегель видел свою задачу именно в доказательстве необходимости содержания всякого опыта»

¹⁾ К. Маркс, Введение к Критике полит. экономии, стр. 28.

²⁾ И. Рубин, Очерки по теории стоимости, стр. 156, изд. 3-е.

³⁾ См. подобные попытки у Коня, Дашковского и др.

доказательстве, которое было найдено в идентичности становления опыта с саморазвитием понятия»¹⁾. Судя по словам Гильфердинга, Гегель совершенно не касался формы, обращал исключительное внимание на содержание познания, в то время когда Кант сосредоточивал свое внимание только на форме. Гильфердинг совершенно не различает понимание формы у Канта и Гегеля, ибо в действительности подлинное понимание формы принадлежит именно Гегелю.

Гегель находит, что равнодушие формы к содержанию свидетельствует не о бесформенности содержания, но о недостаточности его формы: «Мы находим также, однако,—говорит Гегель далее,—что форма бывает равнодушной к содержанию, как к внешнему существованию, и это бывает только потому, что явление вообще еще не вполне чуждо внешности. Возьмем, например, книгу: для ее содержания, конечно, безразлично, написана она или напечатана, переплетена она в папку или сафьян. Но это отнюдь не значит, что, отвлекаясь от такой внешней и безразличной формы, само содержание книги бесформенно. Существует, разумеется, много книг, которые справедливо можно назвать бесформенными также и со стороны их содержания. Под этим выражением в применении к содержанию книги следует понимать не отсутствие всякой формы, а лишь отсутствие надлежащей формы. Но эта форма так мало безразлична для содержания, что она скорее составляет собой сакю ее содержание»²⁾.

Кант оторвал форму от содержания, почему не только не в состоянии был решить проблемы познания, но лишил себя возможности такого решения, невозможного при наличии такого разрыва. Гегель восстал против пустых форм, выдвигая необходимость содержательных форм, связанных нераздельно с содержанием. «Ибо, как простые формы, как отличные от содержания, они получают определение, делающее их конечными и неспособнымихватить истину, которая бесконечна в себе. Если истинное в каком-либо отношении и сочетается снова с ограниченностью и конечностью, то это есть сторона его отрицания, его неистинности и недействительности, именно его конца, а не его утверждения, по коему оно есть истинное. Перед пустотой просто формальных категорий инстинкт здравого разума чувствует себя в конце концов столь сильным, что он презрительно оставляет и их познание на долю школьной логики и метафизики, пренебрегая вместе с тем той ценностью, которую представляет собой сознание этих нитей само для себя, и не сознавая того, что, ограничиваясь инстинктивным действием природной логики, а тем более рефлективно отбрасывая значение самых мыслительных форм, оно отдает себя на служение неочищенного, а потому несвободного мышления»³⁾.

Кант сосредоточил свое внимание на формах мышления, которые получили исключительно субъективный характер. Кант эти формы трактовал формально, ибо его философия «не рассматривала эти формы в себе и для себя по их своеобразному содержанию, а приняла их лемматически, из субъективной логики: таким образом, не поднималось и речи об их выводе из них самих или о выводе их как субъективно-логических форм, а еще менее об их диалектическом рассмотрении». Относительно содержания, отсутствующего в логических формах, Гегель замечает, что именно это содержание есть «прочная основа и конкретность этих отвлеченных определений». Гильфердинг, связывающий только с Кантом внимание к формам мышления, совершенно ошибается, так как подлинное понимание формы дано Гегелем, который впервые дал понятие содержательной формы. Энгельс поэтому видит ориги-

¹⁾ Основные проблемы полит. экономии, стр. 176.

²⁾ Гегель, Энциклопедия, т. I, § 133, стр. 224—225.

³⁾ Гегель. Наука логики, т. I, стр. XXXII.

нальность Гегеля в исследовании соответствия мышления бытию со стороны его формы, которая выражает своеобразие содержания и его историческую определенность в полноте присущих ей особенностей.

Непонимание диалектики и ее основного закона — единства противоположностей — влечет у Гильфердинга путаницу в его трактовке вопроса о двойственном характере товара и о деньгах. «Товар, — говорит Гильфердинг, — таким образом, это — экономическое выражение, т.е. это выражение общественных отношений, независимых друг от друга производителей, поскольку связи между ними поддерживается обменом благ. Противоположность определений товара, как потребительной ценности и ценности, противоположность натуральной и ценностной формы, выступает теперь перед нами как противоположность самого товара, поскольку он, с одной стороны, является единственной вещью, а с другой стороны, — общественной вещью. Здесь таким образом мы действительно имеем дело с дилеммой, когда один член исключает другой, и наоборот. Однако это лишь противоречие способов рассмотрения. Товар есть единство потребительной ценности и ценности и только лишь способ рассмотрения является двояким»¹⁾. Гильфердинг говорит ясно, что дилемма товара есть лишь мысленное противоречие, противоречие способов рассмотрения. Единство товара противостоит у Гильфердинга двоякому способу его рассмотрения, который один может быть противоречив. Гильфердингова трактовка ведет прямой дорогой к философии Канта, которая допускала противоречие только в рефлексии, но исключала его из об'ективной действительности, где противоречивое немыслимо и невозможно. Товар есть единство, следовательно, и не может быть противоречием, которое имеет место только в способе рассмотрения, является лишь мысленно. Маркс меньше всего повинен в таком толковании, ибо в его трактовке двойственность товара об'ективна и существует в действительности, почему получает определенное логическое выражение. «Товар с самого появления своего на свет есть вещь двойственная: потребительная стоимость и стоимость, продукт погодного труда и абстрактное отвердение труда»²⁾. Товар для Маркса есть противоречие в действительности. Не ясно ли, что способ рассмотрения может только отражать бытие, являясь истинным по мере его верного отражения. Товар, единство противоположностей, Гильфердингом экспрессивно рассекается, превращается в единство для действительности и в противоречие для мышления. Отрыв познания от бытия просвечивает в данном толковании полной ясностью, показывая, что погрешности в сфере методологии не остаются безнаказанными для понимания действительности. Неверная теория денег у Гильфердинга есть прямой результат такого приписывания двойственности товара только мысленного характера. Необходимость денег не отделима от об'ективной двойственности товара, обуславливающей эту необходимость. Именно потому, что товар есть вещь двойственная, он должен удвоить свою форму, чтобы эту двойственность выразить. «Формой потребительной стоимости он обладает по своей природе: это его натуральная форма. Форму стоимости приобретает он только при общении с другими товарами. Но форма его стоимости опять-таки должна быть предметной формой. Единственной предметной формой товаров есть их потребительная форма, натуральная форма. Так как естественная форма товара, например холста, есть прямая противоположность форме его стоимости, то он должен сделать своей формой стоимости другую натуральную форму, натуральную форму другого товара. Что не может сделать он для себя непосредственно, то он может сделать непосредственно для другого товара, а потому косвен-

¹⁾ Гильфердинг, Бем-Баверк как критик Маркса, стр. 9.

²⁾ Капитал, т. I, стр. 16.

ним путем и для самого себя. Он не может выразить свою стоимость в своем собственном теле или в своей собственной потребительной стоимости, но он может относиться к другой потребительной стоимости или к другому телу товара, как к непосредственному бытию стоимости. Он не может относиться к содержащемуся в нем самом конкретному труду, как к простой форме проявления абстрактного человеческого труда, но может относиться таким образом к труду, заключенному в товаре другого рода. Для этого нужно только приправить к нему другой товар, как эквивалент»³⁾. Словом, необходимость денег вытекает из об'ективной двойственности товара, вытекает из необходимости для последнего удвоить свою форму, выразить форму своей стоимости в натуральной форме другого товара, т.е. деньгах.

Необходимость превращения товара в деньги в анализе Маркса становится понятной только на фоне присущей ему диалектики. Маркс ведет свою интерпретацию, исходя из внутренней противоречивости товара, как ариадиной нити и в выведении и дедукции всего многообразия экономических категорий капитализма. «Деньги составляют необходимый продукт нового процесса товара. Внутреннее противоречие товара является следствием того, что товар составляет непосредственное единство потребительной и меновой стоимости, так как он в одно и то же время — продукт погодного частного труда, составляющего лишь отдельный член самопроизвольной системы полезных работ или разделения труда, — и непосредственно — общественное овеществление абстрактного человеческого труда; это противоречие не прекращается и не успокаивается до тех пор, пока оно не превратится в удвоение товара — в товар и деньги, следовательно, поскольку совершается превращение произведенний труда в товары, поскольку совершается и превращение товаров в деньги»⁴⁾. Категория денег рассматривается Марксом в свете проникающего ее противоречия, беспокойство которого, торчащееся в противоречии потребительной и меновой стоимости, успокаивается и разрешается в деньгах. Перенесение этого противоречия из сферы действительности только в сферу мышления способно только извратить и затемнить методологическую установку Маркса, что одновременно совпадает с извращением за кон о в самой экономической действительности, ибо «удвоенное существование товара в виде товара и денег есть за кон выражения продукта, являющегося товаром»⁵⁾. Подобный закон, однако, совершенно выпадает из Гильфердинговой трактовки противоречия товара, которое во славу Кантовой философии переносится только в рефлексию.

IV.

Единство без противоположностей есть основная категория антидиалектического мышления, которая особенно резко выступает в экономической системе Рикардо, представляющей законченное выражение механического понимания капитализма.

Возьмем вопрос о кризисах. «Чтобы производить «производительно», — говорит Маркс, — нужно производить так, чтобы масса производителей была искрочена из части спроса на продукт; необходимо производить в противоположность классу, потребление которого не соответствует его производству — так как именно в разнице между его производством и его потреблением состоит прибыль капиталиста. С другой стороны, необходимо производить для классов, которые потребляют и не производят... И в то время как, с одной стороны, предполагаются все эти противоречия, с другой стороны, принимается, что производство совершается без всякого трения, так, как

³⁾ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 16—17.

⁴⁾ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 39.

⁵⁾ К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 328.

если бы этих противоречий не существовало. Купля и продажа, товар и деньги, потребительная ценность и меновая ценность разделены. Предполагается наоборот, что имеется не разделение, а меновая торговля. Потребление и производство разделены; существуют производители, которые не потребляют столько, сколько они производят, и потребители, которые не производят. Но принимается, что потребление и производство тождественны. Капиталист производит непосредственно для того, чтобы увеличить свою прибыль, ради меновой ценности, а не для потребления. Предполагается, что он производит непосредственно и для своего потребления. Если предположить, что существующие в буржуазном производстве противоречия, которые во всяком случае выравниваются, но процесс выравнивания выступает в то же время, как кризис, как насильтственное соединение разрозненных, равнодушно противостоящих друг к другу и все же связанных моментов — не существуют, то эти противоречия естественно не могут проявляться. Каждая отрасль промышленности, каждый отдельный капиталист производит соответственно своему капиталу, не считаясь с потребностями общества, не считаясь также и с конкурирующим предложением капиталов в той же отрасли промышленности. Предполагается, что он производит так, как если бы он производил по заказу общества¹⁾. Подобное механическое отождествление различных категорий капитализма, различие и противоречивость которых отброшены, слгаживает и устраивает его антагонистичность и возводит его категории в вечные и естественные. Но отрицание противоречий в капиталистическом обществе и отражающих его экономических категориях ведет необходимо к отрицанию процесса выравнивания и насильтственного соединения этих противоречий, ведет к отрицанию кризисов. Действительно, отрицание со стороны Рикардо всеобщих кризисов не случайно, а методически предопределено его способом познания, который в качестве механического способа познания ведет к упразднению противоречий, какие бы формы они ни принимали в действительности. Отрицание кризисов является высшим продуктом методологии Рикардо, получившей свое выражение в его политической экономии. Возражения против кризисов со стороны Рикардо упираются с самого начала в его методологическую установку, согласно которой, во-первых, игнорируется качество данного бытия, во-вторых, отбрасываются его характерные противоречия, которые заменяются безразличным и механическим тождеством, исключающим различия и противоположности. Возражая против всеобщего перепроизводства, основного условия кризисов, Рикардо строит свои возражения, исходя из непосредственного единства вида и вида, исключающего буржуазного производства, согласно которому оно «как бы по плану распределяет свои средства производства и производительные силы соответственно тому, насколько они нужны для удовлетворения его различных потребностей», так что «на каждую сферу производства приходится часть общественного капитала, требуемая для удовлетворения потребности, которой она соответствует»²⁾. Называя такое понимание фикцией, Маркс связывает его с неспособностью понять специфическую форму буржуазного производства, имеющей свою аналогию в сфере религии, приверженцы которой считают лишь свою религию правильной и неправильными все остальные.

Исследование капиталистического общества под углом его специфических противоречий неизбежно ставит следующую проблему: как на основе капиталистического производства, где каждый работает индивидуально и особым трудом должен принять форму собственной противоположности — абстрактно-всеобщего и общественного труда, — «как на этой именно основе

возможно необходимое уравнение и связь различных сфер производства, установление соразмерности и пропорции между ними иначе, нежели постоянным уничтожением постоянной дисгармонии», ставит проблему необходимости кризисов, которая, замечает Маркс, предполагается уже в рассуждениях об уравнении при конкуренции, ибо уравнение предполагает объект уравнения, гармонию лишь в результате движения, «выражающегося в уничтожении существующей дисгармонии»¹⁾.

Возражая против отрицания кризисов при капитализме, Маркс с особой заостренностью выпичивает категорию единства, противоположностей — сосредоточивает убийственный полемический огонь против непонимания этой категории. Маркс, например, определяет кризис как «реальное соединение и насильтственное уравнение всех противоречий буржуазной экономики». Мировые кризисы представляют максимальное по своей яркости и катастрофичности выражение противоречий капитализма. Но механическое мышление, ведущее к экономической апологетике, упраздняя специфические противоречия действительности, извращает об'ект исследования и «вопреки существующим противоречиям настаивает на единстве». «Если, например, — говорит Маркс, — купля и продажа или движение метаморфоза товаров представляет единство двух процессов, или, вернее, один процесс, проходящий через две противоположные фазы, если оно, следовательно, представляет в сущности единство обеих фаз, то в этом движении выражается также в сущности разделение этих фаз, ставших самостоятельными по отношению друг к другу. Но так как они связаны между собою, то самостоятельность связанных друг с другом моментов может проявляться лишь насильтственno, как разрушающий процесс. Именно в кризисах проявляется их единство, единство различий. Самостоятельность, которую приобретают связанные друг с другом и дополняющие друг друга моменты, насильтственно уничтожаются. Кризис обнаруживает, следовательно, единство ставших самостоятельными по отношению друг к другу моментов. Без этого внутреннего единства повидимому безразличных друг к другу моментов не было бы кризиса. Но нет, — говорит экономист-апологет. — Так как имеется единство, то не может быть никакого кризиса, что опять-таки означает лишь то, что единство противоположных моментов исключает противоположность»²⁾.

Единство противоположных моментов, согласно экономической апологетике, исключает противоположность. Кризис есть «реальное соединение и насильтственное уравнение всех противоречий буржуазной экономики», является единством противоположностей, выраженным в катастрофической форме. Но единство в глазах апологетов есть только единство без противоположностей, ибо отрицательное единство невозможно в действительности. Логика апологетики доводит до апогея механическую методологию, когда во имя единства без противоположностей отрицает кризис — катастрофическое выражение такого противоречивого единства в действительности.

Возражая против перепроизводства, Рикардо базируется на такой методологии, предопределяющей невозможность кризиса, ибо она уничтожает характерные противоречия капиталистического способа производства, которые получают свое выражение в кризисах, ведет к гармонизации капитализма путем отрицания присущих ему противоречий уже в товарной форме продукта и первичных предпосылках капиталистического производства. Положение, что продукты обмениваются на продукты в товарно-капиталистическом обществе, заменяет товар продуктом, меновую стоимость потреби-

¹⁾ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 101—102.
²⁾ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, стр. 195.

¹⁾ Там же, стр. 195.
²⁾ Там же, стр. 173.

тельной, ликвидирует противоречивые основы капитализма уже в его элементарной форме—товаре, — заключающем в зародыше все противоречия капитализма и кризисы — выражение этих противоречий. Что же собственно получается, когда вместо товара выступает продукт, и специфическая особенность товарно-капиталистического общества заменяется безразличным продуктом, годным для всех времен. Упраздняется мера исследуемой действительности, мера капитализма, которая лишается всякого реального содержания, нераздельного от его специфических противоречий.

Однако мера капитализма дает законченное представление о его действительности. «Мера,—говорит Гегель,—как единство качества и количества есть, следовательно, вместе с тем завершенное бытие. Когда мы говорим о бытии, оно представляется чем-то совершенно абстрактным и лишенным определения. Но бытие по существу состоит в самоопределении и своей завершенной определенности бытие достигает в мере»¹⁾.

Превращение товара в продукт методологически диктуется непониманием единства противоположностей, ибо в таком превращении, во-первых, товар, в котором имеется противоположность меновой и потребительной стоимости, превращается в продукт (потребительную ценность), а потому и обмен товаров превращается просто в меновую торговлю продуктами, только потребительными ценностями». Подобное отождествление товара с продукта, отбрасывающее различие последних, делает свое дело, ведь к отрицанию острейших явлений капитализма — мировых кризисов, которые отрицаются путем отрицания первого условия капиталистического производства, «именно, что продукт должен быть товаром, что он должен быть поэтому представлен в деньгах и проделать процесс метаморфоза»²⁾. Непонимание клеточки капитализма прямым путем ведет к непониманию всех остальных экономических категорий капитализма, коренящихся в этой клеточке, — категорий денег, заработной платы, капитала, которые гармонизируются, дают в результате картину идеалистически согласованной системы капитализма, которой присуще одно только единство. Иначе и быть не может, когда вместо раскрытия внутренних противоречий капитализма, существующих под маской экономических категорий, притупляется всякий след такой противоречивости, уступающей место метафизическому равновесию системы, где, например, заработка плата оказывается платой за «услуги», которая получается от труда, взятого вне его исторически определенной функции и скрывающегося от него.

«Вместо того,—говорит Маркс,—что говорится о заработной плате, говорится об «услугах»—слово, в котором опять-таки исключена специфическая определенность наемного труда и его назначение—именно, увеличение ценности товаров, на которые он обменивается, создание прибавочной стоимости, таким образом, исключено то специфическое отношение, благодаря которому деньги и товар превращаются в капитал. Услуга есть труд, рассматриваемый лишь, как потребительная ценность (второстепенная вещь в капиталистическом производстве) совершение так же, как в слове «продукт», скрыта сущность товара и заключенного в нем противоречия. Деньги тогда вполне последовательно рассматриваются как простое орудие обмена продуктов, а не как существенная и необходимая форма существования товара, который должен быть представлен в виде меновой ценности, среднего общественного труда. Так как превращение товара только в потребительную ценность (продукт) устраивает сущность меновой ценности, то легко также или—вернее—необходимо также отрицать деньги, как существенную форму товара, как такую форму, которая в процессе метаморфоза является самостоятельной по отношению к первоначальной

форме товара. Здесь, следовательно, кризисы устраняются путем разворачивания таким образом, что забывают или отрицают первые предпосылки капиталистического производства: существование продукта, как товара, разделение товара в товар и деньги, вытекающие отсюда моменты разделения в товарном обмене, наконец, отношение денег или товаров к заработной плате³⁾. Таким образом, лишение элементарной основы капитализма его противоречивой сущности влечет метафизическое оскопление в ее системе капитализма, представляющей в своей совокупности развитие и разворачивание заключенных в этой клеточке противоречий.

Механическое мышление удерживает противоречия одно возле другого без взаимного соприкосновения. Но капиталистическое производство представляет именно единство противоположностей, проникающее все его явления, начиная с элементарной клеточки и кончая потрясающими его кризисами. Рикардо, который изучал противоречия капитализма внешне друг к другу, оставался беспомощным перед лицом его внутренних процессов, представляющих в иже ся в противоположностях единство.

Маркс, приступив к анализу капитализма, начал от вскрытия в его простейшей клеточке зародыша всех присущих ему противоречий, дав пример диалектического познания. Ленин говорит об этом превосходно в его характеристике Маркса способа познания, примененного в основной работе Маркса. «У Маркса в «Капитале»,—говорит Ленин,—сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллионы раз встречающееся отношение буржуазного общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой клеточке буржуазного общества) все противоречия (зародыш всех противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост движения) этих противоречий, этого общества, его основных частей от начала до его конца. Таков же должен быть метод изложения (изучения) диалектики вообще, ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть чистый случай диалектики вообще. Начинать с самого простого, обычного, массовидного, предложения любого: листья дерева зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака. Уже здесь, как гениально заметил Гегель, есть диалектика: отдельное есть общее»⁴⁾. Ленин в приведенных словах с замечательной ясностью указывает на решающую роль диалектики в Марковской экономике, которая начинает от вскрытия в простейшей клеточке капитализма зародыша имманентно присущих ему противоречий, Ленин в указанных словах подтверждает правильность положения, что проблема теоретической экономии была для Маркса одновременно философской проблемой. Стоит только видеть в товаре продукт в условиях капитализма, упустить диалектику этой первичной клеточки капитализма, чтобы последний «превратился» в «систему метафизического равновесия». Рикардо видел, конечно, противоречия капитализма, которые из источника его самодвижения обращались в его анализе в источник егоувековечения. Диалектическая же философия, видящая в противоречии корень движения и деятельности, видит в противоречиях капитализма и кризисах—острейшем выражении этих противоречий—источник его неизбежной гибели.

V.

Метод Рикардо был механический. Основная особенность этого метода выражается в ориентации на количественную сторону бытия, смазывающую его характерные противоречия. Маркс называет метод Рикардо аналитическим, заключающимся в сведении многообразных форм к одному обще-

¹⁾ Гегель, Энциклопедия, т. I, § 107, стр. 185.

²⁾ К. Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. II, ч. 2, стр. 173.

³⁾ Там же, стр. 173—174.

⁴⁾ Ленин, К вопросу о диалектике.

му и тождественному началу, оторванному от своего многообразия. Анализ без синтеза есть одностороннее выражение основной предпосылки механического мышления—единства без противоположностей, которая лежит в основании мышления классиков. «Она (классическая экономия) заинтересована не в том, чтобы генетически развить различные формы, а в том, чтобы путем анализа свести их к их единству, так как она исходит из них как из данных предпосылок. Но анализ является необходимой предпосылкой генетического изложения понимания действительного процесса развития в его различных фазах»¹⁾. Диалектическая философия преодолевает одностороннее аналитическое мышление, переходя от аналитического к синтетическому, вернее представляя единство анализа и синтеза. Переход от общего к различному об'единяет анализ и синтез. Преодоление метафизической экономии выразилось у Маркса также в преодолении ее односторонне аналитического подхода, отрывающего многообразие форм от его единого источника.

Трудовая теория стоимости в ее аналитическом выражении у классиков не дает полной истины, а одностороннее ее выражение, которое рождается поэтому у дальнейших буржуазных экономистов в вульгаризации категорий, ибо в таком выражении теория стоимости не представляет познания в качестве движения вперед и развития, но представляет «повторение одного первоначального действия анализа, именно, повторное определение того, что уже принято в отвлеченную форму понятия, как чего-то конкретного, а затем его анализ, а потом снова определение вытекающего из него отвлеченного, как конкретного», и т. д.²⁾. Положение Гегеля совершенно правильно и замечательно иллюстрирует методологию классической экономии, которая повторяет определение стоимости рабочим временем в многообразных категориях капиталистической экономии, например, категориях цены производства, всеобщей нормы прибыли, которые признаются в своей данности соответствующими этому определению без всякого посредования, словом, повторяют исходное положение, в то время когда его нужно развивать, ибо только в таком развитии он конкретизируется и выступает в своих различных формах. Констатование же соответствия данных форм исходному пункту означает только его повторение в указанных формах, которые по существу остаются чуждыми. Таким образом, развитие познания вырождается в повторение, замыкающее путь к увязке основного принципа с его многообразными разветвлениями и различиями. «Грубость понимания и бедность идей в том и заключаются, что явления, органически между собою связанные, ставятся в случайное взаимоотношение и соединяются чисто-рассудочным путем»³⁾. Конкретные, т.-е. многообразные, формы общего принципа оказываются при аналитическом мышлении только отвлечением, вернее повторением отвлеченностей. Переход к другому совершается в аналитическом познании не познавательным путем, является не произведением познания, а выражается в случайному соединении, производном рассудочным путем, который констатирует лишь готовые отношения, представляющиеся на поверхности. «Если предмет определяется, как целое, то, конечно, отсюда совершается переход к другому определению, части, от причины, к другому определению, действию и т. д. Но здесь нет движения вперед, так как целое и часть, причина и действие суть отношення и я и притом для этого формального познания столь готовые отношения, что одно определение преднаходит ся, как существенно связанное с другим. Предмет, определяемый, как причина или как часть, тем самым определяется уже всем отношением, уже обеими его сторонами. Хотя бы это

связь в себе была чем-то синтетическим, все же она для аналитического познания есть также лишь нечто данное, как всякая другая связь его материи, и поэтому не есть его собственное произведение⁴⁾. Гегель считает, что высший результат такого аналитического познания есть «отвлеченная общность или отвлеченное субъективное тождество и—в противоположность ему—различие». Гегель видит руководящий принцип такого мышления «в имманентности аналитического тождества, которое является в различии, как равенство».

Подобный принцип, который особенно выступает в односторонне-количественном понимании вещей, сводящем всякое разнообразие к количественной однозначности, составляет один из принципов механического мышления, который наглядно демонстрируется в экономической системе Рикардо. Установив трудовую субстанцию стоимости, Рикардо исследовал уже только ее количественные определения и отношения, которыми слаживались все ее многообразные формы, доказывал то же самое источников различных форм, равенство в различии. Классическая экономия растворяла своим анализом многообразие экономических категорий в одной тождественной форме. «Она хочет принять внутреннюю связь в отличие от многообразия форм проявления. Она сводит поэтому ренту к сверхприбыли, вследствие чего рента перестает быть особой, самостоительной формой и отделяется от своего мнимого источника—земли. Она срывает также с процента его самостоятельную форму и доказывает, что он является частью прибыли. Таким образом она свела все формы дохода и все самостоятельные формы, титулы, под которыми не рабочий получает часть ценности товаров, к одной форме прибыли. Но последняя сводится к прибавочной стоимости, так как ценность всего товара сводится к труду; оплаченное количество заработанного в нем труда сводится к заработной плате, следовательно, излишек труда этого к неоплаченному труду, к присвоенному под различными названиями, но обусловленному капиталом прибавочному труду. Классическая экономия в этом анализе иногда впадает в противоречие; часто она пытается непосредственно, без посредствующих звеньев, все это свести к единству и доказать тождество источников различных форм. Но это необходимо вытекает из ее аналитического метода, с чего должна начинать критика и объяснение⁵⁾. Аналитическое мышление упраздняет многообразие форм, которое оно сводит к одному тождественному источнику. Различие форм оно в лучшем случае не прибавляет к указанному источнику, который оказывается во внешней связи со своими формами. Рикардо, например, предполагал равную норму прибыли для различных капиталов одинаковой величины, несмотря на внутреннее противоречие такого предположения его исходному пункту. Наличие средней нормы прибыли получило у Рикардо значение внешней прибавки к его исходному пункту, так как организмы этот исходный пункт не увязан в его системе с всеобщей нормой прибыли, которая ему даже противоречит. «И манера Рикардо исследовать именно такова: он предполагает всеобщую норму прибыли или среднюю прибыль одинаковой величины для различных вкладов капитала одинаковой величины или для различных сфер производства, где затрачиваются капиталы одинаковой величины—или, что то же самое, прибыль в отношении к величине вложенных в различные сферах производства капиталов. Ещё того, чтобы предполагать эту всеобщую норму прибыли, Рикардо должен был бы скорее исследовать, насколько ее существование вообще мирится с определением ценностей, рабочим временем: в таком случае он нашел бы, что вместо соответствия она ему prima facie противоречит, следовательно, ее существование следовало развить при по-

¹⁾ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 388—389.

²⁾ Гегель, Наука логики, т. II, стр. 170.

³⁾ К. Маркс, Введение к Критике политической экономии, стр. 10.

⁴⁾ Гегель, Наука логики, т. II, стр. 170.

⁵⁾ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 388.

средстве массы промежуточных звеньев,—развитие, весьма отличное от прямого подведения под закон ценности. Благодаря этому Рикардо приобрел бы вообще совершенно другой взгляд на природу прибыли и не отождествлялся бы ее прямо с прибавочной стоимостью¹⁾. Рикардо просто подводит различные формы под закон стоимости в качестве готовых и преднайденных форм, противоречащих в такой непосредственной данности указанному закону. Модификациями последние становятся только при посредстве всей массы промежуточных звеньев, которые на фоне уже синтетического познания переводят отвлеченную общность в конкретную. Гегель говорил, что основным принципом аналитического познания является отвлеченное тождество, что переход в другое, связь различного исключены из его деятельности. «Общий же переход от аналитического к синтетическому познанию состоит в необходимости переходе от формы непосредственности к опосредованнию, от отвлеченного тождества к различию²⁾.

Диалектическое познание, которое развивает органически переход в другому, об'единяет анализ и синтез, выводит различное из общего, что переводит познание на рельсы подлинной конкретности. Различие не представляет уже эмпирического приложения к всеобщему, но выражает его внутреннее разнообразие, опосредованное и развитое мышлением. Это поистине синтетическое движение вперед есть переход от общего к единичному, именно—к определенному в себе и для себя или к единству предмета внутри себя самого, поскольку предмет в своих существенных реальных определениях выходит из себя и различается. Но вполне несовершенное обычное движение в других науках допускается тогда, когда началом, правда, служит общее, но переход от него к единичному и конкретному есть лишь приложение общего к приводящему откуда-то извне материалу; собственно же движение идеи есть таким образом некоторая эмпирическая прибавка³⁾.

Синтетическое познание, которое вырастает органически из аналитического, представляет такое движение вперед, совершающееся в единстве предмета, «поскольку последний в своих существенных реальных определениях выходит из себя и различается». Мысление Маркса представляет непревзойденный пример такого синтетического движения, которое из первичной социальной клеточки капитализма имманентно развивает все присущие ему противоречия, начиная от более простых и кончая всей полнотой присущих ему противоречий.

Логическая структура Марковой экономики представляет глубоко конкретное материалистическое применение Гегелевской логики к экономике капитализма. Действительно, развивающееся движение вперед от простейшей формы товара в Марковом анализе капитализма вырастает в развернутую полноту форм, богатых и содержательных форм, что вполне отвечает Гегелевскому пониманию процесса познания. Гегель же определяет процесс познания, как движение вперед от простейших определенностей к все более богатым и конкретным. «Познание движется от содержания к содержанию. Прежде всего это движение вперед определяет себя так, что оно начинается с простых определенностей и что следующие за ними становятся все более богатые и конкретные. Результат содержит в себе свое начало, и движение последнего обогатило его некоторой новой определенностью. Общее составляет основу: вследствие того движение вперед не должно быть принимаемо за некоторое течение от некоторого другого к некоторому другому. Понятие в абстрактном методе сохраняется в своем инонбигии, общее—в своем познании, в суждении и реальности. На каждой ступени дальнейшего определения возводится вся масса его предшествующего содержания и через

К вопросу о методе. политич. экон. у Маркса и классиков 133

свой диалектический ход вперед не только ничего не теряет и не оставляет позади себя, но несет за собой все приобретенное и обогащает и сущестует в себе⁴⁾. Ленин по поводу этих положений замечает, что они «очень недурно подводят своего рода итог тому, что такое диалектика»⁵⁾. Именно в подобном понимании хода познания Ленин видит истинный смысл Гегелевской логики. Ленин привлекает экономический анализ Маркса для освещения и пояснения этого смысла. «Как простая форма стоимости, отдельный акт обмена одного, данного товара на другой, уже включает в себя в неизвернутой форме все главные противоречия капитализма, так уже самое простое обобщение, первое и простейшее образование понятий (суждений, заключений и т. д.) означает познание человека все более и более глубокой обективной связи мира. Здесь надо искать истинного смысла значения и роли Гегелевской логики»⁶⁾.

Гегель правильно говорил, что познание есть нечто субъективное «в силу своего внешнего начала в единичном». Механическое мышление, которое пользуется только аналитическим методом, вырастает необходимо в бесплодный субъективизм, благодаря его неумению органически увязывать общее с единичным, тождественное с различным, абстрактное с конкретным, которое лишь внешне связывается. Единство противоположностей, преломляющееся в единстве анализа и синтеза, явилось важнейшей предпосылкой философского преодоления метафизической экономики, беспомощно останавливающей перед связью различных категорий. Механическое мышление, благодаря такой беспомощности, поднимается в лучшем случае до формального рационализма, остающегося совершенно чуждым историческому движению действительности. Энгельс поэтому говорил про классиков-экономистов, что «они не стремились ни к каким историческим знаниям, что во всем своем мировоззрении они так же неисторичны, как и все прочие просветители XVIII века, у которых подобные якобы исторические экскурсии являются всегда лишь способом выражаться, чтобы составить себе рациональное представление о возникновении того или иного». Энгельс указывает на общность методологии у классиков-экономистов и французских просветителей, которые рассматривали действительность механически. Эпоха, созданная Марксом, в экономической науке, является эпохой ее материалистически-диалектического осмысливания, которое нашло свое выражение прежде всего в выявлении единства противоположностей в экономике капитализма и ее категориях.

VI.

Диалектическая логика рассматривает предмет во всех его связях, определяемых и присущих ему противоречиям. Маркс с поразительной глубиной иллюстрировал это положение, перевел на материалистический язык положение Гегеля, что «непосредственность вообще возникает лишь из опосредования и потому должна перейти в последнее», что определенность содержания, содержащаяся в определении, есть поэтому, так как она есть определенность, не только нечто непосредственное, но и опосредованное своим другим: вследствие того определение может охватить свой предмет лишь через противоположные определения и потому должно перейти в разделение. Маркс действительно показал, что адекватное постижение предмета в его всестороннем бытии нераздельно от его рассмотрения в присущей ему противоречивости, что диалектическая логика есть не «пособие человека», а выражение объективной закономерности бытия в полноте присущих ей противоречий. Эклектическая логика совершенно не приемлет такой установки.

¹⁾ К. Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. II, стр. 18.

²⁾ Гегель, Наука логики, ч. 2, кн. 3, стр. 210.

³⁾ Там же, стр. 187.

⁴⁾ Гегель, Наука логики, ч. 2, кн. 3, стр. 210.

⁵⁾ Ленинский сборник, IX, стр. 291.

⁶⁾ Там же, стр. 197.

Гильфердинг, говоря об исторической подготовке экономической теории Маркса, замечает, что экономические проблемы выступают для Маркса «как логические проблемы», как задачи приспособления. Гильфердинг в указанных словах пытается, повидимому, толковать диалектику Маркса, как логику приспособления. Смысл такого толкования направлен по существу на извращение подлинной сущности диалектики. Верно, конечно, что экономические проблемы разрешались Марксом на основе его диалектической философии, одновременно трактовались, как логические и философские проблемы. Но есть ли логическая проблема для Маркса задача приспособления? Понимание Гильфердинга есть нелепая попытка навязать Марксу эклектическую философию Маха, которая, отождествляя явления биологического характера с явлениями логическими, смазывает специфический характер логических форм. Гильфердингово понимание в лучшем случае превращает логические формы в бессодержательные формы, которые извне навязываются содержанию. Диалектическая проницательность Гегеля подсказывала ему простоту логического понимания, которое он подверг резкой критике. Гегель, понимавший логические формы, как мысленное выражение об'ективной и закономерной действительности, находил нелепот точку зрения, рассматривавшую логические определения, только как средства и полезности, сводящую логические проблемы к задачам приспособления. «Поскольку,— говорит Гегель,— субъективное мышление есть наше наиболее собственное, наиболее внутреннее действие, а об'ективное понятие вещей составляет самую их суть, то мы так же можем стать вне или выше этого действия, как сделать это относительно природы вещей»¹⁾. Гегель говорит, что логические категории представляют выражение об'ективной закономерности, почему «наш произвол и свобода должны хотеть их переделывать по-своему», Гильфердинг же полагает, присыпывая свое понимание Марксу, что логические категории представляют приспособие человека, имеют своим назначением «экономию мышления», упрощение всех явлений самым экономным способом посредством минимального числа понятий. Исходя из такого грубо- utilitarного понимания логических и теоретического мышления, Гильфердинг рассматривает под таким углом зрения также взаимоотношения Маркса и Рикардо, видит в Марковом разделении Рикардо лишь феномен приспособления. «Мышление Маркса,— говорит Гильфердинг,— как экономиста, имело с самого начала своим исходным пунктом приспособление экономических идей, формулированных классической теорией, к фактам, с которыми она очевидно уже более не согласовалась»²⁾. Поистине странное толкование Маркса, которому, однако, суждено было привести в новейшей работе Каутского о материалистическом понимании истории систематическую разработку и выльиться в целую систему.

Каутский, оставляя в стороне идеализм, выпячивающийся в его новой трактовке «материалистического» понимания истории, согласно которой «дух есть самое активное и неусыпное в природе», рассматривает диалектический процесс, как процесс взаимного приспособления между Я и внешней средой. Процесс приспособления есть для Каутского сущность диалектических превращений. «Исходный пункт всякого процесса приспособления есть организм, Я. Здесь мы имеем утверждение, аффирмацию, положение, тезис. В противоположность ему выступает окружающий его мир, не-Я, отрицание организма, антитезис. Завершением является преодоление противоположности, отрицание отрицания, обновленное утверждение организма через приспособление, синтез. Синтез возвращает процесс к его исходному пункту, индивидууму, который самоутверждается»³⁾. Диалектическим процессом является

для Каутского ограниченный органическим миром процесс приспособления. Следовательно, логика, отражающая этот процесс, представляет логику приспособления. Логические проблемы являются для Каутского, повторяющего Гильфердинга, задачами приспособления. Каутский так и говорит, что во взаимодействии между Я и внешним миром последний есть то, что «духу ставят проблемы, которые подлежат разрешению с его стороны». Таким образом, можно сказать, что фрагментарные рассуждения Гильфердинга о диалектике, как логике приспособления, получили в «новых» идеях Каутского свое полное и систематическое завершение. Необходимо еще отметить, что субъективно-гуманитарный характер диалектики Каутского не случаен, а обусловлен ее внешне утилитарным отношением к действительности, которое, правильно говорит Гегель, ведет к субъективизму. Ограничение диалектики исключительно органическим миром связано именно с ее утилитарной интерпретацией и пониманием как логики приспособления.

Логика приспособления, принимающая у Каутского характер гуманитарной «диалектики», имеющей своей задачей притягивать классовые противоречия и приспособлять интересы пролетариата к интересам буржуазии, находит себе классическую оценку в Марковой характеристике гуманитарной школы политической экономики. «Затем является гуманитарная школа, принимающая близко к сердцу дурную сторону современных производственных отношений. Для успокоения своей совести она старается по возможности сладить существующие контрасти, она искренно оплакивает бедствия пролетариев и ожесточенную конкуренцию между буржуазией; она советует рабочим быть умеренными, хорошо работать и родить поменьше детей, она предлагает буржуазии умерить свой производственный пыл. Вся теория этой школы состоит в бесконечных различиях между теорией и практикой, между принципом и его последствиями, между идеей и ее приложением, между сокращением и формой, между сущностью и действительностью, между правом факта, между хорошей и дурной стороной»⁴⁾. Приведенная характеристика как нельзя более подходит к гуманитарной «диалектике» Каутского и ее апологетическому пафосу.

Логика, превращенная в логику приспособления, переходит в фикцию, становится противоположностью всякой логики. Логика приспособления есть утверждение алогизма, который очень мало пригоден для вскрытия логической структуры Марковой экономики. Гильфердинг подобной чисто-utiлитарной трактовкой логических категорий безнадежно скатывается к вульгарному механическому миропониманию, которое не признает мышление в его специальном выражении. Интересно, что Фридрих Ницше сделал ясный вывод из такого утилитарного понимания логических категорий, которые, согласно Ницше, превращаются таким пониманием в иллюзию. «Мышление,— говорит Ницше,— как его представляют себе теоретики познания, не имеет места вовсе; это совершенно произвольная фикция, достигаемая выделением одного элемента из процесса и исключением всех остальных, искусственно приспособление в целях большей понятности»⁵⁾. Слова Ницше вполне подходят в данном случае к Гильфердингу и Каутскому, «теория познания» которых скорее ликвидирует познание и сводит его к иллюзии.

Гильфердинг всю оригинальность Маркса видит в приспособлении идей классической экономики к фактам, которые этим идеям перестали соответствовать. Не больше! Оригинальность Маркова мышления заключается, конечно, не в приспособлении идей классиков к новым фактам, но скорее в преодолении этих идей посредством материалистически-диалектического осмысливания экономических закономерностей капитализма. Анализ без синтеза,

¹⁾ Гегель, Наука логики, т. I, стр. XXX.

²⁾ Основные проблемы политической экономии, стр. 185.
³⁾ K. Kautsky, Materialistische Ceschichtsauffassung, S. 130.

⁴⁾ К. Маркс, Ницшета философии, стр. 120.

⁵⁾ Ф. Ницше, т. IX, стр. 227.

содержание без формы, абстрактное без конкретного,—словом, единство без противоположностей,—представляет существенную предпосылку механического мышления. Марксова же экономия представляет не простое приспособление выращенных на лоне метафизики экономических идей классиков к новым фактам, но освещение капитализма под углом новой логики. Маркс упрекал Рикардо за одностороннюю и недостаточную абстракцию, превращающуюся в пустую и тощую бессодержательность. Принцип трудовой стоимости, противостоящий всем его многообразным выражениям, которые, не укладываясь в его отвлеченной форме, оказываются уже случайными эмпирическими фактами, сводится к тощей абстракции. Маркс далеко не приспособляется к такой абстракции, а преодолевает ее новым способом познания, новой логикой, органически увязывающей многообразные экономические категории капитализма с его общим принципом, представшим во всем своем многообразии.

Маркс издавался над профанами, которые из ошибочности Рикардовских абстракций заключали о ложности всяких теоретических истин, которые в качестве абстракций должны противоречить действительности. «Вместо того,—говорит Маркс,—чтобы увидеть, что Рикардо недостаточно далеко идет в верной абстракции, а потому и приходит к неверной, профаны заключают отсюда, что теоретические истини являются абстракциями, противоречащими и действительным отношениям»¹⁾. Маркс вовсе не занимался приспособлением абстрактных принципов классической экономии к фактам, и в своей односторонности указанные принципы были ошибочны, лишены полиной теоретической гибкости, доходящей до «тождества противоположностей», отражающей всесторонность материального процесса, т.е. диалектики.

Абстракции классической экономии, полученные путем эмпирического мышления, далеки от восторона не овещения, действительности возможного лишь на основе материалистической диалектики. Незаконченность опыта делает всякую получающуюся из опыта истину неполной. Однако материалистическая диалектика преодолевает в известной степени эту незаконченность опыта путем теоретического охвата его тенденций, направления и движения. «Самая простая истина,—говорит Ленин,—самый простой индуктивный путь полученная, всегда неполна, ибо опыт всегда незакончен». *Ergo*: связь индукции с аналогией—догадкой (научным проведением); относительность всякого знания и абсолютное содержание в каждом шаге движения вперед»²⁾. Объединение относительного и абсолютного путем, абстрактного и конкретного, диалектического познания об'ективной и развивающейся действительности выражается в постоянном преодолевании такой незаконченности опыта и ее постоянном констатировании. Диалектическое мышление кажется поэтому в глазах метафизика чудовищно парадоксальной, ибо оно выходит за пределы повседневного опыта путем установления и охвата его закономерных тенденций. «Научные истини всегда кажутся парадоксальными,—говорит Маркс,—если их критиковать на основании повседневного опыта, который охватывает только обманчивый внешний вид вещей»³⁾. Теоретическая односторонность классической экономии коренилась в ее эмпирической логике, представляющей логику механического мышления и непосредственно обосновывающей свои теоретические положения. Классическая экономия поэтому часто впадала в вульгарное мышление, т.е. становилась на точку зрения повседневного опыта.

Диалектическая логика есть не логика приспособления, а учение о зонах развития действительности, которое является могучим предохра-

тельным клапаном против всякого рода суб'ективизма и софистики. Гегель видел задачу философии в возведении в сознание этой логической природы, «которая одушевляет дух, побуждает его и действует в нем»⁴⁾. Диалектическая логика есть логика действительности, искающей повседневным и обычным мышлением, которое воспроизводит эту действительность смутно и хаотично. Гегель поэтому говорит о чрезвычайной важности для человеческого мышления выявить его действительную природу, осознать его законы, которые в такой осознанности представляют не утилитарное средство или служебный инструмент, а выражение внутренних процессов действительности. «Важнее всего для природы духа отношение к тому, что он есть в действительности, не только того, что он есть в себе, а того, чем он себя знает; потому что это знание себя, поскольку оно есть по существу знание, есть основное определение его действительности. Высшая задача логики состоит, следовательно, в том, чтобы очистить те категории, которые как побуждения действуют лишь инстинктивно и притом порозненно, следовательно, сознаются духом, как изменчивое и смутное и создают ему поэтому лишь порозненную и неверную действительность, и тем самым возвысить его через них к свободе и истине»⁵⁾. Логика как выражение действительности, не является логикой приспособления, ибо такая интерпретация придает ей характер «внешней рефлексии», создающей в лучшем случае лишь порозненную и неверную действительность.

Необходимо заметить, что классическая экономия старалась постигать внутренние связи действительности, но скатывалась к вульгарному мышлению, направляя эти старания неверной логикой, аннулировавшей познавательную ценность ее теоретических абстракций. Вульгарная же экономия представляет выражение законченного экономического эмпиризма в самой грубой форме, представляет воспроизведение явления в его внешней видимости. Грубый эмпиризм враждебен всякому теоретическому мышлению, представляя в этой антитеоретической сущности лучшее орудие апологетики, которая вообще видит в теории врага и поощряет всяческие факты, свободные от всякой теории. Грубый эмпиризм—стихия апологетики, которая в целях отстояния и защиты внешней видимости хватается за эмпиризм, представляющий в своем безразличии к внутренним связям действительности некоторую теоретическую базу такой видимости, некоторую вульгарную гносеологию. «В то время,—говорит Маркс,—как классические и потому критические экономисты останавливаются перед формой отчуждения и пытаются путем анализа сорвать ее,—вульгарная экономия, наоборот, именно в отчужденности, в которой противостоят друг другу различные части ценности, чувствует себя вполне хорошо: как схоластик в форме: бог-отец, бог-сын и бог-дух святой, так же чувствует себя вульгарный экономист в форме: земля-рента, капитал-процент, труд-зароботная плата. Именно в этой форме эти отношения, повидимому, непосредственно соединены в явлении; следовательно, в этой именно форме они живут также в представлениях и в сознании ограниченного горизонтом капиталистического производства агента его»⁶⁾. Внешняя рефлексия, ограниченная воспроизводством явления в его внешней видимости, способствует наибольшей удаленности от внутренних связей действительности, почему представляет в полном смысле слова логику гармонии, не знающей никаких противоречий. Логика апологетики есть именно логика приспособления, которая в разных формах выкраивает эту гармонию из осколленной действительности, освобожденной от ее противоречий. Лозунг такой логики: «дело не в противоречиях, а в полноте». Категории капиталистической эко-

¹⁾ Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. II, ч. 2, стр. 120.

²⁾ Ленинский сборник, IX, стр. 199.

³⁾ Маркс, Заработка плата, цена и прибыль, стр. 22.

⁴⁾ Гегель, Наука логики, т. I, стр. XXXII.

⁵⁾ Там же, стр. XXXII.

⁶⁾ К. Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. III, стр. 391.

номики сказываются в свете такой приспособленческой логики исполненных гармонии. Различные формы прибавочной стоимости основного экономического противоречия капитализма, противоречия труда и капитала, сказываются в ее освещении выражением идиллии. «Ибо,—говорит Маркс,—например, в форме земля-рента, капитал-процент, труд-заработка плата, различные формы прибавочной стоимости и различные категории капиталистического производства противостоят друг другу не отчужденные, а чужды и равнодушные, как совершенно различные, без противоположности. Различные доходы вытекают из совершенно различных источников, один из земли, другой из капитала, третий из труда. Они, следовательно, не стоят во враждебной связи, так как между ними нет никакой внутренней связи. Если они все же в производстве действуют вместе, то это гармоничное действие, выражение гармонии, как, например, крестьянин, быки, плуг и земля в земледелии, в действительном процессе труда, несмотря на их различие, гармонично работают вместе. Поскольку между ними имеется противоречие, оно вытекает лишь из конкуренции: кто из агентов должен себе присвоить больше от продукта, от ценности, которую они создали вместе. И если при этом иногда дело доходит до борьбы, то все же тогда в конечном результате этой конкуренции между землей, капиталом и трудом оказывается, что в то время, как они спорили между собой о распределении, они своим соревнованием так увеличили ценность продукта, что каждый получает больший кусок; так что даже конкуренция оказывается стимулирующим выражением их гармонии¹⁾. Дело не в противоречиях, а в полноте. Степень вульгарности мышления определяется степенью его приверженности к такому девизу, который становится также девизом экономического ренессанса, девизом приспособления в его различных формах.

Указанный девиз отвращает от необходимости теоретического осмысливания фактов, почему он является девизом всякого вульгарного мышления. Приверженность к такому девизу обнаруживает, например, Будин, который полагает, что «Маркс доказывал свою теорию не анализом или чисто-логической операцией, а самыми фактами»²⁾. Выходит, таким образом, что для Маркса логика была безразлична, что Маркс воспроизводил факты без теоретического рассмотрения последних. Придерживаясь, однако, подобного эмпиризма, Маркс не только не поднялся бы над прежней эпистемой, но оказался бы ниже ее уровня, ибо уже классическая экономия не совсем доверяла фактам.

Маркс произвел переворот в экономической науке, ибо подверг факты диалектическому освещению, рассматривал фактическую видимость под углом определенной философии. Маркс не только не пренебрегал чисто-логическими операциями, но в максимальной степени пронизывал факты диалектическим мышлением, почему не будет преувеличением сказать, что для Маркса проблема теоретической экономии была одновременно философской проблемой, что загадку капитализма он разрешил на фоне материалистической диалектики, отражающей действительность в ее глубинах, закономерной основе и антагонистических тенденциях. Положение Будина говорит о несущественности теоретического момента в системе Маркса. Не существуетность этого утверждения бьет в глаза. Маркс несомненно разделял вместе с Энгельсом его оценку диалектики и ее роли в исследовании. Энгельс же говорил, что презрение к диалектике не остается безнаказанным, что, при любой степени пренебрежения к теоретическому мышлению, «все же уразуметь существующую между ними связь». Энгельс считал, что презрение к теории ведет к натуралистическому, т.-е. неверному, мышлению.

Натуралистическое или эмпирическое мышление, вовсе не было в духе Маркса, и правильное теоретическое мышление, представляющее аналог объективной действительности, т.-е. диалектическое мышление, служило ему путеводной звездой в деле изображения фактов, которые без такой нити спокойно ведут в лоно мистицизма и теологии.

Ревизионизм начинает с презрения к диалектике. Презрение к диалектике, получающее свое выражение в эмпирическом и механическом мышлении, становится исходной точкой борьбы против основ Маркса мировоззрения. Ревизионистская апологетика оттасывает свое оружие в первую очередь против философии Маркса, которую она старается похоронить в полноте фактов. Полнота, однако, оказывается не полнотой действительности, а полнотой ее извращения, ведущей к исчезновению характерных противоречий действительности, которые представляют корень ее движения. Логика такой полноты вырастает в логику последовательного приспособления к определенным классовым интересам, ставшим в противоречие к историческому развитию, вырождается в аполоgeticескую логику. Характерные пункты экономической апологетики, отмеченные Марксом, сохраняют свое значение для современной ревизионистской логики, которая уничтожает противоречия действительности в «полноте» и качественную ее сторону в ее количественном обезличении. «Для метода экономической апологетики характерны два пункта: во-первых, отождествление товарного обращения с непосредственной меной продуктов при отвлечении от их различий; во-вторых, попытка отрицания противоречий капиталистического производительного процесса посредством замены отношений его деятелей производства другими более простыми отношениями, вытекающими из товарного обращения. Но производство и обращение товаров есть явления, принадлежащие самым различным способам производства, хотя и в различной степени. Поэтому, зная только абстрактные категории товарного обращения, общие этим способам производства, конечно, ничего еще не известно о специфических отличиях, а следовательно, нельзя и судить о них»³⁾. Отмеченные пункты с поразительной четкостью определяют философию экономического ревизионизма. Отождествление товарно-капиталистического обращения с непосредственной меной продуктов представляет замечательный пример отвлечения от подлинной действительности и ее имманентных тенденций развития. Товар, единство потребительной и меновой стоимости, непосредственное противоречие, отождествляется с продуктом, которому такое противоречие чуждо. Таким же образом, капиталистическое обращение, выполненное противоречий, остройшим выражением которого является купля и продажа рабочей силы, неведомая докапиталистическим формациям, отождествляется с непосредственной меной продуктов, которая заканчивается «с переменой мест или рук, держащих потребительные стоимости». Отрицание же противоречий капиталистического способа производства экономической апологетикой осуществляется механическим мышлением, исключающим из единства его противоположности и предпочитающим общие и безразличные определения. Относительно таких общих определений Маркс говорил, что они не способны уяснить ни одной действительной исторической ступени производства. Бессмысличные тавтологии представляют, однако, единственное оружие в арсенале механического и эмпирического мышления, которое обнаруживает свою полную беспомощность в деле исследования действительности и особенно в деле ее изменения.

¹⁾ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, стр. 391.

²⁾ Будин, Теоретическая система Маркса, стр. 112.

³⁾ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 60.

Фашизм как новейшая форма буржуазной контрреволюции¹⁾.

Карл Шмидт.

В последние годы удельный вес фашизма в политике буржуазии значительно увеличился в международном масштабе. Это сказывается, во-первых, в интересе и сочувствии к итальянскому фашизму с его исторически знаменательным экспериментом «корпоративного государства» и в частных попытках подражания его методам со стороны руководящих кругов буржуазии целого ряда стран (Англия, Америка, Германия, Венгрия и пр.). Во вторых, и это в настоящее время еще важнее, фашистские движения в более мелких странах играют существенную роль в качестве показателей современной мировой политики задающих тон крупных держав (например, Польша в области антисоветской политики Англии). В-третьих, контрреволюционное (и монархическое) движение в большинстве стран, а также буржуазная контрреволюция в колониальных странах, развивается в направлении к фашизму (Германия и Венгрия, Китай). В-четвертых, в всех крупных странах реформизм обнаруживает за последние годы больше фашистских элементов как в политической, так и в идеологической области. Словом, разложение буржуазной демократии порождает фашизм, это разложение само принимает фашистские формы.

В силу этого проблема фашизма приобретает все более крупное политическое и теоретическое значение для Коминтерна. Она играла решающую роль в политике и внутрипартийных дискуссиях польской партии в 1926-1927 гг. Та же проблема является основной теоретической и практической проблемой для итальянской партии, как это видно из тезисов ЦК КПИ ко 2-й партконференции (см. нем. «Инпрекор», №№ 24, 25, 28 1928 г.); к этим тезисам мы еще вернемся. Для КП Германии за 1927 год важной теоретической проблемой является «новый» фашизм Стального Шлема, за 1928 «социал-фашизм», и его отношение к «национал-фашизму». Проблема фашизма имеет сверх того общее значение для Коминтерна, будучи тесно связана с его тактикой в борьбе с буржуазной демократией, с его отношением к реформизму, к мелкой буржуазии и проч. События последних лет выдвигают целый ряд существенных теоретических вопросов о связи между фашизмом, как политической формой, и империализмом, о связи между ним и такими явлениями, как кризис парламентаризма, госкапиталистические тенденции, «американизация» рабочего движения, социал-фашизм и т. д.

В периодической печати Коминтерна и его партий за последние годы этим вопросам уделялось слишком мало внимания. Имеющихся опытов теоретического анализа недостаточно. Правда, V всемирный конгресс заложил

фундамент для нашего отношения к фашизму, и этот фундамент остается в силе и сейчас, но он, конечно, не мог дать ответа на вопросы, возникшие позже.

В дальнейшем я не собираюсь дать исчерпывающий анализ фашизма, а попытаюсь наметить лишь некоторые важнейшие точки зрения¹⁾.

1. Постановка и ограничение проблемы.

Для революционного рабочего (и только для него) проблема фашизма проста: он ни на миг не усомнится в том, что фашизм есть оружие буржуазии в ее борьбе с пролетариатом. Это единственно правильный отправной пункт, но это еще не анализ фашизма, как такого. Анализ фашизма— дело чрезвычайно сложное. Об этом свидетельствуют теоретические ошибки отдельных коммунистов в этом вопросе в период после 1922 г. и неясное понимание этой проблемы, встречающееся и поныне. Большинство этих ошибок проистекало именно из слишком упрощенного и одностороннего подхода к теоретической проблеме фашизма.

Возьмем, например, классовую структуру фашизма. Несомненно, временами в фашистском движении принимали участие весьма различные классы и слои общества. Но это отнюдь не значит, что они были подлинными выразителями этого движения: такой вывод слишком поспешен. Отметим несколько ошибочных подходов к фашизму: его называли то движением крупных аграриев (см. письмо к итальянским рабочим и крестьянам, протокол IV всемирного конгресса Коминтерна, стр. 187), то мелкобуржуазным движением (Радек, доклад по вопросу о «наступлении капитала» на IV конгрессе,—протокол, стр. 126—129), то мелкобуржуазно-революционным движением (речь Радека о Шлагетере на расширенном пленуме ИККИ в июне 1923 г.), то «мелкобуржуазным социализмом» (М. Вилли в печатном отчете, представленном V всемирному конгрессу, Берлин 1924 г., стр. 31), то движением промышленного капитала против капитала аграрного, или даже «объективно-прогрессивным движением «этых частей буржуазии» (Г. А. в. Илья, «Фашизм в Италии», Берлин 1923 г., стр. 16)²⁾. Все эти ошибки, разу-

¹⁾ Предлагаемая статья написана до VI конгресса Коминтерна, а при печатании в некоторых пунктах дополнена.

²⁾ И все же, несмотря на ошибки отдельных коммунистов, первые удачные попытки анализа фашизма принадлежат коммунистам. К ним надо отнести доклады Бордиги на IV и V всемирных конгрессах (тогдашние ошибки Бордиги относятся не к теоретическому анализу, а к тактике борьбы с фашизмом), доклад Фреймута на V всемирном конгрессе, книгу Аквили (несмотря на ряд ошибок в ней). Смешно слышать, как один несколько запоздалый буржуазный исследователь фашизма (один из немногих серьезных исследователей) говорит, что марксизм, «взирающий на фашизм оком ненависти», в сущности говоря, никогда не понимал фашизма (см. Э. в. фон-Беккерат, *Weseln und Werden des faschistischen Staates*, Берлин 1927 г., стр. 36). Правильно обратное: так называемая «ненависть» помогла революционному марксизму раскусить суть дела еще в ту пору, когда буржуазная наука совершенно не умела в нем разобраться. И по сей день в буржуазной и социал-демократической литературе оценка фашизма в решающих и основных пунктах ошибочна (несмотря на порою очень удачный подбор материала). Существует три рода буржуазной литературы о фашизме: во-первых, идеологически напыщенная апология, во-вторых, умеренно-либеральная критика, ставящая фашизм на одну доску с антипарламентаризмом и причисляющая к этой категории и большевизму, которому наносятся при этом ядовитые фланговые удары, и, в-третьих, конкретное исследование, с обилием материала, пасущее, однако, перед сложностью вопроса и не дающее ясных выводов. Примерами могут служить для первой категории Д. В. Мангарта, *Фашизм* (Мюнхен 1925 г.), для второй категории — Н. Гитти, *Большевизм, фашизм и демократия* (Мюнхен 1926 г.), Е. М. Бони, *Заключение в сборнике «Международный фашизм»* (Карлсруэ 1928 г.). К последней же категории надлежит отнести вышеупомянутую книгу фон-Беккерата.

¹⁾ Печатается в качестве материала к проблеме фашизма. Ред.

меется, давно исправлены. Все же кое-что остается неясным. Так, например, роль пролетарских элементов в фашизме зачастую переоценивается; фашизм трактуется, как самостоятельное движение мелкой буржуазии, и пр. Ниже я приведу ряд примеров.

Теперь возьмем другой вопрос—точное определение понятия «фашизм», ограничение фашизма от других контрреволюционных движений и методов. Термин «фашистский» иногда применялся неправильно. Я не стану здесь касаться смешных искажений этого понятия буржуазными профессорами-белогвардейцами и социал-демократами, относящими к «фашизму» все, что противоречит буржуазной демократии и парламентарию (а следовательно, и большевизму). Я хочу лишь отметить, что несколько лет тому назад к фашизму относят все формы белого террора, все атаки государства на профсоюзы, все желтые организации и пр. Это было неточно в научном отношении, да и в политическом неправильно. Но в настоящее время во всяком случае несомненно, что все эти выступления и организации все больше складываются в действительно фашистскую или полуфашистскую систему угнетения также и в странах буржуазной демократии¹⁾.

Гораздо больше серьезными научными и политическими ошибками чревато недопустимое сужение понятия «фашизм». Так, например, Тальгеймер (в предисловии к книге Р. Зонтера «Новый германский империализм») сочиняется, применима ли вообще к фашистскому движению в современной Германии кличка «фашизм», так как это движение является «несомненным орудием крупной буржуазии... ей подчинено». Мы еще коснемся того неправильного положения, будто в Италии буржуазия не у власти (а лишь «господствует»), ибо она подчинена фашизму. Но, даже в случае правильности этого положения, оно ничего не опровергает. Не следует забывать, что фашизм есть не только организация, состоящая из определенных социальных элементов, но и система определенных политических методов, а также определенная форма буржуазного государства. Нельзя сказать, чтобы все эти стороны фашизма всюду встречались в той классической связи, какую мы видим в Италии. Английское консервативное правительство своим биллем о профсоюзах показало, что и английская буржуазия способна применять более или менее фашистские методы, хотя в Англии нет фашистской партии. В то же время совершенно неправильно изображать современный германский фашизм в качестве простой гвардии крупных буржуазных партий: он обнаруживает сильную и все возрастающую тенденцию превратиться в неизвестную — хоть и не от буржуазии, но зато ее партий — политическую силу.

Приходится встречаться и с другим недопустимым сужением понятия «фашизм»: в тезисах ЦК итальянской компартии ко 2-й партконференции фашизм определяется как «попытка стабилизации капитализма в Италии» («Инпрекор» 1928 г., № 24, стр. 469; там же фашизм отождествляется с «итальянским капитализмом», стр. 470). Разумеется, стремление к конкретизации вполне законно, и, повидимому, приведенное определение имело в виду только итальянский фашизм. Но и в этом случае оно неполно, поскольку не вскрывает корней фашизма, как явления международ-

¹⁾ L. W. в своей брошюре, проникнутой ленинскими взглядами: «Фашизм: его история и значение» (Лондон 1924 г., Плебс), полагает, что понятие «фашизма» охватывает все организации, которые борются против рабочих в интересах буржуазии неконституционными средствами (extra-constitutionally, стр. 31). Это определение слишком широко, и в то же время современный итальянский фашизм, уже ставший «закономерной» формой буржуазной диктатуры, под это значение не подходит.

ного. Есть буржуазные писатели, характеризующие фашизм, как явление чисто и исключительно итальянское¹⁾. Муссолини сам заявляет:

«Фашизм есть чисто-итальянский продукт, подобно тому, как большевизм есть продукт типично-русский. Ни тот, ни другой—пересадкам не поддаются, каждый из них может процветать лишь у себя на родине»²⁾.

Однако это положение не мешает Муссолини использовать иностранные фашистские движения в интересах итальянского империализма (Германия 1923 г., Венгрия 1928 г.).

Такую точку зрения марксизм отвергает категорически.

Анализ экономической и социальной основы фашизма и его роли в классовой борьбе показывает, что фашизм коренится отнюдь не в своеобразных условиях Италии, но в общих условиях капитализма империалистической эпохи. При этом, разумеется, не следует забывать того факта, что в силу весьма существенных исторических и политических причин родиной фашизма стала Италия (эти причины необходимо вскрыть), что фашизм нашел там свое классическое выражение, и что фашистские движения и методы в других странах непременно будут весьма различны по форме. И, наконец, не следует забывать, что фашизм развивается, как и всякое другое историческое явление, что это развитие проходит различные этапы созревания, отнюдь не всюду аналогичные, что ему свойствены зигзаги и уклоны, что бывают пестрые разновидности фашизма, в прямой зависимости от исторических условий его возникновения, классового и социального состава движения, преобладания в нем тех или иных слоев и т. д. Чтобы ориентироваться в этом историческом многообразии, не упустить из виду общей нити явлений и правильно вести политическую борьбу с фашизмом во всех его видах, необходимо точно определить его сущность, его историческое место, его классовую основу и его перспективы.

2. Фашизм как особая форма буржуазной контрреволюции.

Классово-сознательные рабочие связывают со словом «фашизм» представление об угнетении пролетариата буржуазией. Буржуазные профессора полемизируют, «в виду сложности проблемы», с этим «вульгарным» подходом. Мы же заявляем: эта связь установлена правильно, она попадает в самую точку: фашизм есть орудие буржуазии в борьбе с пролетарской революцией³⁾. Фашизм — это буржуазная контрреволюция. Но этой характеристики

¹⁾ См. Франц Рассель, К вопросу о внутренней политике фашистской Италии («Preussische Jahrbücher», т. CCX, № 3, стр. 89). Этот автор заходит так далеко, что считает «ошибкой» всякий критический подход к «тихо-итальянскому» явлению—фашизму—с (иностранных) точек зрения манчестерского либерализма или «французского индивидуалистического способа мышления», равно как и отождествление с ним «совершенно иного рода» явлений, наблюдавшихся в таких странах, как Германия. (Это уловка, чтобы, с одной стороны, оправдать фашизм, а с другой—облечься в маску «научной об'ективности».)

²⁾ См. стр. 261 гнуснейшей, обильно усыпанной ложью и искажениями «биографии Муссолини», принадлежащей перу Маргариты Сарфати (немецкое издание Пауль Лист, Лейпциг). Предисловие к биографии написано самим Муссолини. Оно прекрасно характеризует этого комедиантствующего авантюриста.

³⁾ В силу этого нельзя согласиться с определением фашизма, данным тов. А. Бернара в статье «Перспективы развития фашизма во Франции» («К. И.» 1926 г., № 5, стр. 110). «Фашизм—это есть тактика крупной буржуазии, дающая ей возможность до некоторой степени разрешить кризис, переживаемый мелкой буржуазией». Не говоря уже о том, что фашизм есть не просто тактика, а и движение, буржуазия стремится разрешить при помощи фашизма не кризис мелкой буржуазии, а проблему пролетарской революции. Слабостью революционного движения во Франции и об'ясняется, главным образом, ничтожное значение фашизма для французской буржуазии в настоящее время.

кой нельзя ограничиваться: необходимо понять, что это — особая форма буржуазной контрреволюции.

В чем заключается «особенность» фашизма? Не только в кровавых насилиственных актах. Белый террор применяется сейчас (Китай, да и Европа), применялся и в прошлом (в русской революции, при подавлении Парижской Коммуны, после июньских сражений в Париже в 1848 г.); он носил различные формы, которых никак нельзя назвать фашизмом. Фашизм — это больше, чем белый террор. Это в то же время и особая политика буржуазии в ее классовой борьбе с пролетариатом. Этот пункт чрезвычайно важен. Ошибка итальянских коммунистов в 1920—1922 гг. в том и заключается, что они это проглядели.

Нам известны различные формы политики буржуазной контрреволюции. Если взять, например, Францию 1848 года, то мы видим там, во-первых, монархистов (легитимистов и орлеанистов); во-вторых, буржуазных республиканцев («чистых республиканцев»); в-третьих, мелкобуржуазную демократию. Так же многообразна и русская контрреволюция, ищущая пристанища по столицам буржуазной Европы: две фракции монархистов, кадеты и меньшевики, эсеры и пр. Но все эти виды буржуазной контрреволюции, об'единяемые термином «белогвардейство», еще не представляют собою фашизма (хотя между ними и им можно установить теснейшее средство и много переходных форм).

В чем же существенное отличие фашизма от других основных исторических форм контрреволюции? От буржуазных республиканцев и демократов он отличается своим антипарламентаризмом (отчасти и монархизмом) и прежде всего признанием классового противоречия между пролетариатом и буржуазией¹⁾; фашизм не пытается складить это противоречие при помощи «чистой демократии», но, выступая в качестве «третьей силы», стремится организованно урегулировать его при помощи сильной государственной власти «в интересах нации». От монархистов обычного покрова, тоже поборников сильной государственной власти, он отличается этим своим «разрешением» проблемы классовой борьбы, своим «революционным» выступлением своим безразличным отношением к вопросу о форме государственного строя и к принципу легитимности. Таковы два наиболее ярких отличия фашизма от двух крупнейших исторических форм буржуазной контрреволюции.

Но, подчеркивая эти отличия, не следует впадать в ошибку и прописывать импульс для отличия фашизм от всех прочих, бывших и настоящих форм контрреволюции. Такую ошибку совершают те, кто считает фашизм «самостоятельным движением мелкой буржуазии» или даже до некоторой степени революционным («субъективно революционным») движением. Это в корне ошибочно. Фашизм ни в какой мере не «революционен», это сплошь контрреволюционное движение. Полное отмежевание фашизма от всех форм контрреволюции тоже неправильно. Наоборот, фашизм находится в теснейшем сродстве со всей современной контрреволюцией; с одной стороны, в его состав входят по существу те же классовые элементы, что и обычно в белогвардейские движения, с другой — в политике всех контрреволюционных движений имеется сейчас большая или меньшая доза фашистской политики. Столь же несомненно его сродство с некоторыми формами контрреволюции в прошлом. Для понимания фашизма как исторического явления и для оценки его динамики, как особой формы контрреволюции, необходимо учесть его сродство с другими формами буржуазной революции в прошлом и настоящем.

¹⁾ См. речь министра юстиции фашистского правительства, Альфредо Рокко: «Политическая доктрина фашизма» (серия International Conciliation, изд. Carnegie Endowment for International Peace, New-York, октябрь 1926 г.).

3. Фашизм и бонапартизм Наполеона III.

Здесь мы должны с самого начала сделать оговорку. В буржуазной литературе о фашизме принято проводить возможные и невозможные аналогии, устанавливать сродство фашизма с эрой Бисмарка, с буланжизмом и даже с якобинством, с Ницше, Маккиавелли, Сорелем, Сен-Симоном. Обычно это или поверхностные параллели, или отвлеченные построения, в большинстве случаев мало говорящие, потому что фашизм черпает свою идеологию из самых разнообразных источников, и к тому же его национальные различия имеют различную идеологию. Плодотворными можно назвать лишь параллели, в основе которых лежит классовая точка зрения и учет определенной исторической функциональной связи с империализмом, как последним этапом капитализма.

Мы остановимся здесь несколько подробнее на том сродстве, о котором говорилось уже неоднократно. Я имею в виду сродство с бонапартизмом Второй Французской империи, возникшей после кровавого подавления парижского пролетариата в июньских боях 1848 года и возглавленной коронованым 2 декабря 1852 г. Луи Бонапартом, опустившимся потомком Наполеона I. Наполеон III тоже разыгрывал роль «третьей силы», или, выражаясь словами Маркса, «патриархального благодетеля всех классов»¹⁾. Я позволю себе процитировать классическое место из «Гражданской войны во Франции» Карла Маркса²⁾:

«Империя, которой государственный переворот служил метрикой, всеобщая подача голосов — санкцией, а сабля — скипетром, заявляла притязание на то, что опирается на крестьян, на эту обширную массу производителей, которая не участвовала непосредственно в борьбе между капиталом и трудом. Империя выдавала себя за спасительницу рабочего класса на том основании, что она разрушила парламентаризм, а вместе с ним и непрекрытое подчинение правительства имущим классам, она выдавала себя за спасительницу имущих классов на том основании, что она поддержала их экономическое господство над рабочим классом. И, наконец, она заявила притязание на об'единение всех классов вокруг вновь ожившего призрака национальной славы. В действительности империя была единственной возможной формой правления в такое время, когда буржуазия уже потеряла способность управлять народом, а рабочий класс еще не приобрел этой способности».

Итак, бонапартизм был об'ективно одной из форм буржуазной контрреволюции, несмотря на то, что утверждать себя ему приходилось на основе значительной части буржуазии, т.-е. другим формам буржуазной контрреволюции (отчасти при помощи насилия). Какова была классовая структура и основа этого строя? Маркс, в своем «18-е Брюмера», отмечает три элемента классовой основы бонапартизма: 1) финансовая аристократия, 2) люмпен-пролетариат, 3) крестьянство. Необходимо внимательней проанализировать все эти три элемента.

Начну с первого. Бонапартизм был формой буржуазного классового господства, при которой, однако, буржуазия не правила. Был ли он представителем своеобразных интересов какой-либо отдельной фракции этой буржуазии? Да, был. В ту пору существовала в буржуазии фракция, которая хотя еще и не была экономическим гегемоном внутри буржуазии, но видела в бонапартизме свой режим и члены которой занимали персонально важные правительственные посты. Я имею в виду «финансовую аристократию». Маркс настойчиво подчеркивает бонапартизм «haute finance», финансовой аристо-

¹⁾ «18-е Брюмера Луи Бонапарта», Госиздат, 1926 г., стр. 107.

²⁾ «Гражданская война во Франции». Воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих, стр. 38, изд. «Красная Нояь», 1923 г.

кратии. Участие биржевого волка Фульда в качестве министра финансов во втором министерстве, образованном Бонапартом еще в бытность его президентом, и неоднократное возвращение Фульда на этот пост в дальнейшем, в эпоху империи, в этом отношении весьма характерно. По словам Маркса, Фульд не только «зашел на бирже интересы Бонапарта, но и защищал перед Бонапартом интересы биржи¹». Каковы же были эти интересы? Повышение курса процентных бумаг, политическое спокойствие, сильная государственная власть и укрепление государственного кредита, которыми были тесно связаны операции банков.

Можно ли сопоставить тогдашнюю «финансовую аристократию» с современным финансовым капиталом? Несомненно нет, хотя Маркс говорил об «*haute finance*» и имел в виду не только «крупных предпринимателей и спекулянтов государственными бумагами», но и «все банковское хозяйство», выполнявшее функцию денежного кредитования промышленности и торговли. Весьма любопытно, что в теснейшей связи с бонапартизмом крупную роль играла и новая форма финансового капитала, своего рода эмбрион или, вернее, нежизнеспособный недоносок финансового капитала. Мы имеем в виду крупный банк промышленной спекуляции братьев Перейров «Crédit Mobilier». Маркс говорит, что эта форма «могла преобладать лишь во Франции, где не было ни кредитной системы, ни крупной промышленности современного уровня развития²», и это «совершенно правильно». Но бонапартизм, будучи продуктом экономической отсталости французского капитализма и французской буржуазии, в то же время обнаруживал признаки политической дряхлости, и этим предвосхитил на полстолетие современные исторические симптомы распада буржуазного общества; то же можно сказать и о экономическом эксперименте бр. Перейров. Планы этих вышедших из симонистских кругов основателей банка (монополистическая организация хозяйства путем передачи управления промышленностью центральному банку) развитие хозяйства «не путем конкуренции, а путем слияния» и пр.) рисуют их до известной степени пионерами современного финансового капитала. «Crédit Mobilier» удалось осуществить немалое, но это был невиданный до того случай слияния банковых и промышленных предприятий. Не след забывать, что бр. Перейры первоначально занимались железнодорожной спекуляцией, которая в малом масштабе напоминала по обстановке позднейшую колониальную политику и экспорт капитала.

Чрезвычайно любопытна связь нового финансового капитала с бонапартизмом. В то время, как столь выдающийся представитель старого биржевого капитала, как Ротшильд, остался орлеанистом, а Фульд ограждал в первую очередь традиционные интересы биржи (курс ренты), банковская политика бр. Перейров с самого начала (декрет об основании банка был издан 18 ноября 1852 года, за два дня до избрания императора) была существенно новым элементом бонапартизма. Банк служил «наполеоновской идеей», стремится быстрым темпом создать путем льготного кредитования промышленности высокую конъюнктуру, коррумпировать пролетариат и привлечь промышленную буржуазию на сторону бонапартизма. Заслуживают внимания тесная персональная уния правительства и банка и госкапиталистические тенденции, сказавшиеся как в банковской политике, так и во всей экономической политике бонапартизма³.

¹) «18-e Брюмера», стр. 80.

²) Капитал, т. III, ч. 2, стр. 145 (5-е нем. изд.).

³) Любопытный материал о связи бонапартистского строя и банка бр. Перейров можно найти у Johann Plenge «Gründung und Geschichte des Crédit Mobilier», Тюбинген 1903 г., переиздано в Эссене в 1921 г. Это книга с чрезвычайно неприятным политическим привкусом. Профессор Пленге полагает на брюхе перед ним банковскими пиратами Эмилем и Исааком Перейром, подобно тому, как полагают на брюхе перед франтиюристом Луи-Наполеоном все германские профессора.

Теперь проанализируем в торой классовый элемент бонапартизма: как известно, Бонапарт создал нужную ему своеобразную «партийную боевую силу» в лице парижского люмпен-пролетариата, основав «Общество десятого декабря», организацию знаменитых «белоблузников». По этому поводу Маркс говорит:

«Это общество возникло в 1849 году. Под видом благотворительного общества, оно представляло тайную организацию парижского люмпен-пролетариата, распадавшуюся на руководимые бонапартистскими агентами секции, с бонапартистским генералом во главе. Рядом с прогоревшими кутилами двусмысленного происхождения и с двусмысленными средствами существования, рядом с оголтелыми авантюристами из буржуазии, в этом обществе встречались бродяги, отставные солдаты, бывшие обитатели смирительного дома, белые катарджники, мошенники, фигляры, лацарони, карманные воры, фокусники, игроки, сводники, содержатели публичных домов, носильщики, писаки, шарманщики, тряпичники, точильщики, лудильщики, нищие,— словом, вся неопределенная, разношерстная, неустойчивая масса, которую французы называют богемой; из этих родственных ему элементов Бонапарт образовал ядро — Общества десятого декабря» (К. Маркс, Восемнадцатое Брюмера. Луи Бонапарт, Госиздат, 1926 г., стр. 56).

В третьих, Маркс считает широкой массовой базой бонапартизма¹ французское парцелярное крестьянство: в борьбе с эксплуатацией со стороны буржуазии это крестьянство лелеет надежду, что новый Наполеон — сильная исполнительная власть — будет защищать его от буржуазии, подобно тому, как старый Наполеон защищал его от феодализма. Но парцелярная форма земельной собственности, созданная Наполеоном I, превратилась из условия освобождения крестьян в средство их эксплуатации. И бонапартизм, сильная исполнительная власть, на то и существует, чтобы насилием защищать буржуазную эксплуатацию. Крестьян ждало страшное изочарование: со времен Людовика XIV, — говорит Маркс, — не бывало столь кровавого подавления крестьянства. «Итак, интересы крестьян находятся уже не в гармонии с интересами буржуазии, капитала, — как это было при Наполеоне, — а в противоречии с ними. Крестьяне поэтому находят себе естественного союзника и вождя в городском пролетариате, призванном ниспровергнуть буржуазный строй²».

Так охарактеризовал Маркс три основных элемента классовой основы французского бонапартизма.

В дополнение к этому мы кратко охарактеризуем отношение бонапартизма к двум решавшим классам — к буржуазии и пролетариату. Бонапартизм захватил в свои руки власть в результате яростной борьбы с парламентскими представителями промышленной, торговой и аграрной буржуазии; он разогнал их палату, он бросил в тюрьмы их вождей. Но при этом он мог опереться на крупнейшую часть буржуазии, на буржуазию, стоявшую вне палаты: ее тяга к спокойствию и сильной власти противоречила стремлению ее парламентских представителей к ограничению власти президента Бонапарта³. Несомненно, Бонапарт вытеснил буржуазию из правительства, он установил свою диктатуру не только в ее интересах, но и над ней, и ее попустительство при этом свидетельствовало о ее политической слабости и незрелости. Тем не менее, экономическая консолидация буржуазии усилила ее политически, и она постепенно превратилась в активного политического носителя строя. Маркс в «Гражданской войне во Франции» вполне справедливо

¹) «18-e Брюмера», стр. 98.

²) Там же, стр. 102.

³) Там же, стр. 79 и пр., и соответствующее место в посмертном произведении Фридриха Энгельса «Насилие и экономика в процессе становления нового германского государства».

кратии. Участие биржевого волка Фульда в качестве министра финансов во втором министерстве, образованном Бонапартом еще в бытность его президентом, и неоднократное возвращение Фульда на этот пост в дальнейшем, в эпоху империи, в этом отношении весьма характерно. По словам Маркса, Фульд не только «защищал на бирже интересы Бонапарта, но и защищал перед Бонапартом интересы биржи¹⁾. Каковы же были эти интересы? Повышение курса процентных бумаг, политическое спокойствие, сильная государственная власть и укрепление государственного кредита, которыми были тесно связаны операции банков.

Можно ли сопоставить тогдашнюю «финансовую аристократию» с современным финансовым капиталом? Несомненно нет, хотя Маркс говорил об «haute finance» и имел в виду не только «крупных предпринимателей и спекулянтов государственными бумагами», но и «все банковское хозяйство», выполнявшее функцию денежного кредитования промышленности и торговли. Весьма любопытно, что в теснейшей связи с бонапартизмом крупную роль играла и новая форма финансового капитала, своего рода эмбрион или, вернее, нежизнеспособный недоносок финансового капитала. Мы имеем в виду крупный банк промышленной спекуляции братьев Ререй, «Crédit Mobilier». Маркс говорит, что эта форма «могла преобладать лишь во Франции, где не было ни кредитной системы, ни крупной промышленности современного уровня развития²⁾», и это «совершенно правильно». Но бонапартизм, будучи продуктом отсталости французского капитализма и французской буржуазии, в то же время обнаруживал признаки политической дряхести, и этим предвосхитил на полстолетие современные исторические симптомы распада буржуазного общества; то же можно сказать и о экономическом эксперименте бр. Перейров. Планы этих вышедших из семисимонистских кругов основателей банка (монополистическая организация хозяйства путем передачи управления промышленностью центральному банку) развитие хозяйства «не путем конкуренции, а путем слияния» и пр.) рисуют их до известной степени пионерами современного финансового капитала. «Crédit Mobilier» удалось осуществить немногое, но это был невиданный до того случай слияния банковых и промышленных предприятий. Не след забывать, что бр. Перейры первоначально занимались железнодорожной спекуляцией, которая в малом масштабе напоминала по обстановке позднейшую колониальную политику и экспорт капитала.

Чрезвычайно любопытна связь нового финансового капитала с бонапартизмом. В то время, как столь выдающийся представитель старого биржевого капитала, как Ротшильд, остался орлеанистом, а Фульд ограждал в первую очередь традиционные интересы биржи (курс ренты), банковская политика бр. Перейров с самого начала (декрет об основании банка был издан 18 ноября 1852 года, за два дня до избрания императора) была существо и новым элементом бонапартизма. Банк служит «наполеоновской идеей», стремится быстрым темпом создать путем льготного кредитования промышленности высокую конъюнктуру, коррумпировать пролетариат и привлечь промышленную буржуазию на сторону бонапартизма. Заслуживают внимания тесная персональная уния правительства и банка и госкапиталистические тенденции, сказавшиеся как в банковской политике, так и во всей экономической политике бонапартизма³⁾.

¹⁾ «18-e Брюмера», стр. 80.

²⁾ Капитал, т. III, ч. 2, стр. 145 (5-е нем. изд.).

³⁾ Любопытный материал о связи бонапартистского строя и банка бр. Перейров можно найти у Johann Plenge «Gründung und Geschichte des Crédit Mobilier», Любинген 1903 г., переиздано в Эссене в 1921 г. Это книга с чрезвычайно неприятным политическим привкусом. Профессор Пленге полагает на бирже перед банковскими пиратами Эмилем и Исааком Перейром, подобно тому, как полагают в бирже перед авантюристом Луи-Наполеоном все германские профессора.

Теперь проанализируем в т о р о й классовый элемент бонапартизма: как известно, Бонапарт создал нужную ему своеобразную «партийную боевую силу» в лице парижского люмпен-пролетариата, основав «Общество десятого декабря», организацию знаменитых «белоблузников». По этому поводу Маркс говорит:

«Это общество возникло в 1849 году. Под видом благотворительного общества, оно представляло тайную организацию парижского люмпен-пролетариата, распадавшуюся на руководимые бонапартистскими агентами секции, с бонапартистским генералом во главе. Рядом с прогоревшими кутилами двусмысленного происхождения и с двусмысленными средствами существования, рядом с оголтелыми авантюристами из буржуазии, в этом обществе встречались бродяги, отставные солдаты, бывшие обитатели смирительного дома, беглые каторжники, мошенники, фигляры, лаццарони, карманные воры, фокусники, игроки, сводники, содержатели публичных домов, носильщики, писаки, шарманщики, тряпичники, точильщики, лудильщики, нищие,— словом, вся неопределенная, разношерстная, неустойчивая масса, которую французы называют богемой; из этих родственных ему элементов Бонапарт образовал ядро — Общества десятого декабря» (К. Маркс, Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта, Госиздат, 1926 г., стр. 56).

В третий, Маркс считает широкой массовой базой бонапартизма¹⁾ французское парцелярное крестьянство: в борьбе с эксплоатацией со стороны буржуазии это крестьянство лелеет надежду, что новый Наполеон — сильная исполнительная власть — будет защищать его от буржуазии, подобно тому, как старый Наполеон защищал его от феодализма. Но парцелярная форма земельной собственности, созданная Наполеоном I, превратилась из условия освобождения крестьян в средство их эксплоатации. И бонапартизм, сильная исполнительная власть, на то и существует, чтобы насилием защищать буржуазную эксплоатацию. Крестьян ждало страшное разочарование: со времен Людовика XIV, — говорит Маркс, — не бывало столь кровавого подавления крестьянства. «Итак, интересы крестьян находятся уже не в гармонии с интересами буржуазии, капитала, — как это было при Наполеоне, — а в противоречии с ними. Крестьяне поэтому находят себе естественного союзника и вождя в городском пролетариате, призванном ниспровергнуть буржуазный строй»²⁾.

Так охарактеризовал Маркс три основных элемента классовой основы французского бонапартизма.

В дополнение к этому мы кратко охарактеризуем отношение бонапартизма к двум решающим классам — к буржуазии и пролетариату. Бонапартизм захватил в свои руки власть в результате яростной борьбы с парламентскими представителями промышленной, торговой и аграрной буржуазии; он разогнал их палату, он бросил в тюрьмы их вождей. Но при этом он мог опереться на крупнейшую часть буржуазии, на буржуазию, стоявшую вне палаты: ее тяга к спокойствию и сильной власти противоречила стремлению ее парламентских представителей к ограничению власти президента Бонапарта³⁾. Несомненно, Бонапарт вытеснил буржуазию из правительства, он установил свою диктатуру не только в ее интересах, но и над нею, и ее попустительство при этом свидетельствовало о ее политической слабости и незрелости. Тем не менее, экономическая консолидация буржуазии усилила ее политически, и она постепенно превратилась в активного политического носителя строя. Маркс в «Гражданской войне во Франции» вполне справедливо

¹⁾ «18-e Брюмера», стр. 98.

²⁾ Там же, стр. 102.

³⁾ Там же, стр. 79 и пр., и соответствующее место в посмертном произведении Фридриха Энгельса «Насилие и экономика в процессе становления нового германского государства».

кратии. Участие биржевого волка Фульда в качестве министра финансов во втором министерстве, образованном Бонапартом еще в бытность его президентом, и неоднократное возвращение Фульда на этот пост в дальнейшем эпоху империи, в этом отношении весьма характерно. По словам Маркса, Фульд не только «зашщал на бирже интересы Бонапарта, но и защищал перед Бонапартом интересы биржи¹⁾. Каковы же были эти интересы? Повышение курса процентных бумаг, политическое спокойствие, сильная государственная власть и укрепление государственного кредита, которыми были тесно связаны операции банков.

Можно ли сопоставить тогдашнюю «финансовую аристократию» с современным финансовым капиталом? Несомненно нет, хотя Маркс говорил об «haute finance» и имел в виду не только «крупных предпринимателей и спекулянтов государственными бумагами», но и «все банковское хозяйство», выполнявшее функцию денежного кредитования промышленности и торговли. Весьма любопытно, что в теснейшей связи с бонапартизмом крупную роль играла и новая форма финансового капитала, своего рода эмбрион или, вернее, нежизнеспособный недоносок финансового капитала. Мы имеем в виду крупный банк промышленной спекуляции братьев Перейров, «Crédit Mobilier». Маркс говорит, что эта форма «могла преобладать лишь во Франции, где не было ни кредитной системы, ни крупной промышленности современного уровня развития²⁾, и это «совершенно правильно. Но бонапартизм, будучи продуктом экономической отсталости французского капитализма и французской буржуазии, в то же время обнаруживал признаки политической дряхлости, и этим предвосхитил на полстолетие современные исторические симптомы распада буржуазного общества; то же можно сказать и о экономическом эксперименте бр. Перейров. Планы этих вышедших из семионистских кругов основателей банка (монополистическая организация хозяйства путем передачи управления промышленностью центральному банку) развитие хозяйства «не путем конкуренции, а путем слияния» и пр.) рисуют их до известной степени пионерами современного финансового капитала. «Crédit Mobilier» удалось осуществить немногое, но это был невиданный до того случай слияния банковых и промышленных предприятий. Не следует забывать, что бр. Перейры первоначально занимались железнодорожной спекуляцией, которая в малом масштабе напоминала по обстановке позднейшую колониальную политику и экспорт капитала.

Чрезвычайно любопытна связь нового финансового капитала с бонапартизмом. В то время, как столица выдающийся представитель старого биржевого капитала, как Ротшильд, остался орлеанистом, а Фульд ограждал в первую очередь традиционные интересы биржи (курс ренты), банковская политика бр. Перейров с самого начала (декрет об основании банка был издан 18 ноября 1852 года, за два дня до избрания императора) была сущесвтвенно новым элементом бонапартизма. Банк служит «наполеоновской идеей», стремится быстрым темпом создать путем льготного кредитования промышленности высокую конъюнктуру, коррumpировать пролетариат и привлечь промышленную буржуазию на сторону бонапартизма. Заслуживают внимания тесная персональная уния правительства и банка и госкапиталистические тенденции, сказавшиеся как в банковской политике, так и во всей экономической политике бонапартизма³⁾.

¹⁾ «18-e Брюмера», стр. 80.

²⁾ Капитал, т. III, ч. 2, стр. 145 (б-е нем. изд.).

³⁾ Любопытный материал о связи бонапартистского строя и банка бр. Перейров можно найти у Johann Plenge «Gründung und Geschichte des Crédit Mobilier», Тюбинген 1903 г., переиздано Эссене в 1921 г. Это книга с чрезвычайно неприятным политическим привкусом. Профессор Пленге ползает на брюке перед банковыми пиратами Эмилем и Исааком Перейром, подобно тому, как ползали на брюке перед авантюристом Луи-Наполеоном все германские профессора.

Теперь проанализируем второй классовый элемент бонапартизма: как известно, Бонапарт создал нужную ему своеобразную «партийную боевую силу» в лице парижского люмпен-пролетариата, основав «Общество десятого декабря», организацию знаменитых «белобузников». По этому поводу Маркс говорит:

«Это общество возникло в 1849 году. Под видом благотворительного общества, оно представляло тайную организацию парижского люмпен-пролетариата, распадавшуюся на руководимые бонапартистскими агентами секции, с бонапартистским генералом во главе. Рядом с прогоревшими кутилами двусмысленного происхождения и с двусмысленными средствами существования, рядом с оголтелыми авантюристами из буржуазии, в этом обществе встречались бродяги, отставные солдаты, бывшие обитатели смирительного дома, беглые каторжники, мошенники, фигляры, лацарони, карманные воры, фокусники, игроки, сводники, содержатели публичных домов, носильщики, писаки, шарманщики, тряпичники, точильщики, лудильщики, нищие,— словом, вся неопределенная, разношерстная, неустойчивая масса, которую французы называют богемой; из этих родственных ему элементов Бонапарт образовал ядро — Общества десятого декабря» (К. Маркс, Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта, Госиздат, 1926 г., стр. 56).

Втретьих, Маркс считает широкой базой бонапартизма¹⁾ французское парцелярное крестьянство: в борьбе с эксплуатацией со стороны буржуазии это крестьянство лелеет надежду, что новый Наполеон — сильная исполнительная власть — будет защищать его от буржуазии, подобно тому, как старый Наполеон защищал его от феодализма. Но парцелярная форма земельной собственности, созданная Наполеоном I, превратилась из условия освобождения крестьян в средство их эксплуатации. И бонапартизм, сильная исполнительная власть, на то и существует, чтобы насилием защищать буржуазную эксплуатацию. Крестьян ждало страшное изочарование: со времен Людовика XIV, — говорит Маркс, — не бывало столь кровавого подавления крестьянства. «Итак, интересы крестьян находятся уже не в гармонии с интересами буржуазии, капитала, — как это было при Наполеоне, — а в противоречии с ними. Крестьяне поэтому находят себе естественного союзника и вождя в городском пролетариате, призванном ниспревенуть буржуазный строй»²⁾.

Так охарактеризовал Маркс три основных элемента классовой основы французского бонапартизма.

В дополнение к этому мы кратко охарактеризуем отношение бонапартизма к двум решающим классам — к буржуазии и пролетариату. Бонапартизм захватил в свои руки власть в результате яростной борьбы с парламентскими представителями промышленной, торговой и аграрной буржуазии; он разогнал их палаты, он бросил в тюрьмы их вождей. Но при этом он мог опереться на крупнейшую часть буржуазии, на буржуазию, стоявшую вне палат: ее тяга к спокойствию и сильной власти противоречила стремлению ее парламентских представителей к ограничению власти президента Бонапарта³⁾. Несомненно, Бонапарт вытеснил буржуазию из правительства, он установил свою диктатуру не только в ее интересах, но и над нею, и ее попустительство при этом свидетельствовало о ее политической слабости и незрелости. Тем не менее, экономическая консолидация буржуазии усилила ее политически, и она постепенно превратилась в активного политического носителя строя. Маркс в «Гражданской войне во Франции» вполне справедливо

¹⁾ «18-e Брюмера», стр. 98.

²⁾

Там же, стр. 102.

³⁾ Там же, стр. 79 и пр., и соответствующее место в посмертном произведении Фридриха Энгельса «Насилие и экономика в процессе становления нового германского государства».

отмечает, что выбрал Луи-Бонапарта президентом французский крестьянин, но создала Вторую империю буржуазная партия порядка.

Теперь об отношении бонапартизма к рабочему классу. В вышеприведенной цитате из Маркса упоминается о демагогических обещаниях и мнимых уступках, при помощи которых Бонапарт хотел привлечь на свою сторону рабочих. В другом месте «18-го Брюмера» Маркс к этой характеристике прибавляет: «Существующие рабочие ассоциации распускаются, но зато правительство обещает чудесные ассоциации в будущем»¹⁾.

Чрезвычайно интересно, что Бонапарт систематически старался коррупционировать пролетариат, при помощи экономических мер (в чём помогали ему бр. Перейры) и превратить его в оплот своей власти. В письме к Марксу от 15 августа 1870 г. Энгельс говорит о «шовинизме масс французского населения — буржуазии, мелкой буржуазии, крестьянства и созданного Бонапартом в крупных городах империалистического гаусмановского строительного пролетариата, вышедшего из рядов крестьянства»²⁾. Действительно, тотчас же по возвращении на троне Бонапарта, при помощи обширного государственного железнодорожного строительства, сооружения каналов, портов, шоссейных путей и перестройки целых кварталов — первым долгом в Париже и Марселе, — создал этот новый пролетариат (Энгельс имеет в виду гаусмановским, по фамилии префекта Сены Гаусмана, стоявшего во главе этих предприятий в Париже). Парижское население возросло в первую половину 50-х годов приблизительно на 300.000, главным образом, за счёт этих рабочих. Вышеупомянутые «белоблузыники» частично вербовались из среды этих незрелых пролетарских элементов. Император любил, чтобы рабочие величили и превозносили его при осмотре им этих сооружений³⁾. Но в дальнейшем, в 60-е годы, и этот «строительный пролетариат» перешел на сторону революционеров. Бонапартизму удалось временно обуздать французский пролетариат, сбить его с толку и частично деморализовать, но в конечном счете ему все-таки не удалось путем «подкупа» превратить его в оплот своей власти.

4. Место фашизма в истории.

Мы считаем необходимым мотивировать наш пространный экскурс о бонапартизме. Разумеется, мы отнюдь не думали заменять исторической аналогией подлинный анализ конкретных фактов фашизма. Об этом не может быть и речи. Но анализ бонапартизма, данный Марксом, может служить для некоторым руководством к оценке и анализу фашизма и не только в качестве блестящего образца научного метода Маркса, но и в силу явных параллелей между бонапартизмом и фашизмом. Сопоставление того и другого плодотворно, главным образом, потому, что между бонапартизмом, как политической формой господства буржуазии накануне последнего расцвета капитализма в начале империалистической эпохи, и фашизмом, как одной из форм, завершающих эту эпоху, существует целый ряд знаменательных отличий, проливающих яркий свет на историческое значение фашизма.

С родство фашизма с бонапартизмом очевидно. В политическом отношении мы видим у фашизма усиление исполнительной власти вплоть до уничтожения демократии внутри господствующего класса, до уничтожения парламента; полное уничтожение самоуправления; в экономическом отношении — поощрение монополистических интересов финансового капитала и сильные госкапиталистические тенденции; в социальном

отношении — присвоение себе правительством роли арбитра в борьбе между рабочими и предпринимателями, попытки коррумпирования и закабаления пролетариата путем государственного вмешательства при отсутствии соответствующей экономической основы.

Но, с другой стороны, есть и значительные отличия между фашизмом и бонапартизмом. Идеологических вопросов мы здесь касаться не будем. То отличие, что Вторая империя была «военной диктатурой», является чисто внешним: современные армии, в составе которых так много пролетарских элементов, слишком «ненадежны». Вместо крестьянской армии Бонапарта появляется поэтому отборная фашистская милиция. Тут и там военная опора режима представляет вместе с тем его мелкобуржуазную массовую базу. Действительно важные отличия между фашизмом и бонапартизмом заключаются в другом. В политической области: фашизм выступает в качестве организованного массового движения, он не только создает «декабристскую банду» проходимцев, обкрадывающих государственную казну, но — мы берем классический итальянский пример — он организует на место либеральных политических клик и парламентских «партий» подлинную партию, единственную господствующую партию буржуазии, которая, при помощи своих органов, может единобразно и действенно руководить государственным аппаратом в борьбе с пролетариатом и империалистическими конкурентами (хотя, разумеется, мошенники и воры играют крупную роль и в фашизме). В экономическом отношении: у фашизма имеется прочная экономическая основа в лице современного финансового капитала, и ему незачем прибегать к столь сомнительным экспериментам, как «Crédit Mobilier»; его «государственный капитал» уже не исчерпывается надувательскими лотереями и государственным строительством, — он регулирует зарплату и цены, кредитует, снабжает сырьем и проч. В социальном отношении: фашизм пытается прорумпировать некоторую часть пролетариата не только примитивным способом государственных строительных работ, но и при помощи современной, созданной империализмом системы коррумпирования на основе колониальной политики и экспорта капитала (мы говорим «пытается» — другое дело, удается ли ему это); он уже при закабалении рабочего класса не ограничивается разгромом существующих рабочих организаций, — «сulla im чудесные ассоциации в будущем», он приступает к созданию собственных профсоюзов, контролируемых и руководимых буржуазным государством («государственный синдикализм»).

Таковы существенные особенности современного фашизма (о сходстве и отличиях классовой основы мы еще будем говорить). Резюмируя вышесказанное, мы можем утверждать, что между фашизмом и бонапартизмом Луи-Наполеона не больше сходства, чем между современным курьерским локомотивом и старой почтовой телегой.

Существенно для характеристики исторического места того и другого — факт, который определяется их идеология, их методы и политическое происхождение части их руководящей верхушки: резервуаром бонапартизма с его контрреволюционной и империалистической политикой (как в идеологическом, так и социальном отношении) служили элементы обанкротившихся либеральных и демократических освободительных движений; резервуаром фашизма — элементы обанкротившихся социал-демократических и синдикалистских движений.

Исторические предпосылки современного фашизма таковы:

1. Эпоха империализма, поставившая на место либеральной свободной конкуренции монополию, выдвинувшая в качестве экономически руководящей группы вместо промышленного капитала не старый финансовый капитал — биржевых спекулянтов, а современный финансовый капитал — продукт

¹⁾ «18-е Брюмера», стр. 107.

²⁾ См. также Энгельс «Жилищный вопрос».

³⁾ См. комментария А. Конради к новому изданию произведений Маркса и Энгельса по вопросу о «Reichsgründung und Kommune», Берлин 1920 г.

слияния банкового и промышленного капитала,—и тем создавшая и в политическом отношении очень прочную финансовую олигархию; эпоха, необычайно обострившая империалистические противоречия в борьбе за передел мира, и, наконец, породившая различные массовые движения в мелкой буржуазии и социал-империалистическое течение в рабочем движении.

2. Империалистическая война 1914—1918 гг., вызвавшая полное банкротство руководящих партий II Интернационала, и последующий всебийский кризис капитализма (прежде всего в Европе), создавший обширную деклассированную армию люмпен-пролетариата и разоривший мелкую буржуазию.

3. Наступление эпохи мировой революции, когда буржуазия и в «мирной», а не только в остро-революционной обстановке, прибегает к средствам гражданской войны в борьбе против пролетариата; гражданские войны в Восточной и Средней Европе, научившие и контрреволюцию организованной массовой борьбе и толкнувшие целый ряд социал-демократических вождей в лагерь активной контрреволюции; наконец, тяжелые поражения среднеевропейских революций, вызвавшие глубокое разочарование в массах мелкой буржуазии и крестьянства, а отчасти и пролетариата.

4. Кризис буржуазной демократии, банкротство парламентаризма. Иными словами: демократия, которая в эпоху империализма есть лишь маска буржуазной диктатуры, распознается, как таковая, массами эксплуатируемых.

Эта определенная историческая ситуация во всей Европе прямо поставила в порядок дня пролетарскую революцию, диктатуру пролетариата. Благодаря банкротству партий II Интернационала, и переходу их руководящих кадров на сторону контрреволюции, ни в одной стране (за исключением России) не оказалось революционной рабочей партии, способной руководить массами в борьбе и осуществить эту диктатуру. Значительная часть пролетариата приходит в смятение и впадает в индифферентизм, мелкая буржуазия отбрасывается в лагерь контрреволюции. В этот исторический момент на сцену выходит фашизм. Сначала в Италии. Он служит оружием для решительного подавления пролетариата, потом средством «стабилизации» итальянского капитализма. С началом «третьего периода» общего кризиса капитализма, нарастания нового подъема пролетарской всемирной революции, фашизм становится важнейшей формой буржуазной контрреволюции и борьбы против пролетариата в международном масштабе.

5. Классовая основа фашизма.

Анализируя «классический» итальянский фашизм под вышеочертанным углом зрения, в классовой основе его можно уловить следующие элементы:

1. Патроном и руководителем фашизма является империалистический финансовый капитал. Разумеется, это не следует понимать буквально: фашизм субсидируется всеми слоями буржуазии, в качестве ее орудия в борьбе с пролетариатом. Но при более точном определении его позиции, т.-е. той фракцией буржуазии, интересы которой он объективно представляет в рядах буржуазии, как класса, такой фракцией, несомненно, оказывается современный финансовый капитал, а не капитал промышленный и не капитал аграрный¹⁾. При этом нельзя отрицать возможности иных разновидностей

¹⁾ Тов. Аквила в своей превосходной брошюре «Фашизм в Италии» (Гамбург 1923 г.) присваивает эту роль в Италии промышленному капиталу. Это ошибочно. Она принадлежит вступившей на путь сращения банковым капиталом также индустрии, т.-е. финансовому капиталу, тогда как средний промышленный капитал аграрный и торговый образовали основу либерализма. Ту же ошибку делает L. W. в цитированной выше работе «Фашизм» (стр. 17) и тов. Fraçois Веггу в брошюре «Фашизм во Франции» (Париж 1926 г., стр. 7).

фашистского движения, при которых решающую роль играют специфические интересы других фракций буржуазии. Наглядным примером тому служит германский фашизм 1923—1924 гг.: южно-германская часть фашизма содержалась и возглавлялась промышленной буржуазией, северо-германская — буржуазией аграрной. Однако неуспех этого фашистского движения, обусловленный отсутствием или далеко зашедшем распадом финансового капитала в тогдашней Германии, с видетельствует о тесной связи судеб фашизма с судьбами финансового капитала.

Присмотримся теперь к развитию итальянского фашизма. Еще в зародышевой стадии, в 1915 году, он на французские деньги, т.-е. при сильной поддержке иностранного финансового капитала (напоминающей поддержку, оказываемую сейчас Англией фашизму в Восточной Европе) втягивает Италию в войну против центральных держав. В ту пору он был — прямо ли субсидируемый или нет, безразлично — выразителем интересов финансового капитала, северо-итальянской тяжелой промышленности и ею вновь основанного Banco di Sconto. В 1919—1922 гг., в годы возникновения подлинного фашистского движения, оно было выразителем интересов финансового капитала (даже и при выступлениях в качестве «самостоятельного» движения). Сильно окрепший благодаря войне финансовый капитал, в основе которого лежал головокружительный рост военной промышленности, недоволен «унаследованным» с военных времен либеральным режимом, опирающимся частью на аграрии, частью на среднюю промышленность. Правда, он умел прибегать под натиском пролетариата к гибкой тактике отступления, но он был неспособен остановить общий развал буржуазного общества, не мог образовать сильный контрреволюционный фронт под руководством буржуазии для борьбы с пролетариатом при помощи мелкой буржуазии, не мог использовать победу в борьбе с центральными державами для энергичной империалистической политики. В добовенной Италии массового империалистического движения, на которое мог бы опереться финансовый капитал, не существовало (в отличие от Германии); не было в ней также широкого социал-империалистического течения в рабочем классе. При такой ситуации орудием финансового капитала становятся «фаши» люмпен-пролетариата (частично возглавляемые опытными агитаторами и организаторами из среды рабочего движения). Они устанавливают его связи с классом, который нужен ему как массовая основа для его борьбы с пролетариатом и для его империалистической внешней политики, — связь с мелкой буржуазией.

Итальянский фашизм есть классическое доказательство того, что фашизм, в качестве политического фактора послевоенной эпохи, служит выразителем интересов финансового капитала. Взять хотя бы такую меру, как ревалоризацию и стабилизацию лиры. Говорить об этом, как о мере, «засторенной против буржуазии» (о чем толкуют героями буржуазной и социалистической эмиграции), разумеется, бессмыслица. Но, несомненно, эта мера (особенно ревалоризация) свидетельствует об отстаивании финансовым капиталом при помощи фашизма своих интересов наперекор другим фракциям буржуазии, и, в первую очередь, против старого промышленного капитала.

2. Первые «Fasci d'azione interventionisti» («интервенционистские союзы действий»), основанные в 1915 г. Муссолини, чтобы втянуть колеблющуюся либеральную буржуазию Италии в войну, были навербованы из среды типичного люмпен-пролетариата — богемы, охарактеризованной Марксом в вышеупомянутой цитате, со значительной примесью социалистов, синдикалистов и анархо-синдикалистов. Их расширенное новое издание 1919 г.—«Fasci di combattimento» (союзы фронтовиков) — было навербовано из среды социально опустившихся «окопных людей», мелкобуржуазной молодежи и деклассированных войной элементов: офицерства, студенчества, обанкротив-

слияния банкового и промышленного капитала,—и тем создавшая в политическом отношении очень прочную финансовую олигархию; эпоха, необычайно обострившая империалистические противоречия в борьбе за передел мира, и, наконец, породившая рабочие массовые движения в мелкой буржуазии и социал-империалистическое течение в рабочем движении.

2. Империалистическая война 1914—1918 гг., вызвавшая полное банкротство руководящих партий II Интернационала, и последующий всеобщий кризис капитализма (прежде всего в Европе), создавший обширную деклассированную армию люмпен-пролетариата и разоривший мелкую буржуазию.

3. Наступление эпохи мировой революции, когда буржуазия и в «мирной», а не только в остро-революционной обстановке, прибегает к средствам гражданской войны в борьбе против пролетариата; гражданские войны в Восточной и Средней Европе, научившие и контрреволюцию организованной массовой борьбе и толкнувшие целый ряд социал-демократических вождей в лагерь активной контрреволюции; наконец, тяжелые поражения среднеевропейских революций, вызвавшие глубокое разочарование в массах мелкой буржуазии и крестьянства, а отчасти и пролетариата.

4. Кризис буржуазной демократии, банкротство парламентаризма. Иными словами: демократия, которая в эпоху империализма есть лишь маска буржуазной диктатуры, распознается, как таковая, массами эксплуатируемых.

Эта определенная историческая ситуация во всей Европе прямо поставила в порядок дня пролетарскую революцию, диктатуру пролетариата. Благодаря банкротству партий II Интернационала и переходу их руководящих кадров на сторону контрреволюции, ни в одной стране (за исключением России) не оказалось революционной рабочей партии, способной руководить массами в борьбе и осуществить эту диктатуру. Значительная часть пролетариата приходит в смятение и впадает в индифферентизм, мелкая буржуазия отбрасывается в лагерь контрреволюции. В этот исторический момент на сцену выходит фашизм. Сначала в Италии. Он служит оружием для решительного подавления пролетариата, потом средством «стабилизации» итальянского капитализма. С началом «третьего периода» общего кризиса капитализма, нарастания нового подъема пролетарской всемирной революции, фашизм становится важнейшей формой буржуазной контрреволюции и борьбы против пролетариата в международном масштабе.

5. Классовая основа фашизма.

Анализируя «классический» итальянский фашизм под вышеочерченным углом зрения, в классовой основе его можно уловить следующие элементы:

1. Патроном и руководителем фашизма является империалистический финансовый капитал. Разумеется, это не следует понимать педантически: фашизм субсидируется всеми слоями буржуазии, в качестве ее орудий в борьбе с пролетариатом. Но при более точном определении его позиции, т.-е. той фракцией буржуазии, интересы которой он объективно представляет в рядах буржуазии, как класса, такой фракцией, несомненно, оказывается современный финансовый капитал, а не капитал промышленный и не капитал аграрный¹⁾. При этом нельзя отрицать возможности иных разновидностей

¹⁾ Тов. Аквила в своей превосходной брошюре «Фашизм в Италии» (Гамбург 1923 г.) приписывает эту роль в Италии промышленному капиталу. Это ошибочно. Она принадлежит вступившей на путь сращения с банковским капиталом тяжелой индустрии, т.-е. финансовому капиталу, тогда как средний промышленный капитал, капитал аграрный и торговый образовали основу либерализма. Ту же ошибку делает L. W. в цитированной выше работе «Фашизм» (стр. 17) и тог. Frantz Ветту в брошюре «Фашизм во Франции» (Париж 1926 г., стр. 7).

фашистского движения, при которых решающую роль играют специфические интересы других фракций буржуазии. Наглядным примером тому служит германский фашизм 1923—1924 гг.: южно-германская часть фашизма содержалась и возглавлялась промышленной буржуазией, северо-германская — буржуазией аграрной. Однако неуспех этого фашистского движения, обусловленный отсутствием или далеко зашедшем распадом финансового капитала в тогдашней Германии, свидетельствует о тесной связи судеб фашизма с судьбами финансового капитала.

Примостимся теперь к развитию итальянского фашизма. Еще в зародышевой стадии, в 1915 году, он на французские деньги, т.-е. при сильной поддержке иностранного финансового капитала (напоминающей поддержку, оказываемую сейчас Англией фашизму в Восточной Европе) втягивает Италию в войну против центральных держав. В ту пору он был — прямо ли субсидируемый или нет, безразлично — выразителем интересов финансового капитала, северо-итальянской тяжелой промышленности и ею вновь основанного *Vasca di Scontò*. В 1919—1922 гг., в годы возникновения подлинного фашистского движения, оно было выразителем интересов финансового капитала (даже и при выступлениях в качестве «самостоятельного» движения). Сильно окрепший благодаря войне финансовый капитал, в основе которого лежал головокружительный рост военной промышленности, недоволен «наследованными» с довоенных времен либеральным режимом, опирающимся частью на аграрии, частью на среднюю промышленность. Правда, он умел прибегать под натиском пролетариата к гибкой тактике отступления, но он был неспособен остановить общий развал буржуазного общества, не мог образовать сильный контрреволюционный фронт под руководством буржуазии и борьбы с пролетариатом при помощи мелкой буржуазии, не мог использовать победу в борьбе с центральными державами для энергичной империалистической политики. В довоенной Италии массового империалистического движения, на которое мог бы опереться финансовый капитал, не существовало (в отличие от Германии); не было в ней также широкого социал-империалистического течения в рабочем классе. При такой ситуации буди о финансового капитала становятся «фаши» люмпен-пролетариата (частично возглавляемые опытными агитаторами и организаторами из среды рабочего движения). Они устанавливают его связь с классом, который нужен ему как массовая основа для его борьбы с пролетариатом и для его империалистической внешней политики, — связь с мелкой буржуазией.

Итальянский фашизм есть классическое доказательство того, что фашизм, в качестве политического фактора послевоенной эпохи, служит выражителем интересов финансового капитала. Взять хотя бы такую меру, как ревалоризацию и стабилизацию лиры. Говорить об этом, как о мере, «застренной против буржуазии» (о чем толкуют герои буржуазной и социалистической эмиграции), разумеется, бессмыслица. Но, несомненно, эта мера (особенно ревалоризация) свидетельствует об отстаивании финансовым капиталом при помощи фашизма своих интересов наперекор другим фракциям буржуазии и, в первую очередь, против старого промышленного капитала.

2. Первые «Fasci d'azione interventzionisti» («интервенционистские союзы действия»), основанные в 1915 г. Муссолини, чтобы втянуть колеблющуюся либеральную буржуазию Италии в войну, были навербованы из среды типичного люмпен-пролетариата — богемы, охарактеризованной Марксом в вышеприведенной цитате, со значительной примесью социалистов, синдикалистов и анархо-синдикалистов. Их расширенное новое издание 1919 г. — «Fasci di combattimento» (союзы фронтовиков) — было навербовано из среды социально опустившихся «окопных людей», мелкобуржуазной молодежи и деклассированных войной элементов: офицерства, студенчества, обанкротив-

шихся фабрикантов и лавочников, людей, пострадавших от инфляции, всех присосавшихся к армии негодяев, научившихся воровать и отучившихся работать,—людей, в которых война убила профессиональные навыки и семейные привязанности, литераторов-неудачников, уголовных преступников, обнищавших аристократов и, в частности, разоренныхвойной и ее последствиями представителей «свободных профессий»,—коротко говоря, из новых пластов люмпенпролетариата, обуреваемого туманными националистическими и социалистическими идеями, склонного к насилию и жадного до всего, чем можно набить карманы и брюхо. Эти элементы составили ядро фашизма¹⁾. Правда, эти люди не ходят «в лохмотьях»; зачастую, наоборот, они,—как Маркс сказал,—смешно щеголяют в сюртуках с галунами» (Италия). Местами они выступают в качестве заводских шпиков и сотрудников охранки или «рабочих» команд в крупных поместьях (Германия); местами в виде военных отрядов (Польша). Массовое происхождение этого люмпен-пролетариата из империалистической войны заставляет его предпочтительнее выступать в виде военных формаций. Под его руководством формируются «союзы фронтовиков», милиция, стрелковые организации и пр., с присущей им специфической идеологией—«духом фронта», «духом 1914 г.». Это—классический образец фашизма.

3. Итальянская мелкая буржуазия в огромной массе была после войны на острове социалистического пролетариата. Она возлагала надежды на пролетариат, который нигде, кроме России и Германии, не проявил такую мощь напора. Но полное банкротство социалистической партии в 1919—1921 гг., обусловленное контрреволюционным саботажем реформистов, «топтание» революции на месте, пассивность и депрессия, овладевшие в силу этого пролетариатом,—все это обусловило отход разочарованной мелкой буржуазии от пролетариата. Крестьянство и арендаторы, ремесленники, мелкие промышленники, служащие и члены свободных профессий, коротко говоря, мелкая буржуазия, перешла на сторону фашизма, идеология которого соответствовала ее классовому характеру. «Фаши», насчитывавшие в мае 1920 года немее 10.000 членов, в ноябре 1921 года имели в своих рядах уже свыше 300.000 человек. Разочарованная в пролетариате мелкая буржуазия подчинилась руководству субсидируемого финансовым капиталом и возглавляемым им люмпен-пролетариатом.

Необходимо, однако, подробнее обрисовать взаимоотношения между итальянским фашизмом и буржуазией в процессе их развития. Во-первых, присмотреться к его роли, как орудия финансового капитала. Иные говорят (Беккерат, стр. 36), что крупная буржуазия вначале «относилась к фашизму скептически» и лишь в дальнейшем «присоединилась» к нему, что «влияние крупной буржуазии» на фашистскую политику сказалась лишь после прихода фашизма к власти²⁾. При этом смешивают разные вещи: 1) обективную роль фашизма, бывшего с самого начала орудием империалистического финансового капитала, с субъективным сознанием его деятелей, и 2) роль финансового капитала, как направляющей силы фашизма, с персональным участием крупной буржуазии в фашистском движении, 3) роли, которые фашизм

¹⁾ Ошибочное смешение основного фашистского элемента с мелкобуржуазными попутчиками встречается в последнее время даже в очень хороших в основном анализах. В качестве примера можно указать на дискуссию о фашизме на расширенном пленуме ИККИ в июне 1923 г., где он охарактеризован весьма четко в качестве контрреволюционного движения, возглавляемого крупной буржуазией, при чем была правильно оттенена (игнорируемая Бордигой) необходимость идеологической работы коммунистов в рядах мелкой буржуазии, находящейся под влиянием фашизма; и все же люмпен-пролетарское ядро не было достаточно четко выделено из мелкобуржуазной массовой основы. Радек (в своей речи о Шмидте) сделал отсюда ошибочный тактический вывод—он проповедывал симпатии к люмпен-пролетариатом.

играл в различных стадиях для финансового капитала: вплоть до конца 1921 года фашизм был орудием террора против рабочего движения, в дальнейшем же сделался политической партией, стремившейся подчинить все слои буржуазии гегемонии финансовой олигархии. Совершенно ясно, что и отношение финансового капитала к фашизму на различных этапах его развития было различным.

Перейдем теперь к связи фашизма с широкой массой буржуазии. Несомненно, что фашизм вел жестокую борьбу с либеральными и демократическими фракциями буржуазии, начиная с 1924 года. Бессспорно, можно провести некоторую параллель между фашизмом и бонапартизмом Второй империи. Но между ними существует и крупное различие: в современной Италии финансовая буржуазия сращена с промышленной, в силу чего возглавляемый ею фашизм ярче окрашивается в тона буржуазного движения. Уже в момент захвата власти Муссолини решающую роль сыграло вмешательство в его пользу «Confederazione Generale dell'Industria». А в период пребывания фашизма у власти как в политической, так и в социальной области произошло слияние фашизма с крупной буржуазией, благодаря персональному участию и руководящей роли буржуазии в партии, где она оттеснила на задний план люмпен-пролетарские элементы «фашизма первого часа». Тальгеймер ошибается, когда он, сопоставляя фашизм с бонапартизмом, говорит: «И при господстве итальянского фашизма... буржуазия господствует, но не правит»³⁾. В том-то и состоит отличительная черта и специфическое достижение фашизма, что он организует правительственный партию крупной буржуазии. Если присмотреться к фашистским министрам, статс-секретарям и префектам, в них не трудно распознать не только доверенных лиц крупной буржуазии, но и прямых выходцев из нее. Персональное сращивание верхушек государственного аппарата с крупными трестами,—этот общий закон империализма,—в фашистской Италии не только не пошло на убыль, а, наоборот, яконо усилилось²⁾.

Вышеупомянутые конфликты между фашизмом и буржуазией тоже имели иной характер, чем в бонапартистской Франции. Это были (в силу вышеуказанных причин) лишь конфликты с менее значительными слоями буржуазии, с некоторыми кругами торгового капитала и капитала перерабатывающей промышленности, старого банковского капитала и большой либеральной «прессы» (*«Corriere della Sera»*). К тому же эти конфликты с буржуазией были еще в большей степени, чем во Второй империи, конфликтами с парламентскими представителями и идеологами соответствующих слоев буржуазии, а не с самой буржуазией. Действительно, в Италии в 1922 г. был налицо острый конфликт между буржуазией страны и ее представителями в палате. Фашизм это противоречие использовал: в течение пяти лет своего пребывания у власти он отмел в сторону или переделал по-своему целое поколение буржуазных политиков. Шаг за шагом, в созвучии с развитием широких кругов буржуазии, он приспособил «либеральную государственность» давленной Италии к потребностям нового финансового капитала. Если при этом его первоначальные попутчики—старые представители буржуазного

¹⁾ «Rote Fane» № 50 от 28/II-28 г. «Новый германский империализм» и «Фольшевики», № 8 (1928 г.). То же ошибочное положение отстаивал тов. Лапинский в статье «Вверх ногами» (*«К. I.»*, нем. изд. 1926 г., № 9, стр. 847) в применении к Польше, как общий закон фашизма. Он говорит о вытеснении буржуазии, об утере ее политической самостоятельности, о «моральной пауперизации» и проч. мелкой буржуазии, которая захватывает государственный аппарат и затем, «усыпавшись», уже больше (?) не мешает буржуазии обогащаться.

²⁾ Это вполне правильно подчеркивается в тезисах итальянской компартии ко 2-й партконференции (см. «Инпрекор» 1928 г., № 24, стр. 470, пункт 8).

либерализма (Джолитти, Соннино, Саландра) — вскоре снова отпали от него, то это свидетельствует лишь о противоречии между буржуазией и ее старыми идеологами, а не о противоречии между решающими частями буржуазии и фашизмом.

В заключение несколько слов об отношении пролетариата к фашизму. В составе фашистской партии никогда не было, и до сих пор нет, сколько-нибудь значительного процента рабочих¹⁾. Что касается фашистских профсоюзов, то, правда, в 1922 году наблюдался массовый приток в эти союзы наиболее отсталых слоев сельского и городского пролетариата. Но времена эти давно минули и в наши дни фашистским профсоюзам удается удерживать своих членов лишь при помощи экономического принуждения.

Такова в общих чертах классовая основа итальянского фашизма (или отношение к нему различных классов). Классовая основа фашизма — при некоторых конкретных различиях — во всех фашистских движениях одна и та же. Разумеется, в зависимости от ступени его развития мы находим колебания в соотношении элементов его классовой базы, находим различные ступени «эрелости», различные видоизменения. Но эти видоизменения во всех странах приблизительно одинаковы. Так, например, на ряду с фашизмом, возглавляемым финансовым капиталом, мы имеем в Италии «аграрный фашизм» — крупно-помещичий — и мелкобуржуазный фашизм (движение, возглавляемое д'Аннуцио). В частности, аграрный фашизм играл, да и сейчас играет, крупную роль в процессе внутренних противоречий движения. Летом 1921 года, когда массовый приток аграриев в фаши грозил превратить их в простое орудие аграриев с их узкими интересами (сводящимися к обузданнию сельскохозяйственных рабочих), Муссолини, опираясь на люмпен-пролетарские и мелкобуржуазные элементы, построил строго-дисциплинированную партию и подчинил аграрный фашизм целям движения, возглавляемого финансовым капиталом. В других странах противоречия между аграрным и мелкобуржуазным фашизмом временно срывали движение, как это было, например, в Венгрии в 1921—1922 гг. и в особенности в Германии в 1923—1924 гг., где крупная буржуазия отвернулась от взращенного ею в 1923 году фашизма, после чего он распался на северо-германское аграрное и южно-германское мелкобуржуазное крыло и в конце концов совершенно разложился (о новом германском фашизме, частично унаследовавшем остатки старого, мы еще будем говорить ниже).

Различия между фашистскими движениями отдельных стран заключаются еще и в том, что за отсутствием отечественного финансового капитала роль его иногда играет иностранный, как мы это видим в Литве, Польше, Болгарии, где эту гуманную роль взял на себя английский финансовый капитал. И, наконец, еще одно различие: в «свежеспеченных» республиках или в королевствах, потерявших короля, — например, в Германии и в Венгрии — к люмпен-пролетарским кадрам фашизма примыкает весь ниспровержнутый монархический и «легитимистский» сброд — феодальное дворянство, придворное дворянство, бывшие камердинеры, верноподданные учителя гимназий, католические и евангелические попы. В Италии нечто подобное произошло лишь после захвата власти фашизмом, да и то в незначительной мере. Как монархия, так и католическая церковь укрепили здесь свою самостоятельную позицию, и недостатка в конфликтах с фашизмом нет. Как известно, католическая церковь, т.-е. папа, и во Франции выступала против части французского фашизма (группирующегося вокруг «Асион Франсе»); в Германии она тоже не солидаризируется с фашизмом. Впрочем, изменение

¹⁾ См. интересный материал в статье Secondino Tranquilli («Коммунистический Интернационал» 1928 г., № 14).

политического положения очень быстро может изменить позицию католицизма.

Все эти разногласия и различия несущественны по сравнению с тем основным фактом, что фашизм есть движение, субсидируемое и возглавляемое финансовым капиталом, при чем ядром его является люмпен-пролетариат, а массовой основой — сельская и городская мелкая буржуазия. Отсюда видно, как нелепо называть фашизм «самостоятельным движением мелкой буржуазии» и как неправильно «принципиально» отличать фашизм от всех прочих форм контрреволюции. Как раз то обстоятельство, что его ядро и основатель является финансовый капитал, а ядром люмпен-пролетариата, делает его с борьщем самых реакционных элементов, а в некоторые моменты наилучшим сборным пунктом всех контрреволюционеров; это придает ему гибкость и ударную силу и в международной политике. Элементы фашизма, т.-е. массовый люмпен-пролетариат: оконного и инфляционного периода, имеются всюду. Создается ли из этих элементов «фашистское» массовое движение, зависит, в первых, от национального или международного финансового капитала (о возможности быстрой смены инсценировок свидетельствует Польша и Литва в 1926 году) и, во вторых, от политики пролетариата.

6. Фашизм и классовая борьба между буржуазией и пролетариатом

Мы переходим теперь к решающему пункту в анализе фашизма, как особой формы буржуазной контрреволюции.

Выше мы уже вскользь упомянули, что с внешней стороны фашизм выступает как «третья сила» в классовой борьбе между буржуазией и пролетариатом. Теперь мы можем указать и классовый корень этой позиции: этим корнем является не только мелкая буржуазия (доставляющая движению его массовую базу и идеологию), но также финансовый капитал, стоящий за спиной фашизма. А финансовый капитал, который не ограничивается подобно мелким промышленным эксплоататорам выжиманием соков из рабочих данного предприятия, но эксплуатирует и самих мелких эксплоататоров и через банки государственный аппарат и т. д. крестьянские массы собственной страны и даже целые народы, — финансовый капитал имеет, конечно, больше возможностей, чем мелкий промышленный хозяйствчик, делать широкие жертвы, подкупать целые группы, настраивать один класс против другого и т. д., словом, играть роль так называемой «третьей силы».

Сама по себе такая позиция не заключает в себе ничего нового. Известно, что не только монархия, но и буржуазная республика издавна выдавали себя за «надклассовые» учреждения. Для фашизма характерна, таким образом, не сама эта роль, а те методы, с помощью которых он ее выполняет до и после захвата власти.

Из истории классовой борьбы нам известны особенно два метода, применяемые буржуазией (или ее государством) против пролетариата: т error и подкуп. Мы имеем, с одной стороны, подавление рабочего движения с помощью запретительных законов и судов, его терроризирование посредством полиции, «пинкertonовщины» и т. д., его физическое истребление; а с другой — развращение рабочего движения путем создания организаций по действию «промышленному миру», «компанейских союзов», желтых профсоюзов и т. д. Сюда же относятся теперь «буржуазная рабочая партия» (социал-демократия) и реформистские профсоюзы (в виду их обективной роли под руководством сознательного желтой профбюрократии, в виду сращенности их аппарата с аппаратом буржуазного государства и с трестами): от откровенно желтых организаций они отличаются только

убогой идеологической покрышкой, да еще верой широких рабочих слоев в их преданность рабочим интересам.

В чем сущность фашизма по отношению к этим двум методам классовой борьбы буржуазии против пролетариата? Она заключается, коротко говоря, в тесном и своеобразном сочетании обоих методов. Не один только террор и не одни только желтые организации, а то и другое вместе—вот что такое фашизм: это одновременно «карательная экспедиция» и «национальные профсоюзы», как было в Италии до захвата власти (и по существу осталось до сих пор), или, как мы это видим сейчас в развивающемся по всей Германии и уже нашедшем свою классическую форму в Австрии, «фабричном фашизме». Это своего рода вооруженная желтая профсоюзная организация.

Буржуазия издавна сочетала террор с подкупом в своей борьбе против пролетариата. В чем же своеобразие этого сочетания в фашизме? Сказанного до сих пор еще не достаточно, чтобы вполне понять своеобразие фашистских методов и причину их временного крупного успеха. Наличность такого успеха отрицать нельзя. Не в одной Италии фашизму удалось запутать широкие слои пролетариата, оторвать их от классовой борьбы и даже временно перетянуть на свою сторону. Как обяснять эти успехи? Большей частью их обясняют тем, что в организационном отношении фашизм многому научился у рабочего движения. Это без сомнения верно; он перенял или старался перенять профсоюзную, кооперативную (Италия), фабрично-ячейковую (Германия) организацию. Однако это затрагивает только поверхность вопроса, по существу гораздо более глубокого. Отношение фашизма к «буржуазной рабочей партии» (к социал-демократии, реформизму, синдикализму)—вот чем обясняются его успехи и вместе с тем его своеобразие, как орудия классовой борьбы. Это отношение отнюдь не сводится к борьбе между диктатурой и демократией, как изображают дело реформисты, но и не к чисто-внешнему обединению двух различных реакционных сил. Мы уже указали выше на «буржуазную рабочую партию», как на историческую предпосылку фашизма. Но мы имеем в данном случае не просто историческую, а политическую связь, прямой переход реформизма в фашизм, взаимное срастание обоих. Мы ограничимся здесь краткой характеристикой следующих групп фактов, необходимых для анализа фашизма:

1. Крах старого II Интернационала в начале мировой войны, его шовинистическая военная политика и его контрреволюционная роль в первую фазу международной революции с 1919 г. раскололи рабочее движение, частично превратив его в буржуазное рабочее движение, поселили разочарование в рабочих массах, толкнули мелкую буржуазию в лагерь реакции и создали, таким образом, предпосылки для массового фашистского движения.

2. Кроме того, социал-демократия доставила фашизму незаменимую для развертывания пролетариата идеологию в виде учения о деловом сотрудничестве классов. Против этого утверждения можно было бы возразить, что это старая буржуазная идеология, только получившая для различных выражения у фашистов и у социал-демократии. Но дело тут не только во внутреннем родстве, а в том, что социал-демократия прямо подготовила идеологическую и политическую базу для фашизма. Фашистская идея классового сотрудничества есть нечто большее, чем старая «желтая» идеология, она предполагает всю эволюцию, проделанную идеей классового сотрудничества в кругах «буржуазной рабочей партии» (трех-юнионизм, социал-империализм, деловое сотрудничество, арбитражная система и т. д.). Некоторые важные элементы этой новой идеологии фашизм просто перенял, другие развил дальше. Главное различие в том, что «старый» реформизм пытался провести деловое сотрудничество классов под маской «демократии»

т.е. маскируя момент принудительной государственной власти, а фашизм создает, наоборот, с тою же целью открыто сильную диктатуру, якобы стоящую над классами. На деле, однако, и старый реформизм считал государство надклассовым учреждением. Таким образом, и в этом пункте фашистская идеология представляет собою только дальнейшее развитие реформистской. Но, с другой стороны, и реформизм перенимает в своей новейшей стадии — социал-фашистский — характерно фашистские методы (открытый террор, принудительный государственный арбитраж, запрещение стачек, государственные профсоюзы) и фашистскую идеологию (прославление государства, признание диктатуры и т. д.). Если целый ряд итальянских профсоюзных лидеров (д'Арагона и К^o) заявлял, что фашизм осуществил все, чего они сами добивались, если Альбер Тома благословляет работу фашизма, то это есть, разумеется, низкое предательство, но вовсе не свидетельствует о какой-либо перемене в идеологии этих людей. Фашизм есть цель развития идеологии и практики «буржуазной рабочей партии».

3. Фашизм повсюду вобрал в себя с самого же начала часть социал-империалистических руководящих слоев старого социал-демократического или синдикалистского рабочего движения и до сих пор оказывает на них все возрастающее притягательное действие. Интересно, что мы имеем здесь два различных типа таких перебежчиков. Во-первых, это по большей части «левые» или анархо-синдикалистские элементы, выступившие еще в эпоху II Интернационала против официальной пацифистской маски социал-империализма, а с началом войны ударившиеся в путаный «революционный» шовинизм. Сюда относится в первую очередь Муссолини и ряд других вождей итальянского фашизма. Но что это был интернациональный тип, хотя он нигде, кроме Италии, не созрел до степени фашизма, доказывают такие имена, как Пауль Ленш (Германия), Гайндман (Англия), Эрве (Франция). Националистическую группу Пилсудского в польской социал-демократии можно отнести сюда же. В лице этого первого «слоя» мы имеем еще дело не столько с представителями рабочей аристократии, сколько с элементами отчасти мелкобуржуазными, отчасти люмпен-пролетарскими¹⁾. Второй «слой» появляется как в Италии, так и в других странах, только после войны, подорвавшей положение рабочей аристократии в ряде стран (Германия), и после победы итальянского фашизма. Но здесь перед нами не просто оппортунизм «в виду совершившихся фактов». Бальдези, согласившийся вступить в фашистское правительство тотчас после переворота 22 октября, д'Арагона и К^o, переметнувшиеся в лагерь фашизма в 1926 г., целый ряд старых вождей итальянского реформизма, наконец, в Германии А. Винниг и «старая социал-демократическая партия», отделившаяся в 1925 г. в Саксонии от социал-демократии, большинство польских пепээсовцев и т. д.—все эти перебежчики сигнализируют социально-политическое явление огромной важности, а именно, переход руководства рабочей аристократии к фашизму.

4. Но если отдельные группы перебежчиков уже сейчас переходят от социал-демократии к фашизму, то сами «буржуазные рабочие партии» окончательно достигли новой ступени развития, приспособленной к социал-фашизму. Этот новый термин должен пониматься не как особенно выразительное ругательство, а как обозначение новой фазы в развитии буржуазных рабочих партий, знаменуемой тем, что после прекращения оппортунизма в социал-шовинизм и социал-империализм (1914 г.), после контрреволю-

¹⁾ Необходимо заметить, что и после войны в левой социал-демократии находились такие тенденции. Так, напр., бывший «независимец» Никиш уже доказался до фашизма. Современная «левая» с.-д. (Пауль Леви) в дискуссии о военной программе выразила определенно фашистское воззрение.

ционной борьбы за буржуазную демократию (1914—1923 гг.), эти партии перешли теперь во всех крупных странах к тактике белого террора и к открытой диктатуре, ведут подготовку войны против СССР и постепенно перерастают в фашизм. Таково положение в Польше и на Балканах, но также и в капиталистически созревших государствах, в Германии, Америке и Франции и, в конце концов, во всем II Интернационале. Нападение вооруженных пепеэсовских дружины на первомайских демонстрантов в Варшаве, поддержка палаческого режима в Болгарии, поддержка Чан Кай-ши, гоминдана и фашистских профсоюзов в Китае, фашизация «Имперского Знамени» (Reichsbanner) в Германии, мондизм в Англии, «хозяйственная демократия», правительственные политики социал-демократов в Германии и Англии, законы Поля Бонкура во Франции, братание Американской Федерации Труда с Американским легионом и т. п. — все это факты, характеризующие социал-фашизм¹⁾. От фашизма в тесном смысле он отличается тем, что представляет собою стадию перерастания социал-демократии в фашизм и что его классовой базой служат главные кадры рабочей аристократии и еще идущие за ними, хотя уже с ропотом, развернутые слои рабочих.

По мере дальнейшего расшатывания экономических основ рабочей аристократии, по мере революционирования и полевения рабочих масс и неизбежного разложения буржуазных рабочих партий будет также усиливаться эта перерастание социал-демократии в фашизм, а равно и переход социал-фашизма в лагерь открытого фашизма.

Анализ внутреннего родства фашизма с социал-демократией, перерастание одного в другое, чрезвычайно важен для понимания фашизма, в частности для понимания его отношения к пролетариату. Вместе с тем, он дает возможность правильно установить различия между фашизмом и «старым» реформизмом и, таким образом, выяснить специфические особенности фашистских методов. Если социал-демократия до сих пор сочетала свою программу классового сотрудничества с политической теорией либерализма, то фашизм связывает ее со своей «новой» теорией самодержавия, этим склоняется к романтической теории государства эпохи реставрации. Но он не ограничивается одной теорией, а делает из нее очень важные практические выводы. Возьмем классический пример итальянского фашизма. В чем сущность его «решения» проблемы классовой борьбы? Она заключается прежде всего в следующих трех программных пунктах:

1. Хозяйственные конфликты между классами должны разрешаться властным словом государства. Отсюда — законодательное и судебное установление условий труда, запрещение стачек и т. д. Надо, впрочем, заметить, что итальянский фашизм пришел к этому запрещению в общей форме (законы профсоюзах) лишь постепенно: вначале он допускал забастовки под руководством фашистских профсоюзов.

2. Государство не должно предоставлять классы «самим себе» или политическим партиям. Оно само организует их, «включает их в единство нации», контролирует и направляет деятельность соответствующих организаций. Это приводит к созданию фашистских предпринимательских об'единений и особенно фашистских профсоюзов, официально об'являемых монопольными и контролируемыми государством (государственный синдикализм), к подавлению всех свободных профсоюзных организаций (впрочем, по отношению к предпринимательским союзам фашизм обнаружил при проведении этого принципа самую широкую терпимость).

3. Государство об'единяет предпринимательские и рабочие союзы по отдельным отраслям в общие единые союзы (корпорации, сословные орга-

зации по профессиям), задача которых — блюсти «высшие и общие интересы производства» и отдельных профессий. Оно пытается таким путем разбить класс на цехи и вовлечь рабочих в конкурентную борьбу различных предпринимательских групп, производств и районов. Новосозданные корпорации официально именуются — в отличие от профсоюзов (синдикатов) — «государственными органами управления».

Итак, принудительный арбитраж, государственный синдикализм и социальная организация по профессиям — такими чертами характеризуется попытка классического итальянского фашизма «разрешить» проблему классовой борьбы. Фашистское движение в других странах еще далеко не достигло этой ступени, даже там, где оно в большей или меньшей мере держит правительство под своим контролем, как в Польше. Но повсюду фашистское движение выдвигает одни и те же методы.

И это характеризует не только фашистские организации, но и политику современной финансовой олигархии вообще. Возьмем, впервые, арбитражную систему в Германии, законы или законопроекты о принудительном арбитраже в Норвегии, Франции, Австралии, Китае, Мексике и т. д.; вторые, английский закон о профсоюзах, милитаризацию французских профсоюзов в случае войны, превращение реформистского профсоюзного аппарата в часть государственного аппарата буржуазии во всех странах; в третьих, «мондизм» в Англии, «Имперский Экономический Совет» в Германии, французский «Экономический Совет», — все это, несомненно, факты, иллюстрирующие три указанных существенных признака фашистской политики. Все эти мероприятия и учреждения являются по существу фашистскими.

То же самое, хотя и не в такой же степени, следует сказать о методах так называемой «американизации рабочего движения» (компанийские союзы, welfare schemes, хозяйственные спортивные кружки, Werkgemeinschaft и т. д.). Хотя было бы неправильно называть их прямо «фашистскими», они все же, несомненно, представляют собою переходную ступень к фашизму.

К исторической оценке роли фашизма в империалистическую эпоху мы еще вернемся ниже, но несколько слов по этому поводу необходимо сказать теперь же. Капитализм издавна борется с классовыми организациями пролетариата. На ряду с прямым полицейским террором, запретами и т. д., важнейшим орудием этой борьбы были в доимпериалистическую эпоху «желтые» организации. Империализм — сохраняя эти — впервые пускает в ход «либеральный» экономический (и политический) подкуп рабочей аристократии. Против этого «старого» метода империалистического разворачивания пролетариата фашизм выдвигает новый метод. «Старый» метод заключался в подкупе рабочей аристократии сверхприбылями финансового капитала (преимущественно колониальными), при чем эта подкупленная рабочая верхушка в свою очередь идеологически отравляла широкие слои пролетариата. Но одним из важнейших фактов, лежащих в основе фашизма, является как раз отсутствие или сужение соответствующей экономической базы (сверхприбылей) и в связи с этим отсутствие или глубокое разложение старой рабочей аристократии. В фашистском движении на место старой рабочей аристократии становится люмпен-пролетариат или деклассированные элементы мелкой буржуазии и «старой» рабочей аристократии — новая, открытая подкупленная «рабочая аристократия» надсмотрщиков и служащих. А фашистский метод разворачивания пролетариата и осуществления «классового сотрудничества» состоит в том, что «либеральный» подкуп, достигаемый средствами «свободной» экономики (да еще борьбой против профсоюзов при помощи всевозможных желтых организаций), заменяется организо-

¹⁾ См. статью «Реформизм и война», «Правда», 1 августа 1929 г.

ванным государственным подкупом профбюрократии (вплоть до ее низовых звеньев), ее использованием не только для идеологического отравления, но и для экономического и политического захвата масс посредством реформистской профсоюзной дисциплины, арбитражной системы, сращения профсоюзов с государственным аппаратом, «огосударствлением» профсоюзов. Характер подкупа меняется: с одной стороны, он становится все более «государственным», а с другой — распространяется уже на совсем узкий слой надсмотрщиков и служащих на предприятиях и на профсоюзную, политическую и т. д. рабочую бюрократию.

Таковы два различных метода, соответствующих двум различным стадиям развития империализма. Конечно, существует много промежуточных типов; конечно, уже в первом типе можно найти много элементов второго. «Американизация» рабочего движения есть еще только переходная ступень от первого ко второму методу; она покоится еще на экономической базе обильных сверхприбылей американского империализма, сильной рабочей аристократии и т. д. Но что она уже является именно переходной ступенью к фашизму, это видно — на ряду с американской практикой — особенно из попыток ее его перенесения в Европу. Европейская социал-демократия, сама продукт экономического подкупа, пытается сохранить этот метод вопреки исчезновению его материального фундамента. Она скопировала приемы американской рабочей аристократии, перенимала лозунги хозяйственной демократии, промышленного мира и т. д. Но в других условиях, при отсутствии надлежащих материальных предпосылок, эти лозунги и эта политика приобретают действительно фашистский характер, становятся элементами в процессе перерастания социал-демократии в фашизм.

7. Фашизм как политическая форма классового господства буржуазии.

Правящий фашизм, особенно в Италии, создал новую форму классового господства буржуазии, сознательно противопоставляющую себя той форме этого господства, которая до сих пор считалась «высшей», т. е. формой демократической республики.

Каковы главные признаки развитого фашистского государства в Италии?

В определых, усиление исполнительной власти, упразднение принципа «тройного разделения властей», в частности упразднение законодательного органа, парламента.

В оторвых, иерархический строй, т. е. назначение сверху, становится на место представительной системы. В «нижних» этажах государственного здания это проявляется в отмене всякого самоуправления, даже всякой видимости такового; в «высших» же этажах — в устранении всякого влияния парламентских «партий» на состав правительства и верхушечной бюрократии и в установлении самодержавной власти, открытой диктатуры одного или нескольких лиц.

В третьих, мы имеем «корпоративный» принцип, «сословный строй», или как бы это ни называть, т. е. попытку укоренить буржуазное государство в «обществе» новым способом (или создать иллюзию такого укоренения) на основе «корпораций» (и «синдикатов»), «сословных организаций», профессиональных обединений, цехов и т. д. Экономизм, цеховщина, деловое сотрудничество с капиталом, бывшие для социал-демократии только базой либеральной «политики», становятся для фашизма принципом политического действия, т. е. средством уничтожения даже этого жалкого суррогата политики («буржуазной рабочей политики»), средством уничтожения последних остатков «политической свободы», «предлогом» для полного закабаления и политического порабощения пролетариата.

Прежде чем идти дальше, присмотримся внимательнее к этим трем пунктам. «Свобода и равенство» (со временем французской революции, входящие в большей или меньшей дозе во все буржуазные конституции) всегда были только равенством капиталистов и свободной эксплуатации. Парламентаризм, в котором эти принципы осуществлялись в той или другой форме, был трибуналом, на которой боролись за власть и договаривались отдельные фракции буржуазии. Тем не менее, в прошлом его роль была прогрессивна, поскольку он дал пролетариату возможность завоевать себе элементарные права посредством использования противоречий внутри господствующего класса. С наступлением империалистической эпохи дело меняется: парламентаризм сам превращается в орудие борьбы с пролетарской революцией. Все фракции буржуазии становятся равно реакционными. Парламентские битвы буржуазных партий становятся чисто-показными, рассчитанными на соблазнение пролетарских масс и всех обездоленных разными избитыми программами — консервативными, демократическими, религиозными, социальными, либеральными и т. д.; низвержение министерств, парламентские бури в стакане воды должны отвести глаза масс от того факта, что действительное господство прочно покоятся в руках финансовой олигархии. К этому свелась в конце концов либеральная буржуазная «политика». Что же сделал итальянский фашизм? В сущности он не произвел никакого переворота, ничего такого, что могло бы заметно изменить соотношение классов. Он только заложил фундамент буржуазной «политики», давно уже потерявший всякий прогрессивный смысл.

Разумеется, эта мера — упразднение парламентаризма — не есть только дело вкуса. Она является звеном в фашистской контрреволюции в плане подавления и порабощения революционного пролетариата. Но сама по себе она отнюдь не самое главное, не в ней суть фашизма, как об этом требуют социал-демократы и все демократические мещане. Упразднение парламентаризма изменяет, с точки зрения пролетариата, только форму угнетения. Политическая же суть меняется при этом лишь для буржуазии, именно меняется форма выявления ее классовой воли, осуществляется гегемония финансовой олигархии над остальными буржуазными группами. Тут фашистское упразднение парламента означает замену демократии диктатурой. По отношению же к пролетариату оно является лишь заменой одной формы диктатуры другой.

Но сама эта перемена есть только средство, а не цель. Она приводит к централизации государственного аппарата, к устраниению внутренних тренд и неустойчивого положения правительства, и создает, таким образом, предпосылки для выполнения целого ряда функций, характеризующих фашистское государство, на ряду с перечисленными выше признаками, как новую политическую форму классового господства буржуазии. Эти дальнейшие признаки суть:

В четвертых, государство официально создает, вооружает и контролирует преторианские гвардии, фашистские милиции и т. д. для проведения белого террора. (В Италии мы имеем не только сращение фашистской милиции с государственным аппаратом, но и подчинение местных отделов фашистской партии контролю префектуры).

В пятых, государственный синдикализм (о котором уже была речь выше).

В шестых, государственный капитализм. Любопытно, что итальянский фашизм, который в первое время после прихода к власти, щеголяя либеральными выпадами против вмешательства государства и фактически передал государственные предприятия частному капиталу, очень скоро свернулся на путь государственного капитализма. И он сделал это, в отличие от других

буржуазных государств (напр., Англии и С.-А. С. Ш.), открыто, не сущаясь с либеральными традициями. Хартия Труда от 21 апреля 1926 г. в своем IX разделе определило предоставляет государству право вмешательства в хозяйственную жизнь страны в случае отсутствия или недостаточности частной инициативы, равно как и в случае политической заинтересованности государства, при чем это вмешательство может даже принимать форму непосредственного управления предприятиями¹⁾. И эта программа фактически проводится в жизнь в широком масштабе.

Необходимо констатировать, что во всех этих пунктах «фашистское государство» только продолжает дальше, без всяких масок и вполне официально, те тенденции, которые в общем развились внутри буржуазного государства в эпоху империализма и в особенности после мировой войны. Во всех важнейших капиталистических странах мы наблюдаем усиление исполнительной власти и урезывание роли парламента, отмену самоуправления, создание особых буржуазных гвардий и милиций, государственный контроль над профсоюзами, тенденции в сторону государственного капитализма. Словом, можно сказать, что происходит изменение всех буржуазных государств, совершающееся, если позволительно так выразиться, фашистское разложение буржуазной демократии, ее распад и замена элементами фашизма — при чем, однако, в открыто фашистский режим это переходит только в отдельных случаях. Поэтому неправильно противопоставлять друг другу фашизм и буржуазную демократию как два различных пути развития буржуазной государственности, как два крайних полюса. Нет, это один и тот же путь развития, но в одном случае замаскированный, а в другом — открытый.

Мы должны теперь исследовать те условия, которые вынуждают буржуазию перейти к открыто-фашистскому режиму. При этом мы имеем в виду не общие исторические условия (о которых уже было сказано в другом месте), а конкретные, непосредственные политические причины этого поворота. Существуют ли различные «виды» фашизма — «противогосударственный», стремящийся к власти, и «государственный», довольствующийся ролью слуги парламентских партий? Есть ли фашистская диктатура, на виталии, лишь явление послевоенного периода, временная контрреволюционная мера, или же это «постоянное» учреждение? Имеем ли мы здесь, с исключением, обусловленным своеобразными чертами отдельных стран, а также с некоторой общей тенденцией?

В следующей главе мы остановимся на этом вопросе подробнее. Здесь мы осветим его только с одной стороны, со стороны отношения «фашистского» государства к «демократическому» и банкротства парламентаризма.

Прежде всего должно быть решительно отвергнуто то социал-демократическое воззрение, согласно которому захват власти фашизмом является результатом «победы» над буржуазным государством. Ни о каком «противогосударственном» в этом смысле фашизме не может быть и речи. Буржуазное государство сыграло в Италии в 1920—1922 гг. решающую роль в создании фашистского движения. В октябре 1922 г. фашисты не только не свергли старый государственный аппарат, как это сделали действительно буржуазные буржуазному государству большевики в России, но даже не завоевали и не взяли его в свои руки. Фашизм занял только верхние этажи государственного здания, изменил его фасад и внешний вид, превратил фашистскую милицию в часть государственного аппарата и т. д. — словом, он изменил и ассимилировал этот аппарат, но сам оказался в свою очередь под контролем государства (См. S. Tagliolini, Структура фашистской партии в Италии, «Kom. Internationale» № 15, 1928 г.).

1) См. Beckerath, стр. 144.

В коммунистической литературе обыкновенно утверждается, что фашизм нужен буржуазии потому, что «демократические методы господства, легальный аппарат демократического государства уже недостаточны» для подавления, разгрома и т. д. пролетариата¹⁾. Эта формула совершенно правильна, она одна только дает материалистическое объяснение роли фашизма. Но «слабость государственного аппарата» надо тут понимать не в чисто «военном», а в политическом смысле.

В самом деле, причину фашистского переворота нужно искать не только в «слабости государственного аппарата» в буквальном смысле, но и в банкротстве буржуазной политики в общем, тех политических методов, при помощи которых буржуазия обманывает и привлекает к себе массы в «демократических» странах. Выше мы говорили о банкротстве парламентаризма, как о повсеместном явлении нашей эпохи и одной из предпосылок возникновения фашизма. Банкротство парламентаризма и системы буржуазных партий, но уже не в этом общем смысле, а в моменты его резких обострений во внешней и внутренней политике, и не непосредственно приводят к таким ситуациям, при которых буржуазия отмечает парламентскую систему и устанавливает фашистский режим.

Суть парламентского образа правления заключается не только в формальной демократии выборов и парламентских голосований, но и в решающей роли партий, как средств для подчинения масс политическому верховенству буржуазии. Эти партии возникли исторически (часто еще в эпоху буржуазных революций или национальной освободительной борьбы), и их идеология, их лозунги, которыми они привлекают к себе массы, более или менее резко противоречат их сегодняшней политике, политике финансового капитала. Они охватывают большей частью самые различные классовые элементы, и их демагогические расчеты придают парламентскому режиму не только пустословный, но и неустойчивый, кризисный характер. Шаткость политических и экономических условий, усиление эксплуатации и гнета, органом которых все откровенное выступает буржуазное государство, — все это приводит к тому, что в определенные моменты некоторые из этих партий или все они теряют значение притягательных политических центров для масс. Эти моменты наивысшего обострения общего парламентского кризиса являются для буржуазии поводом к замене парламентского строя фашистской диктатурой.

Возьмем несколько примеров. В Италии накануне фашистского переворота буржуазный парламентаризм и его партии потеряли окончательно всякий кредит. Буржуазные партии, эти клики профессиональных политиков, обслуживающие только нужды предвыборных кампаний, были не в состоянии дать контрреволюции программу, сплотить и увлечь за собой массы, создать сильное правительство, способное провести реставрацию итальянского империализма. Такова была непосредственная предпосылка фашистского переворота. Аналогично было положение в Польше, хотя здесь иностранный финансовый капитал (английский) сыграл при фашистском перевороте гораздо более крупную роль.

Возьмем, наконец, Германию. «Новый» фашизм больших союзов фронтовиков («Стальной Шлем» и т. д.), усилившийся за последние годы и обравший в себя остатки фашизма 1923 года, называют иногда «государ-

1) См., напр., Giulio Aquila, Фашизм в Италии, Берлин, 1928 г., стр. 8. «Средства «демократической» власти, легального аппарата демократической государственности уже недостаточно, даже при содействии социал-демократии, для усиленной эксплуатации сравнительно окрепшего пролетариата». Приблизительно так же говорится в резолюции V конгресса Коминтерна о фашизме, что «средств легальной государственной власти уже недостаточно для подавления пролетариата» (См. «Тезисы и резолюции», 1924 г., стр. 121).

ственническим» в отличие от «противогосударственного» фашизма 1923 г. Такое различие неправильно. Верно то, что в настоящий момент германский фашизм ограничивается ролью террористической гвардии капитала и «негального» войскового резерва. Однако он далеко не является простым привеском к парламентским партиям, а развивается в самостоятельную политическую силу, которая выступает против партий, находится под прямым покровительством финансового капитала и готовится к такой же роли, какую играет итальянский фашизм. Фашистские тенденции бесспорно усиливаются в политике германской буржуазии как в смысле ее связей с фашистским движением, так и в смысле применения фашистских методов. Но перейдет ли она, и когда, к открытому фашистскому режиму, это зависит от целого ряда обстоятельств, особенно от жизнеспособности или, вернее, от степени разложения парламентского строя и буржуазных партий. В следующей главе мы остановимся подробнее на вопросе о перспективах фашизма в Германии и других странах.

В заключение мы можем сказать: происходит фашистское разложение буржуазной демократии. Во всех странах буржуазия использует (и поддерживает своим государственным аппаратом) фашистские в и ж е н и я для терроризации пролетариата; в важнейших странах буржуазные правительства применяют фашистские м е т о д ы в борьбе с движением и организациями рабочего класса; в некоторых странах фашизм сделался п о л и т и ч е с к о й ф о р м о й буржуазного господства.

В коммунистических кругах не раз ставился вопрос, не следует ли на основании всех этих фактов определить фашистскую диктатуру, как го с у д а р с т в е н н у ю ф о р м у , «соответствующую империалистической эпохе» или «соответствующую государственному капитализму» и т. д. Другие товарищи¹⁾ считают, что констатирование возрастающей склонности буржуазии к применению фашистских методов противоречит известным словам Маркса и Энгельса о демократической республике, как о последней государственной форме буржуазии, на почве которой произойдет последняя решающая схватка между капиталом и трудом. Но чтобы ответить на вызываемые ими вопросы, необходимо вкратце рассмотреть перспективы фашизма.

8. Империализм и перспективы фашизма.

Поставим вопрос об особых предпосылках²⁾ фашизма, фашистского режима, вполне конкретно. Почему именно Италия сделала страной «классического» фашизма? Почему как раз Польша всталла теперь на тот же путь? Ведь борьба с пролетарской революцией стояла и стоит в порядке дня и в других странах, кризис парламентской системы был в известные моменты не менее обострен, напр., в Германии. Значит, непременно должен существовать целый ряд конкретных предпосылок экономического, социального и исторического характера, «предопределивших» именно данные страны к установлению в них открыто-фашистского режима.

На этот счет имеется несколько теорий. Оставляя в стороне чисто идеологические «объяснения», мы встречаем—прежде всего в социал-демократической, но подчас и в коммунистической литературе—тот взгляд, что исключительной «предпосылкой» является экономическая отсталость открыто-фашистских стран, низкая ступень их капиталистического развития.

¹⁾ См. Н. Дунcker, Zum neuen Programmentwurf, «Die Internationale», Берлин, № 13, от 1 июля 1928 г., стр. 479.

²⁾ Заметим с самого же начала, что выражение «предпосылки» означает здесь не «необходимые условия», а «особенно благоприятные обстоятельства».

Утверждение, что фашистский режим является специфической особенностью аграрных стран, есть в сущности только другой вариант того же взгляда¹⁾.

Эти теории ошибочны. Они основаны на поверхностном обобщении сравнительной экономической отсталости и резко выраженного аграрного характера Италии (и Польши)—на обобщении фактов, которые хоть и не случайны, но все же имеют лишь второстепенное значение для появления фашизма в этих странах. Как известно, в Италии, например, колыбелью фашизма был не аграрный юг, а промышленный и отнюдь не «отсталый» север. Ясно, что разбираемые теории противоречат изложенному нами в первых главах настоящей статьи обяснению фашизма, как особой формы буржуазной контрреволюции, типично для эпохи послевоенного империализма и пролетарских революций. Наоборот, с точки зрения опровергаемых нами теорий, фашизм оказывается такой формой контрреволюции, которая характерна для отсталых стран и которая, следовательно, не только будет преодолена в результате их дальнейшей индустриализации и капиталистического развития, но которая должна была бы быть преодолена уже сейчас в передовых капиталистических странах. Отсюда вытекало бы, во-первых, что, например, относительно итальянского фашизма можно дать совершенно определенный прогноз его самоликвидации или ликвидации посредством дальнейшего развития капитализма; во-вторых, что в странах высоко-развитого капитализма, например, в Германии, не существует реальной фашистской опасности; в-третьих, что в мировом масштабе фашистские тенденции должны убывать и, в конце концов, исчезнуть. Несоответствие этих выводов с действительностью бросается в глаза. По сути этого взгляд на «отсталость», как на причину фашистского режима, составляет основу либеральной и социал-демократической политики (в теории «практике») по отношению к фашизму.

Но отрижение этой теории отнюдь не означает игнорирование о с о б ы х предпосылок фашизма в Италии (и Польше). Мы не можем довольствоваться общими положениями о пролетарской революции и кризисе парламентаризма. Нужно обяснить не только то, почему здесь впервые фашизм получил свою классическую форму, но и то, почему он не ограничился здесь простым подавлением пролетариата, разрешением острого кризиса, а пошел дальше, превратившись в прочный образ правления, в метод «стабилизации» капитализма.

Особые экономические, социальные, исторические предпосылки для возникновения фашизма в Италии заключались в особых условиях развития итальянского империализма. Это—характерный «империализм бедного народа» (imperialismo della povera gente), слишком поздно появившийся на арене борьбы за монополизацию колоний и источников сырья, без сколько-нибудь крупного экспорта капитала, без достаточных сверхприбылей для привлечения широких слоев рабочей аристократии, но в то же время с обширным лукпен-пролетариатом, преимущественно из интеллигентской среды, и с очень живыми традициями многолетней борьбы за национальную независимость. (В основных чертах эти же предпосылки имеются и в Польше.)

1. Роль «второго разряда» в мировой политике не есть простое следствие промышленной отсталости, а является результатом слишком позднего появления на арене международной империалистической политики; она не обусловлена развитием промышленности, а, наоборот, сама тормозит это развитие. В конкурентной борьбе с могучими соперниками, поделившими между собой мир, она порождает необычайную концентрацию политической

¹⁾ См., напр., тезисы ЦК итальянской компартии («Инпрекор» 1928 г., № 24, стр. 649), где итальянский фашизм определяется, как попытка стабилизировать капитализм в стране с преимущественно сельскохозяйственным производством».

власти и экономических сил (фашистская диктатура, государственный капитал). Национальные традиции из эпохи освободительной борьбы облегчают проведение этой политики под лозунгом (даже революционно подкрадывающим) «национальной борьбы» (итальянский фашизм культивирует традиции «rinascimento»; тот же «революционный» шовинизм мы встречаем в Польше, где времена национального угнетения еще свежее в памяти).

2. Концентрация политической власти и экономических сил направлена в первую очередь против собственного пролетариата. Отсутствие источников сырья, заграничных инвестирований и т. д., словом, экономические преграды на пути империалистического роста заставляют прибегать к самым жестоким методам эксплуатации, к удушению даже незначительных экономических боев рабочих, к насилиственному поддержанию заработной платы на низком уровне. Отсюда—подавление всех рабочих организаций, даже реформистских, государственный синдикализм, запрещение стачек.

3. Недостаток сверх-прибылей влечет за собой отсутствие широкого слоя рабочей аристократии, которая могла бы быть носительницей «буржуазной рабочей партии». Известно, что в довоенной Италии этого социального слоя не было, чем и обясняется не открыто социал-империалистская, а «центристская» установка итальянской социалистической партии, даже на ее верхах, по отношению к империалистической войне. И после войны итальянская буржуазия не нашла своего Носке. Ещё не выступил Муссолини. С полным правом можно сказать, что фашизм (фашистский люмпен-пролетариат) взял на себя до известной степени ту контрреволюционную роль, которую в Германии, Америке, Англии играет социал-империалистическая рабочая аристократия. Или обратно: германская, например, буржуазия не так нуждалась в фашизме, потому что у нее была—социал-демократия.

Отсюда нельзя, разумеется, сделать тот вывод, что сильная социал-демократия является оплотом против фашизма. Не говоря уже о том, что социал-демократия нигде не вытеснила фашизм, а, наоборот, повсюду содействовала его росту, не говоря об этом, мы именно сейчас наблюдаем процессы перерастания социал-демократии в фашизм (социал-фашизм), тенденцию к значительного сближения как в смысле методов, так и в смысле социальной структуры. Опирающаяся на рабочую аристократию «социал-демократическая» система господства финансового капитала (финансовая олигархия—рабочая аристократия—классово несознательные рабочие массы) начинает, по мере исчезновения ее экономической базы в лице рабочей аристократии, по мере передвижки политического влияния социал-демократии с пролетариата на мелкую буржуазию, приближаться к фашистской системе (финансовая олигархия—люмпен-пролетариат—мелкая буржуазия).

Итак, мы можем резюмировать: основной причиной фашизма как в историческом, так и в актуально-политическом смысле является угроза пролетарской революции. Фашизм есть форма буржуазной контрреволюции, и поэтому он скорее всего возникает в тех странах, которым наиболее угрожает пролетарская революция. Но особенно благоприятную почву находят он в «обездоленных», политически и экономически связанных империалистических странах. Здесь он прежде всего, устанавливается в качестве профильного режима финансового капитала.

Ясно, почему теория «отсталых стран» имеет, на поверхности взгляда, много плюсов (вследствие чего она была принята и отдельными коммунистами). Италия и Польша действительно являются странами, стоящими если не на низкой, то во всяком случае на средней ступени развития,—странами, которые отстали от Англии, Франции, Германии, Америки и в которых большинство населения занимается земледелием. Но не эта ступень их экономического развития предопределила их к фашизму, а те

препятствия, которые мешали экономической и политической экспансии их империализма. Не «отсталая экономика», а «оттесненный империализм» создает, выражаясь кратко, особенные предпосылки (особенно благоприятные обстоятельства) для установления фашизма, как формы политического господства.

Это различие очень важно: то и другое может совпадать (как в Италии и Польше), но такое совпадение вовсе не обязательно. Германия после поражения в империалистической войне являет пример высоко-развитой промышленной страны, в которой, после временной «деимпериализации» мы имеем сейчас «связанный», оттесненный империализм и тем самым все основные предпосылки для открыто-фашистского режима. Не подлежит сомнению, что будущие войны поставят в такое же положение и другие империалистические страны и, таким образом, создадут в них специальные предпосылки для фашизма. Впрочем, для этого не понадобится и войн: неравномерное развитие отдельных стран, оттеснение одних другими (Англии Америкой) будет постоянно угрожать упадком ныне еще привилегированным империалистическим странам, будет толкать их на путь упадка. Потеря прежнего положения будет в таких случаях сама по себе особенно благоприятной почвой для фашистских тенденций. Но это означает, что именно наиболее развитые, старейшие промышленные страны (Англия) окажутся особенно предрасположенными к фашизму.

Таковы особенные предпосылки (особенно благоприятные обстоятельства) для фашизма, для его превращения в прочный политический режим в отдельных странах. Но эти условия свойственны, без сомнения, не только отдельным странам, они являются в них лишь в виде узоров точек общих тенденций империалистической эпохи. Если взять не отдельные империалистические страны в их отношении друг к другу, а всю совокупность этих стран, то придется констатировать следующее: невероятное обострение конкурентной борьбы, ее необычайно возросшие издержки (вооружения), подрыв экономической базы рабочей аристократии, падение сверх-прибылей вследствие революционного движения в колониях, наконец, надлом всего капиталистического хозяйства вообще, под напором массовых движений революционного пролетариата,—все это порождает сейчас общую тенденцию в сторону развития фашизма, которая проявляется и будет проявляться наиболее резко именно в наиболее передовых промышленных странах. Совсем неверно, будто Италия и Польша составляют какое-то «исключение». Различие между Германией и Польшей в смысле фашистской «эрлости» нынешнего германского правительства менее значительное, чем различие между Польшей и Италией. И то же самое приходится сказать об остальных империалистических государствах. Правда, роль определенно фашистских союзов в них не так велика, но их функцию берут на себя «старые» буржуазные партии и социал-демократия.

Таковы «перспективы» фашизма, как особой формы, и для настоящего периода острого разложения стабилизации капитализма наиболее типичной формы буржуазной контрреволюции.

Можно ли отсюда заключать, что фашистское государство есть основная форма государства в эпоху империализма, точнее—в период его острого упадка после первой империалистической войны? Было бы, конечно, ошибкой считать итальянскую форму фашизма общеобязательной. Не следует, далее, принимать тенденции за совершившиеся факты. Но во всяком случае верно, что тенденция к фашистскому государственному строю типична, если не для империализма вообще, то для буржуазного государства в условиях всеобщего кризиса капитализма и особенно в «третий период» этого кризиса—примерно с 1927 г.

И, наконец, последний вопрос: опровергается ли тезисом о наличии повсеместной тенденции в сторону фашизма положение Маркса, что демократическая республика есть «последняя государственная форма буржуазного общества», в рамках которой «должен окончательно решиться исход классовой борьбы» (замечания к Готской программе, 1875 г.) Не требует ли наш тезис пересмотра этого положения?

Нет. В своем «18-м Брюмера» Маркс изображает развитие исполнительной власти, «широко-разветвленного и искусственного государственного аппарата» во Франции, созданном абсолютизмом и «улучшавшегося» с каждым последующим режимом. «Парламентская республика оказалась, наконец, вынужденной, в своей борьбе с революцией, усилить средства и централизацию правительственной власти мерами репрессии». Государственный переворот 2 декабря вовсе не был поэтому в «противоречии», в непримиримом антагонизме с республикой; наоборот, он только «усовершил» исполнительную власть, «привел ее к ее чистейшему выражению», «изолировал» ее.

По существу (но, разумеется, не во всех пунктах) такого же сейчас отношения между «фашизирующейся» парламентской демократией и «фашистским государством», — напр., в Италии. «Фашистское» разложение демократии (парламентской республики) есть не что иное, как продолжение — в условиях империалистической эпохи — той тенденции, которую Маркс констатировал уже на примере второй французской республики. «Фашистское государство» только «приводит» это развитие «к его чистейшему выражению», обнажает его, отbrasывает в сторону маску парламентаризма. Как факт бонапартизма и сильных бонапартистских тенденций в эпоху созревания новейшего империализма (Бисмарк!) нисколько не противоречил общему положению Маркса, что республика есть «последняя государственная форма буржуазного общества», точно так же не противоречит ему современный фашизм и фашистские тенденции перед концом империалистической эпохи. Ибо они не сколько не исключают ни существования «демократических республик», как простых масок, под которыми скрывается по существу фашистский обправления, ни «обратного превращения» фашистских государств в «демократические республики» без каких-либо принципиальных перемен в государственном аппарате и даже без упразднения его специфически фашистских функций.

Поэтому несомненно правильно (по отношению к Италии) утверждение, что «демократически-парламентская система... есть форма осуществления классовой диктатуры в восходящую и нормальную эпоху капитализма. — в довоенную эпоху» (см. тезисы итальянской компартии, п. 9), а стало быть фашизм — соответствующая форма «нисходящей», «ненормальной» послевоенной эпохи. Но нельзя недооценивать возможность обратного демократического превращения, нового появления, — особенно в Италии, — парламентской маски в минуту серьезных революционных потрясений¹⁾.

¹⁾ См. тезисы ЦК итальянской компартии, п. 9, где утверждается, что итальянский капитализм «не может вернуться к осуществлению диктатуры с помощью системы демократического парламентаризма...», что у фашизма «не может быть демократического преемника», что фашизм — последняя фаза итальянского капитализма. Если и можно согласиться с тем, что за современным фашизмом еще последует новая продолжительная «фаза» парламентского режима, то основанием для такого взгляда служит отнюдь не «сущность» фашизма и парламентаризма, а наша вера в массовое революционное движение и действительно руководящую организующую роль итальянской компартии. Но кратковременный парламентский маскарад контрреволюции почти неизбежен и встретят (в силу многочисленной мелкой буржуазии) сильный сочувственный отклик. Чтобы подготовить пролетариат к немедленному подавлению и демократической контрреволюции, нужно откровенно говорить об этой опасности, ни в коем случае не замалчивать ее.

А между тем такой поворот не только не «невозможен», но даже в проявлении. В минуту грозящей гибели со стороны массовых революционных выступлений буржуазия, и именно тот самый финансовый капитал, который теперь властвует при помощи фашизма, а может быть и сама фашистская партия, попытается снова надеть маску «демократии» или «республики». Вопрос только в том, удастся ли ей этот маневр, или же массы окажутся достаточно сильными, чтобы заодно с фашизмом низвергнуть и буржуазию вообще. И при падении фашизма подтвердится слово Энгельса: «В день кризиса и назавтра нашим противникам будет вся группирующаяся вокруг чистой демократии реакция». Конечно, политическое содержание этой «чистой демократии» теперь иное, чем 80 лет тому назад: она сделала теперь (еще в гораздо большей степени, чем даже в 1918 г.) простой контрреволюционной маской диктатуры финансового капитала. Но именно поэтому она по существу так близка фашизму. Мы еще увидим, как вождями этой «чистой демократии» окажутся самые настоящие фашисты, которые рука об руку с социал-демократами ринутся в бой против общего смертельного врага, против коммунизма.

9. Тактика коммунистов в борьбе с фашизмом.

В дальнейшем мы постараемся сделать основные тактические выводы из изложенного в предыдущих главах теоретического анализа фашизма. Мы ограничимся при этом самым необходимым, предполагая у читателя знакомство с соответствующей коммунистической литературой.

Общие принципы борьбы с фашизмом, непосредственно вытекающие из его теоретического анализа, сводятся к следующему:

1. Бороться с фашизмом возможно не иначе, как борясь с капитализмом, с современной формой капитализма в передовых промышленных странах, с империализмом. Ибо империализм есть историческая предпосылка фашизма, и финансовый капитал — его душа. Борьба против фашизма — это борьба не против «уродства» капитализма, а против него самого, не против случайного явления, порожденного инфляцией или каким-либо другим временным кризисом, а против вытекающей из современного империализма политической тенденции, не против одних только «деклассированных элементов», составляющих активное ядро фашизма, но и против буржуазии и, прежде всего, против финансовой олигархии. Поэтому в основе борьбы с фашизмом должно лежать укрепление пролетариата, повышение его классового сознания, его революционная организованность (партия, профсоюзы, боевые комитеты на предприятиях и т. д.), руководящая роль коммунистической партии и революционная гегемония пролетариата над полупролетарскими и эксплуатируемыми мелкобуржуазными элементами, в первую голову крестьянства.

2. Борьбу с фашизмом нельзя вести под знаком борьбы за буржуазную демократию, хотя он и устранил ее последние остатки — эту маску буржуазной диктатуры. Борьба против фашизма должна быть вместе с тем и борьбой против этой демократии, являющейся питательной почвой и защитным покровом для фашизма. Несмотря на то, что фашизм упраздняет парламент, революционная борьба против фашизма отнюдь не должна быть борьбой за парламент, не должна сходить с четкой линии борьбы против парламентаризма. Как раз в этом пункте компартии часто впадали в ошибки, как это случилось с оппортунистическим руководством германской партии в 1923 г., чешской партией в 1926 г. и т. д.

3. Борьбу с фашизмом нельзя вести в союзе с социал-демократией, хотя социал-демократия сама отчасти подвергается гонениям со стороны фашизма (напр., в Италии, где реформистская партия была распущена даже

раньше коммунистической). Борьбу против фашизма необходимо связывать с энергичнейшей борьбой против социал-демократии, которая всей своей социал-шовинистической и предательской политикой, распространением веры в буржуазную демократию, политикой коалиции с буржуазией, превращением профсоюзов в органы буржуазной государственной власти и т. д., удерживает рабочих от борьбы с фашизмом, политически подготавливает почву для фашизма и создает даже организационные предпосылки фашизма в борьбе против рабочего класса. Когда берлинские революционные рабочие несли во время большой антифашистской демонстрации, в мае 1927 г., плакат с надписью: «Социал-демократия — кормилица фашизма», это было не просто агитационное словечко, а правильное констатирование исторического факта. Более того, — реформизм стал социал-фашизмом, и поэтому по отношению к нему нужно применять те же способы борьбы, как и по отношению к фашизму.

Словом, только революционная ленинская стратегия и тактика, изложенная в основных документах и в программе Коминтерна, может явиться основой для действительной борьбы с фашизмом. Этого не следует забывать, как бы радикальна ни была временная фразеология отдельных социал-демократических и буржуазных элементов (особенно в итальянской эмиграции).

Но из того фундаментального факта, что борьба против фашизма может вестись только в рамках борьбы против капитализма и на основе общей ленинской тактики, не следует делать ошибочного вывода, что не существует «специальной» борьбы против фашизма, «специальной» тактической проблемы антифашистской борьбы. Тут удобно воспользоваться аналогичным примером борьбы против военной опасности. Тезис, что против империалистической войны можно бороться только в рамках пролетарской борьбы с капитализмом, был еще до мировой войны истолкован оппортунистами (Фольмар на международном социалистическом конгрессе 1907 год в Штутгарте) в том смысле, что всякая «специальная» борьба против войны является пустой иллюзией, шарлатанством. Так и в вопросе о фашизме социал-демократия (например, в Австрии) стоит на такой точке зрения, которая не только ошибочна и оппортунистична, но и явно льет воду на мельницу фашизма. Разумеется, существует о с о б а я тактическая проблема антифашистской борьбы. И о с о б а я борьба с фашизмом настолько же необходима в рамках общей тактики революционного пролетариата, насколько сам фашизм представляет собою о с о б ы й метод буржуазной контрреволюции.

У конгресса Коминтерна (1924 г.) установил в своей резолюции о фашизме ряд методов этой борьбы, не потерявших и сейчас своего актуального значения. Приведем соответствующее место резолюции дословно:

A. В политической области.

1. Действительно, революционная стратегия политика коммунистических партий, привлекающая к коммунистическому движению симпатии пролетарских, мелкобуржуазных и крестьянских масс и вселяющая в них уверенность в том, что лишь диктатура пролетариата приведет к разрешению экономических, социальных, политических и культурных проблем.

2. Социалистическое разъяснение контрреволюционного и враждебного пролетариату характера фашизма.

3. Систематическое просвещение мелкобуржуазных и крестьянских масс, разоряемых капиталистическим кризисом, насчет их положения и роли фашизма, как орудия крупного капитала.

4. Активная внешняя политика. Борьба против империалистических мирных договоров, reparаций, обмана Лиги Наций и т. д., самое широкое

просвещение трудящихся масс насчет сущности империалистической внешней политики и ее роковых последствий для них¹⁾.

5. Борьба за революционное об'единение с Союзом Советских Республик. Активная ленинская политика в национальном вопросе. Борьба за самоопределение и право на отделение всех угнетенных народов.

6. Стремление к единому фронту всех рабочих масс против фашизма. Борьба за международный единый фронт мирового пролетариата под руководством Коминтерна.

7. Постановка вопроса об антифашистской пропаганде в партийных центрах отдельных стран. Многочисленные плакаты и листовки о фашизме и достаточное освещение его в газетах.

В организационной и военной области.

1. Создание вооруженных дружин обороны против вооруженного фашизма (пролетарские сотни и т. д.).

2. Разоружение фашистов и захват их складов оружия и боевых припасов.

3. В ответ на демонстрации фашистов — контрдемонстрации рабочих, охраняемые вооруженными отрядами.

4. В ответ на террористические акты со стороны фашистов (разгром помещений профсоюзов, типографий, насилия над рабочими и их вождями и т. д.) — организация всеобщих забастовок, применение массовых действий со стороны рабочего класса в виде репрессий против фашистов, их вождей, а также их типографий и предприятий.

5. Задержка железнодорожного транспорта во время фашистских манифестаций, передвижений, собраний и демонстраций.

6. Изгнание фашистов из предприятий, саботаж, пассивное сопротивление, стачки на предприятиях, где фашисты работают или поставлены для надзора за рабочими и для внесения раскола в их ряды».

В чем же заключается эта особая борьба против фашизма? Во-первых, она требует политического преодоления фашизма, поскольку он является не только методом белого террора, но и методом контрреволюционной политики буржуазии. Это значит, что необходимо усиление всех форм классовой борьбы пролетариата с буржуазией, особенно обострение борьбы с реформизмом, необходимо применение тактики революционного единого фронта «снизу», применение более смелой тактики особенно в экономических боях, с целью образования пролетарских боевых комитетов из среды самих масс. Все эти формы «обострения» борьбы, направленные непосредственно против реформизма, являются вместе с тем формами борьбы с предпосылками фашизма; они особенно настойчиво ставятся в порядке дня в настоящий момент острой военной опасности и открыто реакционных, более или менее фашистских тенденций во всех буржуазных странах.

Одновременно необходимо знакомить широкие массы с опытом борьбы против фашизма в Италии, с ролью, которую сыграла там социал-демократия, с ошибками коммунистов (напр., с той, что они не вели особой политической борьбы с фашизмом). Решающее значение имеет, как уже было упомянуто, отношение пролетариата к остальным трудящимся массам, политика активного союза рабочего класса с крестьянством.

¹⁾ Этот пункт, имевший в виду прежде всего положение Германии, как угнетенной страны, в настоящее время отчасти устарел. Теперь нужно было бы особенно подчеркнуть борьбу против империалистической войны и пацифизма.

Во вторых, наряду с борьбой за политическое преодоление фашизма необходима непосредственная работа над организацией обороны. Сюда относятся: организация массовых выступлений (стачек, антифашистских демонстраций), устройство массовых пролетарских контреволюций против каждой демонстрации фашистов, воспитание и организация пролетариата для самозащиты (дружины самообороны), разоружение фашистов, захват фашистских складов оружия, подготовка пролетариата к вооруженной самообороне против фашистского террора, применение, наряду с массовыми выступлениями, массового террора в ответ на фашистские попытки терроризировать пролетариат.

В чем «особый» характер этих методов борьбы с фашизмом? Их «особый характер» в том, что эта тактика применяется элементы гражданской войны и в не непосредственно революционной обстановке. Вооружение пролетариата есть лозунг коммунистов в непосредственно-революционной обстановке, как лозунг подготовки к восстанию. В не непосредственно-революционной обстановке является лишь пропагандистским лозунгом, а не лозунгом практического действия. Особенность же борьбы с фашизмом заключается в том, что в этой борьбе названный лозунг может и должен стать также лозунгом практического действия. Это показал опыт Венского восстания в июне 1927 г., когда австрийские коммунисты за много месяцев до того совершенно правильно выбросили лозунг вооружения пролетариата, как лозунг действия в не непосредственно-революционной обстановке. Исходя из этого опыта принятые VI конгрессом Коминтерна тезисы о борьбе против империалистической войны устанавливают:

«Лозунг пролетарской милиции (милиция трудящихся, рабочая и крестьянская милиция) является для империалистических стран лишь другой формой лозунга о вооружении пролетариата... В не непосредственно-революционной обстановке он имеет лишь пропагандистское значение, но и тут он может приобрести актуальное значение в борьбе против фашизма» (§ 50).

Эта, с точки зрения реформистов, «путчистская» тактика в борьбе с фашизмом только соответствует тому факту, что сущность фашизма, как метода буржуазной контрреволюции против пролетариата, и состоит именно в применении средств гражданской войны «в не непосредственно-революционной обстановке».

* * *

Таковы общие проблемы борьбы с фашизмом. Ясно, что они взяты выше специально под углом зрения тех стран, в которых фашизм еще не пришел к власти, и что в таких странах, как Италия и Польша, возникают еще особые тактические проблемы (переход на нелегальное положение, отмена парламентаризма, переход в оппозицию или полное запрещение буржуазных социал-демократических партий и т. д.). И все-таки борьба с фашизмом является в этих странах только дальнейшим применением тех основных принципов, которые были изложены выше.

К вопросу о методе в современном естествознании.

Н. Мирошнина.

Диалектический метод есть потому единственно научный метод исследования, что он отражает объективные законы развития. Диалектический метод не приносит ничего в познание от познающего субъекта, он только отражает развитие самого предмета. Но для того, чтобы познавать действительность, чтобы воспроизвести реальный процесс, мышление вынуждено сначала разлагать действительность, выделять наиболее абстрактные моменты ее. И лишь потом, когда эти моменты установлены, мышление может восходить от простого к сложному. Этот путь от простого к сложному вместе с тем есть воспроизведение генетического пути, пути развития исследуемого предмета.

При помощи анализа мы лишь расчленяем предмет на составные элементы. Совершенно очевидно, что этим в познании ограничиться нельзя, расчленив предмет на его части, мы теряем предмет как целое. Следовательно, в нашем познании должно найти отражение возникновение целого, то есть путь возникновения и развития предмета об'ясняет нам его как целое. Поэтому совершенно прав А. М. Деборин, когда он подчеркивает, что диалектический метод есть, прежде всего, метод развития. «Стало быть,— говорит он,— нельзя ограничиваться анализом, расчленяющим предмет на его составные части, но не раскрывающим процесса возникновения или развития вещи» (курсив автора. Н. М.). Чтобы показать, как предмет развивается, становится, возникает и исчезает, для этого необходимо восходить от его простейших форм, от момента возникновения и изучить последовательную смену переживаемых им фаз развития — вплоть до его гибели. В этом, собственно, основной смысл диалектического метода¹⁾.

Единство этих двух моментов в исследовании: аналитического и синтетического (а путь от простого к сложному, от абстрактного к конкретному и представляет собой момент синтетический в познании) и есть собственно диалектический метод.

Нужно сказать, однако, что диалектический метод создается не сразу. Наука на первой ступени своего развития пользуется анализом по преимуществу. Так, классическая политическая экономия до Маркса была наукой исключительно аналитической. То же самое можно сказать и об естествознании. Мало того, естествознание еще и до сих пор в общем стоит на точке зрения аналитического метода. Поэтому глубоко ошибаются те, кто думает, что диалектику можно заменить выводами современного естествознания.

Можно, конечно, сказать с уверенностью, что современное естествознание уже созрело для диалектики. Однако традиции аналитического ме-

¹⁾ Предисловие к «Логике» Гегеля.

тода сильно затрудняют естественникам сознательное применение аналитического метода и облегчают вместе с тем буржуазным ученым переход на кантианские и махистские позиции.

Рассмотрим, однако, ближе, что представляет из себя аналитический метод и какие следствия происходят из того, что познание останавливается на ступени только аналитического мышления.

* * *

Сущность аналитического метода, как она охарактеризована Гегелем и Марксом, заключается в том, что познание движется только в одном направлении: от конкретного к абстрактному.

Начинается аналитическое познание всегда с некоторого предполагаемого единичного, конкретного предмета,— говорит Гегель. Движение вперед этого рода познания представляет собой «не что иное, как та же повторение одного первоначального действия анализа, именно повторение определения того, что уже принято в отвлеченную форму понятия, чего-то конкретного, и затем его анализ, а потом снова определение вытекающего из него отвлеченного как конкретного и т. д.»¹⁾. Таким образом направление познания здесь все время идет по пути от конкретного к наиболее абстрактному, представляет собой непрерывный путь разложения сложного на все более и более простое.

Такую же характеристику аналитического метода находим мы и Маркса: «Если я таким образом начал бы с населения, то я дал бы хаотическое представление о целом, и только путем более частичных определений я аналитически подошел бы к все более и более простым понятиям: от конкретного, данного в представлении, к все более и более тощим абstractions, пока не достиг бы простейших определений»²⁾. Это конкретное, от которого не достиг бы простейших определений. Это конкретное, от которого отправляется аналитическое мышление, является исходным пунктом действительности, а также исходным пунктом наглядного представления, подкивает Маркс. Вот почему путь познания эмпириков, начиная с Локка, — путь аналитический. Можем ли мы из только что приведенных характеристик аналитического метода сделать вывод о том, что это совершенно неверный путь познания? Такого вывода сделать, конечно, нельзя. Путь этот неверный, но он путь недостаточный для познания. «Всякое знание начинается аналитическое, — говорит Гегель. — Предмет представляется ему в разобщенном виде, и задача аналитического знания состоит в том, чтобы привести единичное в форму всеобщности. Мысль не имеет здесь другого звучания, кроме отвлеченного определения или формальной всеобщности. Но этой точке зрения останавливается Локк и все эмпирики»³⁾. Но что получается, когда останавливаются на этой форме познания, как получается, когда останавливаются на этой форме познания, как единственной возможной и правильной?

Думать, что «знание может только разлагать конкретные предметы на их отвлеченные моменты и рассматривать их в их раздельности, это значит извращать природу вещей». «Предмет, подвергаемый анализу», — говорит Гегель, — похож, если можно употребить это сравнение, на луковицу, с которой снимают ее кожицу, слой за слоем»⁴⁾.

В результате такого рода познания мы получаем отвлеченное тождество, исключающее всякое различие. Маркс по этому поводу пишет о классической политической экономии, что она «пытается непосредственно, без

посредствующих звенев, все свести к единству и доказать тождество источников различных форм. Но это необходимо вытекает из ее аналитического метода»¹⁾. Получаемое таким образом абстрактное тождество или отвлеченная всеобщность уже совершенно не отражает конкретную действительность. Получается противоречие. Целью познания является понимание, объяснение действительности; в результате же между познанием и конкретной действительностью разворзается пропасть. Получается полный отрыв познания от действительности. На этой почве вырастает агностicism, провозглашение законов природы (которые, являясь целью научного исследования, в аналитическом познании выступают как отвлеченная всеобщность) вневременными категориями, субъективными формами познания и т. д. Само же научное исследование, раз его целью является абстрактное тождество, сводится только к количественному исследованию, все же качественное выпадает из сферы науки.

* * *

Обращаясь к современному естествознанию, мы замечаем все более и более сильное стремление к теоретическому осмысливанию эмпирического материала. Однако в большинстве случаев стремления эти не выводят за пределы аналитического мышления.

Большинство современных естествоиспытателей уже не стоит на точке зрения чистого описания. Задачей естественных наук они считают о б'я с н е и е. Но что значит для естественника о б'я с н я ть? К анализу ответов на эти вопросы естественников мы и перейдем.

Ауэрбах, например, в своей книге «Entwicklungsgeschichte der modernen Physik», считает необходимым для объяснения столь победного шествия физики последнего времени рассмотреть ее метод и ее задачу.

Что касается метода, то в историческом развитии, по мнению Ауэрбаха, наблюдаются три вида: спекулятивный, эмпирический и теоретический. Спекулятивный метод исходит из идеи и подчиняет все ей, не заботясь о фактах. Как реакция против этого, возникает метод эмпирический. Возникает экспериментальная физика. «Но где много света, там много и темнин», — говорит Ауэрбах. Экспериментирование эпохи эмпирического метода представляет собой «наивный род экспериментирования, когда не заботятся о теоретической связи и смысле». Совсем другое стало, когда все более приходили к сознанию, что собирание фактов не последняя и достойнейшая задача науки. Стало совсем другое, когда физика вступила на путь третьего метода, подготовившегося целое столетие, и расцвела современная теоретическая физика.

Теоретическая физика берет среднее положение между спекулятивной и чисто-эмпирической физикой. Она исходит из опыта, приводит данные опыта в связь и устанавливает систему из немногих фактов опыта, все остальные доказываются как необходимые чисто-логически; или же она исходит как древняя спекулятивная физика из чистой мысли, т.-е. устанавливает гипотезу, сооружает на ней систему и испытывает ее на опыте.

Противоположность видов естествознания, как описательного и объяснительного, теряет свою остроту. — говорит Ауэрбах, — для того, кто не довольствуется установлением в ряд наблюдаемых фактов, с одной стороны, и, с другой стороны, проникнется взглядом, что человеку не дано достичь den Urgrund aller Geschehens. А поэтому и объяснение с точки зрения Ауэрбаха есть установление внутренней логической связи между многочисленными отдельными явлениями.

¹⁾ Маркс. Теория прибавочной стоимости, т. III, стр. 388.

²⁾ Гегель, Наука Логики, ч. II, стр. 169—170.

³⁾ Маркс, Введение к Критике политич. экономии.

⁴⁾ Гегель, Энциклопедия, т. I, стр. 362.

⁵⁾ Там же, стр. 362.

В решении этого вопроса Ауэрбах целиком присоединяется к Кирхгофу, который решал задачу механики и естествознания вообще как задачу наиболее полного и простого описания. В этом смысле Ньютоновское учение о тяготении, по мнению Ауэрбаха, есть наиболее простое и совершенное описание явлений тяготения. «Это есть описание и об'яснение одновременно, только об'яснение не в том смысле, что снят последний покров с большой тайны». В связи с этим Ауэрбах даёт следующее определение метода физики: «он двояк, опыт и мышление, индукция и дедукция; только последняя выступает там, где для ее работы создана твердая почва опытом».

Вопрос о задаче естествознания Ауэрбах ставит еще раз в своей статье «Описание и об'яснение»¹⁾ и отвечает в том же духе. Здесь он выступает против разделения наук на описательные (зоология, ботаника, минералогия) и об'яснительные (физика и астрономия). Он считает это разделение неосновательным потому, что в основе физики лежит описание движений, процессов тепла, явлений электричества и т. д. Человеческий дух уже по своей природе не может удовлетвориться тем, чтобы вещи и явления внешнего мира только описывать. Он требует об'яснения. На вопрос «почему» мы должны отвечать «потому что» и этим самым устанавливать каузальные отношения. Эту задачу, задачу об'яснения, мы выполняем, давая явлениям наиболее простое и полное описание.

Мы наблюдаем здесь, как у Ауэрбаха наравне с целым рядом верных положений находится все же неверное окончательное решение. Он совершенно правильно отмечает недостаточность чистого эмпиризма в науке, совершенно верно разрешает вопрос о неосновательности деления науки на номографические и идиографические, так как каждая наука представляет собой единство описания и установление законов; в то же время сам он задачу исследования видит только в наиболее простом и полном описании. Это чрезвычайно характерное положение. Если наше познание не может быть познанием *den Urgrund alles Geschehenes*, то оно представляет собой только описание. Эта точка зрения самым тесным образом связана с представлением о процессе познания, как о процессе только аналитическом. Недаром Ауэрбах Ньютоновское учение тяготения считает образцом, а метод современной теоретической физики сочетанием индукции и дедукции.

Обратимся теперь к другой области естествознания. Макс Гартман в своих работах («Общая биология» и «Biologie und Philosophie») также ставит вопрос о методе наук вообще и биологии в частности. Рассуждения Гартмана для нас представляют особенный интерес, так как в них наиболее ярко отражаются противоречия между стихийно-вырастающими моментами диалектики в естествознании и старым аналитическим, насквозь механистическим, методом, который Гартман кладет в основу научного познания.

Так же, как и Ауэрбах, он подчеркивает совершенную недостаточность только наблюдения в научном исследовании: «Для исследования природы требуется не только наблюдать, но и мыслить». Однако «мыслить» для Гартмана означает не что иное, как признание априорных логических закономерностей, которые обуславливают опыт. Переход на эти кантовские позиции Гартману облегчает то, что он стоит на механистической точке зрения. Основная задача познания для него — это сведение сложного к простому. В полном согласии с Николаем Гартманом, Макс Гартман считает природу бесконечным комплексом причинных рядов. Понимая причинность только как механистическую, Гартман естественно и задачу научного исследования видит только в процессе сведения. «Исследователь, — говорит он, — пытается отдельные причинные ряды свести от действия к предшествующей причине, последнюю еще дальше

на другие причины и таким образом анализировать всю причинную цепь»²⁾.

Гартман защищает ту мысль, что в биологии все можно об'яснить путем сведения более сложного к простому. Если до сих пор не могли механистически об'яснить движения и поступки высших животных, то это свидетельствует только о неполноте нашего познания, по мнению Гартмана, а не о принципиальной невозможности сведения. Ту же самую мысль высказывает он в своей «Общей биологии» по вопросу о явлениях формы. Если тайна формы, тайна смены форм еще до сих пор не разрешена физико-химическим анализом, это не значит, что она не будет разрешена в дальнейшем и именно таким путем.

Такая форма познания, которую Гартман и считает единственной научной формой, обуславливается, как указывает он, двумя видами суждений: индукцией и дедукцией. Гартман совершенно справедливо указывает, что, несмотря на известную правомерность деления наук на индуктивные и дедуктивные, оба эти метода самым тесным образом переплетаются в живом научном исследовании. Поэтому и в так называемых индуктивных науках всегда присутствует момент дедукции. Больше того, чем большую степень точности приобретает естественно-историческая дисциплина, тем больше растет в ней значение дедукции. В зависимости от того, насколько велико значение индукции, Гартман вслед за Б. Баухом различает два вида индукции: чистую или обобщающую и точную индукцию. «Последняя, — говорит Гартман, — представляет собственно-индивидуальный или аналитический метод. Первая есть индукция Аристотеля, последняя — Галилея»³⁾.

Чистая или обобщающая индукция служит логической основой сравнительного метода в биологии, который чаще всего устанавливает не закономерности, а только определенные групповые связи, классификационно-систематические порядковые типы. «Чистая или обобщающая индукция, — говорит Гартман, — прежде всего только приводит в порядок и ничего не высказывает о закономерности и необходимости ею устанавливаемого порядка. Она пытается установить сходства и различия различных предметов и явлений и приводит различные целевые предметы или части последних в систему общих понятий (напр., систематика, сравнительная анатомия). Таким образом уже чистая индукция приводит к общим понятиям, которые являются выражением известной закономерности, которой, однако, можно приспособить значение гораздо большей или меньшей вероятности»⁴⁾.

Таким образом, чистая индукция не может привести к установлению абсолютной достоверности и необходимой закономерности. Торжество современного естествознания было бы невозможно, подчеркивает Гартман, на основе одной обобщающей индукции. Своим успехом современное естествознание обязано точной индукции, которая является логической основой экспериментального метода. Точная индукция от обобщающей отличается тем, что она с неизбежностью ведет к причинному познанию, к установлению законов. Заслуга создания точной индукции принадлежит Галилею. Этот новый вид индукции был создан благодаря введению эксперимента. Галилей на место сравнения многих случаев поставил анализ одного. Открытие закона в одном случае, приносит с собой понимание всех случаев такого рода. Таким образом, метод точной индукции состоит в планомерном конструировании отдельного случая и проверки его через планомерный эксперимент. В этом методе индукция и дедукция выступают в их единстве. Точная индукция в отличие от обоб-

¹⁾ Max Hartmann, Biologie und Philosophie, S. 6—7.

²⁾ Гартман, Общая биология, ГИЗ, 1929 г., стр. 5.

³⁾ Hartmann, Biologie und Philosophie, S. 10.

Под знаменем Марксизма.

щающей непосредственно устанавливает закономерные связи явлений, и поэтому она, как для неорганических естественных наук, так и для биологии, является методом, ведущим «к более глубокому и более совершенному познанию».

Как видим, Гартман делает большой шаг вперед по сравнению с «всепротивистами», которых подвергает критике Энгельс. Он уже не противопоставляет индукцию и дедукцию, а, наоборот, подчеркивает их единство в научном исследовании. Однако его ошибка заключается в том, что он признает всего только два вида суждений: индукцию и дедукцию. Энгельс еще замечал, что естествоиспытатели сводят все логические формы умозаключения к этим двум видам, «не замечая при этом вовсе, что они 1) применяют под этим названием бессознательно совершенно другие формы умозаключения 2) не пользуются всем богатством форм умозаключения, поскольку их нельзя втиснуть в рамки этих двух форм»¹⁾.

Признавая единственно научным методом так называемую точную индукцию или, как он сам отмечает, аналитический метод, Гартман сам попадает в противоречие. Только что заявив, что экспериментальный метод, в основе которого лежит индукция, есть метод, ведущий биологию к более совершенному познанию, он сейчас же вынужден вносить поправку в это свое заявление. Он вынужден констатировать, что сведение сложных закономерностей на более простые (а в этом и заключается сущность экспериментального метода), не может быть достаточным при обяснении биологических явлений. «Такая сложная наука,— говорит он,— прежде всего чрезвычайно нуждается в чисто-феноменологическом рассмотрении отдельных систем, процессов и т. п., чтобы, таким образом, выделить и познать существенные черты происходящего процесса. Прежде чем эта работа не будет выполнена,— а при дальнейшем прогрессе науки она должна будет расти непрерывно,— применение точной индукции не может иметь действительного успеха»²⁾.

Гартман, конечно, глубоко ошибается, когда полагает, что существенные черты происходящего процесса можно познать путем чисто-феноменологического рассмотрения. Но он прав в том, что, прежде чем экспериментально исследовать, необходимо уже иметь представление о всей сложности изучаемой системы, мы бы сказали, необходимо иметь представление о ее качестве. Но так как для Гартмана существует только аналитический метод, разлагающий сложное, ему приходится для спасения этого сложного обращаться снова к обобщающей индукции, лежащей в основе сравнительного метода, которую он по справедливости оценивал первоначально как низший вид познания.

В подобное же противоречие попадает Гартман и по вопросу о разделении наук на номотетические и идиографические. Обычно,— говорит Гартман,— естественные науки делятся на точные (физика и химия) и описательные (минералогия, кристаллография, зоология, ботаника и др.). Это деление он считает неосновательным, так как «цель всех естественных наук в сущности не только описание, приведение в порядок и каталогизация, но и рационализация мира явлений»³⁾.

Однако сейчас же Гартман устанавливает, что подобная рационализация до сих пор возможна была в большей мере только в физике и «может быть», добавляет он,— вообще только здесь она и возможна», ибо физика стремится изучаемые ею процессы «привести в систему логических законов, которые известной степени стоят вне времени и не индивидуальны». Поэтому физику он называет чистой наукой о законах, которая одна только имеет право на

название «номотетической, в смысле Виндельбанда, науки». Отсюда Гартман считает возможным противопоставлять физику всем прочим естественно-историческим дисциплинам, как науку элементарную, общую для всего мира явлений, как основную дисциплину. Остальные же все естественные науки можно назвать идиографическими, так как задачей их является — «дать полное и исчерпывающее описание отдельного более или менее преходящего состояния неповторяемой и ограниченной во времени действительности». Но все эти науки имеют еще и другие признаки. Поэтому во всех идиографических естественных науках мы имеем также и рациональный характер, который различен в различных науках. Так, например, в химии, этот рациональный характер выражен более отчетливо; биология же еще очень далека от рациональной системы, «несмотря на великую и плодотворную попытку Да ринина».

Только что установив, что биология больше других наука идиографическая, Гартман тотчас же утверждает, что, несмотря на это, однако, в биологии номотетический отпечаток выражен сильнее, чем в большинстве неорганических наук. Объясняется это тем, что органическое естественное тело сохраняется как такое только благодаря непрерывно пронизывающему его потоку обмена веществ и сил. А «поэтому понятно,— говорит Гартман,— что в истории биологических наук очень рано возникает номотетическое направление исследования — физиологическое изучение обмена веществ и сил»⁴⁾. Номотетическое направление, продолжает Гартман, в новейшее время распространяется и на морфологию, которая раньше разрабатывалась исключительно идиографически. Приходит Гартман к следующему заключению: «Таким образом, мы можем сделать вывод, что биология есть номотетическая наука, поскольку она старается свести к физическим закономерностям стационарные процессы в их резко индивидуализированных формах и причино-анализировать широкий круг процессов смены форм. В то же время биология есть система, классифицирующая, питающаяся привести в упорядоченную систему огромное разнообразие индивидуальных органических форм. Но, в противоположность химии и кристаллографии, имеющих чисто-рациональный или преимущественно рациональный характер, система биологии прежде всего обусловлена исторически. Итак, биология есть, с одной стороны, номотетическая наука о законах, с другой стороны, сравнительная, классифицирующая, идиографическая, историческая наука»⁵⁾.

В выше приведенные рассуждения Гартмана являются чрезвычайно ярким доказательством противоречия между теоретико-познавательной кантовской предпосылкой, с одной стороны, и фактическим положением дела в науке, с другой. Предпосылка, что познающий субъект творит науку на основе а priori данных логических категорий, явившаяся следствием представления законов природы, как абстрактных, вневременных категорий, получающихся в результате абстрагирующей, разлагающей деятельности рассудка, приводит к делению наук на номотетические и идиографические.

Виндельбанд-Риккерт проводят грань между социальными и естественными науками, относя последние целиком к номотетическим. Однако конкретное развитие наук заставляет сторонников этой точки зрения вносить корректировки в положение Виндельбанда-Риккера. Оказывается не все естественные науки номотетические. Оказывается, таковой можно считать только физику. Да и последняя, как вынужден это признать и Гартман, тоже имеет в себе элемент идиографического. Чрезвычайно любопытно, как бу-

¹⁾ Энгельс, Диалектика природы, стр. 183.

²⁾ Макс Гартман, Общая биология, ГИЗ, 1928 г., стр. 10.

³⁾ Там же, стр. 3.

⁴⁾ Макс Гартман, Общая биология, стр. 4.
⁵⁾ Там же, стр. 5.

квально на одной странице мы встречаем у Гартмана утверждение об одной и той же науке то как о преимущественно номотетической, то как, главным образом, идиографической. Поэтому и биологию он в заключение всех своих рассуждений определяет как науку, обладающую различными признаками, как суммой их.

В рассуждениях о научном методе и Гартмана, и Ауэрбаха мы замечаем подчеркивание одного и того же момента — необходимость теоретического мышления, так как одного наблюдения, чистого эмпиризма недостаточно. Нужно сказать, что в этом Гартман и Ауэрбах не одиноки. Мысль о необходимости внесения элементов мышления в эмпирические науки становится все более привычной для естествоиспытателя.

Правда, еще встречаются ученые, которые не прониклись этой точкой зрения. Плате, например, упоминает о профессоре Флешмане, который является противником эволюционного учения потому, что он считает достоверным только то, в чем можно убедиться только «собственными глазами», а также одного из учеников Геккеля, М. Вольфа, который называет вопросы о возникновении жизни и истории ее развития «нелепыми», так как ответ «можно лишь домыслить», но нельзя получить путем непосредственного созерцания. Плате совершенно верно замечает, что такая точка зрения должна заставить «отказаться от всех физических и химических теорий, основанных на эфире, атомах и электронах, а также от многих глав палеонтологии, геологии и сравнительного языковедения»¹). Такие фигуры естественников, которые хотят построить всю науку на «непосредственном созерцании», на том, в чем можно убедиться только «собственными глазами», становятся уже сравнительно редкими. Однако признание необходимости теоретического мышления еще не означает правильности разрешения вопроса о методе в естественных науках. На примере Ауэрбаха и Гартмана мы видим, что теоретическое мышление укладывается ими в рамки только аналитического познания, а отсюда — невозможность правильного разрешения вопроса и целый ряд очень важных следствий.

Прежде всего задача науки усматривается в том, чтобы сложное сводить к простому. Полнота познания, таким образом, зависит от полноты сведений к этому простому. Чем дальше мы разложили сложное на его компоненты, тем богаче, следовательно, наше знание об этом сложном.

Но это заблуждение скоро обнаруживается, и вместо об'яснения сложного приходится или постулировать старую «жизненную силу» или вводить так называемые «иррациональные остатки».

Однако задача научного об'яснения представляется, как задача сведения сложного к простому, очень многим естествоиспытателям. Даже К. А. Тимирязев полагал, что «об'яснить — значит приводить более сложное к более простому»²). Очень характерно, что это положение дается в том месте, где Тимирязев характеризует физиологию, как науку чисто-экспериментальную. У физиологов, чаще всего, мы и находим такое понимание задачи научного об'яснения. У английского физиолога Бейлиса мы читаем, например, следующее: «Что, однако, мы понимаем под «об'яснением» в науке? Мы уже «объяснили» броуновское движение кинетической теорией газов и образование псевдоподиев поверхностью натяжением. Наши усилия сводились при этом к тому, чтобы показать, что эти сложные факты оказываются отдельными проявлениями свойства, присущих гораздо большему числу явлений, не связанных непременно с жизнью. И теперь, приступая к «об'яснению» самой поверхности натяжения, мы должны показать, что оно вытекает из

свойств, характеризующих жидкости, как таковые. Следующим шагом было бы сведение этих свойств к свойствам самих молекул»¹).

Мы видим, что весь процесс здесь сводится к «повторению одного первоначального действия анализа», как говорит Гегель. Сначала анализируется образование псевдоподиев, как нечто конкретное; оно сводится к более общему, к поверхностному натяжению. Потом само поверхностное натяжение снова анализируется как нечто конкретное и сводится к еще более общему, в конечном итоге к свойствам самих молекул. Этот типичнейший ход аналитического познания принимается Бейлисом как единственный способ «об'яснения» в науке.

То же самое, — и в еще более резкой форме выраженное, — мы видим и у Лазарева. В своей работе «Ионная теория возбуждения» он задачу познания понимает как задачу сведения изучаемых процессов, ко все более и более общим закономерностям. Невозможность об'яснить все процессы организма путем сведения к физико-химическим явлениям об'ясняется тем, что не все еще сильны и состояния вещества изучены.

В сущности, все приведенные нами характеристики метода естественных наук стоят на точке зрения Галилея-Ньютона. Гартман так прямо и заявляет, как мы видели уже, что метод точной индукции или аналитический метод есть метод Галилея. Что это также и метод Ньютона, можно видеть из рассуждений последнего. «Как в математике, так и в натуральной философии исследование трудных предметов методом анализа всегда должно предшествовать методу соединения. Такой анализ состоит в производстве опытов и наблюдений, извлечении общих заключений из них посредством индукций»...

«Путем такого анализа, — продолжает Ньютон, — мы можем перейти от соединений к ингредиентам, от движений к силам их производящим, и вообще от действий к их причинам, от частных причин к более общим, пока аргумент не закончится наиболее общей причиной. Таков метод анализа, синтез же предполагает причины открытыми и установленными в качестве принципов; он состоит в об'яснении при помощи принципов явлений, происходящих от них, и доказательстве об'яснений»²).

Совершенно неоспоримым является тождество взглядов на метод Ньютона и современных естествоиспытателей. Ньютон, однако, аналитическим методом считает только индукцию, путь же от общего к частному он называет синтезом. Однако некоторые принимают метод Ньютона за действительное единство аналитического и синтетического метода, а отсюда — стремление к отождествлению метода Ньютона и метода Маркса. Такую попытку мы имеем в работе Цейтлина: «Наука и гипотеза». Неосновательность этого отождествления совершенно очевидна, ибо Маркс, так же как и Гегель, под анализом и синтезом понимают нечто совершенно иное, чем Ньютон. Цейтлин же принимает ньютоновское толкование, и поэтому его трактовка «диалектического анализа» и «диалектического синтеза» представляет собой нечто изумительное по извращению Маркса метода.

Мы уже подчеркивали выше, что для Маркса путь от простого к сложному, от абстрактного к конкретному, путь синтеза есть вместе с тем путь воспроизведения генетического, исторического развития предмета. Конечно, логический синтез не есть описание истории данного предмета, но в логическом синтезе отражается историческое. Вот как говорит Энгельс о логическом синтезе Маркса. «Последний, однако, есть тот же исторический метод, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих стройность изложения исторических случайностей. Логический ход мыслей должен начать с того, с чего начинает и история, и его дальнейшее развитие будет предста-

¹) Плате, Эволюционная теория, ГИЗ, 1928 г., стр. 14.

²) Тимирязев, Исторический метод в биологии, стр. 24.

¹) Бейлис, Введение в общую физиологию, ГИЗ, 1927 г., стр. 8.

²) Ньютон, Оптика (цит. у Максимова, «Ньютон и философия»).

влять собой не что иное, как отражение, в абстрактной и теоретической последовательной форме, исторического процесса, исправленное отражение, но исправленное соответственно законам, которым нас учит сама историческая действительность, ибо логический способ исследования дает возможность изучить всякий момент развития в его самой зрелой стадии, в его классической форме¹⁾.

Ничего подобного мы не имеем в пути от простого к сложному в аналитическом методе Галилея—Ньютона. Их метод все время остается в сфере готовых, уже данных предметов, в этом методе нет места об'яснению и возникновения. Правда, Цейтлин в конце своей книги делает сноску, в которой он упоминает об историчности марксова метода, но этой историчности места не в сноской, а в самом анализе метода Маркса, но тогда было бы затруднительно, конечно, отождествлять метод Ньютона и Маркса.

* * *

Попытка современных естественников примирить чистую эмпирическое мышление напоминает собой попытку кантовского примирения эмпиризма и рационализма. Не даром современные естествоиспытатели так легко принимают кантовскую теорию познания. Канту не удалось это примирение потому, что естественные науки того времени, на которых он стремился обосновать свою теорию познания, находились на стадии аналитического познания. Современному естествознанию, останавливающемуся на уровне метода Галилея—Ньютона, примирение это тоже не удается.

Этот процесс сведения сложного к простому, этот путь от конкретного ко все более и более абстрактному приводит в результате к признанию законов, как чего-то внешнего по отношению к конкретным явлениям, как логических предпосылок познающего субъекта. На этой почве собственно и возникает риккертianство. Но если Риккерт еще все естественные науки считал науками номотетическими, то Гартман таковой вынужден считать только физику и то с известными оговорками. Физика, по мнению Гартмана, есть чистая наука о законах, которые стоят вне времени. Эта характеристика закона, как вечной, вневременной категории так же результат аналитического познания и является чрезвычайно характерной для риккертianства, для кантианства вообще.

Казалось бы очень странным именно теперь, когда в современной физике сегодня подвергается критическому пересмотру то, что еще вчера признавалось незыблемой истиной, говорить о вневременности законов физики. Однако эти заявления мы еще слышим.

В связи с преобладанием аналитического мышления находятся также и выводы естественников о невозможности познания сущности явлений. Еще у Ньютона мы имеем наличие агностичизма в его возврении: «Мы видим — говорит он, — лишь образы и цвета тел, слышим лишь звуки, ощущаем лишь наружные поверхности, чуем лишь запахи и чувствуем вкусы: внутреннюю же сущность никаким чувством, никаким действием мысли не постигаем». Такой вывод совершенно понятен. Он логически вытекает из положения, что познание сводится к сведению конкретного ко все более и более общим абстрактным общим закономерностям. Следовательно, с точки зрения этой концепции научного метода, познание какого-либо предмета, конкретного явления представляет собой бесконечный путь сведения ко все более и более общим законам. Так как этот путь действительно бесконечен и так как он по меткому выражению Гегеля действительно подобен постепенному сниманию кожицы с луковицы слой за слоем, то естественники и приходят к выводу о непознава-

ности сущности явлений, что им чрезвычайно облегчает переход к точке зрения Канта о непознаваемости вещей в себе, с одной стороны, а, с другой стороны, к отказу от возможности об'яснения явлений природы. К этому собственно и пришел Ауэрбах. Так как невозможно познать den Urgrund aller Geschehenes, то и об'яснение в науке сводится к наиболее полному описание, хотя начинает он борьбой против чистого описания.

Вместе с этим, задачей научного исследования считается задача только количественного исследования. Лазарев, например, только так и понимает задачу науки. Изучение всякого процесса физического мира, — говорит он, — слагается из следующих стадий: из экспериментального исследования определенного класса явлений, ведущего к установлению чисто-эмпирическим путем первых количественных закономерностей, иногда тесно связанных с гипотетическими представлениями о природе явления и позволяющих получить количественную связь между факторами, входящими в изучаемый процесс природы. Далее следует вторая стадия — математической обработки основных законов и анализа следствий, вытекающих из них. Лазарев является наиболее ярким выразителем той точки зрения, что изучение закономерностей природы есть изучение количественных закономерностей. Это опять-таки является следствием аналитического мышления. Поэтому и Гартман, хотя он и принадлежит к сторонникам Gestalttheorie, тоже видит задачу естествознания в установлении количественных закономерностей. По его мнению, особенное, специфическое, качественное и не интересует естествознание. Оно полностью удовлетворяется тем, что познает части, доступные познанию, и устанавливает количественно причинные отношения.

В связи с тем, что познание состоит только в разложении явления на его компоненты, встает проблема «целостности». На этой почве вырастает витализм. Наши механисты обычно обвиняют диалектиков в витализме на том основании, что последние подчеркивают недостаточность того познания, которое останавливается только на сведении сложного явления к его компонентам. Посмотрим, не является ли сам витализм логическим следствием именно аналитического мышления и можно ли его преодолеть, оставаясь на той же позиции аналитического метода.

Дриш, глава современного неовитализма, также различает теоретическую науку от чисто-эмпирической. «В то время как эмпирическое исследование большей частью заканчивается созданием коллективных понятий и правил, теоретическая мысль выделяет аналитическим путем и создает из них синтетически и скучественные понятия; теоретические законы относятся именно к этим последним»¹⁾. И вот, Дриш ставит вопрос: допускают ли биологические явления создание теории в этом именно смысле, т.е. «может ли дойти исследование до последних элементов и возможно ли образование из последних искусственных понятий»²⁾. Для ответа на этот вопрос Дриш предпринимает обзор современного ему состояния и методов биологии. Он устанавливает, что первой ступенью биологического познания является описание. Материал, полученный описательным путем, располагается в систему. При этом выступают впервые коллективные понятия. Это — понятия, имеющие отношения к целому организму, как-то: позвоночные, простейшие, мхи и т.д., понятия, имеющие отношение к частям организма: кишечник, «клетка», «центрозома»; понятия, имеющие отношение к изменениям и процессам в организме: «дробление», «секреция», «сокращения» и т.д.

К чисто-описательному изучению процессов в организме присоединяется и эксперимент. В результате экспериментального исследования получаются также коллективные понятия такого рода, как «дыхание», «мозговой центр»,

¹⁾ Энгельс, Рецензия на «К критике полит. экономии», — «Под знаменем Марксизма» 1923 г., № 2 — 3.

²⁾ Дриш, Витализм, 1915 г., стр. 195.
³⁾ Там же, стр. 196.

«хемотаксия», «функциональное приспособление» и т. д. Как же обстоит дело здесь с последними элементами, необходимыми для теории? — спрашивает Дриш. Что можно считать таковыми? Некоторые черты жизненных явлений оказывались об'яснявшимися физическим или химическим путем. «Этим самым вопрос о последних элементах и обо всем связанном с этим как бы передавался в ведение неорганических наук и выключался из сферы биологического путем сведения к физико-химическому»¹⁾. Этот метод об'яснения биологического путем сведения к физико-химическому Дриш называет методом выключения.

Такой метод, по мнению Дриша, не представляет никакой научной ценности, ибо организмы обладают такими свойствами, которые не могут быть об'яснены путем сведения к физике и химии и свидетельствуют об автономности жизненных явлений. К таким свойствам относятся гармоничность и регуляторная способность организма. Гармоничность проявляется, во-первых, в том, что в процессе развития организма одна часть, влияя на другую, «вызывает в ней проявление какой-либо новой черты; для этого последняя должна быть восприимчивой к действию первой». Во-вторых, органы взрослого организма образуются из соединения многих, дифференцирующихся и независимо друг от друга зачатков, и эти независимые части в результате развития образуют гармоничное целое. В-третьих, наблюдается так называемая функциональная гармония, которая заключается в том, что отдельные части организма функционируют каждая сама по себе, но вместе с тем одна в руку другой». Типичным примером такой гармонии Дриш считает функционирование различных отделов желез пищеварительного пути.

«Регуляторной способностью» организмов Дриш называет их «свойство сохранять свою нормальную форму и функции при воздействии ненормальных внешних факторов»²⁾. Это проявляется в том, что организм, например, при голодании в состоянии употребить все свои запасные вещества и даже часть своих тканей для поддержания своей жизни, при чем самые важные ткани, как нервные и половые клетки, остаются сравнительно нетронутыми. Этой же области явлений относится у высших организмов образование антиоксидантов, способность защищаться от неорганических ядов. К регуляторным процессам относятся также и явления регенерации. В результате исследования всех этих явлений в организме Дриш приходит к выводу, что организм состоит из элементов, которые обладают многими и совершенно одинаковыми, равными потенциями. Организм есть эквипотенциальная система. Однако в существовании и развитии организма или эквипотенциальной системы каждый элемент определяется идеей целого, что резко выступает в явлениях гармоничности и регуляции. Этой идеей целого, которая регулирует, координирует и направляет развитие отдельных, независимых друг от друга элементов является энтеleхия.

Мы видели выше, что Дриш протестует против метода сведения, однако сам пользуется тем же самым сведением к последним элементам; только эти последние элементы он считает клетки. Таким образом, разложив организм путем анализа на его последние элементы, рассматривая эти последние элементы, как независимые друг от друга, Дриш получает вместо организма простой агрегат клеток и для об'яснения его действительного органического единства ему остается постулировать энтеleхию. Поэтому Heidenhain совершенно прав, когда как на основную методологическую ошибку Дриша указывает на переоценку им аналитического метода, которая привела его к непризнанию синтетического процесса в истории развития. Отсюда представление об организме, как сумме клеток. «Теория развития Дриша —

говорят Heidenhain, — исходит, таким образом, из некоторой «суммы» эквипотенциальных клеток, которые в течение их развития существенно независимы друг от друга. При таких обстоятельствах должно казаться чудом, что внутри такой суммы на определенном месте пути развития выступает специфический вид»¹⁾.

Заслугой Дриша является то, что он поставил вопрос о «целостности» организма (недаром Heidenhain замечает, что в последние десятилетия Дриш в Германии был известнейшим представителем идеи целостности), однако для об'яснения этой целостности он прибегает к силе внешней по отношению к организму, что является чрезвычайно характерным для аналитического способа мышления при об'яснении явления как целого.

Некоторых последовательных сторонников физико-химического об'яснения всех биологических явлений крайне удивляет непоследовательность виталистов, которые допускают чисто физико-химический характер отдельных процессов в организме — для об'яснения же организма как целого они прибегают к факторам, лежащим вне материального мира вообще. «Никто, даже самый закоренелый, но научно мыслящий виталист, — говорит Жак Леб, — и не подумает рассматривать процессы пищеварения, обмена веществ, продукцию тепла и электричества в живом организме, даже секрецию или сокращение мускулов с какой-нибудь иной точки зрения, чем с чисто-химической или физико-химической; едва ли кто-нибудь решится об'яснять функцию глаза или уха, пользуясь иной точкой зрения, кроме физической, но как только затрагивается вопрос о деятельности организма как целого, мы сталкиваемся с совершенно иным положением. Тот же самый физиолог, который в об'яснении отдельных процессов строго придерживается физико-химической точки зрения и метода, стал бы рассматривать деятельность организма как целого, как выявление агентов не физического порядка»²⁾. В качестве примера приведет Жак Леб приводит имена Клода Бернара, Дриша и Икссиоля.

Жаку Лебу непонятно, что именно физико-химическая точка зрения, требующая только сведения сложного к простому, и приводит к неспособности об'яснить целое физико-химически. Поэтому и попытки преодолеть дришевский витализм, стоя на почве того же самого аналитического метода, не приводят к желаемому результату. В качестве примера мы можем остановиться снова на Максе Гартмане, а также и на Мейергофе.

Последний устанавливает прежде всего, что положение Дриша о том, что характер целостности является принципиальным отличием всего живого, неправильно, так как с явлением целостности и индивидуальности мы встречаемся также и в неживой природе. «Для нас живые существа представляют, — говорит Мейергоф, — высшую форму организации неживой материи. Эта форма организации так же относится к организации молекул (или атомов), как последние к электронам или протонам, из которых они построены. Молекула и атом тоже представляют собою некоторую структурную и функциональную единицу, обладающую относительной устойчивостью, более или менее, но не совершенно, постоянной формой, с меняющимся запасом энергии и численно определенными, но индивидуально непостоянными, т.-е. способными к замене, элементарными составными частями. Больше того, — как показывает статистика радиоактивного распада, — отдельные атомы, отличаются друг от друга различной продолжительностью существования и, таким образом, обладают определенной индивидуальностью»³⁾.

Мейергоф подчеркивает, что проблема формообразования и в филогенетическом, и в онтогенетическом отношении является труднейшей проблемой.

¹⁾ Heidenhain, Formen und Kräfte in der lebendigen Natur, S. 25.

²⁾ Жак Леб, Организм как целое с физико-химической точки зрения.

³⁾ Мейергоф, Термодинамика жизненных процессов, стр. 7.

¹⁾ Дриш, Витализм, стр. 198.

²⁾ Там же, стр. 201.

мой биологии. Поэтому и сравнение организма со строением молекулы, говорит он, отнюдь не означает, что при построении живого вещества следует ожидать участия тех же факторов, которые определяют организацию молекулы. Это означает только то, что существуют еще и другие образования, обладающие признаком целостности и являющиеся чем-то большим, чем простая сумма составляющих их частей. «Ведь ни отдельный электрон, ни отдельный положительный заряд сами по себе не могут привести к тем законам, которые проистекают из строения целостной структуры, каковой является водородный атом», — говорит Мейергоф.

Рассуждения Мейергофа чрезвычайно интересны и приближаются, как это можно видеть, к правильной методологически постановке вопроса. Мы находим у Мейергофа и еще более интересные положения. Так он, например, характеризуя дальние явления целостности, не сводящиеся к простой сумме своих составных частей, отмечает, что ядро атома, принимая новые электроны, приобретает новые свойства, которыми не обладают элементарные составные части, но которые вытекают из этих последних: «Подобно этому, можно полагать, — говорит он, — что различные проявления жизни — способность роста, возбудимость, обмен веществ, регенерация — все это вытекает из высшей формы организации органических молекул, но последние сами уже обладают свойствами, в силу которых указанные проявления могут обнаружиться при осуществлении этой формы организации».

Эта трактовка вопроса почти вплотную приближается к правильной, по которой низшие формы заключаются в высшей, но в снятом виде. Трактовка Мейергофа в корне отлична от дришевской, по которой процессы, происходящие в живых организмах, «не являются ни результатом, и сочтанием физических и химических».

Но напрасно мы ждали бы от автора вполне правильного и диалектического разрешения вопроса методологии в целом. Стоя в основном на той же позиции аналитического метода, что и Дриш, Мейергоф, опровергая точку зрения виталистов на абсолютную независимость жизненных процессов от физико-химических тел, что и в неорганической природе мы сталкиваемся с явлениями целостности, не находит, однако, более сильного аргумента против Дриша, как утверждение, что виталисты обычно «чрезвычайно переоцнивают возможность об'яснить до конца явления мертвый природы». По мнению Мейергофа, и в этой области мы должны исходить из элементарных процессов и начальных зависимостей, которые приходится рассматривать как данные.

Таким образом, утверждая наличие явления «целостности», «структурности» или «индивидуальности» не только для жизненных явлений, но и для неорганического мира, Мейергоф вместе с этим совершенно отказывается об'яснять эти явления, принимая их просто как данные.

На этой же точке зрения необ'яснимости такого рода явлений стоит и Макс Гартман. Он также подчеркивает наличие специфических структур и в неорганическом мире. Органические тела, рассуждает он в своей «Biologie und Philosophie», кажутся нам созданными таким образом, что отдельные части и отдельные функции направлены к цели — к функции целого. Это однако не является своеобразием только биологической системы. Это касается всех идиографических наук. Всюду в них нельзя удалить ни одного члена без того, чтобы не разрушить специфического своеобразия и структуры системы. Даже в физике, — говорит Гартман, — в этой чистой науке о законах (а закон, как мы видели выше, он понимает как вечный и независимый от времени и пространства), наряду с общими законами, играют также роль специфические законы.

Однако это специфическое недоступно познанию. Всегда, — говорит Гартман, — имеется «иррациональный остаток», благодаря которому невозможно познать предмет в целом: «внутренняя сущность, собственно особенное, качественное остается для познания закрытым»¹⁾. Таким образом в какой-либо системе возникают новые свойства, не содержащиеся в ее компонентах, остается загадочным, иррациональным. Но это особенное, специфическое, качественное, собственно иррациональное и не интересует естествознание, по мнению Гартмана. Оно полностью удовлетворяется тем, что познает части, доступные познанию, и устанавливает количественно причинные отношения. «Иррациональный остаток бытия лежит вне сферы естествознания», — говорит Гартман²⁾.

Все это старые кантовские мотивы. И наука постольку наука, поскольку в нее входит математика, и сущность вещи, «вещь в себе» непознаваема. Оба, и Мейергоф и Гартман, полагают, что кантовское понимание вполне опровергает витализм. «Мы, — говорит о себе Мейергоф, — придерживаемся основного положения Канта, что высшие принципы естествознания определяются формами человеческого познания; мы не допускаем возможности существования законов, которые не были бы применимы в биологии или, наоборот, были бы приложимы исключительно к живым существам»³⁾. По существу здесь никакого преодоления витализма нет. Ибо если витализм останавливается, как перед загадкой, перед явлением целостности, специфичности живого, то и Мейергоф и Гартман останавливаются, как перед загадкой, перед явлением специфичности, также и в неорганическом мире и утешают себя тем, что этим «естествознание не интересуется» (Гартман), что это просто «первоначально данное» (Мейергоф).

В этом вопросе о целостности, о специфичности ярче всего обнаруживаются противоречия Гартмана. С одной стороны современное естествознание настоятельно заявляет о существовании качества, целостности, которое не сводится к сумме своих частей. Современное естествознание заставляет признать Гартмана, что «законы кристаллографии, минералогии, петрографии и биологии не суть просто физико-химические законы»⁴⁾, что они специфические законы. Больше того, Гартман утверждает, что даже в физике наряду с общими законами играют роль также и специфические законы. Однако об'яснить эту специфичность Гартман не в состоянии. И это совершенно понятно, ибо аналитический метод, который сводится к разложению конкретных, готовых, как они есть, предметов, не может привести к об'яснению качества. Об'яснять качество может только диалектический метод, который включает в себя момент синтетический, момент, отражающий историю, момент, отражающий возникновение, происхождение предмета, реальный синтез развития.

Аналитический метод, с его сведением сложного к простому, конкретного целого к последним причинам, совершенно исключает момент развития, а следовательно, и возникновения нового. С аналитической точки зрения в конечной причине уже должно быть заложено все разнообразие и богатство конкретного мира. Эта точка зрения отразилась и в построении общей биологии Гартмана. «Общую биологию можно рассматривать, главным образом, хотя и не исключительно, как учение о жизни клеток, так как почти все важнейшие процессы жизни — обмен веществ, размножение, оплодотворение и т. д. — в конце концов суть клеточные явления»⁵⁾. Сведение всех закономерностей биологических явлений к закономерностям клеточных про-

¹⁾ Hartmann, Biologie und Philosophie.

²⁾ Там же, стр. 16.

³⁾ Мейергоф, Термодинамика жизненных процессов.

⁴⁾ Hartmann, Biologie und Philosophie, S. 8.

⁵⁾ Гартман, Общая биология, стр. 17.

цессов для Гартмана совершенно последовательно. Этого требует аналитический метод. Однако конкретное содержание науки требует поправок к этому положению, и Гартман вынужден вносить их в ущерб собственной последовательности. Гартман полагает однако, что поправки эти приходится вносить только для данного времени, так как наше познание еще не достаточно полно; биология еще только стоит у начала номотетического познания, ей еще не известны «все переплетающиеся друг с другом физические и химические связи в живом организме». Поэтому пока еще, так думает Гартман, некоторые явления и не приходится выводить непосредственно из жизни клетки. «Если общая биология, как мы ее понимаем, — говорит он, — есть прежде всего биология клетки, то, по крайней мере, в *течение* исследования состояния исследования (курсив мой. Н. М.) она далеко не исчерпывается этим. Многие общие жизненные явления, например, явления раздражения, суть процессы общего характера и обнаруживаются только или по преимуществу в составленной из клеток растительной или животной системе как целом. Поэтому в содержание общей биологии входят и такие процессы, которые проявляются только в системах как в целом: наследственность, изменчивость, онтогенез, видообразование и т. д.»¹⁾.

Все перечисленные явления сам Гартман относит к необратимым процессам в биологии, это — процессы онтогенетического и филогенетического развития или явления форм и смены форм. Гартман вынужден здесь конституировать, что «явления формы и смены формы, столь характерные для живых существ, повидимому не разрешимы физико-химическим анализом»²⁾. Однако он не перестает надеяться, что «с помощью победоносного индуктивного метода мы можем надеяться проникнуть и дальше в загадочные тайны смены форм и в тайну формы вообще».

Совершенно напрасная надежда.

При помощи индуктивного или аналитического метода в тайну формы не проникнешь. Проникнуть в тайну формы, это значит об'яснять качества от этого, как мы видели, аналитический метод отказывается. Еще К. А. Тимирязев блестяще показал, что ни сравнительный, ни экспериментальный методы не в состоянии об'яснять явлений развития, явлений смены форм.

Вправе ли мы сказать, что формаобразовательные процессы также подчиняются физическим законам? — спрашивает Тимирязев. И да, и нет, — отвечает он. «С одной стороны, совершенно неправы те, кто полагают, что формаобразовательные процессы ни в чем не поддаются физическим об'яснениям. В физиологии растений, а за последнее время и в зоологии обнаруживается новое — экспериментальное морфологическое направление, успешно об'ясняющее зависимость этих процессов от физических деятелей. С другой стороны, никто не стал бы пытааться одними этими причинами об'яснять все, касающееся формы, пытаться об'яснять ее, как вполне понятный результат воздействия на нее физических факторов, влияющих с момента зачатия и до момента полного развития»³⁾.

Мало того, если бы даже удалось до мельчайших подробностей изучить все условия индивидуального развития, то и тогда мы не смогли бы об'яснить, — говорит Тимирязев, — почему из двух, при настоящих средствах исследования неразличимых, зачатков получаются две резко различные формы. И еще менее удалось об'яснить, почему организм развивается как бы заранее намеченной цели, неизменно направляя свое развитие к образованию органов, «приложенных» один к другому, и к будущей обстановке их действия. «Эта особенность, — говорит Тимирязев, — представляющая одно

из коренных отличий органического мира, во все времена представлялась загадкой, побуждавшей мыслителей и ученых искать ее разрешения»¹⁾.

Далее Тимирязев прекрасно показывает, как физиология, занимаясь изучением настоящего, сводя в силу необходимости это изучение к разложению сложного на простое, не может об'яснить целесообразности организмов. Для об'яснения этой целесообразности необходимо обратиться к прошлому, к истории. В качестве иллюстрации Тимирязев приводит интересное сравнение. «Если заурядный, но получивший современное образование человек обладает в наше время сведениями о природе, которым позавидовал бы Аристотель, то причина тому лежит не в исключительном каком-нибудь умственном превосходстве, даже не в том, что непосредственно окружало его в период его личного развития, а, конечно, в тех двадцати двух веках, которые не даром же прожило с тех пор человечество»²⁾. Точно так же и разгадка физиологического совершенства лежит не в приобретенном за период индивидуального развития, а в наследии «несметных веков исторического процесса». Мы видим, какое прекрасное дает об'яснение Тимирязев факта целесообразности, в то время как Гартман, будучи сторонником только аналитического метода, неспособного привести к об'яснению этого факта, понятие целесообразности считает только методическим правилом для дальнейшего прогресса познания кантовским «регулятивным принципом для исследования».

На возражения, что допущение зависимости жизненных явлений от исторического процесса представляет собой измену экспериментальному методу, Тимирязев отвечает доказательствами необходимости применения исторической точки зрения буквально во всех науках. «Только абстрактное отношение к явлению, — говорит он, — при чем исследователь, отвлекаясь от реальной связи с прошлым и будущим, произвольно определяет границы изучаемого явления, освобождает этого исследователя от восхождения к прошлому. Всякое же возможно полное изучение конкретного явления неизменно приводит к изучению его истории»³⁾. Так, например, для раскрытия законов движения не бесных тел довольно законов механики, для об'яснения же того, почему планеты движутся именно таким образом, т.е. в одну сторону, понадобилась попытка восстановить их историю, что мы и имеем в кантоплатоновой системе. В химии также для осуществления синтеза химик не может ограничиться одними указаниями анализа. Для этого он вынужден создать гипотетическую историю тела. В качестве примера Тимирязев приводит род словесную таблицу сахаристых веществ, которую Фишер поясняет ход своих открытий. «Еще более, чем химик, — заключает Тимирязев, — физиолог для своего синтеза (экспериментального или логического) не может довольствоваться одним анализом жизненных явлений: ему нужно еще знать историю организмов».

Таким образом, Тимирязев приходит к категорическому выводу, что для об'яснения нужен еще и синтез; последний же связан с историей. Мысль эту он выражает следующими словами: «ни морфология со своим блестящим и плодотворным сравнительным методом, ни физиология со своим еще более могущественным экспериментальным методом не покрывают всей области биологии, не исчерпывают ее задач; и та, и другая ищут дополнения в методе историческом»⁴⁾.

К. А. Тимирязев очень хорошо показал, что теория Дарвина, исторический метод в биологии преодолевает метафизичность и абстрактность

¹⁾ Гартман, Общая биология, стр. 17.

²⁾ Там же, стр. 16.

³⁾ Тимирязев, Исторический метод в биологии, стр. 33.

¹⁾ Тимирязев, Исторический метод в биологии, стр. 36.

²⁾ Там же, стр. 36.

³⁾ Там же, стр. 39.

⁴⁾ Там же, стр. 33—34.

точек зрения, созданных сравнительным и экспериментальным методами в биологии, что только исторический метод дает нам правильное синтетическое понимание органического мира как целого.

Этого как раз совершенно не понимает Гартман. Не понимает, как и все представители механической точки зрения, что метода сведения совершенно недостаточно для об'яснения, для понимания биологических явлений. Вот почему хотя Гартман и Мейергоф, а также и Б. Фишер и констатируют качество в биологии, но об'яснить его они не в состоянии. Ибо научный метод, признаваемый ими, это—метод количественных исследований. Здесь они, в согласии с Риккертом, заявляют, что познание качественного для науки невозможно. «Лишь отвлекаясь от всего, что не поддается вычислению, — говорит Риккерт,—можем мы перейти от иррациональной действительности к рациональным понятиям, возврат же к качественно индивидуальной действительности нам навсегда закрыт»¹).

В этих словах очень хорошо охарактеризована сущность аналитического познания. Анализируя уже готовые предметы, не задаваясь вопросом об их происхождении, аналитическое познание приходит к отвлеченным всеобщностям, путь от которых к конкретным предметам, к самой действительности действительно закрыт. Поэтому одного констатирования качества еще недостаточно. Б. Фишер, например, возражая виталистам, подчеркивает единство, целостность организма, выражающееся в обмене веществ. Он возражает против аналитического рассмотрения организма, как простой суммы клеток. Он подчеркивает, что организм по отношению к отдельной клетке представляет из себя синтез. Синтез этот, однако, по его мнению, лежит за пределами естественно-научной об'яснности, так как качественное не представляет собой суммы, оно неисчислимо.

Эта вопиющая непоследовательность Фишера легко об'ясняется тем, что весь его анализ в сущности остается в пределах одного и того же качества. Он берет только онтогенетический процесс. Сам же онтогенетический процесс того или иного организма представляет собой определенное качество. Чтобы об'яснить его, нам приходится обращаться к филогенезу.

Вот почему совершенно прав К. А. Тимирязев, подчеркивая, что биология не может удовлетвориться экспериментальным методом и нуждается еще в методе историческом, и, с другой стороны, прав Чулок²), когда он подчеркивает, что дарвинизм не есть разрешение какой-нибудь отдельной биологической проблемы, а определенное мировоззрение. Большинство же биологов рассматривают это только как разрешение отдельных биологических проблем и не представляют даже, какую революционную роль играет дарвинизм в изменении самого научного метода.

Этой революции в естествознании еще не произошло. Она еще только начинается.

Диалектический материализм и новая атомная физика.

Франц Риттер.

Кризис, переживаемый за последние годы всей областью наших физических знаний, не может сравниться по глубине и значению ни с одним из прежних кризисов, включая и тот, который был вызван теорией относительности. Никогда еще науке не удавалось обогатить наши основные взгляды на сущность материи в такой мере, в какой обогатила их новая атомная или квантовая физика, с головокружительной быстротой разросшаяся вширь и вглубь за последние годы. Если бы мы захотели охарактеризовать это развитие словами Энгельса, мы должны были бы сказать, что атом, бывший еще несколько лет тому назад туманной и недосягаемой «вещью в себе», превратился, наконец, в «вещь для нас».

И как ровно 20 лет тому назад, в момент появления книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», так и сейчас переворот в ряде наших фундаментальнейших понятий служит для разных буржуазных ученых и философов желанным поводом об'ять свои собственные реакционные идеи «философией современной физики». Представители махизма и скептицизма снова переходят в генеральное наступление на материализм.

Они стараются при этом использовать то обстоятельство, что теоретические основы последних научных открытий менее доступны для неспециалиста по физике, чем это имело место прежде, что изощренному и владеющему научной терминологией специалисту теперь легче скрыть истинную суть дела под ворохом ученых выражений. И махисты, идеалисты и т. д. правы в своих торопливых попытках спасти, что еще можно, с помощью таких трюков; ибо никогда еще основные положения диалектического материализма не находили себе такой могучей опоры в успехах науки, как именно в наши дни. Никогда образ движущейся мировой материи не вставал перед нашим взором в таком ясном, в таком наглядном и убедительном виде; и в то же время никогда еще естествознание не было вынуждено в такой мере полагать в основу своих представлений диалектические принципы (правда, не отдавая себе в том сознательного отчета). И если последние успехи нашего знания о реальности материи и ее элементов не привели большинство физиков-специалистов ни к какой новой установке, то экспериментальное самообнаружение диалектики и является, как мы покажем в дальнейшем, подлинной причиной кризиса современной физики.

I.

Г-н Ф. Франк, преемник Эрнста Маха по кафедре физики в немецком университете в Праге, вздумал около года тому назад рекламировать новые открытия физики, как подтверждение «позитивистической» филосо-

¹⁾ Риккерт, Науки о природе и науки о культуре, стр. 172.

²⁾ Чулок, Теория эволюции, ГИЗ, 1926 г.

фии Маха. С этой целью он прежде всего совершенно правильно показывает, что стремление всех мыслящих людей к «наглядности» мировоззрения есть не что иное, как инстинктивное требование материалистического понимания вещей. Но г-н Франк считает, конечно, недопустимым видеть вещи такими, какими их показывает ежедневный опыт, он считает пустым предрасудоком ту мысль, что наглядно данные нам вещи мы должны и представлять себе наглядно. Современная атомная физика окончательно опровергла, по его мнению, взгляд, что тела, и уж тем более атомы и электроны, движутся в пространстве (почему он так думает, мы увидим ниже). Если для повышения своего авторитета в глазах буржуазной науки г. Франк вступает в полемику с философскими взглядами Ленина, то это слишком понятно: надо же доказать, что взгляды Маха нисколько не революционны, что, наоборот, настоящий революционер (Ленин) был жесточайшим противником Маха. Но если Франк выбирает предметом своей полемики как раз то место из «Материализма и эмпириокритицизма», в котором Ленин защищает против Маха реальное существование атомов и электронов, движущихся в (трехмерном) пространстве, то это, выражаясь мягко, не совсем удачный прием.

Никто, конечно, не станет отрицать, что вопрос о реальности атома является и сейчас, как 20 лет тому назад, пожалуй, самым главным в споре между материализмом и идеализмом. Но к чему, г-н Франк, вы сунулись как раз в такую область, где положение вещей настолько ясно, что даже не-физик может без труда отличить черное от белого? Разве вам неизвестна позиция Маха в этом вопросе? Он говорит¹⁾: «Если вера в реальность атомов для вас (физиков) так важна, то я отказываюсь от физического способа мышления, не желаю быть настоящим физиком и т. д.». Вот стало быть, чем шла речь при жизни Маха и идет сейчас: о том, существует ли атомы, действительно ли происходит их движение, а не о том, как нам удобнее всего описывать путь того или другого электрона. Ленин говорит²⁾: «Естествознание... ищет и находит... электрон в трехмерном пространстве. Оно и не думает о том, что исследуемая им материя может существовать иначе, как в трехмерном пространстве» и т. д. Атомная физика должна была решить спор между этими двумя диаметрально противоположными взглядами—и она решила его.

Когда Милликен измерял заряд электрона на капельках масла, искали он свои электроны где-нибудь еще, помимо пространства? Да и вы сами, г-н Франк, когда вы видите в спиртоскопе искру от столкновения двух атомов, неужели вы думаете, что это работают духи? Ведь в вильсоновской камере мы можем даже получить трехмерно-стереоскопический снимок электронного пути! Каналовые лучи, эти быстро движущиеся атомы, можем видеть массу отдельных атомов, мы можем по методу Астона спектро-графически «взвесить» и таким путем определить «вес» каждого отдельного атома еще точнее, чем химическим способом,—и все это только в трехмерном пространстве! Есть ли в методе атомных лучей Герлаха и Штейна, в исследованиях атомных решеток кристаллов что-нибудь такое, что вынуждало бы нас принимать атомы за «мысленные построения», как этого требовал Мах? Действуют ли только мыслимые или же действительные электроны в радиолампах миллионов людей, в фотоэлектронных аппаратах тысяч исследователей? Оставались ли мы в области только мыслимого, когда из таких различных фактов, как измерение зарядов мельчайших частиц, явления электролиза в связи с числом Лошmidtta, магнитное и электрическое отклонение катодных лучей, всякий раз неизменно получалась—и по ме-

¹⁾ Е. Мах, Die Zeitgedanken meiner naturwissenschaftliche Erkenntnislehrе. Лейпциг 1919 г., стр. 11.

²⁾ Собр. соч., т. X, «Материализм и эмпириокритицизм», 1923 г., стр. 147.

усовершенствования измерительных методов все с большей точностью—величина в $4,77 \cdot 10^{-10}$ эл.-ст. единиц для заряда электрона и, аналогичными способами, величина в $1,66 \cdot 10^{-24}$ гр. для массы протона? 20 лет тому назад никто не знал в точности этих чисел, и не успехи физиологии чувств, как выходит по Маху, а усовершенствование наших фотографических и саморегистрирующих аппаратов открыло нам эти свойства электронов, движущихся в трехмерном пространстве.

Г-н Франк отлично знает, что ныне атомы и электроны доказали свое реальное существование,—доказали, как выражается Энгельс, «промысленным путем», т. е. тем, что они на тысячу ладов применяются на практике, что в их свойствах для нас уже нет ничего необъяснимо-мистического. Он знает также, что такой неумолимый противник реального существования атомов, как Остwald, столько лет всю силой своего авторитета боровшийся, подобно Маху, против атомистической теории, теперь безоговорочно капитулировал перед очевидностью фактов¹⁾. Г-н Франк знает, наконец, что как «энергетика» Остwalda могла держаться только до тех пор, пока было возможно отрицать реальность атомов, так и натуралистическая Маха неминуемо должна пасть теперь, когда отрицать атомы может только невежда или безумец.

Поэтому он и не вдается в вопрос о существовании атомов и электронов, поставленный в свое время Махом и Лениным и недвусмысленно разрешенный современной физикой; его длинное рассуждение о наглядности имеет своей единственной целью показать, что мы не можем теперь так просто описывать и изображать атомы и их движения, как этого требует наивное стремление к наглядности. Опыт и эксперимент не опровергли, а окончательно подтвердили основное положение материализма—реальность атомов. Опровергнут, как мы покажем ниже, только метафизический-механистический материализм, только представление о «твёрдых, маленьких, вечных и неделимых» атомах, столь же решительно противоречащее взглядам Ленина, как маховское отрицание реальности атомов противоречит фактам.

Мы понимаем, конечно, что новые открытия атомной физики *точно* так же не переубедят закоренелых махистов в роде Франка и его сторонников, как не сдвинула их с их солипсистской позиции критика Ленина. Кто отрицает, напр., существование луны, тот может, разумеется, отрицать реальность атомов, но теперь уже—только тот. В этом то новое, что произошло за последние 20 лет.

Совсем недавно один из крупнейших современных физиков, основатель теории квантов Макс Планк²⁾, следующим образом определил свое отношение к махизму, разделляемое и поныне огромным большинством специалистов-физиков: «Конечно, нет логических средств убедить в реальности внешнего мира того, кто в ней не верит. Но, кроме логики, существует еще рассудок, а он вынуждает нас признать реальный внешний мир. И на мой взгляд процесс развития науки за последнее десятилетие означает не что иное, как отход от всех чисто-субъективных, возникших в мозгу человека представлений и все большее приближение нашего знания к существующему вне нас реальному миру».

Перед лицом этого заявления, исходящего из наиболее компетентного источника, трудно понять, как это г-н Франк ухитряется видеть в расуждениях Маха «превосходное гносеологическое обоснование новейшей

¹⁾ Остwald, предисловие к «Основам общей химии» (1908 г.): «Я убедился, что за последнее время мы получили экспериментальные доказательства дискретной или зернистой природы вещества—доказательства, которых атомистическая гипотеза тщетно искала в течение веков и даже тысячелетий».

²⁾ Лекция, прочитанная в Вене в марте 1920 г. (еще не напечатана).
Под знаменем марксизма.

физики». Чтобы уяснить себе это, мы должны несколько ближе присмотреться к развитию теоретической физики, как оно сложилось за последние 6 лет в связи с работами по исследованию атома.

II.

Когда 20 лет тому назад Ленин выступил со своей книгой «Материализм и эмпириокритицизм» на защиту основ материалистической философии против новейших «разрушителей материализма», главнейшим объектом полемики должно было стать утверждение, будто на достигнутой тогда ступени наших знаний «материя исчезла». Действительно, в то время состояние науки было особенно благоприятно для подобного утверждения: с одной стороны, считалось уже окончательно установленным, что электричество (электроны) составляет существенный, если не единственный элемент материи, а с другой — господство максвелловской теории электричества, в общем и целом отрицающей его «материальную природу», еще почти никем не оспаривалось. Согласно теории Максвелла, вся электродинамика основывается на колебаниях некоторого нематериального вектора, т.-е. математической величины (напряжение электрического и магнитного поля); опыт Майкельсона, опровергший гипотезу «покоящегося эфира», явился серьезной опорой для представления о «движении без материи».

Ленин сам еще принимал господствовавший в то время взгляд, что масса электрона только кажущаяся (электродинамическая).

Положение особенно осложнялось странным и противоречивым дуализмом, поскольку материю в тесном смысле противополагалось излучение.

Правда, постепенное развитие науки позволило истолковать ряд явлений, сводившихся прежде к разнообразным «силам»¹⁾, как движение молекул (теплота!). Но противоположность между тем, что обыкновенно называют материей (атомы и составляющие их протоны и электроны) и электромагнитным излучением (световые, электрические, рентгеновы лучи), осталась непоколебленной результатами новых исследований и даже еще более обострилась.

Чем яснее доказывал опыт, что все основные химические вещества (материя в тесном смысле) состоят из атомов (электронов и протонов), тем резче стал обнаруживаться ряд свойств, казавшихся неотъемлемой принадлежностью всякой корпускулы. Важнейшие из этих свойств следующие:

1) Каждая корпускула имеет определенную, конечную величину и, следовательно, является ограниченной. Отсюда непосредственно вытекает, что она всегда может быть локализована; для каждого момента времени можно указать ее координаты.

2) Каждая корпускула обладает конечной инертной и тяжелой массой, которая в до-релятивистской механике принималась к тому же за постоянную. Взгляд, что существует только электродинамическая масса, оказался неправильным.

3) Корпускула обладает измеримым импульсом, определенным по величине и направлению скорости.

4) Наконец, каждая корпускула не проникает, т.-е. заполняющее пространство не может быть одновременно занято другой корпускулой.

С другой стороны, характерные признаки электромагнитного излучения, обективная реальность которого точно так же не подвергалась сомнению и поэтому тоже должна быть причислена к материи (в широком смысле).

¹⁾ Против недопустимого приема сводить не поддающиеся объяснению явления к обычным силам протестовал, как известно, уже Энгельс самым энергичным образом. (Naturdialektik, изд. «Marx Engels Archiv», стр. 20).

смысле²⁾), оказались до известной степени полярно-противоположными отмеченным свойствам корпускул.

1) Волна (монохроматическая) по определению неограниченна, она заполняет все пространство и не может быть локализована.

2) Излучение считалось лишенным инертности и тяжести, стало быть, о его массе не могло быть речи.

3) Распространение волны происходит в трехмерном пустом пространстве равномерно по всем направлениям, особого направления для него не существует.

4) Одновременное присутствие нескольких волн в одном и том же месте вполне возможно; путем известного векторного сложения оно производит явление интерференции, в результате которого две волны могут усиливать, но также и погасять, уничтожить друг друга.

Перечисленные признаки были достаточно четки, чтобы при каждом явлении можно было тотчас определить, имеет ли оно корпускулярный или волновой характер. В особенности относительно каждого вида излучения можно было установить, вызвано ли оно только быстро летящими корпускулами (катодные лучи, γ -лучи радио, каналовые лучи и т. д.); или же тут действительно имеется в основе процесс электромагнитных колебаний. Корпускулярная природа лучей доказывалась обыкновенно их одновременным электрическим и магнитным отклонением; решающим экспериментом для обнаружения волнового процесса служил опыт на интерференцию или дифракцию.

Дуализм корпускул и волн (ср. с этим дуализм «силы и вещества») издавна заставлял исследователей искать тут какого-нибудь обединения. В самом деле, история воззрений на сущность материи показывает нам, как эти поиски приводили то к сведению излучения на корпускулы (Ньютона), то к разрешению корпускул в волны (Максвелла). К концу прошлого столетия наука, казалось, окончательно решила вопрос в пользу волновой теории излучения, когда в 1900 г. Планк создал свою теорию квантов. Ему и Эйнштейну удалось показать, что некоторые законы излучения, найденные экспериментально и необъяснимые на почве волновой гипотезы, могут быть точно выведены, если предположить, что лучи представляют собою потоки отдельных «квантов». Теория квантов требовала таким образом отказа от считавшегося до тех пор незыблемым представления о сплошном характере излучения в пользу своего рода атомистически корпускулярного взгляда. По этой теории излучение, а значит и энергия, тоже состоит из мельчайших, неделимых далее квантов, так что с одного тела на другое никогда не может перейти меньшее количество энергии, чем такой квант. Это представление явилось для физики шагом вперед, поскольку, как мы уже сказали, с его помощью удалось обяснить ряд закономерностей, остававшихся прежде необъяснимыми; но все попытки использовать его также и для объяснения остальных свойств излучения (особенно интерференции) оказались безуспешными. Таким образом, полной и общезначимой теории излучения так и не удалось построить. Но во всяком случае теория Планка пробыла серьезную брешь в стене, разделявшей до тех пор две противоположные теории материи (к какой, как мы уже заметили, следовало причислить и излучение): оказалось, что излучение следует мыслить, как нечто корпускулярное.

Второе свойство, создававшее противоположность между материй и излучением, свойство массы, тоже постепенно утратило значительную долю своей нестигаемости. Уже в результате разработки максвелловской теории Абрагамом, Лоренцом и др. выяснилось, что масса тела не может

²⁾ Т.-е., по Ленину, в смысле совокупности всего реально существующего часто обозначаемого словом «субстанция».

быть постоянной, но должна изменяться при его движении. Таков же был один из важнейших выводов теории относительности. Последняя поставила затем на очередь вопрос о массе световых квантов, и, как известно, повторявшиеся с 1914 г. опыты над отклонением светового луча в гравитационном поле солнца подтвердили, по крайней мере качественно, предположение теории относительности о «тяжести» световых квантов. Эффект Комptonа поставил вне сомнения их инертность: в 1923 г. Compton'у удалось показать, что при столкновении между квантами и электронами происходят те самые эффекты, которых следовало ожидать на основании известных из механики закономерностей, относящихся к столкновению двух твердых тел (сохранению импульса и энергии).

Таково было положение теории излучения до 1922 г. Свойства корпускул были найдены при излучении экспериментальным путем, но не менее прочно было установлено опыты, что совершенно противоречащие эти свойствам законы волн имеют силу для процессов излучения.

В то время наверное не было ни одного физика (кроме, может быть, Эйнштейна), которому пришла бы в голову мысль, что оба воззрения могут быть одновременно верны. Два лагеря резко противостояли друг другу: сторонники квантовой теории были твердо уверены, что с ее помощью со временем удастся истолковать все явления, и точно также защитники волновой теории, к которым принадлежало большинство физиков, были убеждены, что их теория завоюет, в конце концов, и те области, в которых утверждал свое господство теория квантов.

В 1924 году появились знаменитые «Тезисы» Де-Брольи¹⁾, явившиеся исходным пунктом для коренного преобразования квантовой физики. Идея Де-Брольи, на философском значении которой мы остановимся ниже, заключалась в следующем: он имел смелость предположить, что 1) как корпускулярная, так и волновая теория излучения одновременно справедливы, и 2) что световые кванты и электроны (протоны) действительно обладают одинаковыми и теми же свойствами, что в силу 1-го пункта с каждой материальной корпускулой связано волновое поле. Еще не уяснив себе вполне характер этого соединения корпускулы и волны, не исследовав близкое невозможное для формально-логического мышления положение, что вещь (электрон) может одновременно обладать корпускулярными и прямо им противоположными волновыми свойствами, — Де-Брольи сразу подошел к вопросу со строго-математической стороны. Сопоставление основной аксиомы механики (принцип Монпертона) и основного закона распространения света (принцип Ферма) показало, что при предположении полной аналогии между оптикой и механикой волновой процесс, связанный с корпускулой, обладающей массой m и скоростью v , должен иметь длину волны $\lambda = \frac{h}{mv}$, где h означает известную из квантовой теории универсальную константу «квант действия» ($h = 6,55 \cdot 10^{-37}$ erg. sec.).

Де-Брольи указал вместе с тем на те приемы, с помощью которых его формула может быть проверена экспериментально. Проще всего окажется опыт с дифракцией летящих корпускул, который мы уже выше называли решающим экспериментом для определения волнового процесса. Луч летящих корпускул (электронов) направляют на какой-нибудь кристалл (никель, электролит и т. д.) и наблюдают позади кристалла прошедшие через него электроны. Этот опыт, впервые произведенный Davissоном и Germerом, был затем несколько раз повторен (G. P. Thomson, E. Rupp, Kikuchi и др.) и всегда давал один и тот же результат, не оставлявший никаких сомнений: «электров-

¹⁾ L. de Broglie, Annalen der Physik, т. 3, стр. 22, 1925 г.
«действия» ($h = 6,55 \cdot 10^{-37}$ erg. sec.).

ные лучи» показывали типично-волновые явления дифракции, волны каждого отдельного электрона интерферировали с самими собой, позади кристалла наблюдались погашения и усиления луча, как они возможны только при волновом процессе. И, что еще важнее, вычисленные на основании формулы Де-Брольи длины «материальных волн» совпадали с точностью до нескольких процентов с наблюдавшимися в дифракционном спектре. Взгляд Де-Брольи, что каждая корпускула обладает и волновыми свойствами, неопровергнут подтвержден экспериментом; а так как, с другой стороны, многочисленные опыты, установившие корпускулярный характер электронов, остаются при этом в полной силе, то стало быть в электронах был открыт ряд свойств, исключающих друг друга.

III.

Прежде чем излагать выводы и дальнейшее развитие теории Де-Брольи—Эйнштейна, мы попытаемся вкратце уяснить себе ее значение. Физика экспериментально установила некоторые основные свойства материи, ее корпускулярную природу; но на других материальных процессах (излучение) та же физика установила другие свойства, решительно противоречащие корпускулярности, отрицающие ее. В то же время появилась теория квант Планка—Эйнштейна, которая наделила и излучение корпускулярными свойствами, что с точки зрения физиков, стоящих на почве формальной логики, должно было исключать волновую природу света. Де-Брольи и Эйнштейн—отнюдь не сторонники диалектики, они даже вероятно ничего и не слыхали о законе единства противоположностей. И все же, на основании экспериментальных данных, на основании изучения самой природы, они пришли к убеждению, что, невзирая ни на какие логические противоречия, излучение должно одновременно обладать корпускулярным и противоположным ему волновым характером, что, следовательно, противоположности здесь совпадают. Де-Брольи распространил этот найденный в природе закон на всю матернию, на составные элементы мироздания — опять-таки не из философских, а из физических соображений. Опыты Davissон-Germer'a и др. подтвердили затем экспериментально закон единства противоположностей в мире атомов.

Это означает, по нашему мнению, наступление нового периода в отношении между естествознанием и диалектикой. Отныне задача уже не в том, чтобы находить в отдельных явлениях примеры диалектических процессов¹⁾: один из основных законов диалектики (а ниже мы увидим, что то же самое относится и к остальным) обнаружил свое универсальное значение не на отдельных случайных примерах, а на самых фундаментальных процессах, наиболее общих и реабилитирующих, составляющих в конечном счете все макроскопические процессы — на движении самих атомов. И почти не менее значительным, чем это обстоятельство, представляется нам и то, что впервые за всю историю физики с ами специалисты должны были признать, что основные принципы формальной логики оказались недостаточными и ложными перед побеждающей силой фактов²⁾.

С теорией Де-Брольи и его последователей начинается современный кризис физики, заключающийся в том, что экспериментально обнаруженная диалектика атомов взрывает традиционный, формально-политический способ мышления.

¹⁾ В отрывке «О диалектике» Ленин очень правильно отмечает, что и Энгельсу удалось найти только примеры, иллюстрирующие приложение диалектики в естествознании.

²⁾ См. цитируемое нами ниже заявление Шредингера.

IV.

Де-Броли попытался, конечно, дать в своих «Тезисах» очерк теории «материальных волн». Нас завело бы слишком далеко подробное рассмотрение его мысли о «волновых пакетах», для понимания которой потребовались бы обстоятельные физико-математические разъяснения¹⁾. Укажем здесь только следующее: Де-Броли принимает, что вследствие интерференции ряда отдельных волновых движений образуется «пакет», так что результирующая волна имеет только в одном месте очень крутой местный максимум²⁾ (плотность), в других же местах она почти исчезает. Место максимума и есть как раз то, что до сих пор считали «местом» корпускулы. Эти максимумы могут двигаться с любой скоростью, как материальные частицы, при чем скорость распространения волн совершенно отлична от нее (и, кстати сказать, превышает скорость света). По теории Де-Броли этиими причастиями объясняются корпускулярные свойства, как составляющими их волнами — свойства волновые.

Э. Шредингер подвел под всю эту теорию основательно продуманную математическую базу; чем для электромагнитных (и световых) волн являются дифференциальные уравнения Максвелла, тем для материальных волн служит волновое уравнение Шредингера. Взяв за исходный пункт все туже оптико-механическую аналогию, Шредингер вывел дифференциальное уравнение, которое описывает колебательный процесс, совершающий некоторый скалярный величиной; о значении этого скаляра мы еще будем говорить подробней, а пока только отметим, что его можно положить пропорциональным элонгации волн в описанном выше волновом пакете. Он стало быть очень велик в точках максимума волнового пакета (по Де-Броли в «месте» корпускулы) и очень мал, хотя и существует, во всех остальных точках пространства.

Один из первых и наиболее блестящих успехов новой теории заключался в выводе в а н т о в ы х постулатов Бора, определяющих орбиты электронов в атомах. Как известно, взглянув, что атомы состоят из ядер (протонов), вокруг которых электроны обращаются, как планеты вокруг солнца, был подтвержден экспериментальным путем (прохождение радиоактивных лучей через тонкие пластиинки). Но это воззрение привело к противоречию с общепринятой «классической» электродинамикой Максвелла. Нильса Бора удалось показать, что с помощью одной единственной предпосылки можно построить согласующуюся с опытом модель атома — а именно если предположить, что среди всех возможных путей электронов существует определенное число особенных путей, по которым электроны могут двигаться, испуская требуемого классической электродинамикой излучения. Этот постулат был сам по себе необоснован, его единственное оправдание заключалось в том, что вытекающие из него следствия совпадают с действительным поведением атома.

Между тем из теории Де-Броли и Шредингера, казавшиеся прежде произвольными постулаты Бора вытекают с внутренней необходимости: если бы атомная модель Бора не была найдена уже раньше путем наблюдений то Де-Броли и Шредингер нашли бы ее посредством вычислений. С помощью грубой аналогии их мысль можно разъяснить так: если представить себе, что какая-нибудь волна пробегает круговой путь, то очевидно не при всякой ее

1) Ср., напр., Arthur Haas, *Materienwellen und Quantenmechanik*, Лейпциг 1922 г., или K. Daghov, *Einführung in die Wellenmechanik*, Лейпциг 1929 г., где эти и многие другие физико-математические вопросы изложены в общедоступной форме.

2) В каждом месте удаление волны периодически достигает временного максимума, величина которого, впрочем, различна для различных мест. В точке местного максимума «ход колебания» (амплитуда) имеет наибольшую величину.

длине она будет возвращаться в исходную точку с той же фазой, с какой она вышла из нее. Этот особенный случай будет иметь место только тогда, когда длина волны содержитя в точности целое число раз в длине пути; только тогда волна будет всегда начинать свой обход с одной и той же фазой, только тогда она будет «стабильна». Повторяю, это лишь грубое сравнение, цель которого показать, как с помощью представления о волне некоторые определенные пути могут быть выделены из числа других. В действительности орбиты Бора получаются, как «особенные решения» дифференциального уравнения Шредингера¹⁾; разыскание особенных решений этого уравнения представляет собою трудную математическую задачу, связанную с задачей определения собственных частот колеблющегося тела в акустике.

Этот первый блестящий успех — вывод атомной модели Бора — чрезвычайно укрепил авторитет новой теории. Но он был куплен ценой отказа от воззрений, которые до того считались самоочевидными. Чем отличается наш «волновой пакет» от прежних корпускул? Тем, что он уничтожает неподвижные границы атома; ведь материальные волны заполняют все пространство, хотя их интенсивность даже на очень небольшом расстоянии от максимума невообразимо мала. Значит, действия и одного лишь атома проистекают до отдаленнейших мест; значит, каждый атом оказывает влияние (хотя бы и слабое) на каждый другой, взаимодействия и интерференции полей атомных волн заполняют всю вселенную. Теория материальных волн и тут приходит к одному из основных законов диалектики — к исчезновению неподвижных границ, к универсальному взаимодействию всех вещей.

Предвижение Ленина, заявившего: «электрон неисчерпаем»²⁾, подтверждено 20 лет спустя экспериментальной физикой.

Но это еще не все. Вспомним, каково значение скаляра ψ для корпускулы. Его величина повсюду (стало быть и там, где по обычному словоупотреблению корпускулы нет!) изменяется с временем, оставаясь однако отличной от нуля. Но, согласно представлению о волновом пакете, в сущности вообще ничего не существует, кроме таких скаляров ψ ; там, где они велики, корпускула «есть», там, где они малы, ее «нет». Итак, часть пространства, заполненная соответствующей корпускулой, отличается от незаполненного ее пространства единственно лишь величиной скаляра ψ .

Различие между материей и пустым пространством не абсолютное, а относительное: количество скаляра ψ переходит в качество «материя» в месте своего максимального значения, в качество «пустое пространство» — во всех остальных местах. Показав, что различные качества элементов обусловлены не чем иным, как различием числа протонов в их ядре, физика признала закон перехода количества в качество одним из основных законов естествознания; теперь она увенчивает это признание открытием, что и качества «материя» и «пустое пространство» подчинены тому же закону.

Подчеркнем тут же, что скаляр ψ никогда не равен нулю и что, следовательно, по изложенному выше, в каждой части пространства должно заключаться нечто материальное. Но, с другой стороны, повсюду, где ψ не достигает местного максимума, пространство обладает свойствами «пустоты». К этому пункту мы еще вернемся.

Открытие волновой природы материи является вместе с тем огромным шагом вперед по пути к обединению наших представлений о мире. Волновое свойство, которое долгое время приписывали только одной части материального процесса — так наз. «излучению», — оказалось универсальным свойством всей материи, подобно инерции и тяжести, которые в свою очередь пришлося приписать также и излучению.

1) «Quantisierung als Eigenwertproblem» — таково было заглавие первой статьи Шредингера по этому вопросу.

2) «Материализм и эмпириокритицизм».

Тем самым исключается всякая возможность сомнения в том, что действительно «нет движения без материи». Еще 20 лет тому назад, поводом к сомнению в этой старой материалистической истине служил именно неоднородный характер тогдашней материи (или тогдашнего понятия об излучении). Пока корпускулярные свойства можно было приписывать только корпускулам, а волновые только излучению, до тех пор было естественно представлять себе движение корпускул, как что-то материальное, а свойственные лучам колебания — как «движение само по себе», без материи. Но вот теперь важнейшие признаки материи, ее инерция и тяжесть, ее корпускулярный характер, обнаружены и в излучении; значит, волновое движение есть тоже движение материи.

Но и другое фундаментальное положение диалектического материализма: «нет материи без движения» — тоже нашло себе новое подтверждение в природе.

Волновое свойство было признано нынешним важнейшим свойством материи — таким же всеобщим, как инерция, тяжесть и корпускулярность. Таким образом тезис, выведенный Гегелем, Энгельсом и Лениным из принципов диалектической философии, был блестящее подтвержден экспериментами современной физики.

V.

До сих пор мы ограничивались только рассмотрением выводов из фактов, твердо установленных экспериментами (движение электронов, эффект Комптона и т. д.). Что, собственно говоря, представляет собою скаляр ψ как обяснять «противоречие» между волновым и корпускулярным характером электронов, — этих вопросов мы пока не касались; все вышеизложенное сохранит поэтому всю свою силу и в том случае, если (в чем нельзя сомневаться) принятые сейчас в физике взгляды, к которым мы теперь обратимся, и наши критические соображения по их поводу будут вскоре оставлены позади дальнейшим развитием науки.

На вопрос о сущности функции ψ , т.-е. на вопрос о том, что, собственно говоря, колеблется, Шредингер ответил — одновременно с выводом своего волнового уравнения — в том смысле, что ψ есть величина, определяющая плотность электричества в данном месте. Волновые пакеты приходилось, следовательно, представлять себе, как материальные корпускулоподобные образования. Вскоре, однако, выяснилась неудовлетворительность этого представления, которое содержит в себе логические и математические трудности, связанные с вопросом о расплывании этих волновых пакетов. А именно, когда на основании вышеприведенных предпосылок об их природе вычислили время, в которое ширина пучности волн должна сама собой увеличиться вдвое вследствие расплывания, получилось, что при этих условиях один атом должен был бы «расплыться» в 10^{-13} секунды ($0,0000000000001$ сек.). Тем самым была ликвидирована попытка обяснить наблюденные явления с помощью «классической» модели; ибо ясно, что представление о «корпускулообразном волновом пакете» оставило бы незатронутыми основы господствующей логики, что это представление означает попытку обойтись без признания закона единства противоположностей и без остальных познавательных средств диалектической философии. Этот план окончился полной неудачей вследствие своей внутренней противоречивости.

Если Шредингер попробовал принять за первичное волны, то вскоре последовала попытка разрешить вопрос с противоположной стороны. Принимая корпускулы за первичное, мы оказываемся перед непонятным фактом, что одна корпускула тушит другую; но тут давало выход введение статистического метода. На этот путь вступили уже для истолкования наблюдаемых световых явлений. А именно, если положить интенсивность излучения

пропорциональной числу попадающих световых квантов, то связанное с квантами волновое поле может быть истолковано следующим образом: кванты не имеют при себе материального поля, связанное с ними, «призрачное поле» (Эйнштейн) указывает только вероятность направления, в каком двигаются корпускулы. Это толкование вытекало из неудачи всех прежних попыток определить путь отдельного электрона. Так впервые пришли к допущению, что отдельны процессы в атоме, испускание им световых квантов и пути последних, по существу зависят от случая, так что здесь еще не имеют силы законы причинности. Лишь при большом количестве процессов, лишь в статистическом масштабе начинается действие причинности и господство законов природы. Эта теория Bohr'a, Kramers'a и Slater'a¹⁾, потрясшая до основания понятие причинности, была однако вскоре опровергнута экспериментально. Особенно важны эксперименты Bothe и Geiger'a, Compton'a и Simon'a, показавшие, что и отдельные процессы протекают закономерно, что законы сохранения энергии и импульса сохраняют свою силу и для отдельных столкновений частиц, — как это и должно быть согласно материалистическому пониманию причинности²⁾.

С тех пор теоретическая физика стремится истолковать экспериментально найденные факты, оставаясь при статистическом истолковании функции ψ при строгом соблюдении закона причинности. При этом ψ был выдвинут один статистический постулат, известный под названием «принципа эквивалентности пространственной и временной совокупности». Содержание этого постулата мы разъясним на следующем простом примере.

Предположим, что 100 одинаковых стрелков делают с одного и того же расстояния по одному выстрелу в одну и ту же мишень; по законам статистики мы получим тогда некоторое закономерное распределение попаданий вокруг цели. Теперь представим себе, что один из этих стрелков делает под ряд 100 выстрелов в ту же мишень: в конечном результате распределение попаданий будет то же, что и выше. Первый процесс (пространственная совокупность) соответствует второму (временной совокупности). Перенесем это соображение на наши атомные процессы. По теории Bohr-Kramers-Slater'a высказывание о пути отдельного электрона лишено всякого смысла, высказать что-нибудь можно только о конечном результате многих процессов. Но если заменить пространственную совокупность временной, высказывания об отдельных процессах становятся возможны.

Мы здесь только мимоходом коснулись этой попытки статистического истолкования функции ψ — попытки, в которой, как мы уже заметили, проявилось лишь стремление физиков постигнуть наблюденный диалектический характер атомных процессов средствами традиционной логики, но которая в своем дальнейшем развитии привела к совершенно новому, взрывающему все прежние гносеологические основы анализу фундаментальных понятий физики. Этот переворот связан с так наз. отношением неопределенности Борна-Гейзенберга.

VI.

Почти одновременно с Шредингером Гейзенберг (Heisenberg) тоже пытался найти новый метод для подсчета атомных процессов. Он исходил из требования принимать в расчет только такие величины, которые поддаются экспериментальному наблюдению. Нет смысла — такова была его идея — оперировать с координатами электронов и их путями, еще никогда

¹⁾ См. Zeitschrift für Physik, 24, 69, 1924 г.

²⁾ Ср. по этому поводу полемику Ленина с Авенариусом. Впрочем, уже Энгельс, повидимому, считал возможным статистическое понимание причинности — ср., напр., «Ludwig Feuerbach», стр. 52, где говорится о том, что «утверждаемое, как необходимость, составляется из ряда случайностей».

не наблюдавшимися и, как он тогда думал, принципиально недоступными наблюдению. «Принципиально доступны наблюдению» только такие величины, как частота и интенсивность спектральных линий, испускаемых при перескоке электронов с одной квантовой орбиты на другую, или ступени энергии атомов. Разумеется, с этими величинами нельзя было оперировать как с числами; но Гейзенберг заменил употреблявшиеся до него величины — координаты и импульсы — особыми символами (матрицами), из которых могут быть вычислены ступени энергии и интенсивности спектральных линий.

Чрезвычайно остроумная теория Гейзенберга развивалась параллельно с теорией Шредингера, и вскоре обнаружилось, что математический смысл обеих теорий один и тот же. Возникшая из дифференциального уравнения Шредингера «механика особых значений» оказалась вполне эквивалентной «механике матриц» Гейзенберга, и так как метод Шредингера более прост в математическом отношении, то и применялся почти исключительно он. Поэтому мы не будем здесь останавливаться на трудном для понимания методе «механики матриц», но мы должны решительно отвергнуть её исходный пункт — мысль о величинах, «принципиально недоступных наблюдению». Догматический, скептический и антидialeктический взгляд, что невозможность наблюдать электронные орбиты с помощью наших современных наблюдательных средств имеет принципиальный характер, отвергается теперь специалистами-физиками.

Тем не менее идеи Гейзенберга имели огромное значение для развития теоретической физики, главным образом потому, что они выдвинули столь важный для атомной физики вопрос о роли процесса наблюдения и о сущности определения места.

Основная идея Гейзенберга состояла в том, что нельзя ставить вопрос о месте чисто-статистически, но необходимо исследовать сам процесс определения места, его «историю» и его развитие. Как может осуществляться определение места электрона? При современной технике наблюдения почти исключительно посредством направления на него световых лучей, посредством создания условий, при которых он стал бы видимым. Но известно, что всякое подобное определение места тем точнее, чем короче волна приемлемого света (ср., напр., ультра-фиолетовый микроскоп). Чтобы «увидеть» электрон, следовало бы прибегнуть к самым коротким γ -лучам. Но чем меньше длина волны, тем больше эффект Комптона, т.-е. тем сильнее изменились бы скорость и направление электрона вследствие столкновения между ним и световыми квантами. Это изменение совершилось, однако, не непрерывно, его величину нельзя точно учесть на основании теории эффекта Комптона. Желая по возможности уменьшить неопределенность при подсчете произведенного импульса, мы должны пользоваться светом с большой длиной волны, но тогда вкрадется некоторая неточность в определение места. Эти соображения, впервые намеченные Гейзенбергом и отчетлиwie высказанные основателем современной атомной теории Нильсон Бором, приводят таким образом к признанию невозможности в одно и то же время точно определить место и импульс электрона. Вычисление показывает, что произведение из неопределенности координат и неточности при определении импульса всегда постоянны и приблизительно равно $h = 6,55 \cdot 10^{-27}$, т.-е. величине планковского кванта действия.

Если рассматривать электрон, согласно требованию эксперимента, как волновой пакет, распространенный по всему пространству и имеющий в некотором месте вышеупомянутого пучность (максимум амплитуды), то и дальнейших предположений о сущности волны наблюдаемый процесс можно истолковать следующим образом. Пока пучность волны имеет некоторую конечную ширину, о каком-нибудь определенном месте электрона не может быть речи. Но вследствие изменений, вызываемых процессом определения

места, ширина пучности становится все меньше. максимум амплитуды все круче, пока, наконец, этот максимум не делается столь угодно высоким и крутым — при чем, однако, первоначальный характер наблюдаемого электрона совершенно изменяется вследствие вмешательства наблюдения. Из волны (точнее сказать, из волноподобного образования) он превратился в корпускулу (точнее в корпускулоподобное образование¹). Таким образом всякое наблюдение изменяет наш электрон: смотря по тому, локализуем ли мы его, или же занимаемся наблюдением импульса, электрон уподобляется то больше волне, то большее корпускуле, при чем, однако, его заряд и масса, т.-е. его сущность, остается неизменной. Дилемма, перед которой поставило физику открытие противоположных свойств электрона, разрешена фундаментальным изменением основных физических представлений: не существует застывшего, математически точного места электрона, исчезла неизменность многих его основных свойств.

Так разложились неподвижные понятия «места» и «границы»: физика наблюдает только непрестанное превращение корпускул в волны, только происходящий между этими двумя полюсами процесс становления атома.

VII.

Невозможность познать физические явления вне их временной связи, т.-е. вне их истории, вытекает из упомянутой выше универсальной пространственной связи атомов и электронов. Наблюдаемый объект находится в нерасторжимой связи с процессом, служащим для наблюдения (или наблюдающим и саморегистрирующим аппаратом) — таков главный смысл соображений Бора и Гейзенберга о сущности наблюдения.

Высоко-диалектическую сущность новых идей физики выразил М. Планк в следующих словах²:

«Рамки прежней физики должны быть расширены, чтобы вместить в себе вновь открытые факты, и если я не ошибаюсь, это расширение должно заключаться в отказе от одного положения, которое до сих пор втихомолку полагалось в основу всех физических исследований, как нечто самоочевидное. Положение это гласит, что все физические процессы могут быть представлены в виде ряда примыкающих друг к другу отдельных местных процессов. Физический мир не есть простая сумма пространственно и временно сопоставленных отдельных миров, и целый ряд явлений ускользает от понимания, если не рассматривать данное физическое образование в целом».

Пока была известна только макрофизика, идея универсальной пространственной и временной связи могла быть обнаружена только на единичных конкретных примерах, вообще же ее обоснование должно было оставаться делом философии. Несомненно, что и более крупные тела подвергаются изменениям под влиянием локализации: так, напр., пробное тело, с помощью которого мы исследуем электрическое поле, само изменяет это последнее. Только в этом случае изменением можно пренебречь, потому что пробное тело очень мало по сравнению с исследуемым. Но при исследовании минималного по своим размерам тела (атома или электрона) пробным телом может служить только образование того же порядка величины, т.-е. такое, воздействием которого пренебречь уже нельзя. Чем большей точности достигала наука, тем яснее обнаруживалась диалектическая истина всеоб'емлющей связи отдельных явлений.

¹) Даже при самом высоком максимуме электрон никогда не теряет вполне своего волнового характера; всегда он остается корпускулой и волной одновременно и только больше уподобляется то одной, то другой.

²) Лекция от 2 декабря 1928 г. (напечатана в «Forschungen und Fortschritte», № 2, стр. 16, 1929 г.).

VIII.

Каков же смысл гейзенберговского принципа неопределенности, т.е. утверждения, что наше наблюдение неизбежно страдает неточностью? Ясно, что эта мысль должна была явиться желанным поводом для подновления скептического лозунга «Ignorabimus»¹⁾.

Убеждение в том, что к истине (точности) можно приближаться только постепенно, есть по существу диалектическое воззрение. Но выдвинутый Гейзенбергом принцип неопределенности постулирует неустранимую границу для степени этого приближения. При этом он считается только с нынешними средствами наблюдения и, главное, только с нынешними методами вычисления; если видеть в них «последнюю вершину мудрости», то придется, конечно, сказать то же самое и об утверждаемой Гейзенбергом неточности. Пока что мы, впрочем, безнадежно далеки от экспериментального приближения даже к той степени точности, которая допускается принципом Гейзенберга. К тому времени, когда она будет достигнута, теоретический и математический арсенал науки наверное обогатится настолько, что станет возможно и дальнейшее продвижение. — Во всяком случае при настоящем состоянии теоретической физики принцип неопределенности имеет фундаментальное значение. Вспомним, напр., о многих законах, которые были найдены с помощью метода так наз. «мысленных экспериментов». Эти мысленные эксперименты являются настоящим воплощением механическо-метафизического метода, сделанные с их помощью выводы, поскольку они касаются атомных процессов, должны быть сплошь подвергнуты радикальному пересмотру. Ибо теперь уже нельзя абстрактно оперировать с электронами и их местоположениями, как прежде: теперь надо знать и учитывать их предыдущую историю, способ их локализации. И мы думаем, что рычагом для достижения следующего крупного успеха явится приспособление математических методов к новым теоретическим открытиям, т.е. диалектическое развитие методов вычисления.

IX.

Вернемся теперь к исходному пункту наших размышлений, — к ма-хистскому истолкованию Ф. Франком современной атомной физики. На по-ставленный выше вопрос: на чем, собственно говоря, основывает Франк свое право называть позитивизм «превосходной гносеологической основой новейшей квантовой механики»? — мы можем теперь дать более или менее обсто-тельный ответ.

Как мы видели, теория все еще не может справиться с найденным единством противоположностей, экспериментально обнаруженным в электроне. Предложенный выход из создавшегося положения заключается в том, что нет смысла высказывать что-либо об электронах, которые не были наблюдены и локализованы. Но этим отнюдь не устраивается противоречие между наблюдаемыми фактами и формально-логическим мышлением физиков: как может электрон (ненаблюденный) действительно соединять в себе взаимно-исключающие свойства? Франк хочет убедить нас, что физика, подобно ма-хизму, допускает существование вещей лишь постольку, поскольку они наблюдаются; в применении к атомной физике это означало бы, что, пока электроны не наблюдаются, они и не существуют, что атомы впервые созидаются наблюдением.

Как эта проблема представляется в сознании физика-специалиста, показывают следующие слова Э. Шредингера (март 1922 г.)²⁾:

«Если первые статистические истолкования выдвинули против всего наивно-реалистического понимания волны то соображение, что одна и та же система не может сразу существовать в двух различных состояниях..., то это соображение было втихомолку воспринято новой, данной теорией трансформации и гейзенберговским принципом неопределенности, интерпретацией. Отдельная система действительно обладает способностью реагировать на данный измерительный процесс различными способами, т.-е. давать различные значения для одной и той же величины; какие получаются значения, это зависит от случая, или, вернее, от фазовых соотношений между системой и измерительным инструментом».

Тут мы имеем совершенно правильный взгляд на отдельную систему (которая, конечно, предполагается реально существующей!), как на нечто, что в зависимости от условий превращается при измерении то в корпускулу, то в волну. Физика только и может установить результат измерительного процесса. Вот тут-то и появляется на сцену ма-хизм: г-н Франк выставляет в качестве основного принципа позитивизма требование, чтобы физика ограничивалась констатированием отношений между чувственными восприятиями. Но ведь основной вопрос, разделяющий материализм и ма-хизм, заключается именно в том, вызываются ли наши восприятия вещами, существующими вне нашего воспринимающего сознания, или же вообще ничего не существует, кроме восприятий. А с этой точки зрения во всей атомной физике не найдется, несмотря на все усилия г-на Франка, ни одного факта, который ставил бы под вопрос реальное существование атомов, — совершенно так же, как нее никаких оснований сомневаться в существовании души.

Но более того! Шредингер определенно говорит о том, что «отдельная система реагирует на измерительный процесс», т.-е. изменяется под влиянием наблюдения. Перед нами, таким образом, две различные вещи, действующие друг на друга: отдельная система и процесс, служащий средством для наблюдения. Как могло бы в противном случае наблюдение изменять систему? Ма-х говорит: «Существуют только восприятия, чувственные впечатления». Шредингер и вместе с ним все «рассудительные» физики, Планк и т. д., говорят: «Существует отдельная система и наблюдение, при чем одно действует на другое». На чьей стороне правда, решает, по Планку, «рассудок». Значит, в пользу защищаемого им позитивизма г-н Франк может сослаться только на заявление Ма-ха о несуществовании атомов. Квантовая физика и ее компетентные представители проникнуты теперь, на основании своих экспериментов и теорий, таким твердым убеждением в существовании атомов, как никогда прежде. Ссылаясь на свидетельство современной науки может только материализм, возврата которого всецело подтверждены новейшими исследованиями. Существование атомов теперь доказано, а равно и движение в трехмерном пространстве (в чем, повидимому, г-н Франк особенно сомневается, поскольку он цитирует Ленина именно по этому вопросу)!

Впрочем, это вообще не имеет никакого значения для нашего вопроса: трехмерные атомные пути Блакетта в вильсоновской камере суть реальные факты, их изображение в n -мерном пространстве не доказывает ровно ничего. Г-н профессор Франк напрасно пустился в полемику с не-физиком Лениным. Те соображения физического порядка, которые входят в аргументацию Ленина против ма-хизма, полностью подтверждены за последние 20 лет, подкреплены новейшими исследованиями. Не ма-хизм, а материализм оказался единственно возможной «гносеологической основой новейшей квантовой механики».

X.

Вопрос о сущности связанного с электронами волнового поля еще далеко не разрешен. Но уже все определенное выясняется, что истолкование

¹⁾ См. философское введение Райхенбаха в «Hundbucb der Physik», т. IV (Springer, 1929 г.), где сделана попытка заменить причинность вероятностью.

²⁾ Предисловие к Darrow, Einführung in die Wellenmechanik.

скаляра ψ , как чистой вероятности, недостаточно; все чаще раздаются голоса, что за этим скаляром скрывается какая-то материальная, вернее всего электрическая, составная часть электрона¹⁾). На наш взгляд, этот вопрос может быть, в конце концов, решен только средствами философии.

Не желая предвосхищать будущий, диалектико-материалистический анализ проблемы, мы хотели бы здесь только высказать мысль, которая была бегло намечена уже выше. Мы противопоставили друг другу свойства корпускул и лучей, как тезис и антитезис; из их об'единения мы получили первообраз элементов материи, т.-е. именно рассматриваемое волновое поле.

Но в действительности антитеза корпускулы и волны не точна: недаром все время говорили о «корпускулоподобных» и «волноподобных» образованиях. Антитетоз, отрицанием корпускулы или, обще выражаясь, материи является ведь пустое пространство. Его атрибутами — неограниченностью, отсутствием массы, проницаемостью и т. д. — обусловлено отличие волнового поля ψ от других материальных образований; в каждой точке этого поля имеются свойства как корпускул, так и «пустоты», соотношение этих свойств и определяется величиной ψ (точнее ψ^2). Корпускулы и пустота оказываются, таким образом, только качественными характеристиками предельных (в действительности никогда вполне не осуществляющихся) случаев бесконечно большого и бесконечно малого ψ . Волновое поле ψ можно, следовательно, считать синтезом противоположных понятий «материи» и «пустого пространства». Такое представление могло бы, как нам кажется, пролить некоторый свет на возбуждавший столько философских споров и столь важный с материалистической точки зрения вопрос об отношении между материи и пространством. Новое освещение получает с этой точки зрения и вопрос об эфире: возникновение гипотезы эфира можно объяснить тем, что волновые свойства материи были впервые открыты на явлениях излучения. Попытка представить себе эфир в виде материальной вещи должна была потерпеть неудачу, потому что при тогдашнем состоянии науки была известна только одна макроскопическая сторона свойств материи. Гипотеза эфира разбилась о противоречие между «материей» и «пустотой», поскольку покоявшемуся эфиру пришлось присписать свойства той и другой в одинаковой мере. Волновое поле ψ есть эфир; только на современном уровне научного познания мы уже не можем из его противоречий делать вывод о его несуществовании.

Мы не станем здесь углубляться дальше в построение и различные применения механики волн. Отметим только, что новая теория уже доказала в ряде областей свои преимущества перед прежней механикой. Одним из ее важнейших достижений мы считаем попытки, — правда, еще находящиеся в начальной стадии, — дать физическое истолкование химии, в особенности учения о химическом сродстве. Согласно взглядам, разработанным London'ом и Heitler'ом, химическое сродство сводится к явлениям резонанса материальных волн. Таким путем удастся, повидимому, поставить химию и физику на общую основу одних и тех же закономерностей и добиться окончательного уничтожения застывших границ между отдельными естественными науками, — добиться той цели, которую именно в этой области с таким восторгом приветствовал еще Энгельс²⁾.

Но особенно большие надежды вызывает впервые удавшаяся попытка Gamow'a, Gurey и Condon'a³⁾ дать теоретическое об'яснение радиоактивности и раздробления атомов. На основании квантовой механики оказалось

возможным об'яснить самопроизвольное вылетание частиц атома из атомного ядра. Но помимо этих успехов новая теория обнаружила свою силу еще во многих других отношениях. Она сумела лучше истолковать ряд явлений, чем это было возможно до сих пор, достигая большего приближения к результатам измерений (напр., в модели атома гелия) или обоснования, как при выводе квантовых постулатов Бора, бывшие прежде произвольными допущения (напр., половинные квантовые числа, нулевая точка энергии и т. д.). Согласно распространенному сравнению, волновая механика относится к прежней, как волновая оптика к геометрической (в последней световые лучи изображаются прямыми линиями, между тем, как в действительности они представляют собою волны). Геометрическая оптика тоже могла до открытия дифракции света довольно точно об'яснить все явления; лишь открытия дифракции и интерференции заставили оптику и механику признать волновой характер света и достигнуть, таким образом, большей точности, большего приближения к действительности.

А что новая механика в самом деле ближе подошла к действительности, как не устает подчеркивать и Планк, это доказано экспериментально. Экспериментально установленный факт волновой природы материи играет определяющую роль в новой атомной физике. И если дальнейшие выводы (как, напр., намеченный выше взгляд на сущность волнового поля ψ) сейчас может быть еще преждевременны и будут вскоре опровергнуты, то ничем уже не может быть опровергнут подтвержденный экспериментами факт единства противоположностей, перехода количества в качество, всеобщей пространственной и временной связи явлений.

Одновременно с окончательным утверждением основ материализма новая физика разрушила формально-логический метод мышления, веками считавшийся единственным возможным среди естествоиспытателей. Понятно, что при таких условиях академическая физика испуганно ищет спасителя, который мог бы укрепить зашатавшееся здание ее основных представлений, и склоняется при этом в сторону скептицизма или махистского, сверх-трехмерного мистицизма в стиле Франка. Диалектические материалисты могут с величайшим удовлетворением констатировать, что предсказания Энгельса и Ленина сбылись: чем глубже проникаем мы в тайны атомов, чем точнее познаем их закономерности, тем неизбежнее переход современной науки от абстракции к действительности, от застывшей неподвижности к жизни.. от метафизики к диалектике. Физика открывает диалектику атомов.

¹⁾ Ср., напр., K. Darréw, в указ. соч.

²⁾ Планк писал уже в «Naturwiss.» N. 27, 1923 г., что «теория Бора принципиально уничтожила границу между физикой и химией».

³⁾ Напр., Gano w, «Zeitschrift für Physik», 51, 201, 1925 г.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

Критика и библиография

209

HENRYK GROSSMAN. Das Akkumulations- und Zusammenbruchstendenz des kapitalistischen Systems. (Zugleich eine Krisentheorie). Schriften des Instituts für Sozialforschung an der Universität Frankfurt a. M., herausgegeben von Carl Grünberg. I. B. Verlag von C. L. Hirschfeld. Leipzig, 1929.

Данная работа представляет, по словам автора, только часть более обширной работы, посвященной исследованию тенденции развития капитализма согласно теории Маркса и ставящей себе следующую двойную задачу: с одной стороны, она должна «в первый раз» (?) реконструировать тот метод, который лежит в основе «Капитала», а, с другой стороны, по-новому осветить важнейшие области Марксовой теории на основе приобретенного таким образом базиса. Автор утверждает, что «неудовлетворительное состояние всего марксистского исследования, имевшее место до сих пор, в конце концов обясняется тем, что до настоящего времени не только не давали себе ясного отчета о методе исследования Маркса, но, как это ни покажется странным, не отдавали себе с нем вообще никакого отчета». Конечно, это не совсем верно; в особенности же это совсем неверно по отношению к русским марксистам. Как известно всякому, интересующемуся вопросами политической экономии, в течение последних лет у нас буквально можно сказать, бушевала дискуссия и как раз по вопросам методологии. Можно даже сказать, что все развитие нашей марксистской мысли в последнее время проходит под знаком методологии.

Тем более интересна, естественно, должна представить для нас эта работа со специальным упором в сторону метода Маркса. Но пока что мы имеем лишь ее часть — рецензируемую нами сейчас книгу, в которой вопросам методологии уделено сравнительно незначительное место. Но это, конечно, не значит, что у автора нет никакой методологии, в основе всей его концепции лежит вполне определенная методология. Сам автор во «Введении» следующим образом характеризирует свои основные исходные пункты. Предметом исследования является мир конкретных явлений, но он слишком сложен; к его познанию мы можем приблизиться лишь последовательно, как бы по ступенькам. Для этой цели служит целый ряд упрощающих предпосылок, которые позволяют познать этот объект познания в его основной структуре (*in seiner Kernstruktur*). Это представляется, по словам автора, первую ступень познавания в том процессе приближения у Маркса; примером этой первой ступени служат схемы воспроизведения Маркса: они составлены при предположении целого ряда упрощающих предпосылок. «Ясно, — продолжает автор, — что благодаря этим фиктивным предпосылкам прежде всего удаляются от эмпирической действительности, в то время как следует обяснить эту действительность. Отсюда следует, что полученные таким образом выводы (*Erkenntnisse*) могут носить только предварительный характер, что, таким образом, за первой ступенью познания должна следовать вторая, окончательная (*definitive*) ступень. Каждой упрощающей предпосылке соответствует последующая корректура, которая привлекает в дальнейшем ранее остававшиеся в пренебрежении элементы реальной действительности. Следует отметить, что все исследование приближается как бы по ступенькам к сложному миру конкретных явлений и приводится с ним в согласие» (VI—VII). Этот метод приближения у Маркса является двухступенчатым, иногда даже трехступенчатым.

Потому же все явления и проблемы трактуются Марксом по меньшей мере дважды: один раз при упрощающих предпосылках, другой раз в окончательном виде (VIII).

Трактуемая в книге Гроссмана проблема исследуется Марксом, по словам нашего автора, на трех ступенях. Первая ступень — простое воспроизведение; исследование ведется под углом зрения нормального хода процесса воспроизведения. Расширенное воспроизведение, с вытекающей из него тенденцией к краху, представляет вторую ступень исследования, и, наконец, на третьей ступени исследуются факторы, модифицирующие эту тенденцию (см. стр. VIII).

Такова методология и основная установка автора. Тут прежде всего бросается в глаза странное, чтобы не сказать больше, представление автора, будто расширенное воспроизведение лежит на попыти от чисто абстрактного анализа, т.е. анализа при наличии упрощающих предпосылок, к реальной конкретной действительности. На самом же деле и простое и расширенное воспроизведение анализируются Марксом на одной и той же ступени абстрактного анализа. А, во-вторых, что касается существа этого метода, то основной изъян методологии Гроссмана сам собой бросается в глаза: в ней совершенно отсутствует диалектика. Под такими методологическими постулатами подпишется любой буржуазный экономист, и сам автор мог только привести ряд возражений со стороны этих буржуазных экономистов, где они выражали лишь против слишком далеко идущего на их взгляд абстрагирования, но отнюдь не против правомерности вообще таких упрощающих предпосылок и последующей модифицирующей корректуры. Диалектический метод Маркса известен. Это путь от конкретного многообразия, выступающего в виде хаотической груды всевозможнейших явлений, к простейшим абстракциям, но таких абстракциям, которые выведены из этого хаоса, представляют их суть или их внутренний закон, а затем новое восхождение к этой конкретной множественности определений; но теперь этот хаос перестает уже быть хаосом, он становится лишь формой проявления диалектически развивающихся тоящих абстракций и, как таковой, постигается понимающим мышлением, как нечто необходимое и закономерное. И дело тут вовсе не в простом упрощении путем предпосылок, дающих к тому же некий предварительный результат, который затем еще должен быть подвергнут исправлению для соответствия с действительностью. Наоборот, в результате абстракции мы получаем самый доподлинный общий закон.

Но при охарактеризованном выше методологическом подходе автора неудивительно, что вся его концепция оказалась насквозь проникнутой механистичностью. В рамках рецензии, конечно, невозможен подробный разбор всех положений автора и всех сторон его концепции, нам приходится поэтому ограничиться лишь самыми существенными моментами.

Автор начинает с совершенно бесспорного основного марксистского положения: «Развитие производительных сил общественного труда есть движущий мотор исторического развития» (стр. 2). Но этот «движущий мотор» действует только до известного пункта, в дальнейшем он приводит к остановке всякого движения капиталистического механизма. Этот основной тезис, доказательству которого и посвящена вся книга, Гроссман формулирует в следующих словах: «Но, начиная с некоторого известного пункта исторического развития, этот процесс развития общественных производительных сил наталкивается на препятствия. Дальше известного пункта развитие производительных сил не может протекать в пределах капитализма. В данном пункте оказывается также и экономическая необходимость краха капитализма» (стр. 4—5), «так как буржуазные, капиталистические формы присвоения богатства — накопление капитала — начинают с этого момента задерживать производительные силы, вместо того, чтобы их развивать» (стр. 5). В этом, между прочим, и заключалась та задача, которую поставил себе Маркс в «Капитале».

Под знаменем Марксизма.

Автор предпринимает обширный критический разбор взглядов как критиков Маркса, так и тех марксистов, которые утверждают возможность безграничного расширения капитала. Автор совершенно правильно доказывает, что Марксом не только дана теория краха (*Zusammenbruchstheorie*), но что она самым тесным образом связана с его законом ценности, более того, она представляет лишь вывод из этого закона. «Закон ценности,— говорит автор,— господствует над всем хозяйственным процессом капиталистического механизма, и подобно тому, как его динамика и тенденции развития могут быть поняты только на основе этого закона, точно так же и его конец,—его крах,—может быть объяснен равным образом исходя из закона ценности» (стр. 13).

Верно, что у Маркса мы не находим специальной главы, носящей такое заглавие — «крах капитализма», но, на ряду с массой отдельных мест, говорящих об историческом конце капитализма, мы все же в состоянии указать, хотя бы на тот параграф I тома «Капитала», где говорится об «исторической тенденции капиталистического накопления». Но этот параграф не только говорит об экспроприации экспроприаторов, там в то же время показывается, в силу чего возникает необходимость такой экспроприации. Маркс говорит о частной собственности, ее отрицании в виде капиталистической частной собственности и ее отрицании. Иными словами, речь идет о специфической социальной форме, или форме общества, иначе об особом характере производственных отношений. Порождения самим развитием производительных сил частная собственность в своей противоречивой форме — в виде капиталистической частной собственности — становится могучим стимулом дальнейшего бурного развития производительных сил, но на определенном этапе этого развития превращается в оковы этого же самого развития. Диалектическое развитие противоречий капиталистического способа производства и переход количества в качество — вот то обстоятельство, которое с необходимостью обуславливает крах капитализма.

Вся задача последующих поколений марксистов, казалось бы, и должна была свестись к тому, чтобы конкретизировать эти все же абстрактные положения и из этого движения противоречий капитализма вывести реальную действительность как кризисов, так и неизбежную и неотвратимую необходимость общего краха всей капиталистической системы. Диалектика и здесь должна послужить надежным оружием как теоретического анализа, так и научного прогноза.

Гроссман предпочел итти по другому пути. Между прочим, он подвергает критике концепцию Р. Люксембург. «В основе концепции Розы Люксембург,— пишет он,— лежит принятие механического конца капиталистической системы» (стр. 22). Но вся суть теории самого Гроссмана сводится как раз к поиски такого же механического конца. Но можно уже a priori сказать, что последовательная механистичность ни к чему путному привести не может. И неудивительно, что нашему автору приходится иной раз высказывать такие вещи, что просто глаза раскрываешь от удивления, неудивительно также, что Гроссман к тому же сам себе противоречит на каждом шагу. Те же очень существенные проблемы, которые являются темой его работы, так и остались неразрешенными, хуже того, работа Гроссмана в изрядной степени может поспособствовать еще большему путанице.

Вполне понятно, что при общем механистическом подходе решающую роль у Гроссмана играет постулат равновесия; можно даже сказать, что он у него является основным методологическим принципом. Все исследование ведется при предположении полного равновесия спроса и предложения, т.-е. исключается всякое колебание цен — и это при выводе смены конъюнктур (*Konjunkturkreislauf*) или, добавляет автор, как Маркс ради краткости выразился, «кризисов» (стр. 96). Пусть читатель не удивляется. Гроссман, действительно, стремится вывести и крах капитализма и кризисы при условии полной стабильности цен и их совпадения с ценностью (или с ценой производства). С другой стороны, тот же постулат равно-

весия применяется им и к спросу и предложению рабочей силы. Данный товар — рабочая сила, по мнению нашего автора, тогда продается по ценности, когда спрос и предложение совпадают, т.-е. при отсутствии промышленной резервной армии. И он считает возможным отвлечься при своем анализе теории краха от такого неизбежного спутника капитализма, как безработица, т.-е. от того явления, посредством которого только и осуществляется закон ценности рабочей силы, а, стало быть, становится возможной и капиталистическая эксплуатация вообще. С этим связана и его странная полемика против Оппенгеймера, а именно против утверждения последнего «о образовании резервной армии, благодаря которой постоянно вновь воспроизводится общественное отношение капитала». «В теоретическом анализе,— возражает Гроссман,— резервная армия у Маркса является продуктом процесса воспроизводства в поздней фазе накопления, но не представляет, как это выходит по Оппенгеймеру, — постоянной предпосылкой постоянного воспроизводства капиталистического отношения» (стр. 159—160). Но почему? «Потому что,— поясняет автор,— товар рабочая сила продаётся по ее ценности, если спрос на труд соответствует предложению».

Но ведь факты наглядно показывают, что безработица является неизбежным спутником капитализма, более того, капиталистическая действительность на каждом шагу свидетельствует, что именно наличие промышленной резервной армии приковывает рабочего к капиталу прочнее, чем молот приковал Гефеста к скале. Как же все это увязывается с утверждением Гроссмана и с его прословутым равновесием. Оказывается, ларчик просто открывается! Гроссман различает две фазы накопления: в первой, ранней фазе это накопление происходит беспрепятственно, и в то же время там отсутствует безработица, впрочем, она имеет место и там, но она носит там совсем иной характер. Промышленная резервная армия питается там не в результате роста органического состава капитала, а вследствие введения новых, более усовершенствованных машин. Отметим попутно это удивительное противопоставление улучшений техники росту органического состава капитала! Таким образом, безработица в этой ранней фазе накопления носит временный, преходящий характер; тут Гроссман целиком встает на точку зрения теории «компенсации» вытесняемых машинами рабочих, от которой отказался уже Рицард. Но в поздней фазе безработица становится уже следствием роста органического состава капитала, тем самым начинает свое действие тенденция к краху: беспрепятственное развитие капитализма не может уже продолжаться, так как налицо возрастающая масса безработных, которым капитал не может дать работы. Опять-таки странное представление о сути капиталистического способа производства! Однако мы подошли к центральному пункту всей концепции Гроссмана — к его теории краха капитализма. Суть этой чисто-механической, а потому и убогой, теории краха в нескольких словах такова. Как мы знаем, Гроссман полагает, что данную проблему Маркс исследовал на трех ступенях. Абсолютному равновесию соответствует простое воспроизводство. Тенденцию к краху Гроссман связывает с расширенным воспроизводством, которое характеризуется уже отсутствием равновесия в решающем для автора пункте, а именно отсутствием равновесия между накоплением капитала и ростом народонаселения. Он берет схемы О. Бауэра, заимствует у него также его пресловутую теорию народонаселения и стремится доказать, что в этой схеме, вопреки мнению Бауэра о возможности безграничного накопления, уже даны как крах, так и кризисы. Оказывается, что вся ошибка Туган-Барановского и Бауэра заключается в том, что первый довел схемы до 3-го года, второй — только до четвертого, тогда как если бы они довели их до 35-го года, то получили бы абсолютный крах капиталистической системы. В качестве исходных пунктов Гроссман берет ежегодное возрастание органического состава капитала на 10% и ежегодный рост населения в 5%. Все остальные условия предполагаются неизменными во имя требований равновесия и упрощающих предпосылок.

Автор предпринимает обширный критический разбор взглядов как критиков Маркса, так и тех марксистов, которые утверждают возможность безграничного расширения капитала. Автор совершенно правильно доказывает, что Марксом не только дана теория краха (*Zusammenbruchstheorie*), но что она самым тесным образом связана с его законом ценности, более того, она представляет лишь вывод из этого закона. «Закон ценности,— говорит автор,— подстегивает над всем хозяйственным процессом капиталистического механизма, а подобно тому, как его динамика и тенденции развития могут быть поняты только на основе этого закона, точно так же и его конец,—его крах,—может быть объяснен равным образом исходя из закона ценности» (стр. 13).

Верно, что у Маркса мы не находим специальной главы, носящей такое заглавие — «крах капитализма», но, наряду с массой отдельных мест, говорящими об историческом конце капитализма, мы все же в состоянии указать, хотя бы на тот параграф I тома «Капитала», где говорится об «исторической тенденции капиталистического накопления». Но этот параграф не только говорит об экспроприации экспроприаторов, там в тоже время показывается, в силу чего возникает необходимость такой экспроприации. Маркс говорит о частной собственности, ее отрицании в виде капиталистической частной собственности и ее отрицании отрицания. Иными словами, речь идет о специфической социальной форме, или форме общества, иначе об особом характере производственных отношений. Порождение самим развитием производительных сил частной собственности в своей противоречивой форме — в виде капиталистической частной собственности — становится могучим стимулом дальнейшего бурного развития производительных сил, то на определенном этапе этого развития превращается в оковы этого же самого развития. Диалектическое развитие противоречий капиталистического способа производства и переход количества в качество — вот то обстоятельство, которое с необходимостью обуславливает крах капитализма.

Вся задача последующих поколений марксистов, казалось бы, и должна была свестись к тому, чтобы конкретизировать эти все же абстрактные положения и из этого движения противоречий капитализма вывести реальную действительность как кризисов, так и неизбежную и неотвратимую необходимость общего краха всей капиталистической системы. Диалектика и здесь должна послужить надежным оружием как теоретического анализа, так и научного прогноза.

Гроссман предпочел идти по другому пути. Между прочим, он подвергает критике концепцию Р. Люксембург. «В основе концепции Розы Люксембург,— пишет он,— лежит принятие механического конца капиталистической системы» (стр. 22). Но вся суть теории самого Гроссмана сводится как раз к поискам такого же механического конца. Но можно уже а priori сказать, что последовательная механистичность ни к чему путному привести не может. И неудивительно, что нашему автору приходится иной раз высказывать такие вещи, что просто глаза раскрываешь от удивления, неудивительно также, что Гроссман к тому же сам себе противоречит на каждом шагу. Те же очень существенные проблемы, которые являются темой его работы, так и остались неразрешенными, хуже того, работа Гроссмана в изрядной степени может способствовать еще большему путанице.

Вполне понятно, что при общем механистическом подходе решающую роль у Гроссмана играет постулат равновесия; можно даже сказать, что он у него является основным методологическим принципом. Все исследование ведется при предположении полного равновесия спроса и предложения, т.-е. исключается всякое колебание цен — и это при выводе смены конъюнктур (*Konjunkturkreislauf*) или, добавляет автор, как Маркс ради краткости выразился, «кризисов» (стр. 96). Пусть читатель не удивляется. Гроссман, действительно, стремится вывести в крах капитализма и кризисы при условии полной стабильности цен и их совпадения с ценностью (или с ценой производства). С другой стороны, тот же постулат равновесия

весия применяется им и к спросу и предложению рабочей силы. Данный товар — рабочая сила, по мнению нашего автора, тогда продается по ценности, когда спрос и предложение совпадают, т.-е. при отсутствии промышленной резервной армии. И он считает возможным отвлечься при своем анализе теории краха от такого неизбежного спутника капитализма, как безработица, т.-е. от того явления, посредством которого только и осуществляется закон ценности рабочей силы, а, стало быть, становится возможной и капиталистическая эксплуатация вообще. С этим связана и его странная полемика против Оппенгеймера, а именно против утверждения последнего «о образовании резервной армии, благодаря которой постоянно вновь воспроизводится общественное отношение капитала». «В теоретическом анализе,— возражает Гроссман,— резервная армия у Маркса является продуктом процесса воспроизведения в поздней фазе накопления, но не представляется, как это выходит по Оппенгеймеру, — постоянной предпосылкой постоянного воспроизведения капиталистического отношения» (стр. 159—160). Но почему? «Потому что,— поясняет автор,— товар рабочая сила продается по ее ценности, если спрос на труд соответствует предложению».

Но ведь факты наглядно показывают, что безработица является неизбежным спутником капитализма, более того, капиталистическая действительность на каждом шагу свидетельствует, что именно наличие промышленной резервной армии приковывает рабочего к капиталу прочнее, чем молот приковал Гефеста к скале. Как же все это увязывается с утверждением Гроссмана и с его прословутым равновесием. Оказывается, ларчик просто открывается! Гроссман различает две фазы накопления: в первой, ранней фазе это накопление происходит беспрепятственно, и в то же время там отсутствует безработица, впрочем, она имеет место и там, но она носит там совсем иной характер. Промышленная резервная армия питается там не в результате роста органического состава капитала, а вследствие введения новых, более усовершенствованных машин. Отметим попутно это удивительное противопоставление улучшений техники росту органического состава капитала! Таким образом, безработица в этой ранней фазе накопления носит временный, переходящий характер; тут Гроссман целиком встает на точку зрения теории «компенсации» вытесняемых машинами рабочих, от которой отказался уже Рикардо. Но в поздней фазе безработица становится уже следствием роста органического состава капитала, тем самым начинает свое действие тенденция к краху: беспрепятственное развитие капитализма не может уже продолжаться, так как налицо возрастающая масса безработных, которым капитал не может дать работы. Опять-таки странное представление о сути капиталистического способа производства! Однако мы подошли к центральному пункту всей концепции Гроссмана — к его теории краха капитализма. Суть этой чисто-механической, а потому и убогой, теории краха в нескольких словах такова. Как мы знаем, Гроссман полагает, что данную проблему Маркс исследовал на трех ступенях. Абсолютному равновесию соответствует простое воспроизведение. Тенденцию к краху Гроссман связывает с расширенным воспроизведением, которое характеризуется уже отсутствием равновесия в решающем для автора пункте, а именно отсутствием равновесия между накоплением капитала и ростом народонаселения. Он берет схемы О. Бауэра, заимствует у него также его пресловутую теорию народонаселения и стремится доказать, что в этой схеме, вопреки мнению Бауэра о возможности безграничного накопления, уже даны как крах, так и кризисы. Оказывается, что вся ошибка Туган-Барановского и Бауэра заключается в том, что первый довел схемы до 3-го года, второй — только до четвертого, тогда как если бы они довели их до 35-го года, то получили бы абсолютный крах капиталистической системы. В качестве исходных пунктов Гроссман берет ежегодное возрастание органического состава капитала на 10% и ежегодный рост населения в 5%. Все остальные условия предполагаются неизменными во имя требований равновесия и упрощающих предпосылок.

При этих условиях, начиная с 21-го года (г-пункт), с одной стороны, начинает падать к-часть, а, с другой стороны, образуется постоянная армия безработных, тогда как до сих пор происходила компенсация рабочих, вытесненных машинами, т.е. их новое втягивание в производство. Упомянутая к-часть представляет собой потребляемую капиталистами часть прибавочной ценности. К 35-му году она исчезает совершенно, что, по Гроссману, означает абсолютный кризис капитализма; при этих условиях производство становится бесприбыльным, так как наш автор некопаемую часть прибыли исключает вообще из прибыли. Капиталист, с его точки зрения, видимо стремится не к прибыли на свой капитал, а к получению дохода, на который он должен существовать. Но больше того, в том же 35-м году прибавочной ценности вообще нехватает, чтобы занять все население,—налицо абсолютный крах капиталистической системы или абсолютный недостаток капитала, который Гроссман угодно именовать «перенакоплением капитала». Отсюда же и такой характерный признак империализма, как погоня за новыми массами народа населения в новых областях, так как тем самым увеличивается базис капиталистической системы; капитализм получает новые массы рабочего населения, из которых он может выжимать новые добавочные массы прибавочной ценности. Итак, хотя характерной чертой поздней фазы капитализма и являетсяявление резервной армии безработных, однако здесь же мы встречаемся с империалистическим захватом колоний, ибо капитализму абсолютно недостает рабочих рук у себя дома. Подобного рода противоречий можно сколько угодно найти у нашего автора. Таково «новое освещение» важной области экономической системы Маркса! Аналогично решает автор и проблему периодических кризисов. Прежде всего кризис для Гроссмана есть «процесс оздоровления», «периодическое отклонение» от общей тенденции развития капитализма. Кризис наступает тогда, когда вступает в силу тенденция к краху, вытекающая, по его словам, из невозможности продолжения накопления капитала при предположенных условиях. «Начиная с известного пункта,— пишет Гроссман,— система не может существовать при норме прибавочной ценности в 100%» (стр. 174). «Напротив, трудность лежит в применении (Verwertung) капитала: прибавочной ценности уже недостает для продолжения накопления при принятой норме накопления! Отсюда — катастрофа» (стр. 178).

Какой же, все-таки, отсюда выход? Или система рушится, «или же сделанные предположения должны быть нарушены, т.е. заработка плата должна понизиться и, таким образом, норма прибавочной ценности должна повыситься» (стр. 175). Но мы уже видели, что такой рост нормы прибавочной ценности уже предполагается его схемой, уже включен в нее, так как органический состав капитала все время возрастает; Гроссман не имел никакого права отвлекаться от ее повышения. Но при этих условиях его «крах капитализма» отодвигается, как он сам говорит, в «более далекое будущее» (стр. 601). Однако продолжать говорить при этом о крахе,—это является со стороны Гроссмана просто логической непоследовательностью.

Когда вступает в силу тенденция к краху, то вмешивается целый ряд моментов, ослабляющих эту тенденцию и, следовательно, отсрочивающих сам крах,—в результате начинается новый цикл. В третьей главе своей работы он и подвергает исследование чуть ли не несколько десятков таких противодействующих краху моментов. Мы не считаем нужным останавливаться на этой части работы, укажем только, что к числу моментов, ослабляющих противоречия капиталистического общества, им относятся и войны! Однако тут можно сделать общее замечание методологического порядка. Встает вопрос, каким образом происходит это вмешательство противодействующих тенденций. Порождаются ли они самим кризисом, или, вернее, теми же явлениями, которые вызвали и кризис—иными словами, происходит ли здесь некий переход количества в качество, или же они чисто-механически приводят откуда-то со стороны.

В полемике против взглядов Spiethoff'a автор дает ответ на поставленный вопрос. Spiethoff выводит явления кон'юнктуры из явлений, совершающихся в области цен, заработной платы и нормы процента. Кризис есть лишь момент общего движения кон'юнктуры. И те же явления в области ценообразования, которые приводят к кризису, вместе с тем и обуславливают выход из кризиса. Гроссман решительно с этим не согласен. По его мнению, тут порочный круг или же экономическое *perpetuum mobile*. «Он (т.е. Spiethoff) проглядел, что отклонения вверх и вниз не могут вечно продолжаться, если только не будут все время давать новые толчки для такого волнообразного движения, что без таких периодических толчков отклонения рано или поздно должны прекратиться (*sich statuisieren*)» (стр. 229). И тут же следует ссылка на физику. Легко заметить, что диалектика тут и не почевала.

Автор часто цитирует Маркса; нет нужды доказывать, что все эти цитаты производят впечатление какого-то инородного тела во всех построениях автора. Почти каждая из них бьет его концепцию. И нет ничего странного, что ему приходится исправлять Маркса. В известной пятнадцатой главе III тома «Капитала» Маркс говорит о законе тенденции нормы прибыли к понижению; по мнению Гроссмана Маркс здесь описался—и эти описки он (Маркс!) совершил на протяжении всей главы,—а Энгельс в лучшем случае не заметил этой ошибки: вместо нормы прибыли следует-де всюду говорить масса прибыли.

Хороша описка, если она совершается систематически, да еще в такой теоретически решающей главе.

В итоге мы получили еще одну крайне неудачную попытку решить эти спорные вопросы экономической теории Маркса, и лучшее доказательство того, к чему может привести абстрагирование от диалектики.

В. Позняков.

Против механистических тенденций в политической экономии. Сборник статей под редакцией Б. Борилина и А. Леонтьева. ГИЗ. 1929 г. Стр. 186. Цена 1 руб. 30 коп.

Происходившая недавно конференция марксистско-ленинских учреждений в своих решениях констатировала, что обострение классовой борьбы в условиях развивающегося социалистического строительства вызвало известное оживление как открыто враждебных нам идеальных течений, так и различных ревизионистских направлений. По свидетельству той же конференции наиболее активным философско-ревизионистским направлением за последние годы было течение механистов, представляющее прямой отход от марксистско-ленинских позиций. Конференция подчеркнула необходимость дальнейшей борьбы за диалектический метод и его применение во всех областях науки, в том числе и в экономике.

Это решение тем более своевременно, что в политической экономии за последнее время мы имели значительное оживление и консолидацию механистического направления, ревизионистского самого основы марксизма (Шабс, Кажанов, Дашибковский, Финн-Енотаевский, Кон, Бессонов).

Нельзя поэтому не приветствовать выхода в свет настоящего сборника, целью которого является, как указывается в предисловии редакции,—«дать обстоятельный критический анализ современному механистическому течению в области теоретической экономики».

Редакция сборника совершенно правильно подчеркивает, что основной опасностью в настоящий момент является механистическое извращение марксизма. «Механистические ошибки могут служить базой для подкралывания полной противоречий империалистической экономики под цвет организованного капитализма. Механистическая концепция при ее последовательном проведении ведет к некритическому перенесению якобы незыблемых, абсолютных, «железных» эко-

номических законов, на экономику переходного периода, на хозяйство строящегося социализма».

Эта особая социальная опасность механистического направления в политической экономии далеко еще не всеми осознана, и потребность обстоятельной критики этого направления ощущается уже давно. Рецензируемый сборник как раз и удовлетворяет этой потребности.

Статьи, собранные в нем, частью уже печатались в журнале «Большевик» и «Под Знаменем Марксизма», частью появляются на свет впервые.

Статья А. Леонтьева «Об одной теоретической дискуссии и ее уроках» начинается кратким историческим экскурсом, в которой автор напоминает историю борьбы с богдановщиной. «Очерки» Рубина, вышедшие первым изданием в 1923 г., сыграли тогда положительную роль в преодолении богдановщины и пользовались вполне заслуженной популярностью. Антибогдановская установка «Очерков» наряду с глубокой разработкой ряда проблем теоретической экономии обеспечили им выдающееся место в научной марксистской литературе.

В настоящее время с обострением классовой борьбы, вызвавшей появление всякого рода идеологических штаний, мы имеем рецидив богдановщины. Вполне естественно, что это возрождение богдановщины прежде всего сказалось в ожесточенной критике «Очерков» Рубина: поднимающее голову богдановское направление пыталось получить запоздалый реванш.

Однако, чем дальше — тем больше, критика Рубина становилась лишь поводом для обоснования собственной системы взглядов представителей богдановско-механического направления, для очередной ревизии марксизма. Поэтому задача марксистской критики этого нового издания богдановщины заключается не столько в защите рубинской концепции, сколько в рассмотрении «положительных» взглядов механистического направления. Говоря словами т. Леонтьева, и следует попробовать, «как выглядит тот марксистский «Рим», который наши уважаемые «гуси» пытаются спасти от Рубина». Как будет видно из дальнейшего, этот «Рим» выглядит далеко не величественно.

Однако, раньше чем перейти к рассмотрению и оценке идейного багажа механистов, обильно заимствованного ими у вульгарной экономии, остановимся кратко на тех пунктах, по которым они критиковали Рубина.

Этому вопросу в сборнике специально посвящена статья трех товарищей — Греблиса, Коровой и Степанова «К спорным вопросам теории стоимости»; другие статьи также частично касаются этого вопроса.

Упрекая Рубина в отрыве социального от материального на том основании, что Рубин, следуя марксистской традиции, ограничивает объект теоретической экономии производственными отношениями — «критики» лишь с головой выдают собственную методологию, отказываясь признать материальность производственных отношений и сводя материальное к физическому. В тесной связи с этой ошибкой механистов стоит и другая их ошибка — отрицание реальности абстрактного труда, признание реальным лишь труда конкретного, которая при известной последовательности неминуемо должна привести к отрицанию реальности общественных отношений вообще. На этой точке зрения как раз и стоят виднейшие представители механистического направления в философии (Л. И. Аксельрод и др.). Как известно, Ленин был на этот счет другого мнения. В своем конспекте Логики Гегеля он писал: «стоимость есть категория, которая лишена вещества чувственности, но она истиннее, чем закон спроса и предложения». Наставив на «равновесие» (!) производительных сил и производственных отношений в теоретической экономии, механисты решительно рвут с тем традиционным марксистским определением предмета политической экономии, которого придерживались также марксисты, как Гильфердинг, Р. Люксембург, Плеханов и Ленин. Весьма обстоятельно т. Греблис, Коровой и Степанов разбирают основные проблемы, поста-

вленные Рубиным в его «Очерках» (товарный фетишизм, абстрактный труд и др.), сопоставляя их с высказываниями Маркса и основными положениями критиков Рубина.

Статья т. Ланде «Механистический метод и обоснование теории стоимости» целиком посвящена разбору взглядов А. Коня.

«Откровения», которыми обогатил Кон теоретическую экономию, сами по себе не оригинальны. И тов. Ланде правильно поступает, когда он восходит к «первоисточникам» коновской мудрости — к Богданову и Степанову.

В противоположность Марксу, который подходит к проблеме стоимости прежде всего с качественной стороны, со стороны специфической общественной определенности, по Степанову «работа научного познания начинается не качественным подходом, а сведением непосредственно данных качеств к чему-то общему, что впервые делает возможным количественное соизмерение и соизмерение различных количеств». «Количественно обясняв таким образом основную экономическую категорию — стоимость, — продолжает тот же автор, — политическая экономия «на путях мышления» воспроизводит затем все «качества», сложные соотношения которых составляют экономику».

Если для Маркса исходным пунктом его экономической теории была противоположность частного и общественного труда, то исходным пунктом для Степанова явились внеисторические особенности труда, как затраты физиологической энергии.

Имея перед собой два метода и два исходных пункта, Кон предпочел пойти за Степановым.

У Коня, как и у Степанова, исходный пункт — «мысленное «сведение» различных видов труда к одинаковому труду». Первичным «качеством» стоимости у Коня, равно как и у его учителя, выступает ее количественная сторона.

Отсюда у Коня отождествление стоимости с трудом: «труд, затраченный на производство товара, называется (!) стоимостью товара». Дальше Кон уже отождествляет стоимость с меновой стоимостью, обнаруживая полную солидарность с механистами в философии отождествляющими понятия качества и свойства.

Наибольший интерес в «оригинальной» концепции Коня представляет все же так называемый «постулат равновесия». Основная предпосылка экономической теории Богданова «постулат равновесия» с легкой руки некоторых авторитетных теоретиков был обявлен достоянием марксистского метода. Эту же точку зрения поддерживают Кон и Бессонов.

В существование «равновесия производства» Кон видит «доказательство» того, что трудовые затраты являются основой меновых пропорций, видит обоснование теории стоимости.

Между тем у Маркса и Энгельса «выяснение равновесия предполагает закон движения», равновесие является моментом движения и неотделимо от «типа равновесия».

С точки зрения «постулата равновесия» распределение труда в товарном хозяйстве выступает не как результат иррационального процесса, а как факт априорный. «Постулат равновесия» оказывается тесно связанным со всей механистической, чисто-количественной трактовкой проблемы стоимости.

Венцом методологической концепции Коня является «энергетическая теория общества», взятая напрокат у того же Богданова. Своей теорией «энергетического баланса» Богданов пытался «свести» законы развития капиталистического общества к естественным внеисторическим законам приспособления общества к природе. Кон не преминул увлечься широкими перспективами энергетической теории общественного развития, обясняющей экономику Огненной земли, капиталистической Америки и советского хозяйства «из единого принципа» и в своих «Лек-

циях по методологии политической экономии» просвещал читателей тому, что в развитии общества решающим является его энергетический баланс с природой и что в борьбе с природой гибнут те общества, которые расходуют на производство энергии больше, чем получают ее при потреблении. Интересно, как с этой точки зрения объяснить крах капитализма? Жаль, что тов. Кон не развел этого вопроса более обстоятельно.

В свое время энергетическая теория Богданова остановила на себе внимание Ленина, заслужив его «лестный» отзыв. Ленин писал: «Богданов занимается вовсе не марксистским исследованием, а переодеванiem уже раньше добытыx этим исследованием результатов в наряд биологической и энергетической терминологии. вся эта попытка от начала до конца никуда не годится, ибо применение понятия «подбора», «ассимиляции и дезассимиляции, энергии, энергетического баланса и проч. и т. п. к области общественных наук есть пустая фраза» (Материализм и эмпириокритицизм, стр. 277).

Но эта пустая фраза оказалась, однако, настолько живучей, что спустя 20 лет после того, как Лениным были написаны эти строки,—она все еще пользуется некоторым кредитом среди людей, считающих себя марксистами.

Корни такой живучести энергетической и организационной теории Богданова кроются в том «социальном заказе», который дан ей современной эпохой. Этот социальный закон — оппозиция буржуазной экономической мысли социалистическому строительству СССР, порождающая новые ревизионистские течения в марксизме, пытающиеся заменить исторические законы классовой борьбы внешнеполитическими законами борьбы общества с природой.

Ст.ст. Гр. Деборина («Предмет политической экономии в современных спорах»), А. Манукяна («Некоторые ошибки механистов в политической экономии»), С. Дежа («Как не следует защищать Маркса») посвящены, главным образом, критике Бессонова.

Тов. Деборин дает подробный критический разбор ст. Бессонова, напечатанной в журнале «Проблемы Экономики», в части, касающейся предмета политической экономии. Вопросы о соотношении производительных сил и производственных отношений, о материально-техническом процессе производства и его социальной форме, как единстве противоположностей, о соотношении технологии и политической экономии, вопрос о так называемом «сведении», о реальности общественных явлений—достаточно обстоятельно рассмотрены тов. Дебориным.

Интересны некоторые методологические особенности нового направления, освещенные в ст. тов. Манукяна.

Признавая материально-технический процесс производства и его общественную форму единством противоположностей, Бессонов в то же время категорически возражает против противопоставления одного другому. Получается, что «раз есть единство,—нет противоположности. Раз оба момента противоположности едини, сосуществуют, то они не могут быть противопоставлены». Нечего говорить, что эта своеобразная логика ничего общего с марксизмом не имеет.

«Богдановская тайна» нового направления ясно выпирает из требование Коня, недавно высказанного им, чтобы логический порядок категорий точно воспроизводил их исторический порядок.

Как известно, Маркс критиковал такое понимание и противопоставлял свое, по которому порядок категорий «определяется скорее тем отношением, в котором они стоят в современном буржуазном обществе». Дальше т. Манукян останавливается на «кон-бессоновском» понимании производственных отношений, которые целиком сводятся ими к «расстановке людей в самом процессе производства». Это как раз и есть точка зрения Богданова.

Чрезвычайно интересны приведенные т. Манукяном отрывки из книги «Развитие машин», которые с несомненной очевидностью свидетельствуют о тяготении автора к реально-историческому крылу буржуазной политической экономии.

Расчистить путь «натурально-хозяйственному», «техническому» подходу к исследованию экономических явлений—вот чего хочет автор «Развития машин». Из этой книги можно узнать, что послемарковая литература «незаслуженно» игнорировала проблемы потребительной ценности. Тов. Бессонов спешит исправить эту ошибку «послемарковой литературы» (т. - е. Гильфердинга, Р. Люксембург, Плеханова, Ленина) и требует «равноправия» производительных сил и производственных отношений, как непосредственного объекта изучения политической экономии.

К сожалению, т. Бессонов не написал еще курса политической экономии. Нельзя не согласиться с т. Манукяном, который говорит, что худшим наказанием для критиков было бы «предложить им написать политическую экономию, соответственно тому, как они определяют ее объект». Статья т. Манукяна заканчивается разбором некоторых «философских взглядов» А. Коня.

Если в своей положительной платформе Бессонов и Кон лишь вопроизводят Богданова и механистов,—то все же есть одна область, в которой им, в особенности Бессонову, удалось сказать действительно «новое слово». Это—область полемической «методологии» и «техники». Статья С. Дежа бросает свет на те логические и технические приемы, которыми Бессонов восполняет недостаток эрудиции для «написования» своего противника.

Всячески избегая положительных формулировок и определений, Бессонов в то же время совершенно неспособен беспристрастно и добросовестно передавать взгляды противника. В своей статье «Против выхолащивания марксизма», помещенной в столь ответственном органе, как «Проблемы Экономики», Бессонов дает нам непревзойденные образцы извращения и искажения чужих мыслей, подмены одних положений другими, при помощи метода «перестановки», «обратной последовательности» и т. д., грубых выпадов против своего оппонента, отнюдь не свидетельствующих о высоком теоретическом уровне автора. Это совершенно исключительная полемическая развязность говорит лишь о теоретической беспомощности механистов и об их полнейшей неспособности «научно» прикрыть свой отход от Маркса и Ленина.

Интересно, к чему приводит механистическая методология при исследовании советской экономики. Мы не будем останавливаться на той путанице, которой характеризуются представления Коня о советском хозяйстве. Нам кажется, что тов. Леонтьев был вправе сделать упрек Кону, что его «утверждения на счет «социалистического характера советской системы хозяйства» затушевывают элементы противоречий и борьбы в частности — особые формы классовой борьбы, присущие советской системе хозяйства, как переходной. Известна та разновидность правого-оппортунистического уклона, которая утверждает, будто у нас «кругом социализм», и на этом базис строит свои практические оппортунистические предположения».

Признавая в другом месте, что «обмен и у нас является единственной формой связи», Кон по существу лишь повторяет проф. Юровского, который говорит о «товарно-социалистической форме» советского хозяйства.

Взгляды Бессонова на советскую экономику освещены тов. Борилиным в статье «К вопросу о теоретическом изучении советской экономики».

Из известного положения Маркса, что «экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими орудиями труда», Бессонов делает тот вывод, что «различие экономических эпох сводится к различию в степени развития материальных орудий труда» (Подчеркнуто нами. Н. С.).

Вольно или невольно, но Бессонов ставит под сомнение историческое своеобразие переходной экономики и социалистический характер нашего строитель-

ства, поскольку наше хозяйство не опирается еще на иной вид орудий труда, чем при капитализме, поскольку в техническом отношении мы еще не перегнали передовую капиталистические страны.

Вторая крупнейшая ошибка, к которой ведет механистов их «свообразная» методология, заключается в некритическом перенесении категорий капиталистического хозяйства, в частности категории стоимости, на переходную экономику и социалистическое общество.

На этой точке зрения стоит Каутский, Богданов, проф. Кажанов, к ней же склоняется Кон со своими внеисторическим пониманием абстрактного труда и отождествлением стоимости с трудом.

К чему ведет мнение, что мы должны осуществлять плановым порядком только то, что без нас осуществлялся бы закон стоимости? Тов. Борилин безусловно прав, когда говорит, что эта точка зрения представляет «теоретическое обоснование политики «восстановительных цен», т.е. требование «эквивалентного обмена, отказа от политики перераспределения национального дохода».

Таким образом объективно механистическое направление дает методологическое обоснование для оппортунистической критики советской экономики и экономической политики.

* * *

Сборник сосредоточил свое внимание, главным образом, на двух представителях современного механистического направления — на Коне и Бессонове. Это вполне понятно, поскольку за последнее время именно они развили наибольшую активность по части «исправления» экономической теории Маркса.

Однако механистическое направление не исчерпывается двумя указанными экономистами. Оно захватывает довольно обширный круг экономистов, примыкающих одним крылом к современному буржуазной вульгарной политической экономии и другим крылом к ревизионизму.

Задача дальнейшей критики состоит в том, чтобы охватить механистическое направление более полно, подвергнуть критическому разбору такие «достижения» теоретической мысли, как «экономический атомизм» (Цейтлин, Дашковский), материальный показатель трудовой стоимости» (Кажанов), «техническая версия» закона неравномерного развития капитализма (Бессонов); всесторонне исследовать вопрос о механистическом понимании «закона трудовых затрат»; рассмотреть гипертрофированный страх перед «меновой концепцией», приводящий некоторых авторов к «открытию» меновой концепции в старых работах Гильфердинга и Р. Люксембург (Кажанов, Розенберг); и, наконец, нужно также проследить преломление механистической методологии в специальных экономических дисциплинах (экономика промышленности, экономика сельского хозяйства и т. д.), а также в экономической политике и экономической географии.

Всевозможные «потухающие кривые» развития советского хозяйства, теория «эквивалентного обмена» и «восстановительных цен», внеклассовая концепция «развития производительных сил», идеи «laissez faire, laissez passer» в условиях советского хозяйства, принцип «равновесия во что бы то ни стало», «железные законы» и «вечные принципы», математические увлечения в экономике и статистике, натурализм и техницизм специальных экономических дисциплин — являются лишь конкретным проявлением механистического метода в экономической теории.

Преодоление механистического направления предполагает в первую очередь, более глубокую проработку ряда важнейших методологических проблем теоретической экономики, как, например, вопросов о количестве и качестве, о форме и содержании, о соотношении логического и исторического и т. д.

Само собой разумеется, что борьба за преодоление механистического направления в экономике ни в коем случае не снимает с нас обязанности борьбы с другими враждебными марксизму направлениями политической экономии (социальная школа, австромарксизм и т. д.).

Однако, борясь одновременно на два фронта, мы не должны забывать, что центральной опасностью в настоящий момент для нас является опасность механистического извращения марксизма. Поэтому в первую очередь огонь должен быть направлен сюда.

Недостатки сборника вытекают прежде всего из того, что этот сборник не составлен по заранее определенному плану, а содержит статьи, по большей части уже напечатанные раньше в различных журналах.

Отсюда неизбежны оказались повторения и некоторые неувязки между различными статьями. Есть и отдельные, неточные формулировки.

Все эти, а также и другие недостатки сборника, никакого не смогут умалять его огромного значения.

Сборник вполне правильно и своевременно сигнализирует о гасимости механистического извращения марксизма, дает достаточно основательную, хотя и не исчерпывающую, критику важнейших положений современных механистов в политической экономии и в значительной степени способствует правильному усвоению методологических основ экономической теории Маркса. Издание настоящего сборника должно послужить сильнейшим толчком для более активной борьбы с механистическим направлением в политической экономии и специальных экономических дисциплинах для дальнейшей углубленной работы над абстрактно-теоретическими и практическими экономическими проблемами.

Мы хотели бы только упрекнуть редакцию сборника за то, что название сборника не вполне соответствует его содержанию. «Механистические тенденции»... Не слишком ли скромно для ревизии важнейших положений марксовой теории? Разумеется, мы не можем рекомендовать бессоновские методы полемики, но говорить о механистическом направлении (а не только о тенденциях) мы не только можем, но и должны, и самий сборник как нельзя лучше подтверждает эту необходимость.

Н. Степанов.

П. В. МАКСАКОВСКИЙ. Капиталистический цикл. Очерк марксистской теории цикла. Посмертное издание под редакцией и с предисловием А. С. Мендельсона. Изд. Комм. Академии. 1929 г. Цена 1 р. 25 к.

Проблема капиталистического цикла и кон'юнктуры являются одной из тех проблем, которые привлекают к себе наибольшее внимание современной буржуазной экономии. Кассель, Штиггоф, Зомбарт, Вагнер и многие другие звезды первой величины на Западе, Кондратьев, Первушин и некоторые другие у нас заняты ими разработкой. Выяснить причины волнообразного характера кон'юнктуры и периодичности фаз цикла, свести их к вечным неизменным естественным законам природы, доказать их неизбежность во все исторические эпохи, замазать противоречивый переходящий характер капиталистического способа производства, с одной стороны, и выработать некоторое подобие экономического барометра, который бы дал возможность каждому отдельному капиталисту точно предвидеть результаты своей экономической деятельности и избегать водоворотов кон'юнктуры, с другой стороны,—такова внутренне противоречивая задача идеологов современного капитализма. Несмотря на то, что они собрали массу фактического материала, выяснить истинные причины цикличности им не удалось, ибо правильное решение этой задачи несовместимо с апологетикой существующей экономической системы.

Эта сторона в рецензируемой книге не выяснена с той ясностью и полнотой, какая требуется для правильной постановки марксистской теории цикла. Тов. Максаковский посвятил этому вопросу всего лишь шесть страниц в виде введения, да и это небольшое пространство заполнено огромным количеством имен, исследовавших эту проблему, констатированием противоречивости точек зрения буржуазных экономистов во взглядах на теорию цикла и кон'юнктуры и определением предмета теории цикла в системе теоретической экономии. Автор

полагает, что «марксистская теория цикла должна строиться на изучении природы малых циклов», ибо вековые движения и большие циклы выходят за исторические границы капиталистического способа производства. Но, указав на это, он почему-то считает необходимым говориться, этим самым сведя на нет свою первоначальную установку. «Если будет доказано реальное существование больших циклов, пишет он,—то именно они должны будут лечь в основу теории кон'юнктуры. Тогда большие циклы включают в свою орбиту малые, как видовое выражение заложенной в них закономерности. Малые циклы будут рассматриваться на основе больших» (стр. 14). Таким образом, вопроса о связи этого явления с особенностями капиталистической формы производства, «с основными направлениями капитализма» здесь уже не существует.

Автор полностью отождествляет проблему цикла с проблемой кон'юнктуры. Подходя к более точному и детальному определению предмета исследования, он пишет: «Теория кон'юнктуры изучает реально протекающий воспроизводственный процесс капиталистического хозяйства, взятого как целое, вскрывает закономерные причины, сообщающие ему циклическую форму развития». Однако в процессе дальнейшего изложения эта «реальность» оказывается чрезвычайно сильно ограниченной. Он говорит о необходимости абстрагирования от всех пережитков культурного и простого товарного хозяйства и даже от капиталистического сельского хозяйства. «Маркс имел дело с чистым капитализмом. Из чистого капитализма должна исходить и теория кон'юнктуры. Основания: циклическая форма развития присуща только капиталистическому хозяйству». Смещение цикла в кон'юнктуру таким образом дает себя чувствовать уже здесь, при выяснении того, что должно изучаться.

Определив предмет теории «кон'юнктурного цикла», автор в особой обширной главе ставит вопрос о ее методологических основах. Он полемизирует с буржуазными экономистами, идущими в исследовании этой проблемы от конкретного к абстрактному. По его мнению, «теория кон'юнктуры должна строиться преимущественно дедуктивно». Нужно выяснить причины цикличности, идя от общих, скрытых наиболее глубоко внутри данной общественной системы закономерностей к их форме проявления. «Прежде всего должны быть установлены те экономические силы, которые лежат в основании циклической динамики, «управляют» ей. Не решив этой задачи, нельзя дать правильного объяснения более частным закономерностям, проявляющимся в кон'юнктуре». В связи с этим автор останавливается на вопросах методологии политической экономии и характеризует метод Маркса, применяемый им при анализе экономических явлений, как абстрактно-аналитический. Это выражение нам кажется в высшей степени неудачным. Вне зависимости от субъективных намерений автора оно очень сильно паинет формально-логическим подходом к диалектике и смазывает грань между Марксом и классиками. Метод Смита и Рикардо, особенностями тоже был абстрактным и аналитическим, но он не был диалектическим.

По мнению тов. Максаковского, проблема кон'юнктуры есть «проблема развернутого действия закономерностей капиталистического хозяйства», проблема динамики всей системы капитализма в целом. В теории простого и расширенного воспроизводства дано лишь самое общее ее решение при абстрагировании от перелидов капитала, от роли кредита и т. д. «Дальнейшей ступенью является теория кон'юнктуры». «Теория кон'юнктуры представляет последний этап экономической системы Маркса, является второй частью данной Марксом теории общественного воспроизводства». Об'ектом ее изучения являются еще чисто-капиталистические отношения. Автор считает необходимым абстрагироваться: 1) от третьих лиц, 2) от сельского хозяйства «как особой сферы производства, экономический процесс которой включает более сложную совокупность отношений» и непосредственное влияние на производство природных условий, и 3) от всех факторов, «модифицирующих проявление конкуренции и вообще воздействующих на воспроизводственный процесс капитализма (государство, синдикаты, тре-

сти и др.)». Это первый этап анализа, на котором дело не кончается. Следующим, вторым, этапом является исследование влияния на кон'юнктуру форм монополистического капитализма. Третьим и последним этапом должен быть анализ «конкретной капиталистической кон'юнктуры за определенные промежутки времени с включением сельского хозяйства, третьих лиц, хозяйственных взаимоотношений отдельных национальных частей капиталистического целого» и т. д.

На наш взгляд, разграничение этапов разработки теории «кон'юнктурного цикла» является самым полным доказательством необходимости разграничения кон'юнктуры и цикла. Теория капиталистического цикла не тождественна теории кон'юнктуры. Это две совершенно разные вещи. Первая есть основа второй, вторая—не что иное, как форма проявления первой. Понятие «кон'юнктура» отражает гораздо более конкретные, лежащие ближе к поверхности капиталистической действительности явления, чем те, которые отражаются понятием «цикла».

Установив эти методологические предпосылки, тов. Максаковский переходит к выяснению причин капиталистического цикла. Он, прежде всего, констатирует, что реальный кризис и циклическая форма развития существуют лишь с эпохи промышленного капитализма, хотя в своей исходной потенциальной форме они даны простым фактом наличия закона ценности и денег. «Циклическая динамика становится четкой формой течения капиталистического процесса производства только на определенной ступени развития капитализма, когда он достиг не только качественной, но и количественной зрелости основных своих отношений (цена производства)».

Что же обуславливает циклический характер капиталистического способа производства?—Казалось бы, что, в соответствии с общим характером метода марксистской политической экономии, причины этого явления нужно искать в тех или иных особенностях производственных отношений. Но автор предпочел пойти к вопросу несколько иначе. По его мнению, «связь и взаимодействие капиталистической конкуренции и характера возмещения основного капитала являются важнейшими условиями цикла» (стр. 40). «Если основным условием проявления действия цикла является такая ступень развития капитализма, когда «постулатом равновесия» становится цена производства,—пишет он,—то вторым, более конкретным условием цикла, развивающимся на ряду и в тесной связи с первым условием, является достаточный удельный вес основного капитала». Но по существу главнейшую роль во всем дальнейшем исследовании играет именно это второе условие. Так он утверждает, что при приравнении всего капитала оборотному капиталу цикл еще отсутствует. Лишь привлечение основного капитала дает это явление. «Особенности обращения основного капитала, неизбежность его массового обновления разом, в силу периодических сдвигов техники производства, являются основным условием проявления цикла». Автор не идет по линии разграничения сущности и явления, употребляет одни слова вместо других как равнозначные и этим чрезвычайно сильно затрудняет правильное понимание главнейших мест своей книги. Но, несмотря на это, общий характер концепции выступает довольно ясно. Так, на стр. 58 он пишет: «Нарушение пропорциональности между ежегодно отмирающим и вновь возобновляемым основным капиталом является видимой причиной нарушения равномерного течения капиталистического воспроизводства и тем самым обуславливает его цикличность». Слово «видимый» здесь явно не к месту. Если употреблением его автор хотел подчеркнуть расхождение сущности и видимости, то в таком случае конец фразы противоречит ее началу. Очевидно, слово «видимый» просто неудачно выражает его мысль. Что это именно так, а не иначе, тов. Максаковский подтвердил анализом фаз цикла, который ведется на почве признания массового обновления основного капитала основной причиной цикличности капиталистического способа производства. Он пишет: «Застrelщиком периодических нарушений, неизменно оканчивающихся кризисом, является диспропорциональность между ежегодно отмирающим и возобновляемым капиталом. В реальных условиях течения воспроизводства

она становится основной пропорциональностью». «Исчезновение причин, нарушающих эту пропорциональность, лишает капиталистическую анархию высшей формы её проявления — цикла» (стр. 82). С нашей точки зрения такое решение этой проблемы в каком случае нельзя признать удовлетворительным. Тов. Максаковский использовал в достаточной мере высказываний Маркса и Ленина по этому поводу, а потому его теория цикла в целом ряде пунктов имеет погрешности механического порядка. В соответствии с этим и трактова им проблемы кризисов может быть признана правильной. У него явно выpires на первый план противоречие производства и потребления в качестве основной причины кризиса. Тов. Максаковский недостаточно остановился на выяснении специфики производственных отношений той эпохи, когда цикличность проявляется наиболее полно, и не выяснил те усложнения, которые получает абстрактный труд. Отсутствием недостатком книги является почти полное отсутствие анализа сущности явления в области разбираемых проблем.

Но, несмотря на это, рецензируемая книга, как один из самых первых опытов марксистской теории цикла, представляет очень ценное явление в марксистской литературе. Интерес к проблеме цикла и конъюнктуры усиливается все более и более, и «Очерк» тов. Максаковского послужит материалом для чрезвычайно необходимой и плодотворной дискуссии по затронутой проблеме.

Ал. Казарин.

А. А. НОВОСЕЛЬСКИЙ. Вотчинник и его хозяйство в XVII в. РАННОЕ. Институт истории. ГИЗ. 1929 г. Тираж 2.000. Ц. 1 р. 80 к.

Автор описывает хозяйство среднего вотчинника Безобразова, имевшего в конце XVII в. владения в одиннадцати уездах севера, центра и юга страны, и видит, таким образом, читателя в круг хозяйств, расположенных в разных местах страны. Он дает биографию Безобразова, описывает его землевладение, вотчинное управление, боярское хозяйство и рисует взаимоотношения вотчинника с крестьянами и холопами.

Хозяйство среднего вотчинника отражало те процессы, которые происходили в стране. Количественное соотношение поместных и вотчинных земель в составе владения Безобразова непрерывно менялось; во всех этих переменах было видно его стремление превращать наиболее ценные и населенные земли из поместий в вотчины, почти все его крепостное население было сосредоточено в вотчинных землях, сами же по себе поместья в огромнейшей части были пустынями (стр. 31). Хозяйство вотчинника Безобразова, таким образом, верно отражает тенденции всего дворянства, пытающегося перейти к наследственному землевладению и укрупнению его размеров.

Деятельность вотчинника была направлена к тому, чтобы получить и заселить новые владения на южной окраине Московского государства. И в этом отношении Безобразов следует общему перемещению хозяйственных интересов от малоплодородных замосковных деревень к южным черноземным землям. Помещики центральных уездов стали обнаруживать тягу к дикому полю в украинских уездах (33 стр.). На юге он создавал новые владения, заселял пустоши и устраивал хозяйство. Причину колонизации юга вотчинником автор видит в непродуктивности полевого хозяйства нечерноземных деревень и в возможности легче найти на них рабочие руки. Тяга помещиков Московской Руси на юг обясняется не только этим: на 107 стр. автор сообщает, что первоначальные богатства белевской (украинской) вотчины были уже в значительной степени истощены, как будто чувствовалась даже некоторая теснота. И леса в этом владении были уже истреблены. Между тем в соседнем лесу (стр. 108) крестьяне различных владений расчищали под пашню сотни десятин. Теснота проявлялась и в том, что сам Безобразов и его крестьяне вынуждены были арендовать землю под пашню.

Следовательно, даже простое воспроизведение крепостного хозяйства было возможно только на экстенсивной основе. Крепостное хозяйство находило выход из загнивания только в беспрерывной колонизации новых земель.

Владения Безобразова были окружены множеством мелких поместий детей боярских. Выясняется картина непрерывного и быстрого поглощения им мелких владений соседей. Приказчики должны были внимательно следить за тем, кто из детей боярских имеет намерение «сдать свои земли», стараться склонить их к тому «доброму и ласкою, воздавая им часть». Путем скупки мелких участков детей боярских образовались кромские владения Безобразова. Хотя автор не встречает указаний на факты каких-либо прямых насилий со стороны вотчинника к мелким помещикам (детям боярским), однако надо думать, что дело не обходилось без насильственного захвата земель мелкого помещика. В течение XVII в. и позже происходила экспроприация мелкого помещичьего землевладения.

Рабочую силу Безобразов добывал обычным путем: он не останавливался перед насильтвенным способом крестьян у других владельцев и приобретением крестьян и дворовых, находившихся в бегах; недаром вотчинник писал однажды своему приказчику, что ему не земля нужна, а рабочая сила. Простор был так велик, что можно было поднимать целину и снова ее забрасывать. Запашка заливалась прежде всего от количества рабочих рук и рабочего скота. Вотчинник очень энергично заселял свои новые владения, но не достиг больших успехов в полевом хозяйстве. Так же никаких успехов он не добился в области скотоводства и птицеводства. Как помещик-крепостник, Безобразов полагал, что холопскими усердие приказчиков, подогреваемое кнутом и батогами, может преодолеть любые трудности, разрешить любые хозяйствственные задачи. Причины этих неуспехов коренились в хищническом экстенсивном способе ведения хозяйства, в самой системе крепостного хозяйства. Не легко было вотчиннику завести в достаточном количестве лошадей. Решение вопроса опять-таки сводилось к тому, что почти все работы производились на крестьянских лошадях. Употребление собственных боярских лошадей было сведено к минимуму (стр. 116). Вотчинник не обнаружил уменья и изобретательности сколько-нибудь интенсифицировать свое хозяйство: он оставался в пределах примитивного крепостного хозяйства, и механическое принуждение играло основную роль в его организации. Только зерновое хозяйство оправдывало его деятельность: у него оставалось несколько сот четвертей остатка хлеба.

Труд, применявшийся в вотчине Безобразова, был исключительно трудом крепостного населения и состоял из различных видов барщинных повинностей, которые по общему правилу занимали у крестьян три раза в неделю. Трудовая повинность крестьян сплеталась с натуральным и денежным оброком. На обременительную работу крестьяне реагировали «озорством» и бегством.

В некоторых вотчинах крестьяне уже испытывали недостаток в земле. Энергичное расширение боярского хозяйства настолько поглощало труд вновь оселенных крестьян, что их собственное хозяйство не могло окрепнуть. С другой стороны, распаханная уже земля в значительной части была взята под барскую пашню. Поэтому даже из южных деревень поступали жалобы от крестьян на недостаточное наделение их землей.

Хозяйство имело чисто-потребительский характер, и данная работа не выясняет, в какой степени вотчина была связана с рынком. Автор только предполагает, что хлеб мог пойти в продажу. Отсутствие материалов, к сожалению, не дало автору возможности выяснить, каковы были взаимоотношения вотчинника с рынком. Поэтому не обоснован вывод автора о том, что «хозяйство вотчины не может быть названо целиком потребительским», так как из материала, данного автором, это не вытекает. Так же совершенно не выяснен важный факт — причина участия вотчинника в стрелецком бунте; может быть, не случайной была связь среднего землемельца с восставшей мелкой городской буржуазией.

Хозяйства большинства своих деревень вотчинник вел при помощи приказчиков-холопов. Первейшей обязанностью приказчиков было требование крестьянских повинностей, им давалось право «беспощадно» бить кнутом. На ряду с при-

казчиками в деревнях Безобразова существовали старосты и выборные из крестьян, которые были помощниками приказчика и несли ответственность за отбывание повинностей. В вотчине действовал целый аппарат, обеспечивающий сбор оброков. Уже в XVII в. вотчинное управление подчинило своему воздействию заключение и регулирование браков среди крестьян. Приказчик, как и вотчинник, не могли осуществлять никаких иных способов ведения хозяйства, кроме самой простотой, искони принятой нерасчетливой эксплоатации сил природы и крепостного населения вотчины (стр. 90); то, что автор наблюдал в данной вотчине, в смысле организации управления приемов ведения хозяйства и положения крестьян, типично для более широкого круга явлений и дает представление о стиле рядовой вотчины (стр. 4).

Спорные вопросы, связанные с феодализмом и крепостничеством, не могут быть разрешены без знания истории хозяйства XVII и XVIII вв. Хотя история Московской Руси XVII в. разработана не дурно, однако она страдает многими существенными пробелами. Один из таких пробелов за полняется настоящей работой, дающей описание отдельной вотчины. Автор рецензируемой книги прав, считая значение исследований крепостного хозяйства отдельных вотчин в том, что в организации и быту вотчин отражались общие хозяйствственные условия страны, вырабатывались элементы социальных отношений и определялось положение крепостного населения — крестьян и холопов.

Поскольку вотчина, разбросанная по основным районам государства, является частью страны, постольку автор имел право сделать выводы об общих хозяйственных условиях страны XVII в. Между тем, автор слишком осторожно ставит вопросы и пытается оставаться «объективным летописцем». Автор боится общих выводов. Историк-марксист должен ставить себе целью на основании исследования архивного материала составить общую картину, общий средний тип развития общественных отношений.

Собранный материал, кажется, дает основание притти к выводу, что и в XVII в. крепостное хозяйство не было фактором прогрессивным. У автора для этого не мало данных: вотчинник пытался найти из затруднений выход, связав отрасли собственного хозяйства с крестьянским хозяйством, переложив в этой области тяжесть на крестьян. Это собственно означало отказ от самостоятельного хозяйства и признание его безуспешности. Если автор не имел основания для таких решительных обобщающих выводов, то он, по крайней мере, должен был в связи с историей вотчинного хозяйства поставить ряд проблем, интересующих историков-марксистов, занимающихся эпохой XVII в. Не сделав этого, он значительно снизил научную ценность своей работы, так как оперировал методом изложения той школы историков, которая уже давно завершила свой жизненный путь.

С. Томсинский.

сообщения и заметки

В редакцию „Под Знаменем Марксизма“.

Прощу поместить в ближайшем номере журнала следующее мое письмо.

Лишенный возможности из-за болезни посещать и принимать участие в работах второй всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений, я лишь по опубликованию протоколов конференции мог ознакомиться с прошлой, я лишь на ней.

К моему удивлению, я в речи тов. Левина нашел по поводу меня лично следующие слова: «... тов. Максимов остался изолированным... он поддержки от нас не получил... в вопросе о теории относительности стал защищать иную точку зрения, чем он защищал раньше»¹⁾. Эти утверждения тов. Левина, относящиеся к моему докладу в Обществе воинствующих материалистов-диалектиков в январе сего года, не соответствуют действительности.

Тов. Левин пишет: «тов. Максимов поддержки от нас не получил». От кого не получил поддержки? Если «мы» обозначает самого тов. Левина, то это слишком громко сказано. Если же в это «мы» тов. Левин хочет включить общество воинствующих материалистов, то это просто неправда, так как на заседаниях по поводу моего доклада никаких высказываний, кроме одного, не было и никаких решений не принималось.

Если т. Левин не согласен с моей точкой зрения на теорию относительности Эйнштейна, которая опять-таки не является «защитой иной точки зрения, чем та, которую я раньше защищал», то это нужно как-то изложить и поведать другим в таком виде, чтобы можно было понять, какова же действительная точка зрения самого тов. Левина. Ни в Обществе воинствующих материалистов-диалектиков, ни где-либо в другом месте тов. Левин своей точки зрения не поведал. Если тов. Левину угодно меня опровергнуть и изолировать, то он имеет теперь удобный случай это сделать, так как первая часть моего доклада в Обществе воинствующих материалистов-диалектиков, содержащая все мои принципиальные исходные пункты, напечатана в «Под Знаменем Марксизма» в № 7—8 за этот год.

С комм. приветом А. Максимов.

Письмо в редакцию.

В связи с рецензией тов. Е. Кагановича на составленный нами «Предметный указатель к I тому „Капитала“ Маркса, появившейся в № 6 за 1929 г. журнала „Под Знаменем Марксизма«, просим поместить следующие строки:

1. Авторы «Указателя» ни в коей мере не могут принять на свой счет обвинения в том, что «Указатель» является только предметным. Составить именной и библиографический указатели не представило бы особого труда. Это — работа в подавляющей своей части чисто-техническая. Однако, руководствуясь интересами читателей, нуждающихся в сравнительно дешевом и не слишком обширном указателе, а также вследствие категорических указаний со стороны издательства Коммунистической Академии, мы отказались от мысли дать упомянутые другие два указателя. По самому скромному подсчету, это увеличило бы об'ем издания в цену его вдвое, а он и в теперешнем виде представляет более 7 печатных листов.

2. На совести рецензента тов. Е. Кагановича оставляем упрек и в том, что наши «слова», якобы, не соответствуют «делам». Мы нигде не сравнивали наш «Предметный указатель» со всеми тремя указателями Д. Б. Рязанова (Verzeichnis der zitierten Werke, Namenregister, Sachregister), и потому совершенно легкомы-

¹⁾ «Труды второй всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений», вып. I, стр. 147.

сленными являются обвинения тов. Кагановича по нашему адресу, что «Указатель Петрова и Степанова... делает огромный шаг назад по сравнению с указателем Д. Б. Рязанова», и что «слова» наши расходятся с «делами». Наоборот, в предыдущии мы недвусмысльно указали, что сравниваем наш «Предметный указатель» с одним только *Sachregister* Д. Б. Рязанова.

3. Утверждение тов. Кагановича, что немецкий указатель Д. Б. Рязанова остался нам «мало известен», пропискает, очевидно, из элементарной небрежности рецензента и из желания обвинить нас в максимальном количестве грехов. Опыт немецкого указателя мы постарались изучить возможно более и постоянно пользовались этим указателем для контроля собственной работы. Рецензент просто противоречит истине, когда говорит: «В указателе Петрова и Степанова отсутствуют следующие понятия, имеющиеся в немецком указателе», — даже рецензент перечисляет 32 термина, у нас, якобы, отсутствующих. Только поразительная небрежность и стремление во что бы то ни стало опровергнуть наш указатель могли продиктовать рецензенту этот перечень. На самом деле, все найденные существенные из приведенных им терминов у нас имеются, сплошь и рядом в той же самой формулировке (см., напр., «Агитация за 8-часовой рабочий день», стр. 12; «Восьмичасовой рабочий день», стр. 12 и 23; «Механика», стр. 43; «Прислуга», стр. 65, и т. д.). Целый ряд якобы отсутствующих в нашем указателе терминов рецензент попросту не сумел найти: «Материализм» и «Материалистическое понимание истории» следовало искать под «Материалистическим методом» (стр. 39) в «Истории» (стр. 24); «Школу свободной торговли» — под «Фирмерствах» (стр. 99); «Химия» — под «Химической промышленностью» (стр. 99); «Охоту» — под «Охотничими народами», «Дегенерацию» — под «Смертностью», и т. д. То же обстоятельство, что в нашем указателе отсутствуют такие термины, как «Манера XVII века» (?), нас, в отличие от Е. Кагановича, несколько не удручет. Что же касается таких терминов, как «Сиггесцюль», «Дезизм», «Торговый договор», «Библия», то мы их сознательно опустили, так как в «Капитале» они лишь упоминаются (ср. указатель Д. Б. Рязанова, стр. 746, 747, 751).

4. В другом месте рецензент тов. Е. Каганович дает на целой странице (!) перечень якобы пропущенных нами определений, относящихся к слову «товар». При ближайшей сверке с текстом нами установлено, что большая часть указанных «пропусков» является совершенно мнимой — рецензент опять-таки проявил изумительную небрежность и слишком поспешил со своими обвинениями. Сравните, например: «Предмет, удовлетворяющий человеческой потребности» (стр. 1) — у нас: «Как предмет потребления»; «Причины его мистического характера» (стр. 31) — у нас: «Его мистический характер»; «Обладает двойной формой: естественной формой и формой стоимости» (стр. 11) — у нас: «Его двойственный характер» и т. д. Правда, рецензент предлагает включить и такие «пропущенные определения», которые только заядлому талмудисту могут показаться имеющими самостоятельный смысл, например: «Взятые в известной пропорции представляют равновеликие стоимости» (см. рецензию, стр. 186, внизу). — Поэтому вывод рецензента, что наш указатель «скользит по поверхности «Капитала», приходится обращаться против самого рецензента, который не видит существа мыслей Маркса за буквой текста.

5. Решительно неправ рецензент, уверяя, что читатель из оглавления к «Капиталу» может узнать с таким же успехом и приблизительно то же самое, что и из нашего указателя. Заголовки отделов, глав и параграфов нами неукоснительно заносились в указатель под соответствующие алфавитные рубрики — мы считаем, что это помогает лучше пользоваться «Капиталом». Однако рецензент напрасно внушил читателю ложное убеждение, что оглавление составляет основную часть указателя. Рецензент произвольно выбрал в качестве «образца» совершенно не характерный термин, в котором случайно половина ссылок составлена из заголовков. Мы самым точным образом подсчитали, что более $\frac{1}{10}$ указателя составлено непосредственно по тексту и лишь около $\frac{1}{10}$, составлено по оглавлению.

6. Наш рецензент — максималист. Он полагает, что «Указатель должен исчерпывать до дна все, что у Маркса говорится по поводу того или другого понятия, категории, термина, экономиста, сочинения и т. д.», что «он должен быть полным», что по поводу каждого понятия и его оттенков должны приводиться «все имеющиеся в «Капитале» определения, если не буквально, то близко к тексту». Всякому ясно, что указатель, составленный с такой подробностью, не будет отличаться по своей величине от самого «Капитала», а возможно и превзойдет его. Если бы какое-либо сумасшедшее издательство и выпустило такой указатель, трудно было бы найти для него достаточно сумасшедших покупателей. Искусство составить указатель в значительной степени есть искусство найти меры для

этого указателя. Мы не хотим сказать, что наш «Указатель» совершенно свободен от пропусков и других ошибок, но возражаем против того, чтобы на ряду с действительными промахами нам приписывались еще мнимые.

7. Нужно было бы указать еще целый ряд «художеств» нашего рецензента, и это не составило бы нам особого труда, но, щадя время читателей и страницы журнала, мы ограничимся сказанным.

Мы лучше, чем кто-либо, сознаем, что наш «Указатель» не может быть свободен от дефектов, и можем быть только благодарны товарищам, которые их указывают. Но мы решительно протестуем против приписывания нам грехов, которых за нами нет.

С товарищеским приветом

Н. Петров.

И. Степанов.

Ответ тт. Петрову и Степанову.

В нашей рецензии на «Предметный указатель к I тому «Капитала» тт. Петрова и Степанова мы пришли к следующему конечному выводу: «В своем теперешнем виде предметный указатель Н. Петрова и И. Степанова не отвечает своему назначению. Он нуждается в коренной переработке» («Под Знаменем Марксизма» № 6, 1929 г., стр. 189). Всякий беспристрастный читатель должен признать, что наша оценка базировалась на тщательном и всестороннем анализе как целевой установки, так и структуры указателя. Мы совершенно ясно и точно указали, в чем, по нашему мнению, заключаются коренные дефекты «Предметного указателя» Петрова и Степанова. Письмо авторов молчаливо проходит мимо обнаруженных нами дефектов указателя и сосредотачивает все внимание на том, что из приведенных нами в общей сложности 129 терминов, понятий и слов, пропущенных в указателе Петрова и Степанова, 7 слов были нами ошибочно указаны, на что мы немедленно обратили внимание редакции журнала в специальном письме, которое, к сожалению, до сих пор не появилось в печати. Авторы спекулируют на этом обстоятельстве и стремятся создать впечатление, будто наше указание насчет непропущенных пропусков в указателе ряда важнейших терминов и понятий «Капитала» лишено всякого основания. Посмотрим поэтому на фактическую сторону дела. В нашей рецензии (см. стр. 188) мы привели далеко не полный перечень философских, социологических и экономических понятий «Капитала» в количестве сорока семи слов, целиком отсутствующих в указателе наших авторов.

Товарищи Петров и Степанов, намекающие на «художества» рецензента, молча проглотили фактическое указание рецензии и в своем письме ни единственным словом не касаются этого обстоятельства. Далее, на примере слова «товар» (стр. 186), мы показали, что авторы пропустили сорок важнейших определений. Товарищи Петров и Степанов пишут: «При ближайшей сверке с текстом нами установлено, что большая часть указанных «пропусков» является совершенно мнимой». Мы должны самым категорическим образом протестовать против этого заявления Петрова и Степанова. На самом деле, за исключением четырех формулировок, просмотренных нами, все остальные пропущены в указателе Петрова и Степанова. Всякий, интересующийся этим обстоятельством, легко проверит правильность нашего утверждения, сравнив слово «товар» у нас и в указателе Петрова и Степанова. В конце нашей рецензии (стр. 189) мы указывали, что «беглое сравнение некоторых понятий и слов в указателе Д. Б. Рязанова и в указателе наших авторов говорит о том, что тт. Петров и Степанов пропустили значительное количество определений Маркса, относящихся к тому или иному слову». Авторы в своем письме предпочли замолчать и это наше указание, как и ряд других.

Теперь перейдем от фактической к принципиальной стороне дела. В нашей рецензии мы отнюдь не утверждаем, что непригодность предметного указателя наших авторов обусловлена только тем, что он (предметный указатель) дефективен, неполон. Основной недостаток указателя мы резюмировали следующим образом: «Предметный указатель составлен авторами наугад, без какой бы то ни было руководящей идеи, в итоге мы получили произвольный набор экономических понятий, лишенных единства и плана» (стр. 188). Именно этот вывод нашей рецензии, обоснованный нами целым рядом соображений и фактических примеров,

мы считали и считаем центральным местом нашей рецензии. Замечательно, что авторы предметного указателя, заполнив свое письмо в редакцию рядом частностей и дешевых замечаний по поводу характера нашей рецензии, по этому основному для них вопросу не нашли ни единого слова возражения. Между тем, ведь совершенно ясно, что если рецензент прав, утверждая: «Указатель Н. Петрова и И. Степанова лишен какой бы то ни было канвы, стержня, принципа. Неизвестно, что он собственно хочет дать (стр. 185), если, повторяем, это положение верно, то относительно второстепенное значение имеет вопрос о количестве пропущенных терминов и понятий в указателе наших авторов. Спрашивается, почему авторы в своем письме не попытались доказать противное, почему они совершенно обошли вопрос о целеустановке и структуре их указателя? Почему они не пытались хотя бы на одном примере показать, что, в противоположность утверждению нашей рецензии, их указатель не скользит по поверхности «Капитала», а действительно охватывает его содержание, богатство мыслей Маркса? Это ведь было тем легче сделать, что непригодность указателя Петрова и Степанова иллюстрировалась нами на примерах. Мы приводили в пример не только слово «товар», но и «товарный фетишизм», «количества», «качество», «абстрактный труд» и т. д. Мы предоставляем читателю догадываться о причинах неслыханной скромности наших авторов. Что касается нас, то мы решительно думаем, что если гг. Петров и Степанов замолчали основное возражение рецензии, то это только потому, что по существу его они ничего не могут сказать. Пункт первый письма гг. Петрова и Степанова дает обяснение, почему они не дали именной указателя на ряду с предметным. Авторы приводят три причины: 1) именной указатель — это чисто-техническая работа, 2) читателю нужен не обширный указатель, 3) читателю нужен дешевый указатель.

Мы не будем повторять здесь, развитых в нашей рецензии, выражений, в силу которых предметный указатель к «Капиталу» без именного является дефективной работой. Скажем только, что авторы глубоко ошибаются, когда думают, что составить именной указатель к «Капиталу», т. е. суметь передать мнение Маркса о всех его предшественниках и современниках и привести основные положения классических и вульгарных экономистов, — есть работа техническая. Столы же несерьезны соображения авторов насчет объема и цены указателя. Издательство Коммунистической Академии не может и не должно ставить на первый план коммерческие соображения.

Пункт второй письма пытается доказать, что претензии авторов, изложенные в их предисловии к указателю, вполне основательны и что мы не правы, когда считаем, что «словеса» авторов не соответствуют их «делам». Так ли это?

В предисловии к своей книжке авторы пишут:

«Несомненным преимуществом данного указателя, по сравнению с немецким, является также освещение ряда экономических категорий, сделавшихся предметом острых дискуссий в последние годы».

В нашей рецензии мы показали, как безграмотно выполнена эта работа авторами на примере слова «абстрактный труд». Там же мы показали (стр. 189), сколько важнейших оттенков марксовой терминологии, ставших предметом нашей экономической дискуссии, пропущены вовсе авторами. Если мы были не правы, то почему авторы в своем письме молча обвиши нашу аргументацию и фактические указания? Именно потому мы и утверждаем, что «немецкий указатель Д. Б. Рязанова остался авторам совершенно неизвестным» и что «указатель наших авторов делает шаг назад по сравнению с немецким», что, если бы это было не так, то, надеемся, не было бы и ряда грубых ошибок в рецензированной нами книге. Смехотворным является указание авторов, что «целый ряд якобы «отсутствующих» в нашем указателе терминов рецензент просто не сумел найти». Тем самым авторы дают весьма неlestное свидетельство своему труду. В самом деле, если рецензент, специально занявшийся «предметным указателем» Петрова и Степанова, не сумел найти целого ряда слов, то почему, собственно, рядовой читатель должен догадаться, что «материализм» следует искать под «историей», «химией» под «химической промышленностью», «охоту» под «охотничими народами», «дегенерацию» под «смертью»? Разве эти слова имеют тождественное содержание? Мы предлагаем всякому, интересующемуся этим вопросом, сравнить содержание этих слов в указателе Д. Б. Рязанова и в указателе Петрова и Степанова, чтобы убедиться, как мало известным нашим авторам остался немецкий указатель. Приведем только два примера: в указателе Д. Б. Рязанова под словом «химию» сказано — «schafft neuen Kapitalistoff und lehrt die Abfälle ausnützen» (создает новую материю капитала и учит утилизировать отбросы), в указателе наших авторов под словами «химическая промышленность» сказано — «Тяжелый труд малолетних в Англии» (стр. 99). Явная бессмыслица, скажете вы, читатель? К сожалению, это факт. Далее. В немецком указателе под словом: «Degeneration»

сказано: «Notwendige Folge einer unbeschränkter kapitalistischen Ausbeutung» («Необходимый результат неограниченной капиталистической эксплуатации»), у наших авторов под словом «смерть» сказано: «В округах шелкового производства Англии». Таблица смертности в Англии (стр. 83). Одно ли это и то же, предоставляем судить читателю.

«То же обстоятельство, — пишут в своем письме наши авторы, — что в нашем указателе отсутствуют такие термины, как «манера XVIII века» (?)», нас, в отличие от Е. Кагановича, никак не удручит». Авторы, очевидно, не понимают, что тем самым они выдают себя с головой, ибо сами подтверждают, что они действительно мало занимались немецким указателем. В самом деле, один вопросительный знак о чем говорит? О том, что авторы вообще сомневаются, существует ли это понятие в немецком указателе. Приведем это понятие, как оно сформулировано у Рязанова: «Aufklärung im 18. Jahrhundert — Vorliebe für rationalistische Erklärung aller Erscheinungen als willkürliche Reflexionsprodukt der Menschen» («Пристрастие к рационалистическому объяснению всех явлений, как продуктов свободной воли человека»). В тексте же (см. «Капитал», т. I, ГИЗ, 1929 г., стр. 47) у Маркса речь идет о философской манере просветителей XVIII века. Важно ли читателю знать, как Маркс относился к философии просветителей XVIII века? По нашему мнению, весьма важно. Так обстоит дело с нашим ужасным «обвинением» авторов, что им остался мало известный немецкий указатель Д. Б. Рязанова. В пункте пятом своего письма авторы пишут: «Решительно неправ рецензент, уверяя, что читатель из оглавления к «Капиталу» может узнать с таким же успехом и приблизительно то же самое, что и из нашего указателя». Однако здесь у авторов явная передержка. Наше утверждение относилось не ко всем понятиям и словам указателя, а лишь к тем понятиям, которые построены по образцу понятия «Абсолютная прибавочная стоимость». Мы прямо так и писали: «Ясно, что все те понятия, которые авторами построены по приведенному образцу, решительно ничего не могут дать ни для справки, ни для ориентировки по «Капиталу» (стр. 186). Но ведь сами авторы подтверждают в своем письме, что таких слов у них не менее $\frac{1}{10}$ указателя. Ничего иного и мы не утверждаем в нашей рецензии. Что же касается обвинения нас в «максимализме», то мы и сейчас думаем, что если освободить предметный указатель Петрова и Степанова от полсотни ненужных слов, от сотни повторений одних и тех же определений под разными названиями и коренным образом переделать его на основе замечаний, содержащихся в нашей рецензии, то получился бы более или менее удовлетворительный указатель, размером в 10—12 печатных листов.

Как видит читатель из нашего ответа, мы остаемся при нашем прежнем мнении: в своем теперешнем виде предметный указатель Н. Петрова и И. Степанова не отвечает своему назначению. Он нуждается в коренной переработке.

Е. Каганович.

Письмо в редакцию.

В шестом номере вашего журнала появилась рецензия Острецова на мою «Историю эстетики». В начале статьи автор пишет: «Без теории предмета нет истории предмета». Уже в этой цитате из Чернышевского виден своеобразный способ рецензента приводить чужие мысли в усеченном иискаженном виде. У Чернышевского же сказано: «Без истории предмета нет теории предмета, но и без теории предмета нет даже и мысли об его истории, потому что нет понятия о предмете, его значениях и границах».

Таким образом, мы видим, как диалектический принцип Чернышевского превращается в метафизическую формулу под бойким пером нашего рецензента. Но если он позволяет себе такие кунстштюки по отношению к великому мыслителю, то можно себе представить, на какие фортели он способен по отношению к скромному автору.

Однако требование давать вместе с историей предмета теорию предмета вполне правомерно. Исходя из него, я в своей работе об эстетике Канта стремилась дать освещение трех кардинальных вопросов: 1) отношение красоты и природы, 2) красоты и истины, 3) красоты и целесообразности. В истории эстетики я точно так же обстоятельно излагала названные категории по мере надобности.

Далее следуют у Острецова такие искажения моей мысли. У меня сказано: «Будто представляет интереснейшее в своем роде идеологическое явление — смесь

буржуазной и аристократической идеологии. Буало, как последователь Декарта, выявляет тенденцию восходящего класса французской буржуазии, вырабатывающей себе рационалистическое воззрение, так как с этим оружием ей легче было одолевать своего классового противника, опиравшегося на религию и все возможные предрассудки. «Поэт — друг истины», — возвещает Буало. Но в то же время французская буржуазия в эпоху Буало еще не достигла ни степени зрелости, когда класс противопоставляет себя классу противоположному по всей линии. Буало еще не отрицает классической трагедии, как это сделал впоследствии Дидро. Он еще остегрелся потрясать «священные» основы старого порядка. По поводу только что приведенных строк у Острецова сказано: «Таким «спасителем» оказался и Буало, ведущий у Зивельчинской двойную игру и на «восхождение буржуазии» (107), тенденции которой он якобы выражал своей эстетикой и на стабильность «феодального дворянства».

Относительно Гетчесона Острецов произвел такое же искажение; прошу убедиться. Я пишу: «Среди английских эстетиков XVIII в., наблюдаются два направления: субъективисты — Шефтсбери, Гетчесон и Юм, об'ективисты — Хогарт, Гом и Борк. Чем объяснить такое любопытнейшее обстоятельство, что мыслители, выражающие идеологию одного и того же класса английской буржуазии XVIII в., вырабатывают различные эстетические концепции? Дело в том, что всякий класс, а тем более английская буржуазия XVIII в., выраставшая из двух корней, — из землевладельцев, сделавшихся предпринимателями, и из представителей торгового капитала, не составляет однородной сплошной массы. Какие же слои буржуазии массы примыкали к субъективистам, а какие находили свое идеологическое выражение в об'ективистах? В об'ективистах, как Хогарт, Гом и Борк, нашли свое эстетическое мировоззрение те слои буржуазии, которые развивали промышленность, мореходство, торговлю. В субъективистах же — группы, которые тесно связались с землевладельцами».

У Острецова же сказано, что Гетчесон после смерти зачислен Зивельчинской в разряд субъективистов, представителей землевладельческой аристократии.

Рассмотрим еще одну цитату, приводимую Острецовыми: у меня сказано, что культурный уровень и степень зрелости классового сознания влияет на характер эстетического суждения, т. е. трудно предположить одинаковый вкус у квалифицированного металлиста и домашней работницы. Мне на этом основании имеется вину отрицание единого классового сознания у членов одного класса.

Л. Зивельчинская.

О П Е Ч А Т К И

Напечатано:

№ 6

стр. 140, строка 11 снизу

...пренебрегают субъективным рядом".
Тов. Черановский решительно ни...

стр. 168, строка 8 сверху

...ствуют, не верят „духу"...

Должно быть:

...пренебрегал субъективным рядом";¹⁰
какое же значение имеет его опрос...

...ствуют, но верят „духу"...

Ответственный редактор А. М. Деборин.

Редакционная коллегия: { А. А. Максимов, М. Н. Покровский, Я. В. Сычев,
А. К. Тимирязев.

„ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА“

жемисечный философский и общественно-экономический журнал

Журнал выходит под редакцией: А. М. Деборина, А. А. Максимова,
М. Н. Покровского, Я. В. Сычева, А. К. Тимирязева.
Отв. редактор А. М. Деборин.

В журнале принимают участие:

И. Агол, И. Альтер, А. Абхенальд, Арн. А-и,
В. Аскус, В. Астров, З. Атлас, Гр. Баниель,
А. Бартенев, Я. Бартыг, А. Болотников, В. Бор-
енко, В. Бордиль, В. Боровский, Н. Бухарин
И. Бутаев, В. Баганя, И. Вайнштейн, П. Бин-
градская, А. Бицковский, А. Воден, А. Вознесен-
ский, Р. Выдра, В. Выронов, Б. Гессен, С. Гоника-
ни, Б. Горев, И. Дацковский, А. Деборин,
Гр. Деборин, Ш. Деволайцкий, Г. Дмитриев,
Ф. Дунинский, Ник. Дынин, В. Егоршин, Б. За-
падовский, Г. Зайдаль, Я. Захор, Н. Звениго-
родцев, Л. Зивельчинская, Н. Ионов, Ф. Капо-
люш, Ник. Карев, В. Кириотти, Б. Коло-
Полинский, В. Колоколькин, К. Корнилов, А. Кон,
Ст. Кривцов, И. Курдов, И. Левин, И. Лещинер,
Н. Лукин-Антонов, И. Лунин, А. Максимов,
Дм. Мареиний, акад. Н. Марр, А. Ненделль-
сон, К. Нилонов, В. Нилитин, Я. Миронин,
Ф. Николаевский, А. Николаев, А. Молок, С. Мо-
исеев, А. Надаидзе, В. Новский, И. Орлов,
Е. Панукянис, В. Позников, В. Полинский, И. По-
кровский, И. Радуловский, А. Резуль, Я. Розанов,
Н. Рубинштейн, Н. Рубинштейн, И. Рубин, Д. Риза-
нов, И. Сандр, П. Сапонников, Вл. Сарьянинов,
Н. Саргин, А. Соробровский, А. Сленков, Вас. Слен-
ков, А. Слюжинский, Ю. Стеклов, А. Столков,
П. Стучка, Я. Стоя, Ф. Толстиков, А. Тими-
рязев, С. Томинский, Г. Тыжинский, А. Уда-
льцов, И. Фурдин, Ю. Франкфурт, П. Фридман,
В. Фриче, З. Цейтлин, Г. Шмидт и другие.

Адрес редакции: Москва, Тверская, 48. Тел. 4-84-21.

Прием по делам редакции от 12 до 2 час.

Непринятые рукописи не возвращаются.